

Гомер Одиссея

Гомер (Homeros) — Биография

ГОМЕР (Homeros), греческий поэт, согласно древней традиции, автор Илиады (Ilias) и Одиссеи (Odysseia), двух больших эпоей, открывающих историю европейской литературы. О жизни Гомера у нас нет никаких сведений, а сохранившиеся жизнеописания и «биографические» заметки являются более поздними по происхождению и часто переплетены с легендой (традиционные истории о слепоте Гомера, о споре семи городов за право быть его родиной).

С XVIII в. в науке идет дискуссия как относительно авторства, так и относительно истории создания Илиады и Одиссеи, так называемый «гомеровский вопрос», за начало которого повсюду принимается (хотя были и более ранние упоминания) опубликование в 1795 г. произведения Ф. А. Вольфа под заглавием Введение в Гомера (Prolegomena ad Homerum). Многие ученые, названные плюралистами, доказывали, что Илиада и Одиссея в настоящем виде не являются творениями Гомера (многие даже полагали, что Гомера вообще не существовало), а созданы в VI в. до н. э., вероятно, в Афинах, когда были собраны воедино и записаны передаваемые из поколения в поколение песни разных авторов. А так называемые унитарии отстаивали композиционное единство поэмы, а тем самым и единственность ее автора. Новые сведения об античном мире, сравнительные исследования южнославянских народных эпосов и детальный анализ метрики и стиля предоставили достаточно аргументов против первоначальной версии плюралистов, но усложнили и взгляд унитариев. Историко-географический и языковой анализ Илиады и Одиссеи позволил датировать их примерно VIII в. до н. э., хотя есть попытки отнести их к IX или к VII в. до н. э. Они, по-видимому, были сложены на малоазийском побережье Греции, заселенном ионийскими племенами, или на одном из прилегающих островов.

В настоящее время не подлежит сомнению, что Илиада и Одиссея явились результатом долгих веков развития греческой эпической поэзии, а вовсе не ее началом. Разные ученые по-разному оценивают, насколько велика была роль творческой индивидуальности в окончательном оформлении этих поэм, но превалирует мнение, что Гомер ни в коем случае не является лишь пустым (или собирательным) именем. Неразрешенным остается вопрос, создал ли Илиаду и Одиссею один поэт или это произведения двух разных авторов (чем, по мнению многих ученых, объясняются различия в видении мира, поэтической технике и языке обеих поэм). Этот поэт (или поэты) был, вероятно, одним из аэдов, которые, по меньшей мере, с микенской эпохи (XV–XII вв. до н. э.) передавали из поколения в поколение память о мифическом и героическом прошлом.

Существовали, однако, не пра-Илиада или пра-Одиссея, но некий набор устоявшихся сюжетов и техника сложения и исполнения песен. Именно эти песни стали материалом для автора (или авторов) обеих эпоей. Новым в творчестве Гомера была свободная обработка многих эпических традиций и формирование из них единого целого с тщательно продуманной композицией. Многие современные ученые придерживаются мнения, что это целое могло быть создано лишь в письменном виде. Ярко выражено стремление поэта придать этим объемным произведениям определенную связность (через организацию фабулы вокруг одного основного стержня, сходного построения первой и последней песен, благодаря параллелям, связывающим отдельные песни, воссозданию предшествующих событий и предсказанию будущих). Но более всего о единстве плана эпоеи свидетельствуют логичное,

последовательное развитие действия и цельные образы главных героев. Представляется правдоподобным, что Гомер пользовался уже алфавитным письмом, с которым, как мы сейчас знаем, греки познакомились не позднее VIII в. до н. э. Реликтом традиционной манеры создания подобных песен было использование даже в этом новом эпосе техники, свойственной устной поэзии. Здесь часто встречаются повторы и так называемый формульный эпический стиль. Стиль этот требует употребления сложных эпитетов («быстроногий», «розовоперстая»), которые в меньшей степени определяются свойствами описываемой особы или предмета, а в значительно большей — метрическими свойствами самого эпитета. Мы находим здесь устоявшиеся выражения, составляющие метрическое целое (некогда целый стих), представляющие типические ситуации в описании битв, пиров, собраний и т. д. Эти формулы повсеместно были в употреблении у аэдов и первых творцов письменной поэзии (такие же формулы-стихи выступают, например у Гесиода).

Язык эпосов также является плодом долгого развития догомеровской эпической поэзии. Он не соответствует ни одному региональному диалекту или какому-либо этапу развития греческого языка. По фонетическому облику ближе всего стоящий к ионийскому диалекту язык Гомера демонстрирует множество архаических форм, напоминающих о греческом языке микенской эпохи (который стал нам известен благодаря табличкам с линейным письмом В). Часто мы встречаем рядом флективные формы, которые никогда не употреблялись одновременно в живом языке. Много также элементов, свойственных эолийскому диалекту, происхождение которых до сих пор не выяснено. Формульность и архаичность языка сочетаются с традиционным размером героической поэзии, которым был гекзаметр.

В плане содержания эпосы Гомера тоже включают в себе множество мотивов, сюжетных линий, мифов, почерпнутых в ранней поэзии. У Гомера можно услышать отголоски минойской культуры и даже проследить связь с хеттской мифологией. Однако основным источником эпического материала стал для него микенский период. Именно в эту эпоху происходит действие его эпопеи. Живший в четвертом столетии после окончания этого периода, который он сильно идеализирует, Гомер не может быть источником исторических сведений о политической, общественной жизни, материальной культуре или религии микенского мира. Но в политическом центре этого общества, Микенах, найдены, однако, предметы, идентичные описанным в эпосе (в основном оружие и инструменты), на некоторых же микенских памятниках представлены образы, вещи и даже сцены, типичные для поэтической действительности эпопеи. К микенской эпохе были отнесены события троянской войны, вокруг которой Гомер развернул действия обеих поэм. Эту войну он показал как вооруженный поход греков (названных ахейцами, данайцами, аргиевцами) под предводительством микенского царя Агамемнона против Трои и ее союзников. Для греков троянская война была историческим фактом, датируемым XIV–XII вв. до н. э. (согласно подсчетам Эратосфена, Троя пала в 1184 г.).

Сегодняшнее состояние знаний позволяет утверждать, что, по крайней мере, некоторые элементы троянской эпопеи являются историческими. В результате раскопок, начатых Г. Шлиманом, были открыты руины большого города, в том самом месте, где в соответствии с описаниями Гомера и местной вековой традицией должна была лежать Троя-Илион, на холме, носящем ныне название Гиссарлык. Лишь на основании открытий Шлимана руины на холме Гиссарлык называют Троей. Не совсем ясно, какой именно из последовательных слоев следует идентифицировать с Троей Гомера. Поэт мог собрать и увековечить предания о поселении на приморской равнине и опираться при этом на исторические события, но он мог и на руины, о прошлом которых мало знал, перенести героические легенды, первоначально относившиеся к другому периоду, мог также сделать их ареной схваток, разыгравшихся на другой земле.

Действие Илиады происходит в конце девятого года осады Трои (другое название города Илиос, Илион, отсюда и заглавие поэмы). События разыгрываются на протяжении нескольких десятков дней. Картины предшествующих лет войны не раз возникают в речах героев, увеличивая временную протяженность фабулы.

Ограничение непосредственного рассказа о событиях столь кратким периодом служит

для того, чтобы сделать более яркими события, решившие как исход войны, так и судьбу ее главного героя. В соответствии с первой фразой вступления, Илиада есть повесть о гнев Ахилла. Разгневанный унижающим его решением верховного вождя Агамемнона, Ахилл отказывается от дальнейшего участия в войне. Он возвращается на поле боя лишь тогда, когда его друг Патрокл находит смерть от руки Гектора, несгибаемого защитника Трои, старшего сына царя Приама. Ахилл примиряется с Агамемноном и, мстя за друга, убивает Гектора в поединке и бесчестит его тело. Однако в конце концов он отдает тело Приаму, когда старый царь Трои сам приходит в стан греков, прямо в палатку убийцы своих сыновей. Приам и Ахилл, враги, смотрят друг на друга без ненависти, как люди, объединенные одной судьбой, обрекающей всех людей на боль.

Наряду с сюжетом о гнев Ахилла, Гомер описал четыре сражения под Троей, посвящая свое внимание действиям отдельных героев. Гомер представил также обзор ахейских и троянских войск (знаменитый список кораблей и перечень троянцев во второй песне — возможно, наиболее ранняя часть эпоса) и приказал Елене показывать Приаму со стен Трои самых выдающихся греческих вождей. И то и другое (а также многие иные эпизоды) не соответствует десятому году борьбы под Троей. Впрочем, как и многочисленные реминисценции из предшествующих лет войны, высказывания и предчувствия, относящиеся к будущим событиям, все это устремлено к одной цели: объединения поэмы о гнев Ахилла с историей захвата Илиона, что автору Илиады удалось поистине мастерски.

Если главным героем Илиады является непобедимый воин, ставящий честь и славу выше жизни, в Одиссее идеал принципиально меняется. Ее героя, Одиссея, отличает прежде всего ловкость, умение найти выход из любой ситуации. Здесь мы попадаем в иной мир, уже не в мир воинских подвигов, но в мир купеческих путешествий, характеризующий эпоху греческой колонизации.

Содержанием Одиссеи является возвращение героев с Троянской войны.

Повествование начинается на десятом году скитаний главного героя. Гнев Посейдона до сего времени не позволял герою вернуться на родную Итаку, где воцарились женихи, соперничающие из-за руки его жены Пенелопы. Юный сын Одиссея Телемах уезжает в поиске вестей об отце. Тем временем Одиссей по воле богов отправленный в путь державшей его до той поры при себе нимфой Калипсо, достигает полулегендарной страны феаков. Там в долгом и необычайно красочном повествования он описывает свои приключения с момента отплытия из-под Трои (среди прочего — путешествие в мир мертвых). Феаки отвозят его на Итаку. Под видом нищего он возвращается в свой дворец, посвящает Телемаха в план уничтожения женихов и, воспользовавшись состязанием в стрельбе из лука, убивает их.

Легендарные элементы повествования о морских странствиях, существовавшие долгое время в фольклорной традиции воспоминания о древних временах и их обычаях, «новеллистический» мотив мужа, возвращающегося домой в последний момент, когда дому угрожает опасность, а также интересы и представления современной Гомеру эпохи колонизации были использованы для изложения и развития троянского мифа.

Илиада и Одиссея имеют множество общих черт как в композиции, так и в идеологической направленности. Характерны организация сюжета вокруг центрального образа, небольшая временная протяженность рассказа, построение фабулы вне зависимости от хронологической последовательности событий, посвящение пропорциональных по объему отрезков текста важным для развития действия моментам, контрастность следующих друг за другой сцен, развитие фабулы путем создания сложных ситуаций, очевидно замедляющих развитие действия, а затем их блестящее разрешение, насыщенность первой части действия эпизодическими мотивами и интенсификация основной линии в конце, столкновение главных противостоящих сил только в конце повествования (Ахилл — Гектор, Одиссей — женихи), использование апостроф, сравнений. В эпической картине мира Гомер зафиксировал важнейшие моменты человеческого бытия, все богатство действительности, в которой живет человек. Важным элементом этой действительности являются боги; они постоянно присутствуют в мире людей, влияют на их поступки и судьбы. Хотя они и бессмертны, но

своим поведением и переживаниями напоминают людей, а уподобление это возвышает и как бы освящает все, что свойственно человеку.

Гуманизация мифов является отличительной чертой эпопей Гомера: он подчеркивает важность переживаний отдельного человека, возбуждает сочувствие к страданию и слабости, пробуждает уважение к труду, не принимает жестокости и мстительности; превозносит жизнь и драматизирует смерть (прославляя, однако, ее отдачу за отчизну).

В древности Гомеру приписывали и другие произведения, среди них гимна. Войну мышей и лягушек, Маргита. Греки говорили о Гомере просто:

«Поэт». Илиаду и Одиссею многие, хотя бы частично, знали наизусть. С этих поэм начиналось школьное обучение. Вдохновение, навеянное ими, мы видим во всем античном искусстве и в литературе. Образы гомеровских героев стали образцами того, как следует поступать, строки из поэм Гомера сделались афоризмами, обороты вошли во всеобщее употребление, ситуации обрели символическое значение. (Однако философы, в частности Ксенофан, Платон, обвиняли Гомера в том, что он привил грекам ложные представления о богах).

Поэмы Гомера считались также сокровищницей всяческих знаний, даже исторических и географических. Этого взгляда в эллинистическую эпоху придерживался Кратет из Малл, его оспаривал Эратосфен. В Александрии исследования текстов Гомера породили филологию как науку о литературе (Зенодот Эфесский, Аристофан Византийский, Аристарх Самофракийский). С перевода Одиссеи на латинский язык началась римская литература. Илиада и Одиссея послужили моделями для римской эпопеи.

Одновременно с упадком знания греческого языка Гомера перестают читать на Западе (ок. IV в. н. э.), зато его постоянно читали и комментировали в Византии. На Западе Европы Гомер вновь становится популярным начиная со времен Петрарки; первое его издание было выпущено в г. Великие произведения европейской эпики создаются под влиянием Гомера.

(текст приведен по изданию: «Античные писатели. Словарь.» СПб, изд-во «Лань», 1999)

«Гомеровские гимны» («Homerikoi hymnoi»)

Это название носит сохранившееся под именем Гомера собрание гекзаметрических произведений разной длины, адресованных богам. Их складывали рапсоды в качестве так называемых проэмий (вступлений), которыми они предваряли чтение песен Гомера на поэтических агонах во время культовых празднеств в различных религиозных центрах Греции. Это были возвания к чествуемому божеству. Короткие, иногда всего в несколько стихов, гимны перечисляли лишь прозвища бога и просили о покровительстве, затем излагалась (часто с большим мастерством рассказчика) священная легенда или любое другое повествование об этом боге. Однако не все гимны носили культовый характер.

Они создавались, по-видимому, в VII–V вв. до н. э., авторы их неизвестны. В сборнике имеется 5 длинных гимнов, представляющих законченное художественное целое и не являющихся проэмиями. Это:

— К Аполлону Дельфийскому (I, Eis Apollona Delphion) — гимн в 178 стихов, легенда о рождении бога на острове Делос;

— К Аполлону Пифийскому (II, Eis Apollona Pythion) в 368 стихах — повествование о создании дельфийского оракула. Два этих гимна выступают в рукописях как одно произведение.

— Гимн К Гермесу (III, Eis Hermen) в 580 стихах — полная юмора и обаяния повесть о проделках новорожденного Гермеса.

— Гимн К Афродите (IV, Eis Aphroditen) в 293 стихах — повествование о союзе Афродиты с Анхизом.

— Гимн К Деметре (V, Eis Demetra) в 495 стихах представляет собой аттическую легенду

о прибытии богини в Элевсин и учреждении мистерий.

(текст приведен по изданию: «Античные писатели. Словарь.» СПб, изд-во «Лань», 1999)

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который
Долго скитался с тех пор, как разрушил священную Троию,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много духом страдал на морях, о спасеньи заботясь
Жизни своей и возврате в отчизну товарищей верных.
Все же при этом не спас он товарищей, как ни старался.
Собственным сами себя святотатством они погубили:
Съели, безумцы, коров Гелиоса Гиперионида.
Дня возвращенья домой навсегда их за это лишил он.
Муза! Об этом и нам расскажи, начав с чего хочешь.
Все остальные в то время, избегнув погибели близкой,
Были уж дома, равно и войны избежавши и моря.
Только его, по жене и отчизне болевшего сердцем,
Нимфа-царица Калипсо, богиня в богинях, держала
В гроте глубоком, желая, чтоб сделался ей он супругом.
Но протекали года, и уж год наступил, когда было
Сыну Лаэрта богами назначено в дом свой вернуться.
Также, однако, и там, на Итаке, не мог избежать он
Многих трудов, хоть и был меж друзей. Сострадания полны
Были все боги к нему. Лишь один Посейдон непрерывно
Гнал Одиссея, покамест своей он земли не достигнул.
Был Посейдон в это время в далекой стране эфиопов,
Крайние части земли на обоих концах населявших:
Где Гиперион заходит и где он поутру восходит.
Там принимал он от них гекатомбы быков и баранов,
Там наслаждался он, сидя на пиршестве. Все ж остальные
Боги в чертогах Кронида-отца находились в сборе.
С речью ко всем им родитель мужей и богов обратился;
На сердце, в памяти был у владыки Эгист безукорный,
Жизни Агамемнонидом лишенный, преславным Орестом.
Помня о нем, обратился к бессмертным Кронид со словами:
«Странно, как люди охотно во всем обвиняют бессмертных!
Зло происходит от нас, утверждают они, но не сами ль
Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?
Так и Эгист, — не судьбе ль вопреки он супругу Атрида
Взял себе в жены, его умертвив при возврате в отчизну?
Гибель грозящую знал он: ему наказали мы строго,
Зоркого аргобийцу Гермеса послав, чтоб не смел он
Ни самого убивать, ни жену его брать себе в жены.
Месть за Атрида придет от Ореста, когда, возмужавши,
Он пожелает вступить во владенье своею странюю.
Так говорил ему, блага желая, Гермес; но не смог он
Сердца его убедить. И за это Эгист поплатился».
Зевсу сказала тогда совоокая дева Афина:
«О наш родитель Кронид, из властителей всех наивысший!

Правду сказал ты, — вполне заслужил он подобную гибель.
Так да погибнет и всякий, кто дело такое свершил бы!
Но разрывается сердце мое за царя Одиссея:
Терпит, несчастный, он беды, от милых вдали, на объятom
Волнами острове, в месте, где пуп обретаeтся моря.
Остров, поросший лесами; на нем обитает богиня,
Дочь кознодея Атланта, которому ведомы бездны
Моря всего и который надзор за столбами имеет:
Между землею и небом стоят они, их раздвигая.
Скорбью объятoго, держит несчастного дочь Атланта,
Мягкой и вкрадчивой речью все время его обольщая,
Чтобы забыл о своей он Итаке. Но, страстно желая
Видеть хоть дым восходящий родимой земли, помышляет
Только о смерти одной Одиссей. Неужели не тронет
Милого сердца тебе, Олимпиец, судьба его злая?
Он ли не чествовал в жертвах тебя на равнине троянской
Близ кораблей аргивян? Так на что же ты, Зевс, негодуешь?»
Ей отвечая, сказал собирающий тучи Кронион:
«Что за слова у тебя из ограда зубов излетели!
Как это смог бы забыть о божественном я Одиссее,
Так выдающемся мыслью меж смертных, с такою охотой
Жертвы богам приносящем, владыкам широкого неба?
Но Посейдон-земледержец к нему не имеющим меры
Гневом пылает за то, что циклоп Полифем богоравный
Глаза лишен им, — циклоп, чья сила меж прочих циклопов
Самой великой была; родился он от нимфы Фоосы,
Дочери Форкина, стража немолчно шумящего моря,
В связь с Посейдоном-владыкой вступившей в пещере
глубокой,

С этой поры колебатель земли Посейдон Одиссея
Не убивает, но прочь отгоняет от милой отчизны.
Что же, подумаем все мы, кто здесь на Олимпе сегодня,
Как бы домой возвратиться ему. Посейдон же отбросит
Гнев свой: не сможет один он со всеми бессмертными спорить
И против воли всеобщей богов поступать самовластно».
Зевсу сказала тогда совоокая дева Афина:
«О наш родитель Кронид, из властителей всех наивысший!
Если угодно теперь всеблаженным богам, чтоб вернуться
Мог Одиссей многоумный в отчизну, прикажем Гермесу
Аргоубийце, решений твоих исполнителю, к нимфе
В косах, красиво сплетенных, на остров Оигию тотчас
Мчаться и ей передать непреклонное наше решенье,
Чтобы на родину был возвращен Одиссей многостойкий.
Я же в Итаку отправлюсь, чтоб там Одиссееву сыну
Бодрости больше внушить и вложить ему мужество в сердце,
Чтоб, на собрание длинноволосых ахейцев созвавши,
Всех женихов он изгнал, убивающих в доме без счета
Кучей ходящих овец и рогатых быков тихоходных.
После того я пошлю его в Спарту и Пилос песчаный,
Чтобы разведал о милом отце и его возвращеньи,
Также чтоб в людях о нем утвердилась добрая слава».
Кончив, она привязала к ногам золотые подошвы,

Амвросиальные, всюду ее с дуновеньями ветра
И над землей беспредельной носившие и над водою.
В руки взяла боевое копьё, изостренное медью, —
Тяжкое, крепкое; им избивала Афина героев,
Гнев на себя навлекавших богини могучеотцовной.
Ринулась бурно богиня с высоких вершин олимпийских,
Стала в итакской стране у двора Одиссеева дома
Перед порогом ворот, с копьем своим острым в ладони,
Образ приняв чужестранца, тафосцев властителя Мента.
Там женихов горделивых застала. Они перед дверью
Душу себе услаждали, с усердием в кости играя,
Сидя на шкурах быков, самими же ими убитых.
В зале же вестники вместе с проворными слугами дома
Эти — вино наливали в кратеры, мешая с водою,
Те, — ноздреватою губкой обмывши столы, выдвигали
Их на средину и клали на них в изобилии мясо.
Первым из всех Телемах боговидный заметил богиню.
Сердцем печалуясь милым, он молча сидел с женихами.
И представлялось ему, как явился родитель могучий,
Как разогнал бы он всех женихов по домам, захватил бы
Власть свою снова и стал бы владений своих господином.
В мыслях таких, с женихами сидя, он увидел Афину.
Быстро направился к двери, душою стыдясь, что так долго
Странник у входа стоять принужден; и, поспешно приблизясь,
Взял он за правую руку пришельца, копьё его принял,
Голос повысил и с речью крылатой к нему обратился:
«Радуйся, странник! Войди! Мы тебя угостим, а потом уж,
Пищей насытившись, ты нам расскажешь, чего тебе нужно».
Так он сказал и пошел. А за ним и Паллада Афина.
После того как вошли они в дом Одиссеев высокий,
Гостя копьё он к высокой колонне понес и поставил
В копьехранилище гладкое, где еще много стояло
Копий других Одиссея, могучего духом в несчастьях.
После богиню подвел он к прекрасноузорному креслу,
Тканью застлав, усадил, а под ноги придвинул скамейку.
Рядом и сам поместился на стуле резном, в отдаленьи
От женихов, чтобы гость, по соседству с надменными сидя,
Не получил отвращения к еде, отягченный их шумом,
Также, чтоб в тайне его расспросить об отце отдаленном.
Тотчас прекрасный кувшин золотой с ручной водою
В тазе серебряном был перед ними поставлен служанкой
Для умывания; после расставила стол она гладкий.
Хлеб положила перед ними почтенная ключница, много
Кушаний разных прибавив, охотно их дав из запасов.
Кравчий поставил пред ними на блюдах, подняв их высоко,
Разного мяса и кубки близ них поместил золотые;
Вестник же к ним подходил то и дело, вина подливая.
Шумно вошли со двора женихи горделивые в залу
И по порядку расселись на креслах и стульях; с водою
Вестники к ним подошли, и они себе руки умыли.
Доверху хлеба в корзины прислужницы им положили,
Мальчики влили напиток в кратеры до самого края.

Руки немедленно к пище готовой они протянули.
После того как желанье питья и еды утолили,
Новым желаньем зажгли сердца женихов: захотелось
Музыки, плясок — улады прекраснейшей всякого пира.
Фемию вестник кифару прекрасную передал в руки:
Пред женихами ему приходилось петь поневоле.
Фемий кифару поднял и начал прекрасную песню.
И обратился тогда Телемах к совоокой Афине,
К ней наклонясь головой, чтоб никто посторонний не слышал:
«Ты не рассердишься, гость дорогой мой, на то, что скажу я?
Только одно на уме вот у этих — кифара да песни.
Немудрено: расточают они здесь чужие богатства —
Мужа, чьи белые кости, изгнившие где-нибудь, дождик
Мочит на суше иль в море свирепые волны качают.
Если б увидели, что на Итаку он снова вернулся,
Все пожелали бы лучше иметь попроторнее ноги,
Чем богатеть, и одежду и золото здесь накопляя.
Злою судьбой он, однако, погублен, и нет никакого
Нам утешенья, хотя кое-кто из людей утверждает:
Он еще будет. Но нет! Уж погиб его день возвращения!
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Кто ты? Родители кто? Из какого ты города родом?
И на каком корабле ты приехал, какою дорогой
К нам тебя в гости везли корабельщики? Кто они сами?
Ведь не пешком же сюда, полагаю я, к нам ты добрался.
Так же и это скажи откровенно, чтоб знал хорошо я:
В первый ли раз ты сюда приезжаешь иль давним отцовским
Гостем ты был? Приезжало немало в минувшие годы
В дом наш гостей, ибо много с людьми мой общался
родитель».

Так отвечала ему совоокая дева Афина:
«Я на вопросы твои с откровенностью полной отвечу:
Имя мне — Мент; мой отец — Анхиал многоумный, и этим
Рад я всегда похвалиться; а сам я владыка тафосцев
Веслолюбивых, приехал в своем корабле со своими;
По винно-чермному морю плыву к чужеземцам за медью
В город далекий Темесу, а еду с блестящим железом.
Свой же корабль я поставил под склоном лесистым Нейона
В пристани Ретре, далеко от города, около поля.
С гордостью я заявляю, что мы с Одиссеем друг другу
Давние гости. Когда посетишь ты героя Лаэрта,
Можешь об этом спросить старика. Говорят, уж не ходит
Больше он в город, но, беды терпя, обитает далеко
В поле со старой служанкой, которая кормит и поит
Старца, когда, по холмам виноградника день пробродивши,
Старые члены свои истомив, возвращается в дом он.
К вам я теперь: говорили, что он уже дома, отец твой.
Видно, однако же, боги ему возвратиться мешают.
Но не погиб на земле Одиссей богоравный, поверь мне.
Где-нибудь в море широком, на острове волнообъятом,
Он задержался живой и томится под властью свирепых,
Диких людей и не может уйти, как ни рвется душою.

Но предсказать я берусь — и какое об этом имеют
Мнение боги и как, полагаю я, все совершится,
Хоть я совсем не пророк и по птицам гадать не умею.
Будет недолго еще он с отчизною милой в разлуке,
Если бы даже его хоть железные цепи держали.
В хитростях опытен он и придумает, как воротиться.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Подлинно ль вижу в тебе пред собой Одиссеева сына?
Страшно ты с ним головой и глазами прекрасными сходен.
Часто в минувшее время встречались мы с ним до того, как
В Трою походом отправился он, куда и другие
Лучшие из аргивян на судах крутобоких поплыли.
После ж ни я с Одиссеем, ни он не встречался со мною».
Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Я на вопрос твой, о гость наш, отвечу вполне откровенно:
Мать говорит, что я сын Одиссея, но сам я не знаю.
Может ли кто-нибудь знать, от какого отца он родился?
Счастлив я был бы, когда бы родителем мне приходился
Муж, во владеньях своих до старости мирно доживший.
Но — между всеми людьми земнородными самый
несчастный —

Он мне отец, раз уж это узнать от меня пожелал ты».

Снова сказала ему совоокая дева Афина:

«Видно, угодно бессмертным, чтоб не был без славы в
грядущем

Род твой, когда вот такого, как ты, родила Пенелопа.

Ты ж мне теперь Расскажи, ничего от меня не скрывая:

Что за обед здесь? Какое собрание? Зачем тебе это?

Свадьба ли здесь или пир? Ведь не в складчину ж он
происходит.

Кажется только, что гости твои необузданно в доме

Вашем бесчинствуют. Стыд бы почувствовал всякий
разумный

Муж, заглянувший сюда, поведенье их гнусное видя».

Снова тогда Телемах рассудительный гостю ответил:

«Раз ты, о гость мой, спросил и узнать пожелал, то узнай же:

Некогда полон богатства был дом этот, был уважаем

Всеми в то время, когда еще здесь тот муж находился.

Нынче ж иное решение враждебные приняли боги,

Сделав его между всеми мужами невидимым глазу.

Менее стал бы о нем сокрушаться я, если б он умер,

Если б в троянской земле меж товарищей бранных погиб он

Или, окончив войну, на руках у друзей бы скончался.

Был бы насыпан над ним всеахейцами холм погребальный,

Сыну б великую славу на все времена он оставил.

Ныне же Гарпии взяли бесславно его, и ушел он,

Всеми забытый, безвестный, и сыну оставил на долю

Только печаль и рыданья. Но я не об нем лишь едином

Плачу; другое мне горе жестокое боги послали:

Первые люди по власти, что здесь острова населяют

Зам, и Дулихий, и Закиф, покрытый густыми лесами,

И каменистую нашу Итаку, — стремятся упорно

Мать принудить мою к браку и грабят имущество наше.
Мать же и в брак ненавистный не хочет вступить и не может
Их притязаньям конец положить, а они разоряют
Дом мой пирами и скоро меня самого уничтожат».
В негодованьи ему отвечала Паллада Афина:
«Горе! Я вижу теперь, как тебе Одиссей отдаленный
Нужен, чтоб руки свои наложил на бесстыдных пришельцев.
Если б теперь, воротившись, он встал перед дверью домовой
С парюю копий в руке, со щитом своим крепким и в шлеме, —
Как я впервые увидел героя в то время, когда он
В доме у нас на пиру веселился, за чашею сидя,
К нам из Эфиры прибывши от Ила, Мермерова сына:
Также и там побывал Одиссей на судне своем быстром;
Яда, смертельного людям, искал он, чтоб мог им намазать
Медные стрелы свои. Однако же Ил отказался
Дать ему яду: стыдился душою богов он бессмертных.
Мой же отец ему дал, потому что любил его страшно.
Пред женихами когда бы в таком появился он виде,
Короткожизненны стали б они и весьма горькобразны!
Это, однако же, в лоне богов всемогущих сокрыто, —
Он за себя отомстит ли иль нет, возвратившись обратно
В дом свой родной. А теперь я тебе предложил бы подумать,
Как поступить, чтобы всех женихов удалить из чертога.
Слушай меня и к тому, что скажу, отнесись со вниманьем:
Завтра, граждан ахейских созвав на собранье, открыто
Все расскажи им, и боги тебе пусть свидетели будут.
После потребуй, чтоб все женихи по домам разошлись;
Мать же твоя, если дух ее снова замужества хочет,
Пусть возвратится к отцу многосильному, в дом свой
родимый;
Пусть снаряжает он свадьбу, приданое давши большое,
Сколько его получить полагается дочери милой.
Что ж до тебя, — мой разумный совет ты, быть может,
исполнишь:
Лучший корабль с двадцатью снарядивши гребцами,
отправься
И об отце поразведай исчезнувшем; верно, из смертных
Кто-либо сможет о нем сообщить иль Молва тебе скажет
Зевсова — больше всего она людям известий приносит.
В Пилосе раньше узнаешь, что скажет божественный Нестор,
К русому после того Менелаю отправишься в Спарту;
Прибыл домой он последним из всех меднолатных ахейцев.
Если услышишь, что жив твой отец, что домой он вернется,
Год дождайся его, терпеливо снося притесненья;
Если ж услышишь, что мертв он, что нет его больше на свете,
То, возвратившись обратно в отцовскую милую землю,
В честь его холм ты насыплешь могильный, как следует
справишь
Чин похоронный по нем и в замужество мать свою выдашь.
После того как ты все это сделаешь, все это кончишь,
В сердце своем и в уме хорошенько обдумай, какими
Средствами всех женихов в чертогах твоих изничтожить,

Хитростью или открыто. Ребятскими жить пустяками
Время прошло для тебя, не таков уже ныне твой возраст.
Иль неизвестно тебе, что с божественным было Орестом,
Славу какую он добыл, расправясь с коварным Эгистом,
Отцеубийцей, отца его славного жизни лишившим?
Вижу я, друг дорогой мой, что ты и велик и прекрасен,
Ты не слабее его, ты в потомстве прославишься также;
Но уж давно мне пора возвратиться на быстрый корабль мой:
Спутники ждут и наверно в душе возмущаются мною.
Ты ж о себе позаботься и то, что сказал я, обдумай».

Снова тогда Телемах рассудительный гостю ответил:
«Право же, гость мой, со мной говоришь ты с такою любовью,
Словно отец; никогда я твоих не забуду советов.
Но подожди, хоть и очень, как вижу, в дорогу спешишь ты.
Вымойся раньше у нас, услади себе милое сердце.
С радостным духом потом унесешь на корабль ты подарок
Ценный, прекрасный, который тебе поднесу я на память,
Как меж гостей и хозяев бывает, приятных друг другу».

Так отвечала ему совоокая дева Афина:
«Нет, не задерживай нынче меня, тороплюсь я в дорогу.
Дар же, что милое сердце тебя побуждает вручить мне,
Я, возвращаясь обратно, приму и домой с ним уеду,
Дар получив дорогой и таким же тебя отдаривши».

Молвила и отошла совоокая дева Афина,
Как быстроекрылая птица, порхнула в окно. Охватила
Сила его и отвага. И больше еще он, чем прежде,
Вспомнил отца дорогого. И, в сердце своем поразмыслив,
В трепет душою пришел, познав, что беседовал с богом.
Тотчас назад к женихам направился муж богоравный.
Пел перед ними певец знаменитый, они же сидели,
Слушая молча. Он пел о возврате печальном из Трои
Рати ахейцев, ниспосланном им Палладой Афиной.
В верхнем покое своем вдохновенное слышала пенье
Старца Икария дочь, Пенелопа разумная. Тотчас
Сверху спустилась она высокою лестницей дома,
Но не одна; с ней вместе спустились и двое служанок.
В залу войдя к женихам, Пенелопа, богиня среди женщин,
Стала вблизи косяка ведущей в столовую двери,
Щеки закрывши себе покрывалом блестящим, а рядом
С нею, с обеих сторон, усердные стали служанки.
Плача, певцу вдохновенному так Пенелопа сказала:
«Фемий, ты знаешь так много других восхищающих душу
Песен, какими певцы восславляют богов и героев.
Спой же из них, пред собранием сидя, одну. И в молчаньи
Гости ей будут внимать за вином. Но прерви начатую
Песню печальную; скорбью она наполняет в груди мне
Милое сердце. На долю мне выпало злейшее горе.
Мужа такого лишась, не могу я забыть о погибшем,
Столь преисполнившем славой своей и Элладу и Аргос».

Матери так возразил рассудительный сын Одиссеев:
«Мать моя, что ты мешаешь певцу в удовольствие наше
То воспевать, чем в душе он горит? Не певец в том

виновен, —

Зевс тут виновен, который трудящимся тягостно людям
Каждому в душу влагает, что хочет. Нельзя раздражаться,
Раз воспевать пожелал он удел злополучный данайцев.
Больше всего восхищаются люди обычно такою
Песнью, которая им представляется самою новой.
Дух и сердце себе укроти и заставь себя слушать.
Не одному Одиссею домой не пришлось воротиться,
Множество также других не вернулось домой из-под Трои.
Лучше вернись-ка к себе и займись своими делами —
Пряжей, тканьем; прикажи, чтоб служанки немедля за дело
Также взялись. Говорить же — не женское дело, а дело
Мужа, всех больше — мое; у себя я один повелитель».
Так он сказал. Изумившись, обратно пошла Пенелопа.
Сына разумное слово глубоко ей в душу проникло.
Наверх поднявшись к себе со служанками, плакала долго
Об Одиссее она, о супруге любимом, покуда
Сладостным сном не покрыла ей веки богиня Афина.
А женихи в это время шумели в тенистом чертоге;
Сильно им всем захотелось на ложе возлечь с Пенелопой.
С речью такой Телемах рассудительный к ним обратился:
«О женихи Пенелопы, надменные, гордые люди!
Будем теперь пировать, наслаждаться. Шуметь перестаньте!
Так ведь приятно и сладко внимать песнопеньям прекрасным
Мужа такого, как этот, — по пению равного богу!
Завтра же утром сойдемся на площадь, откроем собранье,
Там я открыто пред целым народом скажу, чтобы тотчас
Дом мой очистили вы. А с пирами устройтесь иначе:
Средства свои проедайте на них, чередуясь домами.
Если ж находите вы, что для вас и приятней и лучше
У одного человека богатство губить безвозмездно, —
Жрите! А я воззову за поддержкой к богам вечносушим.
Может быть, делу возмездия даст совершиться Кронион:
Все вы погибнете здесь же, и пени за это не будет!»
Так он сказал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым словам удивлялись, которые вдруг услышали.
Тотчас к нему Антиной обратился, рожденный Евпейтом:
«Сами, наверное, боги тебя, Телемах, обучают
Так беззастенчиво хвастать и так разговаривать нагло.
Зевс нас избави, чтоб стал ты в объятой волнами Итаке
Нашим царем, по рожденью уж право имеа на это!»
И, возражая ему, Телемах рассудительный молвил:
«Ты на меня не сердись, Антиной, но скажу тебе вот что:
Если бы это мне Зевс даровал, я конечно бы принял.
Или, по-твоему, нет ничего уже хуже, чем это?
Царствовать — дело совсем не плохое; скопляются скоро
В доме царевом богатства, и сам он в чести у народа.
Но между знатных ахейцев в объятой волнами Итаке
Множество есть и других, молодых или старых, которым
Власть бы могла перейти, раз царя Одиссея не стало.
Но у себя я один останусь хозяином дома,
Как и рабов, для меня Одиссеем царем приведенных!»

Начал тогда говорить Евримах, рожденный Полибом:
«О Телемах, это в лоне богов всемогущих сокрыто,
Кто из ахейцев царем на Итаке окажется нашей.
Все же, что здесь, то твое, и в дому своем сам ты хозяин.
Вряд ли найдется, пока обитаема будет Итака,
Кто-нибудь, кто бы дерзнул на твое посягнуть достоянье.
Но я желал бы узнать, мой милейший, о нынешнем госте:
Кто этот гость и откуда? Отчеством землю какую
Славится Какого он рода и племени? Где он родился?
С вестью ль к тебе о возврате отца твоего он явился
Или по собственной нужде приехал сюда, на Итаку?
Сразу исчезнув, не ждал он, чтоб здесь познакомиться с нами.
На худородного он человека лицом не походит».
И, отвечая ему, Телемах рассудительный молвил:
«На возвращенье отца, Евримах, я надежд не имею.
Я ни вестям уж не верю, откуда-нибудь приходящим,
Ни прорицаньям внимать не желаю, к которым, сзывая
Разных гадателей в дом, без конца моя мать прибегает.
Путник же этот мне гость по отцу, он из Тафоса родом,
Мент, называет себя Энхиала разумного сыном
С гордостью, сам же владыка он веслолюбивых тафосцев».
Так говорил Телемах, хоть и знал, что беседовал с богом.
Те же, занявшись опять усладительным пеньем и пляской,
Тешились ими и ждали, покамест приблизится вечер.
Тешились так, веселились. И вечер надвинулся черный.
Встали тогда и пошли по домам, чтоб покою предаться.
Сын же царя Одиссея прекрасным двором в свой высокий
Двинулся спальный покой, кругом хорошо защищенный.
Думая в сердце о многом, туда он для сна отправлялся.
С факелом в каждой руке впереди его шла Еврикля,
Дочь домовитая Опа, рожденного от Пенсенора.
Куплей когда-то Лаэрт достояньем своим ее сделал
Юным подросточком, двадцать быков за нее заплативши,
И наравне с домовитой женой почитал ее в доме,
Но, чтоб жену не гневить, постели своей не делил с ней.
Шла она с факелом в каждой руке. Из невольниц любила
Всех она больше его и с детства его воспитала.
Двери открыл Телемах у искусно построенной спальни,
Сел на постель и, мягкий хитон через голову снявши,
Этот хитон свой старухе услужливой на руки кинул.
Та встряхнула хитон, по складкам искусно сложила
И на колок близ точеной постели повесила. После
Вышла старуха тихонько из спальни, серебряной ручкой
Дверь за собой притворила, засов ремнем притянувши.
Ночь напролет на постели, покрывшись овчиною мягкой,
Он размышлял о дороге, в которую зван был Афиной.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.

Встал с постели своей возлюбленный сын Одиссея,
В платье оделся, отточенный меч чрез плечо перебросил,
К белым ногам привязал красивого вида подошвы,
Вышел быстро из спальни, бессмертному богу подобный,
И приказание отдал глашатаям звонкоголосым
Длинноволосых ахейцев тотчас же созвать на собранье.
Очень скоро на клич их на площади все собрались.
После того как сошлись и толпа собралась большая,
Вышел на площадь и он, с копьем медноострым в ладони.
Шел не один он. За ним две резвых собаки бежали.
Вид на него излила несказанно приятный Афина.
Весь изумился народ, увидавши, каким подходил он.
Сел он на месте отцовском, геронты пред ним расступились.
Встал благородный Египтий и речь пред собранием начал.
Был он летами согбен и опыт имел богачейший;
Сын его милый, Антиф-копьеборец, отплыл с Одиссеем
На кораблях изогнутых в конями богатую Трою.
Был умерщвлен он в глубокой пещере свирепым Циклопом
И послужил для него последней едою на ужин.
Три еще сына остались; в числе женихов находился
Сын Еврином, остальные в отцовском работали доме.
Все же о первом все время он помнил, скорбя и печалась.
Слезы о нем проливая, он стал говорить пред собранием:
«Слушайте, что, итакийцы, пред вами сегодня скажу я!
Не созывались у нас ни совет, ни собранье народа
С самой поры, как отплыл Одиссей на судах изогнутых.
Кто же теперь нас собрал? Кто почувствовал надобность в

этом, —

Из молодых ли людей кто-нибудь иль из тех, кто постарше?
Что он — услышал ли весть о прибытии войска и хочет
Все сообщить нам правдиво, раз первый об этом услышал?
Или о деле народном другом говорить он намерен?
Благословенным он кажется мне и отважным. Пускай он
Счастье получит от Зевса такое, какого желает!»
Кончил. С радостью речь его выслушал сын Одиссеев.
Заговорить он рвался, на месте ему не сиделось.
Стал в середине собранья. И скипетр вложил ему в руки
Вестник, разумные мысли имеющий в сердце, Писенор.
Прежде всего к старику Телемах обратился и молвил:
«Старец, тот муж недалеко, — сейчас его сам ты увидишь, —
Тот, кто собранье созвал. Печаль мне великая нынче.
Вести такой я не слышал, чтоб к нам приближалось войско,
Нечего мне сообщить вам, что первый об этом я слышал.
Не собрался говорить и о деле другом я народном.
Дело идет обо мне и о бедах, на дом мой упавших.
Две их: одна — погиб у меня мой отец благородный,
Бывший над вами царем и всегда, как отец, вас любивший.
Много еще тяжелее вторая беда, от которой
Скоро погибнет наш дом и я разорюсь совершенно.
К матери против желанья ее пристают неотступно,
Как женихи, сыновья обитателей наших знатнейших,
Прямо к отцу ее в дом обратиться, к Икарию старцу,

Смелости нет в них, — чтоб сам он за дочь свою выкуп назначил,

Выбрав, кого пожелает и кто ему будет приятней.
Вместо того, ежедневно врываясь в дом наш толпою,
Режут без счета быков, и жирных козлов, и баранов,
Вечно пируют и вина искристые пьют безрасчетно.
Все расхищают они. И нет уже мужа такого
В доме, как был Одиссей, чтобы дом защитить от проклятья.
Мы ж не такие, чтоб справиться с этим, и даже позднее
Жалкими будем мужами, способными мало к отпору.
О, защитил бы и я, когда бы лишь силу имел я!
Дело творится, какого терпеть уж нельзя! Безобразно
Гибнет мой дом. Неужели самих это вас не приводит
В негодование! Тогда постыдитесь хотя бы соседей,
Окрест живущих! Побойтесь хотя бы богов, чтобы в гневе
Не обратили на вас же они этих дел недостойных!
Зевсом, владыкой Олимпа, я вас заклинаю, Фемидой,
Что распускает собранья народа и их собирает, —
Милые, вас я молю: перестаньте! И дайте мне горем
В уединеньи терзаться! Красивопоножным ахейцам
Не причинил ли, враждуя, обиды какой мой родитель,
И за нее вы, враждуя, обиды теперь мне творите,
Этих людей поощряя? Мне было бы лучше, когда бы
Сами поели вы все, что лежит у меня и пасется.
Если бы вы все поели, то скоро пришла б и расплата.
Мы бы по городу стали ходить, приставая к вам с просьбой
Вещи назад возвратить, пока б вы всего не отдали.
Нынче же сердце вы мне безнадежным терзаете горем!»
В бешенстве так он воскликнул и скипетр бросил на землю.
Хлынули слезы из глаз. И жалость народ охватила.
Все остальные безмолвно сидели, никто не решался
Дерзко-обидное слово в ответ Телемаху промолвить.
Только один Антиной, ему возражая, воскликнул:
«Что говоришь ты, надутый болтун необузданно буйный,
Что нас порочишь? Желаешь пятном замарать нас позорным.
Не женихи пред тобою ахейские здесь виноваты, —
Мать виновата твоя, безмерно коварная сердцем!
Третий кончается год и уж скоро наступит четвертый,
Как у ахейцев в груди она дух бесконечно морочит.
Всем надежду дает, обещается каждому порознь,
Вести ему посылает, в уме же желает иное.
Кроме того, против нас и другую придумала хитрость:
Ткань начала она ткать, станок у себя поместивши, —
Тонкую, очень большую и нам объявила при этом:
— Вот что, мои женихи молодые (ведь умер супруг мой),
Не торопите со свадьбой меня, подождите, покамест
Савана я не сотку — пропадет моя иначе пряжа! —
Знатному старцу Лаэрту на случай, коль гибельный жребий
Скорбь доставляющей смерти неожиданно его здесь
постигнет, —

Чтобы в округе меня не корили ахейские жены,
Что похоронен без савана муж, приобретший так много. —

Так говорила и дух нам отважный в груди убедила.
Что ж оказалось? В течение дня она ткань свою пряла,
Ночью же, факелы возле поставив, опять распускала.
Длился три года обман, и ей доверяли ахейцы.
Но как четвертый приблизился год и часы наступили,
Женщина нам сообщила, которая все это знала.
За распусканием ткани прекрасной ее мы застали.
Волей-неволей тогда ей работу пришлось окончить.
Слушай же! Вот что тебе, Телемах, женихи отвечают,
Чтобы и ты это знал и все остальные ахейцы:
Мать отошли и вели, чтобы шла за того, за кого ей
Выйти прикажет отец и самой ей приятнее выйти.
Если ж ахейских сынов и впредь раздражать она будет,
Гордая теми дарами, какие Паллада Афина
Ей в изобилии дала, — искусством в прекрасных работах,
Разумом светлым и хитрой смекалкой, — такою, которой
Мы и у древних не знаем ахейнок пышноволосях,
Будь это Тиро, Микена в прекрасном венце иль Алкмена.
Нет, ни одна не смогла б между них с Пенелопой сравняться
Хитростью! Нынче, однако, ей хитрость ее не поможет.
Будут они поедать и запасы и скот твой, покуда
Станет упорствовать в тех она мыслях, которые в грудь ей
Боги влагают. Себе она этим великую славу
Может добыть, но тебе лишь потери большие доставит.
Мы ж не вернемся к делам и к невестам другим не поедем
Раньше, чем по сердцу мужа она не возьмет средь ахейцев». —
И, возражая ему, Телемах рассудительный молвил:
«Как же бы из дому выгнать я мог, Антиной, против воли
Ту, что меня родила и вскормила! Отец мой далеко,
Жив или умер, — не знаю. Придется немало платить мне
Старцу Икарию, если к нему мою мать отошлю я.
И от отца пострадать мне придется. И грозно отплатит
Мне божество, если вызовет мать моя страшных эриний,
Дом покидая. К тому ж я и славой покроюсь худою.
Нет, никогда не отважусь сказать ей подобного слова!
Если же это не нравится вам и в гнев вас ввергает, —
Что же! Очистите дом мой! С пирами ж устройтесь иначе:
Средства свои проедайте на них, чередуясь домами.
Если ж находите вы, что для вас и приятней и лучше
У одного человека богатство губить безвозмездно, —
Жрите! А я воззову за поддержкой к богам вечносушим.
Может быть, делу возмездия даст совершиться Кронион!
Все вы погибнете здесь же, и пени за это не будет!»
Так говорил Телемах. Вдруг Зевс протяженно гремевший
Двух орлов ниспослал с высоты, со скалистой вершины.
Мирно сначала летели они по дыханию ветра,
Близко один от другого простерши широкие крылья.
Но, очутившись как раз над собранием многоголосым,
Крыльями вдруг замахали и стали кружить над собраньем,
Головы всех оглядели, увидели общую гибель
И, расцарапав друг другу когтями и щеки и шеи,
Поверху вправо умчались — над городом их, над домами.

Все в изумленье пришли, увидевши птиц над собою,
И про себя размышляли, — чем все это кончиться может?
Вдруг обратился к ним с речью старик Алиферс благородный,
Масторов сын. Среди ровесников он лишь один выдавался
Знанием всяческих птиц и вещею речью своею.
Он, благомыслия полный, сказал пред собраньем ахейцев:
«Слушайте, что, итакийцы, пред вами сегодня скажу я!
Больше всего к женихам обращаюсь я с речью моею.
Беды великие мчатся на них. Одиссей уж недолго
Будет вдали от друзей. Он где-то совсем недалеко!
Смерть и убийство растит он для всех женихов Пенелопы!
Плохо также придется и многим из нас, кто живет здесь,
На издалека заметной Итаке. Подумаем лучше,
Как женихов поскорей обуздать нам. Пускай перестали б
Лучше уж сами, — гораздо для них это было б полезней.
Не новичок я в гаданьях и дело свое понимаю.
И с Одиссеем, смотрите, вполне все свершается точно,
Как предсказал я в то время, когда собирались ахейцы
Выступить в Трою и с ними пошел Одиссей многохитрый.
Вынесши множество бедствий, товарищей всех потерявши,
Всем незнакомый, домой на двадцатом году он вернется, —
Так говорил я, и все это точно свершается нынче!»
Сын Полиба ему, Евримах, возражая, ответил:
«Было бы лучше, старик, когда б ты домой воротился
И для ребят погадал, чтобы с ними чего не случилось!
В этом же деле получше тебя погадать я сумею.
Мало ли видим мы птиц, под ярким летающих солнцем.
Вовсе не все предвещают из них что-нибудь. Одиссей же
В крае далеком погиб. Хорошо бы, когда бы с ним вместе
Гибель взяла и тебя! Прекратил бы свои ты вещанья,
Не подстрекал бы и так раздраженного всем Телемаха.
Верно, подарок в свой дом получить от него ты желаешь!
Но говорю я тебе, и слова мои сбудутся точно:
Если ты, с опытом долгим своим и богатым, враждебность
Глупой своей болтовнею поддерживать в юноше станешь,
Прежде всего и ему от этого будет лишь хуже,
Ибо совсем ничего против нас он поделать не сможет.
А на тебя мы, старик, жесточайшую пеню наложим.
Выплатить будет ее нелегко и для сердца печально.
А Телемаху пред всеми, кто здесь, предложил бы я вот что:
Матери пусть он прикажет к отцу своему возвратиться;
Тот же пусть свадьбу готовит, приданое давши большое,
Сколько его получить полагается дочери милой.
Раньше, вполне убежден я, ахейцев сыны не отстанут
С тяжким своим сватовством. Никого мы из вас не боимся, —
Ни самого Телемаха, как много бы слов он ни сыпал, —
Ни о вещаньях твоих не печалимся. Все они вздорны!
Ими, старик, только больше вражду ты к себе возбуждаешь.
Будет по-прежнему здесь все добро поедаться, и платы
Им не дожидаться, покамест ахейцам согласие на свадьбу
Ею не будет дано. Ведь сколько уж времени здесь мы
Ждем, за нее соревнуясь друг с другом. А время проходит,

Новых себе мы не ищем невест для приличного брака». И сыну Полиба в ответ Телемах рассудительный молвил: «Я, Евримах, ни тебя, ни других женихов благородных Ни уговаривать, ни умолять уже больше не стану. Все ведь известно богам, а также известно ахейцам. Дайте лишь быстрый корабль мне и двадцать товарищей, с кем бы

Всю дорогу проделать я мог и туда и обратно. Я собираюсь в Спарту поехать и в Пилос песчаный, Там об отце поразведать исчезнувшем. Верно, из смертных Кто-либо сможет о нем мне сказать иль Молва сообщит мне Зевсова — больше всего она людям известий приносит. Если услышу, что жив мой отец, что домой он вернется, Буду я ждать его год, терпеливо снося притесненья. Если ж услышу, что мертв он, что нет его больше на свете, То, возвратившись обратно в отцовскую милую землю, В честь его холм я насыплю могильный, как следует справив Чин похоронный по нем, и в замужество мать мою выдам». Так произнес он и сел. И встал пред собраньем ахейцев Ментор. Товарищем был безупречного он Одиссея. Тот, на судах уезжая, весь дом ему вверил, велевши Слушать во всем старика и дом охранять поусердней. Добрых намерений полный, к собранью он так обратился: «Слушайте, что, итакийцы, пред вами сегодня скажу я! Мягким, благим и приветливым быть уж вперед ни единый Царь скиптроносный не должен, но, правду из сердца изгнавши,

Каждый пускай притесняет людей и творит беззаконья, Если никто Одиссея не помнит в народе, которым Он управлял и с которым был добр, как отец с сыновьями. Я не хочу упрекать женихов необузданно дерзких В том, что, коварствуя сердцем, они совершают насилие: Сами своей головою играют они, разоряя Дом Одиссея, решивши, что он уж назад не вернется. Но вот на вас, остальных, от всего негодую я сердца: Все вы сидите, молчите и твердым не смеете словом Их обуздать. А вас ведь так много, а их так немного!» Евенорид Леокрит, ему возражая, воскликнул: «Ментор, упрямый безумец! Так вот к чему дело ты клонишь! Хочешь народом смирить нас! Но было бы трудно и многим Всех нас заставить насильно от наших пиров отказаться! Если бы даже и сам Одиссей-итакиец вернулся И пожелал бы отсюда изгнать женихов благородных, В доме просторном его за пиршеством пышным сидящих, Было б его возвращенье супруге его не на радость, Как бы по нем ни томилась. Погиб бы он смертью позорной, Если б со многими вздумал померяться. Вздор говоришь ты! Ты же, народ, расходись! К своим возвращайся работам! Этого в путь снарядить пускай поторопятся Ментор И Алиферс — Одиссею товарищи давние оба. Думаю, долго, однако, он вести выслушивать будет, Сидя в Итаке. Пути своего никогда не свершит он!»

Так сказав, распустил он собрание быстро ахейцев,
И по жилищам своим разошелся народ из собрания.
А женихи возвратились обратно в дом Одиссея.
Вдаль ушел Телемах по песчаному берегу моря,
Руки седою водою омыл и взмолился к Афине:
«Ты, посетившая дом наш вчера и в туманное море
Мне в корабле быстроходном велевшая плыть, чтоб разведать,
Нет ли вестей о давно уж ушедшем отце моем милым
И об его возвращеньи! Мешают мне в этом ахейцы,
Боле ж всего — женихи в нахальстве своем беспредельном».
Так говорил он молясь. Вдруг пред ним появилась Афина,
Ментора образ приняв, с ним схожая видом и речью,
И со словами к нему окрыленными так обратилась:
«Также и впредь, Телемах, не будь неразумным и слабым,
Раз благородная сила отца излита тебе в сердце —
Сила, с какой он всего добивался и словом и делом.
Станет тогда и тебе твой отъезд исполним и возможен.
Если же ты Одиссею не сын и не сын Пенелопе,
Думаю, вряд ли удастся тебе совершить, что желаешь.
Редко бывает с детьми, чтоб они на отца походили, —
Большую частью хуже отца, лишь немногие лучше.
Если ж и впредь не останешься ты неразумным и слабым,
Если тебя не совсем Одиссеева кинула сметка,
Дело исполнить свое вполне ты надеяться можешь.
О женихах неразумных, об их замысленьях и кознях
Брось теперь думать: ни разума нет в этих людях, ни правды.
Нет и предчувствия в сердце, что близко стоят перед ними
Черная Кера и смерть, что в один они день все погибнут.
Путь же совсем недалек, которого так ты желаешь.
Вот какой я товарищ тебе по отцу: раздобуду
Быстрый корабль для тебя и последую сам за тобою.
Ты же теперь воротись к женихам. А тебе на дорогу
Пусть заготовят припасы, пусть ими наполнят сосуды.
В амфоры сладкого скажешь вина нацедить вам, муку же
Ячную — мозг человека — в мешки пусть положат из кожи.
Я добровольцев пока наберу средь народа. Судов же
В морем объятой Итаке немало и новых и старых.
Я между ними корабль пригляжу, который получше,
Быстро его снарядим и выйдем в широкое море».
Так сказала Афина, Зевесова дочь. И недолго
Ждать Телемах оставался, услышавши голос богини.
Милым печалуясь сердцем, поспешно направился к дому.
Там женихов он застал горделивых: в зале столовой
Коз обдирали одни, боровов во дворе обжигали другие.
Встал Антиной, засмеялся, навстречу пошел Телемаху,
Взял его за руку, слово сказал и по имени назвал:
«Эх, Телемах, необузданно буйный и гордоречивый!
Брось ты заботу о том, чтоб вредить нам и делом и словом!
Лучше садись-ка ты есть к нам и пить, как бывало когда-то.
Все же, что нужно тебе, приготовят охотно ахейцы —
Быстрый корабль и отборных гребцов, чтоб скорей ты приехал
В Пилос священный и слухи собрал об отце многославном».

Сыну Евпейта в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Нет, Антиной, никак не могу я при наглости вашей
В пире участие принять со спокойным и радостным духом.
Иль не довольно, что раньше, когда еще мальчиком был я,
Вы, женихи, богатства ценнейшие наши пожрали?
Нынче, как стал я большим и, советников слушая умных,
Много узнал, и в груди моей мужества стало побольше,
Кер постараюсь зловещих на головы ваши наслатъ я, —
Или, отправившись в Пилос, иль здесь же, на острове этом.
Еду — и сделаю путь, о котором я здесь говорю вам;
Еду в чужом корабле, ибо сам ни гребцов не имею,
Ни корабля своего: вам выгодней так показалось!»
Молвил и руку свою из руки Антиноевой вырвал
Очень легко. Женихи между тем пировать продолжали.
Над Телемахом глумились они и шутили словами.
Так говорил не один из юношей этих надменных:
«Эй, берегитесь! На нас Телемах замышляет убийство!
Иль он кого привезет из песчаного Пилоса в помощь,
Или, быть может, из Спарты. Ведь рвется туда он ужасно!
Или в Эфиру поехать собирается, в край плодородный,
Чтобы оттуда привезть для жизни смертельного яду,
Бросить в кратеры его и разом нас всех уничтожить».
Так и другой говорил из юношей этих надменных:
«Знает ли кто? Ведь возможно, и он в корабле изогнутом,
Как Одиссей, вдалеке от домашних погибнет, блуждая!
Этим немало и нам он доставит хлопот. Ведь придется
Все достоянье его тогда разделить между нами,
Матери ж с будущим мужем владеть предоставим мы домом».
Так говорили. Меж тем Телемах в кладовую спустился
С кровлей высокой, большую, в которой хранились кучи
Золота, меду, одежда в ларях, благовонное масло.
Там же в порядке вдоль стен одна за другою стояли
Бочки из глины со сладким вином многолетним — напитком
Чистым, божественным; он сохранялся на случай, когда бы
Все же вернулся домой Одиссей, хоть и много страдавши.
Дверью двустворчатой, прочно прилаженной, вход запирался.
Ключница в той кладовой и ночи и дни находилась,
Все охраняя запасы с великим усердьем и знаньем, —
Опа, сына Пенсенора дочь, Еврикля старушка.
К ней Телемах обратился, позвавши ее в кладовую:
«Амфоры сладким вином наполни мне, няня, — вкуснейшим
После того дорогого, которое здесь бережешь ты,
Помня о нем, о несчастном, в надежде, что, может быть, в
дом свой
Снова вернется отец, ускользнувши от Кер и от смерти.
Амфор наполни двенадцать и крышками сверху покрой их.
Кожаных плотных мешков приготовивши, ты их наполнишь,
Двадцать отмеривши мер, размолотой яичной мукою.
Знай об этом одна! Заготовишь припасы и в кучу
Все их поставишь, а вечером я заберу их, когда уж
Мать поднимется в верхний покой свой, о сне помышляя.
В Спарту я ехать собираюсь и в Пилос песчаный — разведать,

Нет ли там слухов о милом отце и его возвращеньи». Так он сказал. Евриклея кормилица громко завывала И огорченно к нему обратилась со словом крылатым: «Как могла у тебя в голове эта мысль появиться, Милый сынок мой! Ну как ты — любимый, единственный —

как ты

Пустишься в дальние земли? Погиб уж вдали от отчизны Богорожденный отец твой, в краю, для него незнакомом. Эти ж, едва ты уедешь, коварное дело замыслят, Хитростью сгубят тебя и все меж собой здесь поделают. Милый, останься же здесь, со своими! Зачем тебе надо Всякие беды терпеть, беспокойным скитаясь морем?» Так, Евриклее в ответ, Телемах рассудительный молвил: «Няня, не бойся! Решенье такое мое не без бога. Но поклянись мне, что матери ты ничего не расскажешь Раньше, чем минет одиннадцать дней иль двенадцать с

отъездом,

Или не спросит сама, иль другие об этом не скажут. Как бы, боюсь я, от слез красота у нее не поблекла». Клятвой великой богов старуха тогда поклялася. После того как она поклялася и окончила клятву, В амфоры сладкого тотчас вина налила и в мешках им Кожаных, сшитых надежно, муки заготовила ячной. А Телемах к женихам пировавшим вернулся обратно. Новая мысль тут пришла совоокой Афине богине. Образ приняв Телемаха, пошла обходить она город; Остановившись пред мужем, к нему обращалась с просьбой, Чтобы на быстрый корабль они вечером все собрались. С просьбой потом к Ноемону, блестящему Фрония сыну, О корабле обратилась. Охотно он ей предоставил. Солнце меж тем опустилось, и тенью покрылись дороги. На море быстрый корабль спустила богиня и снасти Все уложила в него, какие для плаванья нужны. После поставила судно при выходе самом из бухты. Все уж товарищи к судну сошлись, приглашенные ею. Новая мысль тут пришла совоокой Афине богине: Быстро направилась в дом Одиссея, подобного богу, Сладостный сон излила на глаза женихам пировавшим, Ум помутила у них, из рук у них выбила кубки. В город отправились все они спать и в постелях лежали Очень недолго, как сладкий им сон уже пал на ресницы. Вызвала после того Телемаха из комнат прекрасных Дочь совоокая Зевса и с речью к нему обратилась, Ментора образ приняв, с ним сходствуя видом и речью: «Друг, уж товарищи прочнопоножные сели за весла И ждут, скоро ль ты двинуться в путь соберешься. Живо идем и не будем задерживать долго отъезда!» Кончив, пошла впереди Телемаха Паллада Афина, Быстро шагая. А следом за нею и сын Одиссеев. К морю и к ждавшему их кораблю подошли они вскоре. На берегу там нашли уж товарищей длинноволосых. И обратилась к ним Телемаха священная сила:

«Ну-ка, друзья, принесемте припасы! Они уже дома
Все заготовлены. Мать ничего об отъезде не знает,
Так же другие служанки; одна только слышала тайну».
Так он сказал и пошел, а следом за ним и другие.
В доме забравши припасы, в корабль прочнопалубный быстро
Все их они уложили, как сын Одиссеев велел им.
Сам Телемах поднялся на корабль за Афиною следом;
На корабельной корме она села, а возле богини
Сел Телемах. Отвязали причалы товарищи, быстро
Сами взошли на корабль чернобокий и сели за весла.
Благоприятный им ветер послала Паллада Афина:
По винно-чермному морю Зефир зашумел быстрейный.
Тут Телемах, ободря товарищей, им приспособить
Снасти велел, и они приказанью его подчинились.
Мачту еловую разом подняли, внутри утвердили
В прочном гнезде и ее привязали канатами к носу.
Белый потом натянули ремнями плетеными парус.
Парус в середине надулся от ветра, и яро вскипели
Воды пурпурного моря под носом идущего судна;
С волн высоких оно заскользило, свой путь совершая.
На корабле чернобоком они паруса закрепили,
После налили вином кратеры до самого края
И совершать возлияния стали богам вечносущим,
Больше же всех остальных — совоокой Афине богине.
Быстро всю ночь и все утро бежал их корабль чернобокий.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Яркое солнце, покинув прекрасный залив, поднялося
На многомедное небо, чтоб свет свой на тучную землю
Лить для бессмертных богов и людей, порожденных для
смерти.

Путники в Пилос, богато отстроенный город Нелея,
Прибыли. Резали черных быков там у моря пилосцы
Черноволоному богу, Земли Колебателю, в жертву.
Девять было разделов, пятьсот сидений на каждом,
Было по девять быков пред сидевшими в каждом разделе.
Потрох вкушали они, для бога же бедра сжигали.
Путники в пристань вошли, паруса на судне равнобоком
Вверх подтянули, судно закрепили и вышли на землю.
И Телемах за Афиною следом спустился на берег.
Первой богиня Паллада Афина к нему обратилась:
«Робость отбрось, Телемах, отбрось ты ее совершенно!
Не для отца ли и по морю путь ты свершил, чтоб разведать,
Где его скрыла земля и какою судьбой он постигнут.
К Нестору прямо направься, коней укротителю быстрых,
Чтобы узнать нам, какие он мысли в груди берегает.
Сам обратись к нему с просьбой, чтоб всю сообщил тебе
правду.

Лгать он не станет тебе — он для этого слишком разумен».

Тотчас Афине в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Ментор, ну как я пойду? Ну как я с ним буду держаться?
Опыта в умных речах имею я очень немного.
Да и боюсь я, — ну как молодому расспрашивать старших!»
И отвечала ему совоокая дева Афина:
«Многое сам, Телемах, в своем ты придумаешь сердце,
Многое бог в тебя вложит. Не против же воли бессмертных,
Как полагаю я, был ты на свет порожден и воспитан!»
Кончив, пошла впереди Телемаха Паллада Афина,
Быстро шагая; за нею же следом и сын Одиссеев.
К месту тому подошли, где, собравшись, сидели пилосцы.
Там и Нестор сидел с сыновьями. Товарищи там же
Жарили к пиршеству мясо, проткнувши его вертелами.
Как увидали они чужестранцев, толпою навстречу
Бросились к ним, пожимали им руки и сесть пригласили.
Первым Несторов сын Писистрат, подошедши к ним близко,
За руки путников взял и на мягкие шкуры овечьи
Их усадил на морском берегу для участия в пире
Между отцом стариком и братом своим Фрасимедом.
Дал по куску потрохов им и налил вина в золотую
Чашу; потом обратился с такими словами привета
К дочери Зевса-эгидодержавца, Палладе Афине:
«О чужестранец! Теперь помолись Посейдону-владыке:
Пир его жертвенный вы застаете, сюда к нам приехав.
После того как свершишь возлиянье с молитвой, как должно,
Чашу с вином медосладким и этому дай, чтобы мог он
Также свершить возлиянье. И он, полагаю, бессмертным
Молится: все ведь в богах нуждаются смертные люди.
Он же моложе тебя и как будто со мною ровесник.
Вот почему тебе первому дам золотую я чашу».
Молвил и чашу со сладким вином ей вручил золотую.
Радость Афине доставил разумный тот муж справедливый
Тем, что сначала он ей ту чашу поднес золотую.
Громко молиться она начала Посейдону-владыке:
«Царь Посейдон-земледержец, внимли, не отвергни молитвы
Нашей, исполни все то, о чем мы моление возносим!
Нестору прежде всего с сыновьями пошли процветанье;
Пусть от тебя воздаянье достойное также получат
За гекатомбу тебе и все остальные пилосцы.
Дай мне потом, Телемаху и мне, возвратиться, окончив
Все, для чего мы сюда в корабле чернобоком приплыли!»
Так помолившись, сама возлиянье богиня свершила,
Кубок двуручный прекрасный потом отдала Телемаху.
В свой помолился черед и сын дорогой Одиссея.
Мясо тем временем было готово и с вертелов снято.
Все, свою часть получив, блистательный пир пировали.
После того как питьем и едой утолили желанье,
Нестор, наездник геренский, с такой обратился к ним речью:
«Вот теперь нам приличней спросить чужеземцев, разведать,
Кто они, — после того, как едою они насладились.
Странники, кто вы? Откуда плывете дорогою влажной?
Едете ль вы по делам иль блуждаете в море без цели,

Как поступают обычно разбойники, рыская всюду,
Жизнью играя своей и беды неся чужеземцам?»
Вдруг осмелевши, ему Телемах рассудительный молвил, —
В грудь ему смелость вложила богиня Паллада Афина,
Чтоб расспросить старика о родителе смог он пропавшем,
Также чтоб в людях о нем утвердилася добрая слава:
«Нестор, рожденный Нелеем, великая слава ахейцев!
Знать ты желаешь, откуда и кто мы. Тебе я отвечу.
Прибыли мы из Итаки, лежащей под склоном Нейона.
То же, о чем я скажу, — не народное, частное дело.
Выехал я поискать, не узнаю ли что про отца я,
Стойкого в бедах царя Одиссея, который, по слухам,
Вместе с тобою под Троей сражался и город разрушил.
Об остальных обо всех, кто с троянцами бился, мы знаем,
Где и кого между ними жестокая гибель постигла.
Здесь же и гибель его неизвестною сделал Кронион!
Точно никто не умеет сказать, где конец свой нашел он.
Где-нибудь был ли убит лихими врагами на суше
Или же на море гибель обрел середь волн Амфитриты.
Вот почему я сегодня к коленям твоим припадаю, —
Не пожелаешь ли ты про погибель его рассказать мне,
Если что видел своими глазами иль слышал рассказы
Странника. Матерью был он рожден на великое горе.
Ты ж не смягчай ничего, не жалея и со мной не считайся,
Точно мне все сообщи, что увидеть тебе довелось.
Если когда мой отец, Одиссей благородный, — словами ль,
Делом ли что совершил, обещанье свое исполняя,
В дальнем троянском краю, где так вы, ахейцы, страдали, —
Вспомни об этом, молю, и полную правду скажи мне».
Нестор, наездник геренский, тогда Телемаху ответил:
«Друг, о страданиях ты мне напомнил, какие тогда мы, —
Неукротимые в силе ахейцы, — в краю том терпели,
Частью, когда на судах, предводимые сыном Пелея,
Мы за добычей по мглисто-туманному морю носились,
Частью, когда пред великой Приамовой Троей с врагами
Яростно бились. Из наших в то время все лучшие пали.
Там Аякс многомогущий лежит, лежит Ахиллес там,
Там же Патрокл, как советчик бессмертному богу подобный,
Там же мой сын дорогой Антилох, безупречный и сильный,
Больше блиставший всего, как боец и бегун быстроногий.
Кроме того, мы немало и бедствий других претерпели, —
Кто из людей земнородных про все рассказать тебе смог бы?
Если бы пять даже лет, даже шесть ты у нас оставался,
Чтоб расспросить, сколько бед мы, ахейцы, тогда
претерпели, —
Раньше б ты в землю вернулся родную, наскучив рассказом.
Девять трудились мы лет, чтобы их погубить, вымышляя
Хитростей много. Насилу Кронид нам послал окончанье.
Разумом острым не мог никогда потягаться открыто
Кто-либо там с Одиссеем божественным. В выдумке всяких
Хитростей всех побеждал неизменно родитель твой, если
Подлинно сын ты его. На тебя я смотрю с изумленьем:

С ним и речами ты сходен, и кто бы подумал, чтоб было
Юноше можно настолько с ним сходствовать умною речью!
Мы никогда с Одиссеем божественным ни на совете,
Ни на собраньи народном различного не были мненья.
С единодушием полным и в мыслях и в добрых советах
Мы лишь того домогались, что было ахейцам полезней.
После того же как взяли мы город высокий Приама
(В море ушли на судах, и бог раскидал всех ахейцев),
Бедственный в сердце своем замыслил возврат аргивянам
Зевс-промыслитель за то, что не все они были разумны
И справедливы. Нашли себе многие жребий печальный,
Гибельный гнев возбудив Сивоокой, Могучеотцовной.
Жаркую распрю она разожгла меж сынами Атрея.
Всех аргивян на собранье народное оба созвали, —
Не по обычаю, глупо, когда уже солнце садилось.
И собрались ахейцы, вином отягченные, к месту.
Начали те говорить, для чего на собранье созвали.
Требовал царь Менелай, чтобы вспомнили тотчас ахейцы
О возвращеньи домой по хребту широчайшего моря.
Но Агамемнону это не по сердцу было, хотел он
Весь народ задержать и святые свершить гекатомбы,
Чтоб исцелить у Афины рассерженной гнев ее страшный.
Глупый! Не знал он того, что ее уж склонить не удастся:
Вечные боги не так-то легко изменяют решенья!
Так они оба стояли, один обращаясь к другому
С речью обидной. Ахейцы красивопоножные с места
С криком ужасным вскочили, на два разделившись мненья.
Ночь провели мы, питая враждебные друг против друга
Чувства: уже нам готовил великие беды Кронион.
Утром одни совлекли корабли на священное море,
В них нагрузивши богатства и жен, подпоясанных низко.
А половина народа, отплыть не желая, осталась
С сыном Атрея, царем Агамемноном, пастырем войска.
Мы, половина другая, отплыли. Помчались быстро:
Бог перед нами разгладил глубоко-пучинное море.
Скоро пришли в Тенедос. Порываясь всем сердцем в отчизну,
Жертву богам принесли. Но еще не решил нам возврата
Зевс непреклонный; вторично вражду он разжег между нами.
Кто с Одиссеем-владыкою был, многоумным и хитрым,
Те на двухвостых судах, повернувши обратно, поплыли
И к Агамемнону снова вернулись, ему угождая.
Я же со всеми своими судами вперед устремился,
Видя, что нам божество великие беды готовит.
Храбрый отплыл и Тидид и товарищей к бегству подвигнул.
Несколько позже к нам также пристал Менелай русокудрый.
В Лесбосе он нас нагнал, переход обсуждавших далекий:
Плыть ли нам выше хиосских заливов и мысов скалистых
К Псире, ее оставляя по левую руку, иль ниже
Хиоса, мимо проплывши Миманта, открытого ветрам.
Бога мы попросили, чтоб знаменье дал нам. Дорогу
Он указал и велел середину нам моря прорезать
Прямо к Евбее, чтоб прочь от беды убежать поскорее.

Ветер попутный со свистом задул. Корабли наши быстро
Рыбообильной дорогой морской пронесли и к Гересту
Прибыли темною ночью. Отмерив великое море,
Множество бедер быков принесли Посейдону мы в жертву.
День был четвертый, когда привели равнобокие судна
Люди Тидеева сына, коней укротителя быстрых,
В Аргос. Тем временем в Пилос я плыл, и ни разу не стихнул
Ветер попутный, с начала нам самого посланный богом.
Так, милый сын, я приехал и знаю, как видишь, немного,
Кто из ахейцев погиб и кто из них счастливо спасся.
Что ж от других я узнал, под кровлею нашею сидя,
Все это вправе ты знать; от тебя ничего я не скрою.
Счастливо, слышно, домой мирмидонцев своих копьеборных
Вывел блистательный сын Ахиллеса, великого духом.
Счастливо прибыл к себе Филоктет Поянтид знаменитый.
В Крит воротился со всем уцелевшим в сражениях войском
Идоменей: у него никого не похитило море.
А про Атрида уж сами вдали у себя вы слышали,
Как он вернулся, как злую Эгист ему гибель подстроил.
Но за свое преступленье и тот поплатился жестоко.
Вот как полезно, когда погибающий муж оставляет
Сына! Отмстил за него он коварному отцеубийце,
Злому Эгисту, которым убит был отец его славный.
Вижу, мой друг, что и ты и ростом велик и прекрасен.
Будь же отважен, чтоб слава твоя и в потомстве не сгибла».
Нестору старцу в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Нестор, рожденный Нелеем, великая слава ахейцев!
Да, отомстил он Эгисту ужасно. Ахейцы широко
Славу о нем разнесут и песни оставят потомкам.
О, если б боги меня такую же силой одели,
Чтоб отомстил я за боль приносящую наглость, с какою
Злые дела надо мною творят женихи нечестиво!
Счастья такого, однако, бессмертные мне не судили, —
Мне и отцу моему. И приходится только терпеть мне».
Нестор, наездник геренский, тогда Телемаху ответил:
«Раз уже, друг, ты об этом завел разговор и напомнил,
Много ваш дом женихов, я слышал, посещают незвано,
Матери ради твоей, и худые дела совершают.
Вот что скажи: добровольно ль ты им поддался иль в народе
Все ненавидят и гонят тебя по внушению бога?
Знает ли кто, — ведь, возможно, вернется отец твой и страшно
Им отомстит за насилие, — один ли, созвав ли ахейцев.
О, если б так же любить и тебя пожелала Афина,
Как окружила она Одиссея своею заботой
В дальнем троянском краю, где так мы, ахейцы, страдали,
Я не видал, чтобы боги кого так открыто любили,
Как Одиссею открыто всегда помогала Афина.
Если б любить и хранить и тебя она так пожелала,
Многие даже и думать из них позабыли б о браке».
Нестору старцу в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Старец, не думаю я, чтобы слово такое свершилось.
Слишком велико, о чем говоришь ты. Берет меня ужас.

Так не случится со мной, пожелай даже этого боги». И отвечала ему совоокая дева Афина:
«Что за слова у тебя сквозь ограду зубов излетели! Богу спасти нас нетрудно и издали, если захочет. Я предпочел бы скорее и множество вытерпеть бедствий, Но воротиться домой и день возвращения увидеть, Чем, воротившись к себе, при своем очаге же погибнуть, Как Агамемнон погиб коварством жены и Эгиста. Но и богам невозможно от смерти, для всех неизбежной, Даже и милого мужа спасти, если гибельный жребий Скорбь доставляющей смерти того человека постигнет». Тотчас Афине в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Горько нам, Ментор, но все ж говорить перестанем об этом. Нет никакой нам надежды, чтоб он воротился обратно. Смерть и черную Керу уж боги ему присудили. Нынче с вопросом другим хотелось бы мне обратиться К Нестору, ибо меж всех справедлив он и мудр наиболее. Трех поколений людских, говорят, повелителем был он. Если глядишь на него, пред тобою как будто бессмертный! Полную правду скажи мне, о Нестор, Нелеем рожденный, Как погиб Атреид Агамемнон пространнодержавный? Где Менелай находился? Какую гибель придумал Для Агамемнона хитрый Эгист? Ведь тот был сильнее! Или еще не в ахейском он Аргосе был, а скитался Между чужими и этим отважил того на убийство?»
Нестор, наездник геренский, тогда Телемаху ответил:
«Правду полнейшую, сын дорогой мой, тебе сообщу я. Все бы как раз и случилось, как сам ты себе уж представил, Если б Эгиста живого застал, возвращаясь из Трои, В братнином царском дворце Атреид Менелай русокудрий. Нет, не могильный бы холм был насыпан тогда над умершим, В поле вне города он бы лежал, и пожрали бы тело Хищные птицы и псы, и никто бы из женщин ахейских Смерти его не оплакал. Задумал большое он дело: Мы далеко под стенами троянскими бились с врагами, Он же, спокойно внутри многоконного Аргоса сидя, Речью опутывал сладкой жены Агамемнона сердце. На недостойное дело, однако, сперва Клитемнестра Не захотела пойти: порочных в ней не было мыслей. Возле нее и певец находился, которому строго, В Трою идя, приказал Агамемнон смотреть за супругой. Воля, однако, богов, опутав, ее покорила. Был тут Эгистом певец тот отправлен на остров пустынный, Где и оставлен. И труп его хищные птицы склевали. Он, желавший, привел царицу желавшую в дом свой. Много бедер он сжег на святых алтарях пред богами, Много развешал даров — сосудов из золота, тканей, Дело такое большое с неожиданным окончив успехом. Мы же, отъехав от Трои, одною дорогою плыли, Я с Менелаем, друг с другом скрепленные дружбой. Когда ж

мы

Мимо афинского мыса, священного Суния, плыли,

Там Менелаева кормчего Феб Аполлон дальнострельный
Нежной стрелою своей умертвил, подошедши в то время,
Как у руля он стоял, кораблем управляя бегущим, —
Фронтия Онеторида; меж всех он людей наилучше
Мог кораблем управлять, когда разбушуется буря.
Там Менелай, хоть и очень в дорогу спешил, задержался,
Чтоб погребенью предать товарища с полным почетом.
После того как и он в винно-чермное выехал море
В полых своих кораблях и высокого мыса Малеи
Быстро достиг, приготовил ужаснейший путь ему дальше
Зевс протяженно гремющий: направил дыханье свистящих
Ветров и волны тяжелые вздыбил, большие, как горы.
Там, разделив корабли, одни из них к Криту погнал он,
Где возле струй Иардана-реки обитали киконы.
Есть над водою стоящий утес, высокий и гладкий,
На море мглисто-туманном, у крайних пределов Гортины.
Нот на левый там выступ бросает огромные волны
К Фесту. Но камень тот малый большую волну отражает.
Там очутились они, и погибели еле избегли
Люди, а все корабли о подводные камни разбиты
Были волнами. Другие же пять кораблей синеносых
К самому пригнаны были Египту водою и ветром.
Много в стране той добра собирая и золота, долго
Странствовал там Менелай с кораблями средь чуждых
народов.

Дома ж Эгист в это время злодейство свое и затеял.
Семь он властвовал лет над златообильной Микеной
После убийства царя, и народ покорялся Эгисту.
В год же восьмой из Афин воротился, на горе злодею,
Богopodobный Орест и коварного отцеубийцу,
Кем был убит его славный отец, умертвил беспощадно.
После того поминальный обед он устроил ахейцам
В память матери страшной и жалкого труса Эгиста.
В этот же день Менелай воротился могучеголосый,
Столько сокровищ везя, сколько их в кораблях уместилось.
Ты же недолго, мой друг, в отдаленьи от родины странствуй,
Дома ты бросил имущество все и людей, бесконечно
Наглых. Сожрут, берегись, они все у тебя достоянье,
И бесполезным окажется путь, совершенный тобою.
Но к Менелаю тебе я советую, требую съездить.
Он лишь недавно вернулся домой от людей, от которых
Муж ни один не посмел бы надеяться в дом свой вернуться,
Раз уж его занесло ураганом свирепым в то море, —
Море такое большое, что к нам даже птицы оттуда
В год прилететь не смогли бы, — так страшно оно и огромно.
На корабле поезжай — и ты и товарищи — морем,
Если же хочешь, то сушей; к услугам твоим колесница,
Также мои сыновья. Они проводить тебя смогут
В Лакедемон многославный, где царь Менелай русокудрый.
Сам обратись к нему с просьбой, чтоб всю сообщил тебе
правду.

Лгать он не станет тебе — он для этого слишком разумен».

Так он сказал. А уж солнце спустилось, и тьма наступила.
Заговорила тогда совоокая дева Афина:
«Старец, про все говорил ты вполне справедливо и верно.
Режьте, однако, быкам языки и вина намешайте,
Чтоб Посейдону и прочим бессмертным свершить возлиянье.
После того б о постелях подумать могли мы. Пора уж!
Свет опустился во мрак, на пире богов оставаться
Не подобает так долго, и время нам всем расходиться».
Так говорила она, и все ее голосу вняли.
Тотчас на руки всем им глашатаи полили воду,
Юноши, вливши в кратеры напиток до самого верху,
Чашами всех обнесли, возлиянье свершая из каждой.
Бросив в огонь языки, поднялись, возлиянье свершили,
А совершивши и выпив, как духу их пожелалось,
Встала Афина и встал Телемах, на бессмертных похожий,
Чтобы обратно к себе идти на корабль изогнутый.
Нестор их удержал, обратясь к ним с такими словами:
«Да не допустят ни Зевс, ни другие бессмертные боги,
Чтоб от меня ночевать вы на быстрый корабль удалились,
Словно бы я у себя — полнейший бедняк, оборванец,
Словно бы мало в дому у меня одеял и подушек,
Чтобы и мне самому и гостям моим спать было мягко.
Нет, одеял и прекрасных подушек найдется довольно!
Милый сын человека подобного, сын Одиссея,
Спать не пойдет на помост корабельный, куда и сам я
Жив и пока в моем доме мои сыновья остаются,
Чтобы гостей принимать, в жилище мое приходящих».
И отвечала ему совоокая дева Афина:
«Милый старик, справедливо все это сказал ты, и должен
Так Телемах поступить, и будет прекраснее это.
Пусть за тобою теперь он последует, пусть себе в доме
Спать остается. Но сам я на черный корабль наш направлюсь
Распоряженья отдать, успокоить товарищей наших.
Я похвалиться могу, что один лишь меж нами я старший.
Прочие все — молодежь, по дружбе отправились в путь с ним,
Сверстники все по летам Телемаху, высокому духом.
При корабле нашем черном я б там ночевать и остался
Нынче. А утром в страну я отправлюсь отважных кавконов.
Нужно мне долг получить там, старинный и очень немалый.
Ты ж Телемаха, уж раз тебя в доме твоём посетил он,
Дальше отправь в колеснице и с сыном. Запрячь в колесницу
Коней вели побыстрее на ходу, повыносливей силой».
Так сказав, отошла совоокая дева Афина,
Образ принявши морского орла. Ужаснулись пилосцы.
Нестор старик, увидавши глазами, пришел в изумленье,
Руку взял Телемаха, по имени назвал и молвил:
«Вижу я, милый, что ты не худой человек, не ничтожный,
Если тебе, молодому такому, сопутствуют боги.
Был это здесь не иной из богов, на Олимпе живущих,
Как многославная дочь Эгиохова Тритогея,
Так же отца твоего отличавшая между ахейцев.
Будь благосклонна, Афина, ко мне и хорошую славу

Дай мне, и детям моим, и чести достойной супруге!
Широколобую в жертву тебе годовалую телку
Я принесу, под ярмом не бывавшую в жизни ни разу.
Позолотив ей рога, я тебе принесу ее в жертву».
Так говорил он молясь. И его услышала Афина.
Кончив, пошел во главе сыновей и зятьев своих Нестор,
Славный наездник геренский, в красиво построенный дом
свой.

После того же как в Несторов дом достославный вступили,
Все по порядку они разместились на креслах и стульях.
Старец тогда намешал в кратере вино для прибывших.
Сладкое это вино, десять лет уж стоявшее в бочке,
Ключница только что вскрыла, раскутав и снявши покрывку.
Это вино замешал он в кратере и долго молился
Дочери Зевса Афине, творя возлиянья. Свершили
Их и другие; и, выпив, как духу их пожелалось,
Все поднялись и для сна по жилищам своим разошлись.
В доме, однако, своем ночевать Телемаха оставил
Нестор, наездник геренский, пилосских мужей повелитель,
Под колоннадою гулко звучащей в сверленной кровати.
Рядом лег Писистрат, властитель мужей, копьеборец,
Бывший еще неженатым среди братьев в отцовских чертогах.
Нестор во внутренней спальне высокого дома улегся,
Где с госпожою супругой делил и кровать и постель он.
Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.
Нестор-владыка, наездник геренский, поднявшись с постели,
Из дому вышел и сел на гладко отесанных камнях,
Возле порога высоких дверей его дома стоявших, —
Белых, до яркого блеска лощеных, больших, на которых
Сиживал прежде Нелей, по разумности схожий с
бессмертным.

Керой, однако, смиренный, уж в царство Аида сошел он.
Нестор геренский, защита ахейцев, теперь там уселся.
Жезл в руках он держал. Вкруг него собрались толпою,
Выйдя из спален своих, сыновья его — Стратий, Ехефрон,
Арет, Персей и подобный богам Фрасимед горделивый.
Следом за ними, шестым, и герой Писистрат появился.
И Телемаха сюда привели и с собой усадили.
Нестор, наездник геренский, с такой обратился к ним речью:
«Живо мое пожеланье исполните, милые дети!
Милости прежде всего я хочу испросить у Афины,
К нам самолично пришедшей на пышное пиршество бога.
В поле за телкой отправься один, чтоб была здесь скорее;
Пусть ее с поля пастух, коров там пасущий, пригонит.
Также отправься один к Телемахову черному судну,
Всех товарищей к нам приведи, оставь лишь двоих там.
Также один пусть прикажет Лаэрту прийти поскорее,
Мастеру дел золотых, чтоб рога у телушки оправил
В золото. Все остальные останьтесь. Скажите там в доме,
Чтобы рабыни обед поскорее готовили пышный,
Стулья б поставили, дров и блестящей воды принесли бы».
Так он сказал. Сыновья торопливо за дело взялись.

Телка с поля пришла. Пришли с чернобокого судна
Спутники, вместе сюда с Телемахом приплывшие. Медник
С медным пришел инструментом, пособием в ковальном
искусстве;

Крепкие клещи с собой он принес, наковальню и молот, —
Все, чем над золотом нужно работать. Пришла и Афина
Жертву принять. Престарелый же Нестор, наездник
геренский,

Золото дал. Позолотой рога у телушки искусно
Мастер покрыл, чтобы сердце богини порадовать блеском.
Телку вели за рога богоравный Ехефрон и Стратий;
Из дома выйдя, кувшин, расцвеченный узором, с водою
Вынес одною рукою Арет, в другой же корзину
Нес с ячменем. С топором отточенным в руках, перед телкой,
Чтобы удар нанести, стоял Фрасимед боестойкий.
Чашу подставил Персей. Престарелый же Нестор наездник,
Руки оmyв, ячменем всю телушку осыпал и, срезав
Шерсть с головы ее, бросил в огонь и молился Афине.
Все помолились потом и осыпали зернами жертву.
Несторов сын, Фрасимед горделивый, мгновенно приблизясь
К жертве, нанес ей удар, разрубив топором сухожилья
Шеи, и силу у телки расслабил. И клик испустили
Дочери все и невестки с самой Евридикой почтенной,
Нестора старца женою, Клименовой дочерью старшей.
Те же, с широкодорожной земли приподнявши, держали
Телку. Ножом Фрасимед ее в шею ударил. Когда же
Черная вытекла кровь и дух ее кости оставил,
Тотчас на части ее разделили и, вырезав бедра
Так, как обычай велит, обрезанным жиром в два слоя
Их обернули и мясо сложили на них остальное.
Нестор сжигал на огне их, багряным вином окропляя.
Юноши, около стоя, держали в руках пятизубцы.
После, как бедра сожгли и отведали потрохов жертвы,
Прочее все, на куски разделив и наткнувши на прутья,
Начали жарить, руками держа заостренные прутья.
Вымыла гостя меж тем Поликаста, прекрасная дева,
Нестора младшая дочь, Нелеева славного сына,
Вымывши, маслом блестящим она ему тело натерла,
Плечи же гостя одела прекрасным плащом и хитоном.
Видом подобный бессмертным богам, из ванны он вышел
И, подойдя, возле Нестора сел, владыки народов.
Было тем временем мясо изжарено, с вертелов снято.
Сели они за обед. Заботливо мужи ходили
Вкруг пировавших, вино в золотых подавая им кубках.
После того как питьем и едой утолили желанье,
Нестор, наездник геренский, с такой обратился к ним речью:
«Ну-ка, дети мои, запрягите коней пышногривых
Для Телемаха, введя под ярмо их, чтоб мог он поехать».
Так он сказал. И охотно приказу они подчинились.
Тут же не медля впрягли в колесницу коней легконогих.
Ключница им на дорогу вина положила и хлеба,
Вместе с едою, какую обычно цари потребляют.

На колесницу прекрасную встал Телемах богоравный;
Следом и Несторов сын Писистрат, мужей повелитель,
На колесницу взошел и взялся за блестящие вожжи.
Коней бичом он хлестнул. Охотно они полетели
Полям и сзади себя оставили Пилос высокий.
Кони весь день напролет, ярмо сотрясая, неслися.
Солнце тем временем село, и тенью покрылись дороги.
Прибыли в Феры они и заехали в дом к Диоклею.
Сыном он был Ортилоха, рожденного богом Алфеем.
Там они ночь провели, и он преподнес им гостинцы.
Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.
Коней они запрягли и, на пеструю став колесницу,
Быстро к воротам на ней через портик помчались звонкий.
Коней хлестнул Писистрат. Охотно они полетели.
Вскоре равнины достигли, богато заросшей пшеницей.
Там они кончили путь — так быстро домчали их кони.
Солнце тем временем село, и тенью покрылись дороги.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В ЛАКЕДЕМОНЕ

Прибыли в низменный Лакедемон, окруженный холмами,
К дому примчались царя Менелая, покрытого славой.
Свадьбу сына в то время он праздновал и непорочной
Дочери в доме своем, среди собравшихся родичей многих.
Сыну Пелида, фаланг разрывателя, дочь посылал он;
В Трое давно уже дал обещание он и согласие
Выдать ее, и теперь этот брак им устроили боги.
Много ей дав колесниц и коней, отправлял к мирмидонцам
Дочь он, в город их славный, где царствовал сын Ахиллеса.
Сыну ж привел он из Спарты Алектора дочь молодую.
Поздно рожден был тот сын, Мегапент многомогущий,
рабыней
Сыну Атрея. Елене ж детей уже не дали боги,
После того как вначале она родила Гермionу,
Схожую видом прелестным с самой золотой Афродитой.
Так пировали они под высокою кровлею дома,
Сродники все и соседи покрытого славой Атрида,
И наслаждались. Певец же божественный пел под формингу,
Сидя меж ними. И только лишь песню он петь принимался,
Два скомороха тотчас начинали вертеться по кругу.
Путники оба в дворовых воротах — и сами, и кони,
Сын Одиссеев герой и Несторов сын достославный —
Стали. Увидевши, вышел к ним из дому распорядитель,
Етеоней благородный, проворный помощник Атрида.
К пастырю войск Менелая чрез дом он отправился с вестью,
Близко стал перед ним и слова окрыленные молвил:
«Мужи какие-то там, Менелай, о питомец Кронида,
Два чужеземца; как будто из рода великого Зевса.

Как ты прикажешь — распрячь ли у них лошадей
быстроногих

Иль их отправить к другому кому, кто б их принял радушно?»
Сильно разгневавшись, молвил ему Менелай русокудрый:
«Етеоней, Боефоем рожденный! Ведь глупым ты не был
Прежде, теперь же ты вздор говоришь, словно малый ребенок!
Мало ль радушья найти нам пришлось у людей чужеземных
Раньше, чем в дом мы вернулись? Дай бог, чтобы кончились

беды

Наши на этом!.. Сейчас же коней отпряги чужеземцев!
Их же дальше в наш дом проведи, чтобы нам угостить их».
Етеоней устремился из зала мужского и скликал
Слуг расторопных других, чтоб к нему собрались поскорее.
Быстро лихих отпрягли лошадей, под ярмом запотевших,
К яслям в конюшне они поводьями их привязали,
Полбу засыпали в ясли и к ней ячменю подмешали.
А колесницу приезжих к блестящей стене прислонили.
Их же самих привели в божественный дом. Увидавши
Дом вскормленного Зевсом царя, изумилися оба, —
Так был сиянием ярким подобен луне или солнцу
Дом высокий царя Менелая, покрытого славой.
После того как глазами они нагледелись досыта,
Оба пошли и в прекрасно отесанных вымылись ваннах.
Вымыв, невольницы маслом блестящим им тело натерли,
После надели на них шерстяные плащи и хитоны.
Выйдя, уселися рядом они с Менелаем Атридом.
Тотчас прекрасный кувшин золотой с рукомойной водою
В тазе серебряном был перед ними поставлен служанкой
Для умывания. После расставила стол она гладкий.
Хлеб положила пред ними почтенная ключница, много
Кушаний разных поставив, охотно их дав из запасов,
Кравчий, блюда высоко поднявши, на них преподнес им
Разного мяса и кубки поставил близ них золотые.
Кубком приветствуя их, так сказал Менелай русокудрый:
«Пищи, прошу вас, вкусите и радуйтесь! После ж того как
Голод насытите вы, мы спросим — какие вы люди?
В вас не погибла, я вижу, порода родителей ваших.
Род от царей вы, конечно, ведете, питомцев Зевеса,
Скипетр носящих: худые таких бы, как вы, не родили».
Так сказав, по куску положил он пред ними бычачьей
Жирной спины, отделив от почетной собственной доли.
Руки немедленно к пище готовой они протянули.
После того как желанье питья и еды утолили,
Проговорил Телемах, к Писистрату склонясь Несториду,
Близко к его голове, чтоб его не слышали другие:
«Вот, посмотри, Несторид, о друг мой, любезнейший сердцу,
Как в этом гулком покое все яркою медью сверкает,
Золотом и серебром, электром и костью слоновой!
У Олимпийского Зевса, наверно, такая же зала.
Что за богатство! Как много всего! Изумляюсь я, глядя!»
То, что сказал Телемах, услышал Менелай русокудрый
И, обратившись к гостям, слова окрыленные молвил:

«С Зевсом, дети мои, состязаться нельзя человеку,
Ибо сокровища все и жилища у Зевса нетленны,
Люди ж — иные поспорят в богатстве со мной, а иные —
Нет; протерпевши немало, немало скитавшись, добра я
Много привез в кораблях и в восьмом лишь году воротился,
В странствиях Кипр посетив, Финикию и дальний Египет.
У эфиопов, сидонцев, ерембов пришлось побывать мне,
В Ливии был, где ягнята рогатыми на свет родятся,
Где ежегодно три раза и овцы котятся и козы.
Там никогда не бывает, чтоб сам ли хозяин, пастух ли
В сладком имел молоке недостаток, иль в сыре, иль в мясе.
Доится скот в той стране непрерывно в течение года.
Но между тем как, собирая большие богатства, скитался
В этих я странах, мне брата убил человек посторонний,
Тайно, нежданно, коварством проклятой супруги Атрида.
Так-то без радости всякой своим я владею богатством.
Впрочем, про это про все от отцов вы, наверно, слышали,
Кто б они ни были. Много пришлось мне страдать, потерял я
Дом, для житья превосходный, богатствами многими полный.
С третьей, однако, их частью я дома бы жить согласился,
Только бы живы остались те мужи, какие в то время
В Трое широкой погибли, вдали от любимой отчизны.
Часто, их всех вспоминая, о них сокрушаясь и плача,
Время в нашем просторном дворце провожу я; порою
Сердце себе услаждаю стенаньем, порой прекращаю
Плач: насыщаемся скоро мы горем жестоким и плачем.
Всех их, однако, не так я жалею, хотя и печалюсь,
Как одного. Только вспомню о нем, и становятся сразу
Мне ненавистны и пища и сон. Ни один из ахейцев
Столько не снес, сколько снес Одиссей. Несчислимые беды
Пали на долю ему, а мне — по испытанном друге
Горькая скорбь. Уж давно его нет, и не знаем мы точно,
Умер ли он или жив. Горюют о нем безутешно
Старый родитель Лаэрт, и разумная Пенелопея,
И Телемах, им оставленный дома недавно рожденным».
Плакать о милом отце захотелось тогда Телемаху.
С век он на землю слезу уронил, об отце услышавши,
Плащ свой багряный руками обеими поднял поспешно,
Чтобы глаза им закрыть. Менелай это сразу заметил.
Он между помыслов двух и умом колебался и духом:
Ждать ли, чтоб сам Телемах говорить об отце своем начал,
Или вопросами выведать все у него понемногу?
Но между тем как рассудком и духом об этом он думал,
Вышла из спальни высокой своей и душистой Елена,
Схожая образом всем с Артемидою золотострельной.
Кресло искусной работы подвинула сесть ей Адреста,
Вынесла под ноги мягкий ковер шерстяной ей Алкиппа,
Фило серебряный ларчик держала; Елене Алькандрой
Был он подарен, женою Полиба, в египетских Фивах
Жившего; граждан дома там богатства вмещают большие.
Две Полиб подарил Менелая серебряных ванны,
Также треножника два и золотом десять талантов.

Кроме того, и жена одарила богато Елену:
Веретено золотое и ларчик дала на колесах
Из серебра, с золотою каемкой. Его-то служанка
Фило несла на руках и поставила возле Елены,
Пряжею полный искусно сработанной; сверху лежало
Веретено золотое с фиалково-темною шерстью.
В кресло села она, на скамейку поставила ноги
И начала обо всем по порядку расспрашивать мужа:
«Знаешь ли ты, Атреид Менелай, питомец Зевеса,
Кем похваляются быть эти мужи, пришедшие в дом наш?
Правду ль скажу, ошибусь ли? Но сердце велит говорить мне.
Кажется мне, никогда не видала настолько я схожим
Ни из мужчин никого, ни из жен, — изумляюсь я, глядя! —
Как этот гость наш походит на сына царя Одиссея,
На Телемаха, которого муж тот едва лишь рожденным
Дома оставил, когда к Илиону отплыли ахейцы,
Из-за меня, бесстыжей, поход предприняв свой отважный».
И, отвечая Елене, сказал Менелай русокудрый:
«Думаю сам я теперь, как сейчас мне, жена, ты сказала.
Ноги такие ж совсем у него и такие же руки,
Взоры такие же глаз, голова с такими ж кудрями.
Да и сейчас вот, когда в разговоре с гостями я вспомнил
Об Одиссее, как много пришлось за меня ему вынести,
Из-под бровей у него покатила слеза за слезою,
И, закрывая глаза, он плащ свой пурпуровый поднял».
Тут Несторид Писистрат, отвечая, сказал Менелаю:
«Богорожденный Атрид Менелай, повелитель народов!
Верно! Приходится сыном тому он, о ком говоришь ты.
Но рассудителен гость твой, и в сердце своем он стыдится
Сразу, едва лишь придя, слова рассыпать пред тобою —
Перед тобою, чей голос, как божеский голос, пленил нас.
Что ж до меня, то послал меня Нестор, наездник геренский,
Спутником быть Телемаху. С тобой он желал повидаться,
Чтоб присоветовал слово ему ты какое иль дело.
Много приходится сыну, родитель которого отбыл,
Бедствий терпеть, если нет другого заступника в доме,
Вот как теперь Телемаху: уехал отец, и в народе
Больше уж нет никого, кто его от беды защитил бы».
Так, отвечая ему, Менелай русокудрый воскликнул:
«Боги! Ужели же в доме своем принимаю я сына
Друга, так много трудов за меня перенесшего тяжких!
Я-то надеялся: буду, когда мы вернемся, дружить с ним
Больше, чем с кем из ахейцев, лишь дал бы нам дома

достигнуть

По морю бурному Зевс Олимпиец, широкогремящий.
Дал бы я в Аргосе город ему для житья и построил
Дом бы ему, из Итаки привезши с богатствами всеми,
С сыном и с целым народом, какой-нибудь выселив город,
К Спарте который поближе, который под властью моею.
Часто б тогда мы встречались, любили бы жарко друг друга
И наслаждались друг другом. Не раньше бы разлучились,
Чем одного бы окутало черное облако смерти.

Верно, однако, сам бог позавидовал нашему счастью
И одного лишь того несчастливца лишил возвращения». —
Так он сказал, и у всех появилось желание плакать.
Плакала горько Елена аргивская, дочь Молневержца,
Плакали сын Одиссея и царь Менелай русокудрый.
У Писистрата глаза не бесслезными также остались:
Брат ему милый на память пришел, Антилох безупречный,
Сыном блистательным ясной Зари умерщвленный под Троей.
Вспомнил о нем Писистрат и слова окрыленные молвил:
«Разумом ты, Атреид, между всеми людьми выдаешься, —
Так говорил престарелый нам Нестор, когда вспоминали
Мы о тебе в нашем доме, ведя меж собою беседу.
Нынче послушайся, если возможно, меня. Никакой мне
Радости нет горевать после ужина. Будет еще ведь
Завтрашний день для скорбей. Ничего не имею я против,
Ежели плачут о муже, кто умер и роком настигнут.
Только и почести смертным несчастным, что волосы срежут
В память его да слезинка-другая в глазах навернется.
Брата и я потерял. И не худшим он был среди ахейцев
Воином. Знаешь его ты, наверное. Сам я не видел,
С ним не встречался. Однако меж всех, говорят, выдавался
Брат Антилох, как бесстрашный боец и бегун быстроногий». —
Так отвечая ему, сказал Менелай русокудрый:
«Все ты, мой друг дорогой, говоришь, что сказал бы и сделал
Наиразумнейший муж и даже старейший годами.
Сын ты такого отца, потому и сказал так разумно.
Род человека легко познается, которому выпрял
Счастье Зевс-промыслитель при браке его иль рождении.
Также и Нестору счастье дал он — все дни непрерывно
Стариться в доме своем в весельи и в полном довольстве
И сыновьями иметь копьеборных людей и разумных.
Плач похоронный, какой тут случился, давайте оставим!
Вспомним об ужине снова и руки омоем водою.
Времени ж будет довольно обоим и завтрашним утром
И Телемаху и мне — обменяться словами друг с другом». —
Так он сказал. Асфалион, проворный служитель Атрида,
Быстро им подал воды, чтоб они себе руки умыли.
К пище готовой потом они руки свои протянули.
Новая мысль тут явилась у дочери Зевса Елены.
Снадобье бросила быстро в вино им, которое пили,
Тонут в нем горе и гнев и приходит забвение бедствий.
Если бы кто его выпил, с вином намешавши в кратере,
Целый день напролет со щеки не сронил бы слезинки,
Если бы даже с отцом или с матерью смерть приключилась,
Если бы прямо пред ним или брата, иль милого сына
Острою медью убили и он бы все видел глазами.
Некогда было то средство целебное с действием верным
Дочери Зевса дано Полидамной, супругою Фона,
В дальнем Египте, где множество всяческих трав порождает
Тучная почва — немало целебных, немало и вредных.
Каждый в народе там врач, превышающий знаньем обширным
Прочих людей, ибо все в той земле из Пэанова рода.

Снадобье бросив в вино и вино разнести приказавши,
Так начала говорить Елена, рожденная Зевсом:
«Царь Менелай Атреид, питомец Зевеса, и все вы,
Дети отважных мужей! По желанию Зевс посылает
Людям и зло и добро, ибо все для Кронида возможно.
Сидя тут в зале высоком, пируйте в весельи, беседой
Тешьтесь, а я рассказать подходящее вам бы хотела.
Подвигов всех Одиссея, в страданиях твердого духом,
Ни рассказать не смогу я, ни их перечислить подробно.
Но расскажу, на какое деянье дерзнул он бесстрашно
В дальнем троянском краю, где так вы, ахейцы, страдали.
Сам себе страшно позорнейшим способом тело избивши,
Рубищем жалким, подобно невольнику, плечи одевши,
В широкоуличный город враждебных мужей он пробрался.
Так себя скрывши, совсем он другому был мужу подобен —
Нищему, как никогда его возле судов не видали.
Образ принявши его, он прошел в Илион, подозрений
Не возбуждав ни в ком. Только я его сразу узнала,
Спрашивать стала, но он от ответов хитро уклонился.
Только тогда, как его я обмыла и маслом натерла,
Платьем одела и клятвой великой ему поклялася,
Что лишь тогда Одиссея троянцам я выдам, когда он
В стан уж вернется к себе, к ахейским судам
быстролетным, —

Только тогда мне раскрыл он весь замысел хитрый ахейцев.
В городе много троянцев избив длиннолезвенной медью,
Он возвратился к ахейцам, принесши им знанье о многом.
Громко другие троянки рыдали. Но радостью полно
Было сердце мое: уж давно я рвалась уехать
Снова домой и скорбела о том ослепленьи, какое
Мне Афродита послала, уведши меня из отчизны,
Бросить заставив и дочку, и брачную спальню, и мужа,
Могшего духом и видом своим потягаться со всяким».
И, отвечая Елене, сказал Менелай русокудрый:
«Что говоришь ты, жена, говоришь ты вполне справедливо.
Случай имел я узнать и стремленья, и мысли, и нравы
Многих мужей благородных, и много земель посетил я,
Но никогда и нигде не случилось мне видеть глазами
Мужа такого, как царь Одиссей, в испытаниях твердый, —
Также и дела такого, какое отважился сделать
Муж тот могучий в коне деревянном, в котором засели
Все мы, храбрейшие в войске, готовя погибель троянцам.
Ты в это время к коню подошла. Побудил тебя, верно,
Бог, нам враждебный, желавший врагам нашим славу
доставить.

Вместе с тобой подошел Деифоб, на бессмертных похожий.
Щупая трижды засаду, пустую внутри, обошла ты
И начала называть поименно знатнейших данайцев
(Голосу полное сходство придав с голосами супруг их).
Я, и Тидид Диомед, и царь Одиссей богоравный,
Сидя засадой в коне, услышали, как ты закричала.
Мы с Диомедом в волненьи вскочили и тотчас хотели

Выйти наружу иль громко тебе изнутри отозваться.
Но Одиссей удержал нас, не дал проявиться порыву.
(Все остальные ахейцы сидели в глубоком молчании.
Только Антикл попытался тебе отозваться словами.
Быстро тогда Одиссей руками могучими крепко
Рот Антиклу зажал и от гибели тем нас избавил.
Столько держал он, покуда тебя удалила Афина.)»
Сыну Атрида в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Зевсов питомец Атрид Менелай, повелитель народов!
Тем мне больней, что он все же не спасся от гибели грозной,
Хоть и железное сердце в груди у родителя было.
Ну, а теперь не пора ль нас в постели отправить, чтоб также
Мы получили возможность и сладостным сном насладиться».
Так он промолвил. Елена тотчас приказала рабыням
Две кровати поставить в сенях, из подушек красивых,
Пурпурных ложе устроить, а сверху покрыть их коврами,
Два одеяла пушистых постлать, чтобы сверху покрыться.
С факелом ярким в руках поспешили рабыни из дома
И постелили постели. Глашатай из зала их вывел.
Гости спать улеглись в притворе Атридова дома, —
Сын Одиссеев герой и Несторов сын достославный.
Царь же во внутренней спальне высокого дома улегся
Рядом с Еленою длинноодеждною, светом меж женщин.
Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.
Быстро с постели Атрид Менелай поднялся русокудрый,
Платьем оделся, отточенный меч чрез плечо перебросил,
К белым ногам привязал красивого вида подошвы,
Вышел из спальни своей, бессмертному богу подобный,
И к Телемаху подсел, и по имени назвал, и молвил:
«Что за нужда, Телемах благородный, тебя привела к нам,
В Лакедемон наш пресветлый, хребтами широкими моря?
Дело народное или свое? Скажи откровенно».
Сыну Атрида в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Зевсов питомец Атрид Менелай, повелитель народов!
Прибыл сюда я, — не дашь ли каких об отце мне известий?
Дом пожирается мой, и погибло мое достоянье;
Дом мой полон врагов, которые режут без счета
Мелкий скот мой и медленноходных быков криворогих;
Матери это моей женихи, наглейшие люди!
Вот почему я сегодня к коленям твоим припадаю, —
Не пожелаешь ли ты про погибель отца рассказать мне,
Если что видел своими глазами иль слышал рассказы
Странника. Матерью был он рожден на великое горе!
И не смягчай ничего, не жалея и со мной не считайся,
Точно мне все сообщи, что видеть тебе довелось.
Если когда мой отец, Одиссей благородный, словами ль,
Делом ли что совершил, обещанье свое исполняя,
В дальнем троянском краю, где так вы, ахейцы, страдали, —
Вспомни об этом, молю, и полную правду скажи мне!»
В гневе жестоком ему отвечал Менелай русокудрый:
«Как это? Брачное ложе могучего, храброго мужа
Вдруг пожелали занять трусливые эти людишки!

Это как если бы лань для детенышей новорожденных
Выбрала логово мощного льва, их бы там уложила
И по долинам пошла бы пастись, поросшим травую,
Лев же могучий меж тем, к своему воротившись ложу,
И оленятам и ей бы позорную смерть приготовил, —
Так же и им Одиссей позорную смерть приготовит.
Если бы, Зевс, наш родитель, и ты, Аполлон, и Афина, —
В виде таком, как когда-то на Лесбосе он благозданном
На состязаньях с Филомелеидом бороться поднялся,
С силой швырнул его наземь и радость доставил ахейцам, —
Пред женихами когда бы в таком появился он виде,
Короткожизненны стали б они и весьма горькобразны!
То же, что знать от меня ты желаешь, тебе сообщу я,
Не уклоняясь от правды ни в чем, не виляя нисколько.
Все, что мне старец правдивый морской сообщил, ни о чем я
Не умолчу пред тобой, ни единого слова не скрою.
Сердцем домой я рвался, но все время держали в Египте
Боги меня, потому что я им не принес гекатомбы.
Боги хотят, чтоб всегда приказанья их помнили люди.
Остров такой существует на море высокоприбойном;
Перед Египтом лежит он (название острову — Фарос)
На расстояньи, какое в течение дня проплывает
По морю, ветром попутным гонимый, корабль изогнутый.
Гавань прекрасная в нем. Отплывают из гавани этой,
Черной запасшись водой, корабли равнобокие в море.
Двадцать там дней меня боги держали. Все время ни разу
Дующих в сторону моря попутных ветров не явилось,
Что провожают суда по хребту широчайшего моря.
Все бы у нас истощилось — и силы людей и припасы, —
Если бы жалко не стало меня Эйдофее богине,
Дочери старца морского, могучего бога Протея.
Ей всего более дух взволновал я. Когда одиноко
Шел от товарищей я вдалеке, мне она повстречалась.
Все они время, близ моря слоняясь, кривыми крючками
Рыбу ловили: терзал жесточайший им голод желудка.
Близко став предо мною, она мне промолвила громко:
— Глуп ли ты так, чужеземец, иль так легкомыслен? Нарочно

ль

Бросил о всем ты заботу и сердце страданьями тешишь?
Так ты на острове долго сидишь — и найти не умеешь
Выхода, тем ослабляя в сердцах у товарищей бодрость! —
Так мне сказала. И я, отвечая богине, промолвил:
— Кто б из богинь ни была ты, всю правду тебе расскажу я.
Нет, не по собственной воле я здесь задержался, но, видно,
Чем-то богов я обидел, владеющих небом просторным.
Ты хоть скажи мне, богиня, — ведь все вам, бессмертным,
известно, —
Кто из богов меня держит и мне закрывает дорогу
Для возвращенья домой по обильному рыбами морю? —
Так говорил я. И светлая мне отвечала богиня:
— Я, чужеземец, тебе совершенно правдиво отвечу:
Часто бывает старик здесь морской из Египта, правдивый,

Бог бессмертный Протей, которому ведомы бездны
Моря всего и который царю Посейдону подвластен.
Он, говорят, мой отец, и я от него родилася.
Если б тебе удалось овладеть им, устроив засаду,
Все б он тебе рассказал про дорогу, и будет ли долг
Путь к возвращенью домой по обильному рыбами морю.
Если захочешь, спроси и о том его, Зевсов питомец,
Что в твоём доме плохого ль, хорошего ль было в то время,
Как ты домой возвращался далекой и трудной дорогой. —
Так говорила богиня. И я, отвечая, сказал ей:
— Нет, уж придумай сама, как поймать мне бессмертного
старца,
Чтобы, заметив меня как-нибудь, от меня он не скрылся.
Трудно смертному мужу с бессмертным управиться богом. —
Так сказал я. И светлая мне отвечала богиня:
— Это тебе, чужеземец, правдиво вполне сообщу я.
Только приблизится солнце к середине широкого неба,
Вдруг средь кипения черной воды, при подувшем зефире,
Правду знающий старец морской из пучины выходит.
Выйдя из волн зашумевших, ложится он в полуяму.
Тут же тюлени, потомки прекраснейшей дочери моря,
Стаями спят вокруг него, седые покинувши волны,
Острый смрад издавая глубоко с пучинного моря.
С ранней зарею тебя проведу я туда и устрою
Ложу тебе меж тюленей. А ты на судах твоих прочных
Трёх себе выбери в помощь товарищей самых надёжных.
Все же уловки того старика тебе сообщу я.
Прежде всего обойдет он тюленей и всех сосчитает.
После того же как их сосчитает старик и осмотрит,
Ляжет средь них отдыхать, как пастух средь овечьего стада.
Только увидите вы, что заснул средь своих он тюленей,
Пусть вас тотчас же забота возьмет об отваге и силе!
Быстро схватите его, как бы он ни рвался и ни бился.
Виды начнет принимать всевозможных существ он, какие
Бродят у нас по земле; и водой и огнём обернется.
Вы же без страха держите его и сжимайте покрепче.
После того как он сам обратится к тебе со словами,
Образ принявши, в каком вы его уже видели спящим,
Тотчас насилье оставь, отпусти старика на свободу
И расспроси его, кем из богов ты, герой, утесняем,
Как тебе в дом свой вернуться по рыбообильному морю. —
Так сказав, погрузилась в волнами кипящее море.
Я же к стоявшим в песках кораблям моим шаг свой направил.
Сильно во время дороги мое волновалось сердце.
После того как пришел к своему кораблю я и к морю,
Ужин сготовили мы. Священная ночь наступила.
Спать мы тогда улеглись близ прибором шумящего моря.
Рано рожденная встала из тьмы розоперстая Эос.
Двинулся в путь я, бессмертным богам горячо помолившись,
Берегом моря широкодорожного. Вместе с собою
Трёх я товарищей вел, для всякого дела пригодных.
Тут погрузилась богиня в широкое лоно морское

И принесла из пучины четыре нам шкуры тюленьих,
Только что содранных: хитрость она на отца замышляла.
На берегу средь песков уже вырыла нам она яму
И в ожиданьи сидела, когда подошли мы к богине.
Каждого в яму она уложила и шкурой покрыла.
Стать ужасной для нас могла бы засада. Ужасно
Мучил нас гибельный запах питаемых морем тюленей.
С чудищем моря в соседстве легко ли лежать человеку!
Но принесла нам спасенье она и великую помощь:
Смазала каждому ноздри амвросией, пахнувшей сладко.
Запахом тем благовонным был смрад уничтожен чудовищ.
Стойко мы целое утро под шкурами там пролежали.
Стаями вышли из моря тюлени и друг возле друга
Все на песке улеглись близ прибором шумевшего моря.
В полдень вышел старик из соленого моря; увидел
Жирных тюленей своих на песке, обошел, сосчитал их;
Первыми нас между чудищ своих сосчитал он; и мысли
Не было в духе его о засаде. Улегся и сам он.
Выскочив с криком из ям, мы кинулись к старцу, схватили
Крепко его. О коварном искусстве своем не забыл он.
Огненнооким сначала представился львом бородатым,
После того леопардом, драконом и вепрем огромным,
Деревом вдруг обернулся высоким, текучей водою.
Стойкие духом, бесстрашно его мы держать продолжали.
Это наскучило скоро в уловках искусному старцу.
Вдруг, с человеческим словом ко мне обратившись, спросил

он:

— Кто из бессмертных тебя, Атреид, обучил из засады
Мной овладеть против воли моей? Чего тебе нужно? —
Так спросил он, и я, ему отвечая, промолвил:
— Знаешь ты, старец, и сам, — для чего отвлекаешь

вопросом,

Как я на острове долго сижу и найти не умею
Выхода, как постепенно все более падаю духом.

Ты хоть скажи мне, о старец, — ведь все вам, бессмертным,
известно,

Кто из богов меня тут задержал и закрыл мне дорогу
Для возвращенья домой по обильному рыбами морю? —
Так говорил я. Немедленно мне, отвечая, сказал он:

— Но ведь, всходя на корабль, обязательно должен был
жертву

Зевсу и прочим богам ты принести, раз хотел поскорее
По винно-чермному морю вернуться в родимую землю.
Ибо тогда лишь судьба тебе — близких увидеть, приехать
В дом твой прекрасный обратно и в милую землю родную,
Если теперь же назад ты поедешь к теченьям Египта,
Зевсом вспоенной реки, и святые свершишь гекатомбы
Вечно живущим богам, владеющим небом широким;
И подадут тебе боги дорогу, какую желаешь. —
Так говорил он. Разбилось тогда мое милое сердце:
Он мне приказывал снова по мглисто-туманному морю
Ехать обратно в Египет тяжелой и длинной дорогой!

Но, несмотря и на это, ему отвечая, сказал я:
— Все это точно, о старец, исполню я, как мне велишь ты.
Но Расскажи еще вот что и будь откровенен со мною:
Все ль невредимо в судах воротились ахейцы, которых
Нестор и я за собою оставили, Троию покинув?
Или погиб кто-нибудь с кораблем своим гибелью горькой,
Или, проделав войну, на руках своих близких скончался? —
Так говорил я. И, мне отвечая, тотчас же сказал он:
— Что ты об этом, Атрид, выпрашивать вздумал? Не надо б
Знать тебе лучше об этом. Не думаю я, чтобы долго
Смог ты остаться бесслезным, когда все подробно узнаешь.
Много из них уж погибло, но много и живо осталось.
Из предводителей меднодоспешных ахейцев лишь двое
При возвращеньи погибли; кто в битвах убит, ты ведь знаешь;
Третий же где-то живой задержался на море широком.
С длинновесельными вместе судами Аякс Оилеев
В море погиб. Посейдон о гирейские острые скалы
Раньше суда лишь разбил, самого ж его спас из пучины.
Смерти б он так и избег, хоть и был ненавистен Афине,
Если б в большом ослепленьи хвастливого слова не бросил,
Что, и богам вопреки, он спасся из гибельной бездны.
Дерзкую эту его похвальбу Посейдаон услышал.
Вспыхнувши гневом, трезубец в могучие руки схватил он
И по гирейской ударил скале, и скала расколосась.
Часть на месте осталась, обломок же в море свалился,
Тот, находясь на котором, Аякс погрешил так жестоко.
Вслед за собою увлек и его он в кипящее море.
Так он там и погиб, соленой воды наглотавшись.
Брат же твой Кер избежал, от них ускользнул в изогнутых
Черных своих кораблях. Спасла владычица Гера.
Все же в то время когда уж к высокому мысу Малей
Близок он был, подхватила его налетевшая буря
И понесла через рыбное море, стеновавшего тяжко,
К крайним пределам страны, где Фиест обитал в своем доме
В прежнее время; теперь же Эгист Фиестид обитал там.
Но появился счастливый возврат для него и оттуда.
Ветер боги назад повернули, и прибыл домой он.
Вышел в восторге на землю родную Атрид Агамемнон,
К родине крепко припал, целовал ее. Жаркие слезы,
С радостью землю увидев, из глаз проливал он обильно.
С вышки, однако, тотчас его сторож заметил. Поставлен
Был он Эгистом коварным, который ему два таланта
Золотом дать обещал; сторожил он уж год, чтоб внезапно
Не появился Атрид и о буйной не вспомнил бы силе.
Быстро направился в дом к пастуху он народов с известьем.
Тотчас коварнейший план задумал Эгист. Средь народа
Выбрал надежнейших двадцать мужей, посадил их в засаду,
В доме с другой стороны обед приказал приготовить,
Сам же отправился звать Агамемнона, пастыря войска,
На колесницах с конями, замыслив недоброе дело.
Встретил его, подозрению чуждого, ввел его в дом свой
И, угостивши, зарезал, как режут быка возле яслей.

Ни одного из прибывших с Атридом в живых не осталось,
Но и Эгистовых также: все в мужеском зале погибли. —
Так он сказал. И разбилось тогда мое милое сердце.
Плакал я, сидя в песках. И совсем моему не хотелось
Сердцу ни жить, ни глядеть на сияние яркое солнца.
После того как уж власть я наплакался, власть наваялся,
Старец правдивый морской такое промолвил мне слово:
— Сын Атреев, не надо так долго и так неутешно
Плакать. Ведь плачем своим ничего мы не сможем
достигнуть.

Лучше подумай о том, как скорее в отчизну вернуться.
Или еще ты застанешь Эгиста живым, иль Орестом
Он уже будет убит, и ты к погребенью поспеешь. —
Так он ответил. И радость огромная вдруг охватила,
Как ни жестоко скорбел я, и дух мой отважный и сердце.
Громко я старцу морскому слова окрыленные молвил:
— Знаю теперь о двоих. Назови же мне третьего мужа,
Кто, еще будучи жив, задержан на море широком.
Или уж нет и его? Как ни горько, но слушать готов я. —
Так говорил я. И мне отвечая, тотчас же сказал он:
— Третий средь этих мужей — Лаэртос сын из Итаки.
Льющим обильные слезы его я на острове видел:
Там его нимфа Калипсо насильно в дому своем держит,
И воротиться никак он не может в родимую землю.
Нет ни товарищей там у него, ни судов многовеслых,
Чтоб он отправиться мог по хребту широчайшему моря.
Но для тебя, Менелай, приготовили боги иное:
В конепитательном Аргосе ты не подвергнешься смерти.
Будешь ты послан богами в поля Елисейские, к самым
Крайним пределам земли, где живет Радамант русокудрий.
В этих местах человека легчайшая жизнь ожидает.
Нет ни дождя там, ни снега, ни бурь не бывает жестоких.
Вечно там Океан бодрящим дыханьем Зефира
Веет с дующим свистом, чтоб людям прохладу доставить.
Ибо супруг ты Елены и зятем приходишься Зевсу. —
Так сказав, погрузился в волнами шумевшее море.
Я ж и товарищей трое пошли к кораблям нашим быстрым.
Сильно во время дороги мое волновалось сердце.
После того как пришли к кораблям чернобоким и к морю,
Ужин сготовили мы. Бессмертная ночь наступила.
Спать мы тогда улеглись близ прибором шумящего моря.
Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.
Прежде всего корабли мы спустили в священное море,
Мачты потом с парусами вовнутрь кораблей уложили,
Люди и сами взошли на суда и к уключинам сели
Следом один за другим и ударили веслами море.
Снова я стал с кораблями вблизи от течений Египта,
Зевсом вспоенной реки, и святые свершил гекатомбы.
После того же как гнев прекратил я богов вечно-сущих,
Холм я насыпал над братом, чтоб слава его не угасла.
Сделавши это, поплыл я. Послали мне ветер попутный
Вечные боги и скоро к отчизне доставили милой.

Вот что, однако, тебе, Телемах, предложить я хотел бы:
Дней на одиннадцать или двенадцать останься-ка с нами;
После тебя хорошо провожу, одаривши богато:
Трех подарю тебе быстрых коней с колесницей блестящей,
Дам тебе также и чашу прекрасную, чтобы бессмертным
Ты возлиянья творил, всегда обо мне вспоминая».

Сыну Атрея в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Очень прошу, Атреид, не удерживай здесь меня долго!
Если бы даже сидел я в течение года с тобою,
Ни о родителях я тосковать бы не стал, ни о доме.
Слушая жадно все речи твои и рассказы, ужасно
Я наслаждаюсь. Однако товарищи ждут с нетерпением
В Пилосе многосвященном меня. А ты меня держишь.
Что ж подарить ты мне хочешь, пусть будет лежачее нечто.
Не поведу лошадей я в Итаку; пускай остаются,
Пусть у тебя самого здесь красуются. Ты ведь владеешь
Очень широкой равниной, на ней там и донник, и кипер,
Полба, пшеница и белый ячмень ширококолосистый.
Мы ж ни широких дорог, ни лугов не имеем в Итаке.
Коз лишь кормя, мне милее она, чем коней бы кормила.
Все острова, что на море лежат, для коней не проезжи
И не богаты лугами. Итака же менее прочих».

Так он сказал. Менелай улыбнулся могучеголосый,
И Телемаха погладил рукой, и назвал, и промолвил:
«Крови хорошей ты, милый мой сын, если так говоришь ты.
Что же, подарок тебе обменяю. Могу я и это!
Дам я подарок, который „лежачим“ лежит в моем доме, —
Самый прекрасный меж всеми подарками, самый почетный.
Дам я в подарок тебе кратер превосходной работы;
Из серебра он отлит, а края у него золотые.
Сделан Гефестом. Его подарил мне Федим благородный,
Царь сидонцев, когда его дом, при моем возвращеньи,
Всех нас радушно покрыл. Кратер тот тебе подарю я».

Так меж собой разговоры вели Менелай с Телемахом.
Гости сходились в дом, где божественный царь ожидал их;
Гнали овец и несли приносящие мужество вина;
Жены же их в покрывалах блистающих хлеб посылали.
Так об обеде они хлопотали в Атридовом доме.
А женихи в это время на острове дальнем Итаке
Пред Одиссеевым домом обычной игрой забавлялись —
Диски и копья метали на плотно убитой площадке.
Но Антиной с Евримахом, похожим на бога, сидели —
Всех женихов вожаки и первые знатностью рода.
Близко Фрониев сын Ноемон подошел к ним обоим
И Антиною сказал, с таким обратившись вопросом:
«Знаешь ли ты, Антиной, в уме своем или не знаешь,
Скоро ль назад Телемах из песчаного Пилоса будет?
Взял у меня он корабль, а теперь самому он мне нужен,
Чтобы поехать в Элиду просторную. Есть там двенадцать
Крепких кобыл у меня, и при них жеребята их, мулы,
Дикие все. Я хотел бы поймать одного, чтоб объездить».

Так он сказал. Изумились они. И на мысль не могло им

Это прийти, чтоб он в Пилос уехал. Они полагали, —
Он где-нибудь на полях возле стад иль пошел к свинопасу.
И Ноемону сказал Антиной, Евпейтом рожденный:
«Правду скажи мне: когда он уехал? Какие поплыли
Юноши с ним? На Итаке ль набрал их? Наемных рабочих
Взял ли своих? Иль рабов? Ведь смог бы и это он сделать!
Также и это скажи мне правдиво, чтоб знал хорошо я:
Силой ли взял, против воли твоей, он корабль чернобокий
Иль добровольно ты дал, лишь усердно тебя попросил он?»
Фрониев сын Ноемон, отвечая, сказал Антиною:
«Сам добровольно я дал. А как и другой поступил бы,
Если б такой человек, с переполненным горестью сердцем,
С просьбой подобной пришел? Отказать ему было бы трудно!
Юноши отплыли с ним, после нас в итакийском народе
Самые первые. Их предводителем был, я заметил,
Ментор иль, может быть, бог, во всем ему видом подобный.
Вот я чему удивляюсь: божественный Ментор вчера мне
Утром встретился здесь, хоть и сел на корабль с остальными».
Так им ответив, направил шаги он к отцовскому дому.
Сильно у тех у двоих взволновалось отважное сердце;
Всех женихов посадили они, прекратив состязанья,
И Антиной, сын Евпейта, с такой обратился к ним речью,
Гневом пылая. В груди его мрачное сердце ужасной
Злобой наполнилось; пламенем ярким глаза засверкали:
«Дело выходит плохое! Грозит нам бедою немалой
Дерзкая эта поездка его! И могли ль ожидать мы!
Нас никого не спросясь, самовольно мальчишка уходит
И снаряжает корабль, товарищей выбрав в народе!
Станет и в будущем нам он бедой. Пусть уж лучше погубит
Зевс его силу, покамест еще не совсем возмужал он.
Дайте же быстрый корабль мне и двадцать товарищей в
помощь,
Чтобы, когда возвращаться он будет, устроить засаду
И подстеречь его между Итакой и Замом, в проливе.
Эти исканья отца не добром ему кончить придется!»
Так он сказал. Изъявили свое одобренье другие,
Тотчас затем поднялись и направились в дом Одиссея.
Но оставалась недолго в неведеньи Пенелопея,
Что против сына ее женихи замышляют коварно.
Вестник сказал ей Медонт: за оградой двора он подслушал
Их совещанье, — они ж на дворе свои замыслы ткали.
Быстро пошел он чрез дом, чтобы все сообщить Пенелопе.
Только сошел он с порога, сказала ему Пенелопа:
«От женихов благородных с каким ты пришел порученьем?
Чтобы служанкам сказать Одиссея, подобного богу,
Бросить дела и идти поскорее обед им готовить?
Лучше б не сватались, лучше сюда не собирались бы больше,
В самый последний уж раз бы у нас пообедали нынче!
Как вы собираетесь часто, как губите наше добро здесь, —
Все достояние сына! Ужели, как были детьми вы,
Вам не случалось ни разу от ваших родителей слышать,
Как относился всегда к ним мой муж, Одиссей богоравный?»

Не обижал никого никогда он ни словом, ни делом,
Как для божественных это царей совершенно обычно:
Возненавидят того из людей, а другого возлюбят.
Он же во всю свою жизнь никого из людей не обидел.
Ясно пред всеми ваш дух, недостойные ваши поступки
Вы проявили, в вас нет благодарности к прошлым заслугам!»
Ей ответил Медонт, разумными мыслями полный:
«Если б лишь это, царица, бедой величайшею было!
Дело другое они замышляют, гораздо ужасней,
Больше гораздо! Не дай им Кронион то дело исполнить!
Острою медью убить замышляют они Телемаха
При возвращеньи домой. В песчанистый Пилос и в светлый
Лакедемон он поехал, чтоб там об отце поразведать».
Так он сказал. Ослабели у той и колени и сердце.
Долго ни слова сказать не могла, оборвался цветущий
Голос ее, и мгновенно глаза налились слезами.
Долго молчала она, пока собралась ответить:
«Вестник, куда же уехал мой сын? Для чего ему было
Плыть куда-то на быстрых судах, что морскими конями
Взрослым служат мужам, пробегая по влаге великой?
Не для того ли, чтоб имя само его в людях исчезло?»
Ей ответил Медонт, разумными мыслями полный:
«Мне неизвестно, внушил ли какой-либо бог ему это,
Или же собственный дух побудил его в Пилос поехать,
Чтоб разузнать об отце, возвратится ли он иль погиб уж».
Так сказав, удалился Медонт через дом Одиссея.
Сердце губящая скорбь охватила ее; не хотелось
Ей на стуле сидеть, хоть и было их в доме немало.
Села она на порог своей прочно построенной спальни,
Горько печалась. Кругом заливались слезами рабыни,
Сколько их ни было в доме, и старые и молодые.
Громко рыдая, сказала рабыням своим Пенелопа:
«Слушайте, милые! Мне лишь из всех, кто возрос и родился
Одновременно со мной, дал скорби такие Кронион!
Раньше погиб у меня благородный супруг львинодушный,
Множеством доблестных свойств выдававшийся между
данайцев,
Славой которого полны Эллада и Аргос пространный.
Нынче ж возлюбленный сын мой — куда, неизвестно — из
дома
Бурями прочь унесен. Не слыхала я, как и собрался!
Подлые! Ясно ведь все понимали вы, — как же из вас-то
Не догадалась хотя бы одна разбудить меня тотчас,
Как он на пристань к судну чернобокому из дому вышел!
Если б тогда я узнала, что путь он такой замышляет,
Как бы он в путь ни рвался, но все же бы дома остался
Или меня бы оставил умершею в этом жилище!
Но поскорее ко мне старика позовите Долия,
Данного в слуги отцом мне, когда я сюда отправлялась,
Здесь же за садом моим многодревным смотрящего.
Пусть он Тотчас к Лаэрту бежит и, подсевши, ему все
расскажет.

Может быть, в сердце своем он какое придумает средство
С жалобой выйти к народу, который губить позволяет
Род и Лаэрта и сына Лаэрта, подобного богу».

Добрая ей Еврикля кормилица так отвечала:
«Милая дочка! Убить меня можешь безжалостной медью
Или же целой оставить, но правды скрывать я не буду.
Было известно мне все. Принесла я, что мне приказал он, —
Хлеба, вина на дорогу. С меня же великую клятву
Взял он молчать, покамест двенадцатый день не наступит
Или пока ты не спросишь, пока от других не услышишь.
Он опасался, что плачем своей красоте повредишь ты.
Вот что: омывшись и чистой одеждою тело облекши,
Вместе с служанками в верхний покой поднимись и молитву
Там сотвори пред Афиной, рожденною Зевсом владыкой.
Сына тебе и от смерти самой сохранить она сможет.
Но старика не печаль ты печального. Вовсе не так уж,
Думаю я, ненавистны блаженным бессмертным потомки
Аркезиада. Из них кто-нибудь еще будет владельцем
Дома с высокою кровлей и тучных полей отдаленных».

Так ей сказав, успокоила скорбь и в глазах ей сдержала
Слезы. Омывшись и чистой одеждою тело облекши,
Вместе с служанками в верхний покой поднялась Пенелопа
И, ячменю положивши в корзинку, взмолилась к Афине:
«Неодолимая дочь Эгиоха Зевеса, внемли мне!
Если когда-либо в доме своем Одиссей многоумный
Тучные бедра коров иль овец сожигал пред тобою,
Вспомни об этом теперь, и милого сына спаси мне,
И отклони от него женихов злоумышленных козни!»

Кончивши, клик издала. И богиня услышала просьбу.
А женихи в это время шумели в тенистом чертоге.
Так не один говорил из юношей этих надменных:
«Свадьбу нам, верно, готовит желанная многим царица!
Мысли же нет у нее, что готовится смерть ее сыну!»

Так не один говорил — и не знал, что готовится вскоре
Им же самим. Обратился ко всем Антиной и воскликнул:
«Что вы, с ума посходили? Заносчивой всяческой речи
Остерегайтесь, чтоб кто вон туда, вовнутрь, не донес бы!
Встанемте в полном молчаньи, отправимся в путь и исполним
Дело, которое по сердцу всем вам сегодня пришлось».

Так сказал он и двадцать надежнейших спутников выбрал,
С ними пошел к кораблю и к песчаному берегу моря.
Сдвинули прежде всего в глубину они моря корабль свой,
Мачту потом со снастями на черный корабль уложили,
К кожаным кольцам уключин приладили крепкие весла,
Как полагается все, и потом паруса распустили.
Смелые слуги оружие им принесли. Укрепили
В месте глубоком они свой корабль и сошли с него наземь;
Там они ужинать сели и позднего вечера ждали.
Тою порой Пенелопа разумная в верхнем покое
Грустно без пищи лежала, еды и питья не вкушая,
Думая все об одном: избегнет ли сын ее смерти
Или от рук женихов злоумышленных примет погибель?

Так же, как лев уstraшенный волнуется, видя, что быстро
Толпы охотников круг перед ним замыкают коварный,
Так и она волновалась. Но сон низошел к ней, и, сладко
К ложу склонясь, задремала она. И печали исчезли.
Новая мысль тут пришла совоокой Афине богине.
Призрак она создала, похожий на женщину видом,
Старца Икария дочь, сестру Пенелопы Ифтиму,
Взятую замуж Евмелом, имеющим жительство в Ферах.
В дом Одиссея послала тот призрак Паллада Афина,
Чтоб у повергнутой в скорбь, исходящей в слезах Пенелопы
Горькое он прекратил гореванье и плач многослезный.
В спальню призрак вошел, скользнув вдоль ремня от затвора,
Стал над ее головой и такое промолвил ей слово:
«Спишь, Пенелопа, печалью себе истерзавшая сердце?
Легкоживущие боги тебе запрещают, царица,
Плакать и мучиться горем. Вернется домой невредимым
Сын твой; ни в чем пред богами бессмертными он не
виновен».

Ей, отвечая, разумная так Пенелопа сказала,
В сладостной лежа дремоте в воротах ночных сновидений:
«Что это значит, сестра, что сюда ты пришла? Не бывало
Этого раньше. От нас ведь живешь ты не очень-то близко.
Как же ты хочешь, чтоб я прекратила печаль и рыдания,
Жгущие сердце и дух мне с такой нестерпимой силой?
Раньше погиб у меня благородный супруг львинодушный,
Множеством доблестных свойств выдававшийся между
данайцев,

Славой которого полны Эллада и Аргос просторный.
Нынче ж в судне изогнутом уехал возлюбленный сын мой,
Юный, еще ни к трудам, ни к беседам совсем не привыкший.
Больше теперь я о нем сокрушаюсь, чем даже о муже,
Сердцем боюсь и дрожу, чтоб какой с ним беды не случилось
На море или у тех, в чьей стране ему быть доведется,
Ибо немало врагов на него замышляет худое,
Смерти стремясь предать до его возвращения в отчизну».
Призрак неясный тогда в ответ Пенелопе промолвил:
«Будь смелее, сестра, и сердцем чрезмерно не бойся!
Спутница есть у него, и такая, которой бы всякий
Муж пожелал, чтоб стояла при нем, ибо все она может, —
Дева Афина. Тебе она в горе твоём сострадает.
Все тебе это сказать она-то меня и послала».
Снова тогда Пенелопа разумная ей отвечала:
«Если ты вправду богиня и слышала голос богини,
То умоляю, открой и его мне печальную участь.
Жив ли еще Одиссей, сияние видит ли солнца
Или его уж не стало и в область Аида сошел он?»
Призрак неясный тогда в ответ Пенелопе промолвил:
«Точно тебе ничего не скажу о судьбе Одиссея,
Жив ли еще он иль умер. На ветер болтать не годится».
Так он сказал и исчез, скользнувши вдоль двери засова
Легким дыханием ветра. И тотчас от сна пробудилась
Дочь Икария. Радость объяла ей милое сердце, —

Так сновидение ясно пред ней пронеслось среди ночи.
Сев на корабль, женихи дорогою влажною плыли,
В замыслах близкую смерть Одиссееву сыну готовя.
На море остров утесистый есть. Меж Итакой лежит он
И между Замом скалистым. Названье ему Астерида.
Он невелик. Для судов две пристани есть там спокойных
С разных сторон. На нем-то в засаде остались ахейцы.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Рядом с прекрасным Тифоном в постели проснулась Эос
И поднялась, чтобы свет принести и бессмертным и
смертным.

На совещание боги сошлись. Восседал между ними
Зевс высокогремящий, могуществом самый великий.
Им рассказала Афина про все Одиссеевы беды:
Сильно ее он тревожил своим пребываньем у нимфы.
«Зевс, наш родитель, и все вы, блаженные, вечные боги!
Мягким, благим и приветливым быть уж вперед ни единый
Царь скиптроносный не должен, но, правду из сердца
изгнавши,

Каждый пускай притесняет людей и творит беззаконья,
Если никто Одиссея не помнит в народе, которым
Он управлял и с которым был добр, как отец с сыновьями.
Много страданий терпя, на острове дальнем, в жилище
Нимфы Калипсо живет он. Она его держит насильно,
И невозможно ему в дорожную отчизну вернуться.
Нет у него многовеслых судов и товарищей верных,
Кто б его мог отвезти по хребту широчайшему моря.
Нынче же милого сына его умертвить замышляют
При возвращеньи домой. В песчанистый Пилос и в светлый
Лакедемон он поехал, чтоб там об отце поразведать».
Ей отвечая, сказал собирающий тучи Кронион:
«Что за слова у тебя чрез ограду зубов излетели,
Милая дочь! Не сама ль ты в рассудке своем порешила,
Как им всем Одиссей отомстит, воротившись в отчизну.
И проводи половчей Телемаха, — ты это ведь можешь, —
Чтобы вполне невредимым он прибыл в отцовскую землю,
А женихи бы вернулись назад, ничего не достигнув».
Так сказав, обратился он к милому сыну Гермесу:
«Ты и всегда ведь, Гермес, посланником служишь, так вот
что:

Нимфе скажи пышнокошой про твердое наше решенье,
Чтоб возвращен был домой Одиссей боестойкий, — однако
Чтобы никто из богов иль людей ему спутником не был.
Морем, на крепком плоту, перенесши немало страданий,
В день двадцатый до Схерии он доплывет плодородной,
Где обитают феаки, родные бессмертным; и будет
Ими оказана почесь ему, как бессмертному богу.
На корабле отошлют его в милую землю родную,

Меди и золота дав ему кучи и кучи одежды,
Сколько б он ввек не привез из-под Трои, свою получивши
Долю добычи, когда бы домой невредимым вернулся.
Да! Суждено ему близких увидеть и снова вернуться
В дом свой с высокою кровлей и в милую землю родную». —
Так он сказал, и вожатый послушался Аргоубийца.
Тотчас к быстрым ногам привязал золотые подошвы
Амвросиальные, всюду его с дуновением ветра
И над землей беспредельной носившие и над водою.
Жезл захватил он, которым глаза усыпляет у смертных,
Если захочет, других же, заснувших, от сна пробуждает.
Аргоубийца могучий с жезлом тем с Олимпа понесся
И, миновав Пиерию, с эфира низринулся к морю.
Низко потом над волнами понесся крылатою чайкой,
Жадно хватаящей рыб в провалах ревущего моря,
Смело во влаге соленой мочашей крепкие крылья.
Чайке подобный, понесся над сильно волнистым он морем.
После того как на остров далеко лежащий он прибыл,
Вышел на сушу Гермес с фиалково-темного моря.
Шел он, пока не достиг просторной пещеры, в которой
Пышноволосая нимфа жила. Ее там застал он.
На очаге ее пламя большое пылало, и запах
От легкоколько кедра и благовоний горящих
Остров охватывал весь. С золотым челноком обходила
Нимфа станок, и ткала, и голосом пела прекрасным.
Густо разросшийся лес окружал отовсюду пещеру,
Тополем черным темнея, ольхой, кипарисом душистым.
Между зеленых ветвей длиннокрылые птицы гнездились —
Копчики, совы, морские вороны с разинутым клювом.
Пищу они добывают себе на морском побережье.
Возле пещеры самой виноградные многие лозы
Пышно росли, и на ветках тяжелые гроздья висели.
Светлую воду четыре источника рядом струили
Близко один от другого, туда и сюда разбегаясь.
Всюду на мягких лужайках цвели сельдерей и фиалки.
Если б на острове этом и бог появился бессмертный,
Он изумился бы, глядя, и был бы восторгом охвачен.
Стал в изумленьи на месте и Аргоубийца-вожатый.
После того как на все с изумленьем Гермес нагледелся,
В грот он пространный вошел. И как только на гостя
взглянула

Нимфа, свет меж богинь, его она тотчас узнала:
Быть незнакомы друг другу не могут бессмертные боги,
Даже когда б и великое их разделяло пространство.
Но не застал он внутри Одиссея, отважного духом.
Он на скалистом обрыве сидел, как обычно, и плакал,
Стонами дух свой терзая, слезами и горькой печалью.
В даль беспокойного моря глядел он, и слезы лилися.
В ярко блестящее кресло меж тем усадила Гермеса
Нимфа, свет меж богинь, и к нему обратилась с вопросом:
«Что это? Входит сюда Гермес златожезленный, в дом мой,
Чтимый всегда, дорогой! Ты не часто меня навещаешь!

Что тебе нужно, скажи: исполнить велит мое сердце,
Если исполнить могу и если исполнить возможно.
Милости просим, войди, чтоб могла тебя угостить я». —
Так сказавши, поставила стол перед гостем богиня,
Полный амвросии; нектар ему замешала багряный.
Пил тут и ел, усевшись за стол, убийца Аргоса.
После того как поел и дух укрепил себе пищей,
С речью ответной такую к богине Гермес обратился:
«Бога, богиня, меня о приходе моем вопрошаешь.
Все я правдиво тебе сообщу: ведь сама мне велишь ты.
Зевс приказал мне явиться сюда, хоть сам не желал я.
Кто ж добровольно помчится по этакой шири бескрайной
Моря соленого, где не увидишь жилищ человека,
Жертвами чтящего нас, приносящего нам гекатомбы!
Но невозможно веленье эгидодержавного Зевса
Богу другому нарушить иль им пренебречь дерзновенно.
Он говорит, что находится здесь злополучнейший самый
Муж из героев, что девять годов осаждали упорно
Трою, в десятый же, город разрушив, отплыли в отчизну,
При возвращеньи, однако, они раздражили Афины;
Ветер зловредный и волны большие она им послала.
Все его спутники в море погибли, его самого же
К этому острову ветер принес и волны пригнали.
Этого мужа велит он тебе отослать поскорее,
Ибо ему не судьба в отдаленьи от близких погибнуть,
Но суждено ему близких увидеть и снова вернуться
В дом свой с высокою кровлей и в милую землю родную».
Так он ответил. Калипсо, богиня богинь, ужаснулась
И со словами к нему окрыленными так обратилась:
«Как вы жестоки, о боги, как завистью всех превзошли вы!
Вы допускать не хотите, чтоб ложем законным богини
Соединялись с мужами, чтоб женами им они были.
Так розоперстая Эос себе избрала Ориона.
Гнали его вы, живущие легкою жизнью боги,
Гнали, пока златотронной и чистою он Артемидой
Нежной стрелою внезапно в Ортигии не был застрелен.
Так с Язионом Деметра на трижды распаханной нови
Соединилась любовью и ложем, послушавшись сердца.
Очень недолго об этом в неведеньи Зевс оставался.
Молнией он Язиона убил ослепительно белой.
Так же и мне не даете вы, боги, остаться со смертным.
Я его в море спасла, когда одиноко сидел он
На опрокинутом киле. Корабль его молнией белой
Надвое Зевс расколол посреди винно-чермного моря.
Все остальные его товарищи в море погибли,
А самого его ветер и волны сюда вот пригнали.
Я любила его и кормила, надеялась твердо
Сделать бессмертным его и бесстаростным в вечные веки.
Так как, однако, нельзя повеленье великого Зевса
Богу другому нарушить иль им пренебречь, то пускай же,
Раз того требует этот, — пускай в беспокойное море
Едет. Но спутников дать ему никаких не могу я:

Нет у меня многовеслых судов и товарищей верных,
Кто б его мог отвезти по хребту широчайшему моря.
Что ж до советов, охотно я дам их ему и не скрою,
Как ему невредимым вернуться в отцовскую землю».
Аргоубийца-вожатый на это богине ответил:
«Значит, его отпусти! Трепещи перед Зевсовым гневом.
Иначе тяжело тебе почувствовать гнев тот придется».
Аргоубийца могучий, сказав это ей, удалился.
Нимфа-владычица, только Зевесов приказ услышала,
Тотчас направила шаг к Одиссею, отважному духом.
Он на обрыве над морем сидел, и из глаз непрерывно
Слезы лилися. В печали по родине капля за каплей
Сладкая жизнь уходила. Уж нимфа не нравилась больше.
Ночи, однако, в постели он с ней проводил поневоле
В гроте глубоком ее, — нежелавший с желавшею страстно.
Все же дни напролет на скалах и у моря сидел он,
Стонами дух свой терзая, слезами и горькой печалью.
В даль беспокойного моря глядел он, и слезы лилися.
Близко свет меж богинь к нему подошла и сказала:
«Будет, злосчастный, тебе у меня горевать неутешно!
Не сокращай себе жизни. Охотно тебя отпускаю.
Вот что ты сделаешь: бревен больших нарубивши, в широкий
Плот их сколотишь, помост на плоту там устроишь высокий,
Чтобы нести тебя мог через мгlisto-туманное море.
Я ж тебя хлебом, водою и красным вином на дорогу
Щедро снабжу, чтобы голод они от тебя отвращали.
В платье одену тебя и пошлю тебе ветер попутный,
Чтобы вполне невредимым ты прибыл в отцовскую землю,
Если того пожелают царящие в небе широком
Боги, которые выше меня и в решении и в деле».
Так говорила. И в ужас пришел Одиссей многостойкий.
Голос повысив, он к ней обратился со словом крылатым:
«В мыслях твоих не отъезд мой, а что-то другое, богиня!
Как же могу переплыть на плоту я широкую бездну
Страшного, бурного моря, когда и корабль быстроходный,
Радуюсь Зевсову ветру, ее нелегко проплывает?
Раз ты сама не желаешь, на плот ни за что не взойду я,
Если ты мне не решишься поклясться великою клятвой,
Что никакого другого несчастья мне не замыслишь».
Так он сказал. И в ответ улыбнулась пресветлая нимфа,
Глядя рукою, его назвала и так говорила:
«Ну, и хитер же ты, милый, и тонко дела понимаешь,
Раз обратиться ко мне с такою надумался речью!
Пусть мне свидетели будут земля и широкое небо,
Стиховы воды, подземно текущие, — клятва, ужасней
И нерушимей которой не знают блаженные боги, —
Что никакого другого несчастья тебе не замыслию,
Что о тебе непрерывно заботиться буду и думать,
Как о самой бы себе, если б это со мной приключилось.
Не лишено и мое справедливости сердце, и, право,
Дух в груди у меня не железный и ведает жалость».
Кончив, свет меж богинь пошла впереди Одиссея,

Быстро шагая, за нею же следом и он устремился.
В грот они оба глубокий вошли — богиня и смертный.
Он уселся на кресло, какое недавно оставил
Аргоубийца-вожатый, а нимфа пред ним разложила
Всякую пищу, какую питаются смертные люди.
Села сама пред равным богам Одиссеем, и нимфе
Подали в пищу служанки амвросию с нектаром сладким.
Руки немедленно к пище готовой они протянули.
После того как питьем и едою вполне насладились,
Нимфа, свет меж богинь, начала говорить Одиссею:
«Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!
Значит, теперь же, сейчас, ты желаешь домой воротиться
В землю родную... Ну, что ж! Пусть боги пошлют тебе
радость!

Если бы сердцем, однако, ты ведал, какие напасти
До возвращения домой перенести суждено тебе роком,
Здесь бы вместе со мною ты в этом жилище остался,
Стал бы бессмертным! Но рвешься ты духом в родимую
землю,

Чтобы супругу увидеть, по ней ты все время тоскуешь.
Право, могу похвалиться, — нисколько ни видом, ни ростом
Не уступлю я супруге твоей. Да и можно ль с богиней
Меряться женщине смертной земною своей красотой?»
Нимфе Калипсо в ответ сказал Одиссей многоумный:
«Не рассердись на меня, богиня-владычица! Знаю
Сам хорошо я, насколько жалка по сравнению с тобою
Ростом и видом своим разумная Пенелопея.
Смертна она — ни смерти, ни старости ты не подвластна.
Все ж и при этом желаю и рвусь я все дни непрерывно
Снова вернуться домой и день возвращения увидеть.
Если же кто из бессмертных меня сокрушит в винно-черном
Море, я вытерплю то отверделою в бедствиях грудью.
Много пришлось мне страдать, и много трудов перенес я
В море и в битвах. Пускай же случится со мною и это!»
Так говорил он. А солнце зашло, и сумрак спустился.
Оба в пещеру вошли, в уголок удалились укромный
И насладились любовью, всю ночь проведя неразлучно.
Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.
Тотчас плащ и хитон надел Одиссей богоравный,
Нимфа ж сама облеклась в серебристое длинное платье,
Тонкое, мягкое, — пояс прекрасный на бедра надела
Весь золотой, на себя покрывало накинула сверху.
После того занялась отправкою в путь Одиссея.
Медный вручила топор, большой, по руке его точно
Сделанный, острый с обеих сторон, насаженный плотно
На топорище из гладкой оливы, прекрасное видом;
Также топор для тесанья дала и потом Одиссея
В дальнее место свела, где были большие деревья —
Черные тополи, ольхи, до неба высокие сосны —
Давний все сухостой, чтобы легки для плаванья были.
Место ему указавши, где были большие деревья,
Нимфа Калипсо, свет меж богинями, в дом воротилась.

Начал рубить он деревья. И быстро свершалось дело.
Двадцать стволов он свалил, очистил их острою медью,
Выскоблил гладко, потом уравнил, по шнуру обтесавши.
Нимфа Калипсо меж тем бурав принесла Одиссею.
Бревна он все просверлил и приладил одно ко другому,
Брусьями бревна скрепил и клинья забил между ними.
Точно такого размера, какого обычно готовит
Дно корабля грузового кораблестроитель искусный, —
Сделал такой ширины свой плот Одиссей многоумный.
После того над плотом помост он устроил, оставив
Часто подпорки и длинные доски на них постеливши.
Мачту в середине поставил, искусно к ней рею привесил,
Чтобы плотом управлять, и руль к нему крепкий приладил.
Сделал потом по краям загородку из ивовых прутьев,
Чтоб защищала от волн, и лесу немало насыпал.
Нимфа, свет меж богинь, холста принесла, чтобы сделать
Парус на плот. Одиссей изготовил прекрасно и это.
К парусу брасы потом подвязал, и фалы, и шкоты,
Плот потом рычагами спустил на священное море.
День четвертый пришел, и кончено было с работой.
В пятый день Одиссея отправила нимфа в дорогу,
Платьем одевши его благовонным и вымывши в ванне.
Мех один ему с черным вином на плот положила,
Больших размеров другой — с водою, в мешке же из кожи —
Хлеба, а также в большом избытке различных припасов.
Ветер попутный послала ему, не вредящий и мягкий.
С радостным духом он ветру свой парус подставил и поплыл.
Сидя на крепком плоту, искусной рукою все время
Правил рулем он, и сон на веки ему не спускался.
Зорко Плеяд наблюдал он и поздний заход Волопаса,
Также Медведицу — ту, что еще называют Повозкой.
Ходит по небу она, и украдкой следит Ориона,
И лишь одна непричастна к купанью в волнах Океана.
С нею Калипсо, свет меж богинь, Одиссею велела
Путь соглашать свой, ее оставляя по левую руку.
Целых семнадцать уж дней он по морю путь совершал свой.
На восемнадцатый день показались тенистые горы
Края феаков, совсем невдали от пловца. Походили
В море мгlisto-туманном на щит боевой эти горы.
От эфиопов меж тем возвращался Земли Колебатель.
Издали уж, с Солимских он гор заприметил, как море
Переплывал Одиссей. Сильней он разгневался сердцем
И, покачав головой, обратился с такой к себе речью:
«Что это значит? Ужели решили насчет Одиссея
Боги иначе, как только в страну эфиопов я отбыл?
Он уже близок к земле феакийской, где должен избегнуть
Крепкой петли тех несчастий, которые терпит все время.
Но еще досыта горя надеюсь ему я доставить».
Быстро он тучи собрал и море до дна взбудоражил,
В руки трезубец схватив. И разом воздвигнул порывы
Самых различных ветров и тучами землю и море
Густо окутал. Глубокая ночь ниспустилася с неба,

Евр столкнулись и Нот, огромные волны вздымая,
И проясняющий небо Борей, и Зефир быстрейный.
У Одиссея расслабили колени и милое сердце,
В сильном волнении сказал своему он отважному духу:
«Горе, несчастному мне! О, чем же все кончится это?
Страшно боюсь я, что всю сообщила мне правду богиня,
Мне предсказавши, что множество бед претерплю я на море,
Прежде чем дома достигну. И все исполняется нынче.
Сколькими тучами вдруг обложил беспредельное небо
Зевс! Возмутил он все море, сшибаются яро друг с другом
Вихри ветров всевозможных. Моя неизбежна погибель!
Трижды блаженны данайцы — четырежды! — те, что в
пространном
Крае троянском нашли себе смерть, угождая Атридам!
Лучше бы мне умереть и судьбу неизбежную встретить
Было в тот день, как в меня неисчетные толпы троянцев
Сыпали медные копья над трупом Пелеева сына!
С честью б я был погребен, и была б от ахейцев мне слава.
Нынче же жалкою смертью приходится здесь мне погибнуть».
Так говорил он. Внезапно волна исполинская сверху
С страшным обрушилась шумом на плот и его закутила.
Сам он далеко упал от плота, из руки ослабевшей
Выпустив руль. Пополам разломилась на самой середине
Мачта от страшного вихря различных сшибавшихся ветров.
В море далеко снесло и помост и разорванный парус.
Сам Одиссей под водой очутился. Мешал ему сильно
Вынырнуть тотчас напор вздымавшихся волн исполинских.
Сильно одежда мешала, ему подаренная нимфой.
Вынырнул он наконец из пучины, плюясь непрерывно
Горько-соленой водою, с его головы нистекавшей.
Как ему ни было трудно, но все ж о плоте не забыл он.
Вплавь через волны за ним погнался, за него ухватился
И в середине уселся плота, убегая от смерти.
Плот волна и туда и сюда по течению носила.
Так же, как северный ветер осенний гоняет равниной
Стебли колючие трав, сцепившихся крепко друг с другом,
Так же и плот его ветры по бурному морю гоняли.
То вдруг Борею бросал его Нот, чтобы гнал пред собою,
То его Евр отдавал преследовать дальше Зефиру.
Кадмова дочь Левкотея, прекраснородыжная Ино,
Тут увидала его. Сначала была она смертной,
Нынче же в безднах морских удостоилась божеской чести.
Стало ей жаль Одиссея, как, мучась, средь волн он носился.
Схожая летом с нырком, с поверхности моря вспорхнула,
Села на плот к Одиссею и слово такое сказала:
«Бедный! За что Посейдон, колебатель земли, так ужасно
Зол на тебя, что так много несчастий тебе посылает?
Но совершенно тебя не погубит он, как ни желал бы.
Вот как теперь поступи — мне не кажешься ты неразумным.
Скинувши эту одежду, свой плот предоставь произволу
Ветров и, бросившись в волны, работая крепко руками,
Вплавь доберися до края феаков, где будет спасенье.

На! Расстели на груди покрывало нетленное это.
Можешь с ним не бояться страданье принять иль погибнуть.
Только, однако, руками за твердую схватишься землю,
Тотчас сними покрывало и брось в винно-чермное море,
Сколько возможно далеко, а сам отвернися при этом».
Так сказавши, ему отдала покрывало богиня
И погрузилась обратно в волнами кипевшее море,
Схожая видом с нырком. И волна ее черная скрыла.
Начал тогда размышлять про себя Одиссей многостойкий.
Сильно волнуясь, сказал своему он отважному сердцу:
«Горе мне! Очень боюсь я, не ткет ли мне новую хитрость
Кто из бессмертных богов, мне советуя плот мой оставить.
Нет, не послушаюсь я! Еще далеко, я заметил,
Берег земли, где, сказала она, мне прибежище будет.
Дай-ка, я так поступлю, — и будет всего это лучше:
Время, пока еще крепко в плоту моем держатся бревна,
Буду на нем оставаться и все выносить терпеливо.
После того же как волны свирепые плот мой разрушат,
Вплывь я пушусь: ничего уж тогда не придумаешь лучше!»
Но между тем как и сердцем и духом об этом он думал,
Поднял большую волну Посейдаон, земли колебатель,
Страшную, с верхом нависшим, и в плот Одиссея ударил.
Так же, как вихрь, налетевший на кучу сухую соломы,
В разные стороны мигом разносит по воздуху стебли,
Так весь плот раскидала волна. За бревно уцепившись,
Как на коня скакового, верхом на него он уселся.
Скинул одежду с себя, что ему подарила Калипсо,
Грудь себе быстро одел покрывалом богини и, руки
Вытянув, вниз головой в бушевавшее кинулся море,
Плыть собираясь. Увидел его Земледержец-владыка,
И головою повел, и сказал про себя, усмехаясь:
«Плавай теперь, настрадавшись, по бурному морю, покуда
К людям, питомцам Зевеса, в конце ты концов не придешь.
Тем, что случилось, и так не останешься ты недоволен!»
Так он сказал и, хлестнувши бичом лошадей длинногривых,
В Эги вернулся к себе, где дворец у него знаменитый.
Новая мысль тут пришла Афине, рожденной Зевесом.
Загородила богиня дороги ветрам бушевавшим,
Всем приказала им дуть перестать и спокойно улечься,
Только Борейя воздвигла. И спереди срезала волны,
Чтоб наконец Одиссей, от богов происшедший, достигнул
Веслолюбивых феаков, и Кер избежавши и смерти.
Долго, два дня и две ночи, по сильной волне он носился,
Сердцем смущенным не раз пред собою уж видя погибель.
Третий день привела за собой пышнокосяя Эос.
Ветер тогда прекратился, и море безветренной гладью
Пред Одиссеем простерлось. Высоко взнесенный волною,
Зорко вперед заглянул он и землю вблизи вдруг увидел.
С радостью точно такую, с какою относятся дети
К выздоровленью отца, который в тяжелой болезни,
Богом враждебным сраженный, лежал и чах все сильнее,
После же боги, на радость им всем, исцеляют больного, —

Радость такую же вызвали лес и земля в Одиссее.
Поплыл быстрее он, ступить торопяся на твердую землю.
Столько, однако, проплывши, за сколько кричащего мужа
Можно услышать, он шум услышал у прибрежных утесов.
Волны прибоя кипели, свирепо на берег высокий
С моря бросаясь, и весь был он облит соленою пеной.
Не было заводи там — защиты судов — иль залива,
Всюду лишь кручи виднелись, суровые скалы и рифы.
У Одиссея ослабли колени и милое сердце.
В сильном волнении сказал своему он отважному духу:
«Горе великое! Дал мне увидеть нежданную землю
Зевс, переплыл невредимо я эту пучину морскую,
Но никакого мне выхода нет из моря седого.
Острые скалы повсюду. Бушуют вокруг, расшибаясь,
Волны, и гладкой стеной возвышается берег высокий.
Море у берега очень глубоко; никак невозможно
Дна в нем ногами достать и гибели грозной избежать.
Если пристать попытаюсь, то волны, меня подхвативши,
Бросят на твердый утес, и окажется тщетной попытка.
Если ж вдоль берега я поплыву и найти попытаюсь
Где-нибудь тихую заводь морскую иль берег отлогий, —
Сильно боюсь я, чтоб буря, внезапно меня подхвативши,
Не унесла в многорыбное море, стнящего тяжко,
Иль чтоб не выслало мне божество одного из огромных
Чудищ из моря, питаемых в нем Амфитритою славной.
Знаю ведь я, как сердит на меня Посейдон-земледержец».
Но между тем как рассудком и духом он так колебался,
Вдруг понесен был огромной волной он на берег скалистый.
Кожу бы всю там содрал он и кости себе раздробил бы,
Если бы вот чего в сердце ему не вложила Афина:
Прыгнув, руками обеими он за скалу ухватился.
Там он со стоном висел, покамест волна не промчалась.
Так он ее избежал. Но вдруг, отразившись обратно,
Снова его она сшибла, далеко отбросивши в море.
Если полипа морского из домика силою вырвать,
Видно на щупальцах много приставших к ним камней
мельчайших;

Так же и к твердому камню утеса пристала вся кожа
С рук Одиссея. Его же волна с головою покрыла.
Тут бы, судьбе вопреки, и погиб Одиссей несчастливый,
Если б присутствия духа в него не вложила Афина.
Вынырнув вбок из ревушей волны, набегавшей на скалы,
Поплыл вдоль берега он и на землю глядел, не найдется ль
Где-нибудь тихая заводь морская иль берег отлогий.
Вдруг, плывя, добрался он до устья реки светлоструйной.
Самым удобным то место ему показалось: свободно
Было оно и от скал и давало защиту от ветра.
Сразу узнал он впадение потока и духом взмолился:
«Кто бы ты ни был, владыка, внемли мне! Молюсь тебе
жарко,

От Посейдоновых страшных угроз убегая из моря.
Даже в глазах у бессмертных достоин почтения странник,

Их о защите молящий, — вот так, как теперь, пострадавший,
Я к теченьям твоим и коленям твоим припадаю!
Сжался, владыка! Горжусь, что тебя о защите молю я!»
Тотчас течение поток прекратил и волну успокоил.
Гладкою сделал поверхность пред ним и спас его этим
Около устья реки. Подкосились колени и руки
У Одиссея. Совсем его бурное море смирило.
Все его тело распухло; морская вода через ноздри
И через рот вытекала, а он без сознания, безгласный
И бездыханный лежал: в усталости был он безмерной.
После того как очнулся, и дух в его сердце собрался,
Прежде всего отвязал он с себя покрывало богини
И покрывало пустил по реке, впадающей в море.
Быстро оно на волнах понеслось по течению, и в руки
Ино его приняла. И выбрался он из потока,
Лег в тростнике и к земле плодоносной припал поцелуем.
Сильно волнуясь, сказал своему он отважному сердцу:
«Что ж это будет со мной? И чем все кончится это?
Если возле реки тревожную ночь проведу я,
Сгибну я здесь, укрошенный холодной росой и вредным
Инеем: обморок сделал совсем нечувствительным дух мой.
Воздухом веет холодным с реки с приближением утра.
Если ж на холм я взойду и в этой вон роще тенистой
В частых лягу кустах, и прозяблость меня и усталость
Там покинут, и сон усладительный мной овладеет, —
Как бы, боюсь я, не стать для зверей мне добычей и пищей!»
Вот что, в уме поразмыслив, за самое лучшее счел он:
К роще направил свой путь. Она на пригорке открытом
Близко лежала от речки; пробрался под куст он двойной там
Сросшихся крепко друг с другом олив — благородной и
дикой.

Не продувала их сила сырая бушующих ветров,
Не пробивало лучами палящими яркое солнце,
Не проникал даже до низу дождь, до того они густо
Между собою ветвями сплелись. Одиссей погрузился
В эти кусты и под ними нагреб себе тотчас руками
Мягкое ложе из листьев опавших, которых такая
Груда была, что и двое и трое б могли в ней укрыться
В зимнюю пору, какую суровой она ни была бы.
В радость пришел, увидавши ее, Одиссей многостойкий.
Листья он в кучу нагреб и сам в середину забрался,
Так же как в черную золу пастух головню зарывает
В поле далеком, где нет никого из людей по соседству,
Семя спасая огня, чтоб огня не просить у другого.
В листья так Одиссей закопался. Паллада Афина
Сон на него излила, чтоб его от усталости тяжелой
Освободил он скорей, покрыв ему милые веки.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Так отдыхал многостойкий в беде Одиссей богоравный,
Сном и усталостью тяжкой смиренный. Паллада Афина
Путь свой направила в землю и в город мужей феакийских.
Жили в прежнее время они в Гиперее пространной
Невдалеке от циклопов, свирепых мужей и надменных,
Силою их превышавших и грабивших их беспрестанно.
Поднял феаков тогда и увел Навсифой боговидный
В Схерию, вдаль от людей, в труде свою жизнь проводящих.
Там он город стенами обвел, построил жилища,
Храмы воздвигнул богам и поля поделил между граждан.
Керой, однако, смиренный, уж в царство Аида сошел он,
И Алкиной там царил, от богов свою мудрость имевший.
В дом-то к нему и пошла совоокая дева Афина,
В мыслях имея своих возвращенье домой Одиссея.
В спальню прекрасной постройки она поднялася, в которой
Дева спала, на бессмертных похожая ростом и видом,
Милая дочь Алкиноя, феаков царя, Навсикая.
Там же двое прислужниц, красу от Харит получивших,
Спали с обеих сторон у запертой двери блестящей.
К ложу ее пронеслась, как дыхание ветра, Афина,
Стала в ее головах и с такой обратилась к ней речью,
Дочери образ приняв мореходца Диманта, с которой
Сверстницей дева была и которую очень любила.
Образ принявши ее, сказала Паллада Афина:
«Вот беззаботной какой родила тебя мать, Навсикая!
Без попеченья лежит одежда блестящая в доме,
Брак же твой близок, когда и самой тебе надо одетой
Быть хорошо и одеть, кто с тобою на свадьбу поедет.
Добрая слава опрятно одетых людей провожает,
С радостью смотрят на них и отец и почтенная мать.
Ну-ка, давай, поедем стирать с наступлением утра.
Вместе с тобой я пойду помогать тебе, чтоб поскорее
Дело окончить. Недолго уж в девах тебе оставаться.
Взять тебя замуж хотят наиболее знатные люди
В крае феаков, где ты и сама ведь из знатного рода.
С ранней зарей попроси отца многославного тотчас
Мулов с повозкой велеть снарядить, чтоб сложить на повозку
Все пояса, покрывала блестящие, женские платья.
Лучше тебе и самой поехать на ней, чем ногами
Пешей идти: водоемы от города очень далеко».
Так сказав, на Олимп отошла совоокая дева,
Где, говорят, нерушима — вовеки — обитель бессмертных.
Ветры ее никогда не колеблют, не мочат водою
Струи дождя, не бывает там снега. Широкое небо
Вечно безоблачно, вечно сиянием светится ясным.
Там для блаженных богов в наслажденьях все дни протекают.
Дав указанья царевне, туда удалилась Афина.
Эос вскоре пришла пышнотронная и Навсикаю
Вмиг пробудила от сна. Изумилась она сновиденью,
По дому быстро пошла, чтоб родителям сон рассказать свой.
Мать и отца — обоих внутри она дома застала.
Мать пред огнем очага сидела средь женщин служанок,

Пряжу прядя из морского пурпура. Там и отец ей
Встретился. Шел он как раз на совет благородных старейшин;
Был он на этот совет феаками славными позван.
Близко пред милым родителем став, Навсикая сказала:
«Милый отец мой, вели-ка высокую дать мне повозку
Прочноколесную. На реку в ней я хотела б поехать
Выстирать нашу одежду — лежит у меня она грязной.
Ведь и тебе самому в собраньях мужей знаменитых
На совещаньях сидеть подобает в чистой одежде.
Кроме того, пятерых сыновей ты имеешь в чертогах —
Двух женатых и трех холостых, цветущих годами.
Эти желают всегда ходить в свежевывмытых платьях
На хороводы. А думать приходится мне ведь об этом».
Так говорила она. Но про брак ожидаемый стыдно
Было сказать ей отцу. Догадался он сам и ответил:
«Не откажу я тебе ни в мулах, дитя, ни в другом чем.
В путь отправляйся. Рабы же заложат повозку большую,
Прочноколесную; будет и кузов на ней для поклажи».
Так сказавши, рабам приказал он, и те ему вняли.
Вышедши из дому вон, снарядили повозку для мулов
Прочноколесную, мулов в нее запрягли крепконогих,
Из кладовой Навсикая с одеждой блестящею вышла
И уложила ее в скобленную гладко повозку.
Мать ей обильно в плетеной корзине еды уложила
Всякой, прибавила разных запасов, вина налила ей
В козий мех. На повозку с бельем поднялась Навсикая,
С маслом душистым сосуд золотой дала ей Арета,
Чтобы сама она маслом натерлась и жены-служанки.
В руки блестящие вожжи и бич взяла Навсикая.
Мулов бичом погнала. Затопав, они побежали.
С топотом дробным бежали, одежду веза и царевну,
Вслед за повозкой прекрасной прислужницы шли остальные.
Вскоре достигли они прекраснострующей речки.
Были всегда там водой водоемы полны. Из-под низу
Била обильно вода, всевозможную грязь отмывая.
Выпрягли мулов они из повозки, доехав до места,
Мулов пустили на берег реки, водовертью богатой,
Сочной, медвяной травой питаться, а сами с повозки
Сняли руками белье и бросили в черную воду.
В яме топтали его, соревнуясь друг с другом в проворстве.
Вымыв белье и очистив его хорошо от всей грязи,
Ряд за рядом его разостлали по берегу моря,
Где всего более галька морскою волной обмывалась.
После того, испулавшись и густо намазавшись маслом,
Сели обедать они у самого берега речки,
Все же белье, что стирали, на солнце оставили сохнуть.
Пищей когда насладились, — царевна сама и служанки, —
В мяч они стали играть, покидавши с себя покрывала.
С песней в игру повела белорукая их Навсикая.
Как стрелоносная, ловлей в горах веселясь, Артемида
Мчится по длинным хребтам Ериманфа-горы иль Тайгета,
Радуюсь сердцем на вепрей лесных и на быстрых оленей;

Там же и нимфы полей, прекрасные дочери Зевса,
Следом за нею несутся. И сердцем Лето веселится:
Выше всех ее дочь головой и лицом всех прекрасней, —
Сразу узнать ее можно, хотя и другие прекрасны.
Так меж своих выделялась подруг незамужняя дева.
Ехать обратно домой собиралась уже Навсикая,
Вымыв прекрасные платья и мулов в повозку запрягши.
Новая мысль тут пришла совоокой Афине богине:
Чтоб Одиссей, пробудившись, увидел прекрасную деву
И чтобы девушка та провела его в город феаков.
Бросила мяч в это время одной из прислужниц царевна,
Но промахнулась в нее, а попала в глубокую воду.
Вскрикнули громко они. Одиссей богоравный проснулся,
И поднялся, и раздумывать начал рассудком и духом:
«Горе! В какую страну, к каким это людям попал я?
К диким ли, духом надменным и звать не желающим правды
Или же к гостеприимным и с богобоязненным сердцем?
Кажется, девичий громкий вблизи мне послышался голос.
Что это, нимфы ль играют, владелицы гор крутоглавых,
Влажных, душистых лугов и истоков речных потаенных?
Или достиг наконец я жилища людей говорящих?
Дай-ка, однакоже, сам я пойду, — посмотрю и узнаю».
Так сказав, из кустов поднялся Одиссей богоравный.
В частом кустарнике выломал он мускулистой рукою
Свежую ветку и ею срамные закрыл себе части.
Как в своей силе уверенный лев, горами вскормленный,
В ветер и дождь на добычу выходит, сверкая глазами,
В стадо быков иль овец он бросается в поле, хватает
Диких оленей в лесу. Его принуждает желудок
Даже врываться в загон, чтоб овцу за оградой похитить.
Вышел так Одиссей из кустарника. Голым решился
Девушкам он густокосым явиться: нужда заставляла.
Был он ужасен, покрытый морскою засохшею тиной.
Бросились все врассыпную, спасаясь на мысы над морем.
Только осталась одна Алкиноева дочь: ей вложила
В сердце смелость Афина и вынула трепет из членов.
Остановилась она перед ним: Одиссей колебался:
Пасть ли с мольбой перед девой прекрасной, обняв ей колени,
Или же издали с мягкой речью, с мольбой обратиться
К деве, чтоб город ему указала и платье дала бы?
Вот что, в уме поразмыслив, за самое лучшее счел он:
Не подходя, умолять ее мягкими только словами,
Чтоб не обидеть девичьего сердца, обняв ей колени.
Тотчас к ней обратился он с мягким, рассчитанным словом:
«Смертная ль ты иль богиня, — колени твои обнимаю!
Если одно из божеств ты, владеющих небом широким,
Я бы сказал: с Артемидой, великою дочерью Зевса,
Больше всего ты сходна и ликом, и видом, и ростом.
Если же смертная ты и здесь на земле обитаешь, —
Трижды блажен твой отец, и мать твоя трижды блаженна,
Трижды блаженны и братья! Каким согревающим счастьем
Из-за тебя их сердца непрерывно должны исполняться,

Глядя, как отпрыск цветущий такой идет в хороводы.
Тот, однако, среди всех остальных несравненно блаженней,
Кто тебя в дом свой введет, других превзошедши дарами.
Смертных, подобных тебе, не видал до сих пор никогда я
Ни среди мужчин никого, ни среди жен, — изумляюсь я,
глядя!

Близ алтаря Аполлона на Делосе в давнее время
Видел такую же я молодую и стройную пальму.
Я ведь и там побывал с толпою товарищей верных,
Ехав дорогой, в которой так много ждало меня бедствий!
Вот и тогда, увидавши ее, я стоял в изумленье
Долго: такого ствола на земле не всходило ни разу!
Так и тебе я, жена, изумляюсь. Но страшно боюсь я
Тронуть колени твои. Тяжелой бедой я постигнут.
Только вчера удалось убежать мне от темного моря.
Двадцать до этого дней от Оигии острова гнали
Бури и волны меня. Зброшен теперь и сюда я
Богом, чтоб новым напастям подвергнуться. Верно, не скоро
Будет конец им. Немало еще их доставят мне боги.
Жалость яви, госпожа! Претерпевши несчетные беды,
К первой к тебе я прибег. Из других ни один мне неведом
Смертный, кто в городе этом; кто в этой стране обитает.
К городу путь укажи мне и дай мне на тело накинуть
Лоскут, в какой ты белье завернула, сюда отправляясь.
Пусть тебе боги дадут, чего и сама ты желаешь, —
Мужа и собственный дом, чтобы в полном и дружном

согласьи

Жили вы с мужем: ведь нет ничего ни прекрасней, ни лучше,
Если муж и жена в любви и в полнейшем согласьи
Дом свой ведут — в утешенье друзьям, а врагам в огорченье;
Больше всего ж они сами от этого чувствуют счастье».

Так Одиссею в ответ белорукая дева сказала:

«Странник! На мужа худого иль глупого ты не походишь.
Счастье Зевес меж людей благородного ль, низкого ль рода
Распределяет, кому пожелает, по собственной воле.
То, что послал и тебе он, ты вытерпеть должен отважно.

Нынче же, раз к нам сюда ты приходишь, в наш город и в край
наш,

Ты ни в одежде нужды не увидишь, ни в чем-либо прочем,
Что несчастливцам мы встречным даем, о защите молящим.
Город тебе покажу. Назову и людей, в нем живущих.
Городом этим и этой землею владеют феаки.

Дочерью я прихожусь Алкиною, высокому духом;
Держится им у феаков могущество их и величье».

Так сказав, приказала подругам своим густокосым:

«Стойте, подруги! Куда разбежались вы, мужа увидев?
Можно ли было подумать, что враг между нами явился?
Нет среди живых человека такого — и нет и не будет,
Кто бы в стране феакийских мужей дерзнул появиться
С целью враждебною: слишком нас любят бессмертные боги.
Здесь мы живем, ото всех в стороне, у последних пределов
Шумного моря, и редко нас кто из людей посещает.

Здесь же стоит перед нами скиталец какой-то несчастный.
Нужно его приютить: от Зевса приходит к нам каждый
Странник и нищий. Хотя и немного дадим, но с любовью.
Дайте ж, подруги мои, поесть и попить чужеземцу
И искупайте его на реке, где потише от ветра».
Остановились подруги, одна ободряя другую;
В месте затишном его посадили, как им приказала
Дочь Алкиноя, могучего сердцем, сама Навсикая.
Плащ и хитон перед ним положили, чтоб мог он одеться,
Нежное масло в сосуде ему золотом передали
И предложили в прекрасноструистой реке искупаться.
Так обратился тогда Одиссей богоравный к служанкам:
«Станьте, прислужницы, так вот, подальше, чтоб сам себе мог

я

Плечи от грязи отмыть и тело намазать блестящим
Маслом; давно уж оно моего не касалось тела.
А перед вами я мыться не стану. Мне было бы стыдно
Голым стоять, очутившись средь девушек в косах
прекрасных».

Так говорил он. Они, удалившись, сказали царевне.
Черпая воду из речки, отмыл Одиссей богоравный
С тела всю грязь, у него покрывавшую плечи и спину.
И с головы своей счистил наевшую пену морскую.
После того как он вымылся весь и намазлся маслом,
Также и платье надел, что дала незамужняя дева,
Сделала дочь Эгиоха Зевеса, Паллада Афина,
Выше его и полнее на вид, с головы же спустила
Кудри густые, цветам гиацинта подобные видом.
Как серебро позолотой блестящею кроет искусный
Мастер, который обучен Гепестом и девой Афиной
Всякому роду искусств и прелестные делает вещи, —
Прелестью так и Афина всего Одиссея покрыла.
В сторону он отошел и сел на песок перед морем,
Весь красотой светясь. В изумлении дева глядела
И к густокосым служанкам с такой обратилась речью:
«Вот что, подруги мои белорукие, я сообщу вам:
Не против воли богов, Олимпом владеющих светлым,
Муж этот здесь очутился, средь богоподобных феаков.
Мне показался сперва незначительным он человеком,
Вижу теперь, что похож на богов он, владеющих небом.
Если б такого, как он, получить мне супруга, который
Здесь бы у нас обитал и охотно у нас бы остался!
Дайте, однако, подруги, поесть и попить чужеземцу».
Так сказала. Охотно приказу они подчинились,
Пред Одиссеем еду и питье поставили тотчас.
Жадно взялся за питье и еду Одиссей многостойкий:
Очень давно ничего уж не ел, ничего и не пил он.
Новая мысль между тем белорукой пришла Навсикае.
Выгладив, что постирала, в повозку белье уложила,
Крепкокопытных впрягла в нее мулов, сама в нее стала
И, ободрить Одиссея стараясь, к нему обратилась:
«Встань, чужеземец, и в город иди! Тебя провожу я

К дому отца Алкиноя разумного. Там ты увидишь,
Думаю я, наилучших, знатнейших людей из феаков.
Вот как теперь поступи — мне не кажешься ты неразумным:
Время, пока проезжать чрез поля и чрез нивы мы будем, —
Все это время за мулами вслед со служанками вместе
Быстро иди. А дорогу сама я указывать буду.
В город когда мы придем... Высокой стеной обнесен он
С той и другой стороны — превосходная гавань, но сужен
К городу вход кораблями двухвостыми: справа и слева
Берег ими уставлен, и каждый из них под навесом.
Вкруг Посейдонова храма прекрасного там у них площадь.
Вкопаны в землю на ней для сиденья огромные камни.
Запасены там для черных судов всевозможные снасти —
И паруса, и канаты, и гладко скобленные весла.
Ибо феакам нужны не колчаны, не крепкие луки,
Надобны им корабли равнобокие, весла и мачты;
Радуюсь им, испытуют они гладь моря седого.
Толков враждебных хочу избежать я, чтоб в спину насмешки
Мне не пустил кто-нибудь. Наглецов у нас много в народе.
Кто-нибудь скажет из худших, меня повстречавши с тобою:
— Что там за странник, большой и красивый, идет с

Навсикаей?

Где его дева нашла? Не будет ли ей он супругом?
Кто он? Морскою ли бурей к нам занесенный из дальних
Стран человек? Ведь вблизи от себя мы не знаем народов.
Или же бог к ней какой по молитвам ее неотступным
С неба спустился и будет теперь обладать ею вечно?
Лучше б, уехав отсюда, она себе мужа сыскала
В странах других. Оскорбляет жестоко она здесь феаков
Многих и знатных, желавших ее получить себе в жены! —
Так они скажут. Большим для меня это будет позором.
В негодованье и я бы пришла, поступи так другая, —
Если б, имея и мать и отца, без согласия их стала,
В брак не вступивши открытый, иметь обращенье с

мужчиной.

Быстро слово мое, чужеземец, исполни, чтоб скоро
Мог тебе дать мой отец возможность домой воротиться.
Встретишь ты близко к дороге священную рощу Афины
Из тополей. В ней источник струится, вокруг же лужайка.
Там у отца моего участок и сад плодоносный,
Пышный: от города он на крик отстоит человека.
В роще этой останься и жди там все время, покуда
В город прибыть мы успеем и в дом воротиться отцовский.
Только дождись, чтоб достигли мы дома царя Алкиноя,
В город феаков отправься тогда и распрашивай встречаемых,
Как тебе к дому пройти Алкиноя, высокого сердцем.
Это нетрудно узнать, проводить без труда тебя сможет
Малый самый ребенок. Нигде у других ты феаков
Дома такого не встретишь, как дом Алкиноя героя.
После того как тебя там строенья и двор в себя примут,
Быстро пройди через залу мужскую и прямо направься
К матери нашей. Она пред огнем очага восседает,

Тонкие нити прядущая цвета морского пурпура,
Подле высокой колонны. Рабыни ж работают сзади.
Кресло отца моего пододвинуто к той же колонне,
В нем он сидит и вино, как бог бессмертный, вкушает.
Мимо него ты пройдешь и обнимешь руками колени
Матери нашей, чтоб радостный день возвращения увидеть
Скоро наставшим, хоть очень далек ты от родины милой.
Если, скиталец, к тебе моя мать отнесется с вниманьем,
Можешь надеяться близких увидеть и снова вернуться
В дом благоданный к себе и в милую землю родную». —
Так сказавши, блестящим бичом она мулов хлестнула.
Быстро они за собою теченья оставили речки.
Мулы равно хорошо и бежали и тихо шагали.
Дева правила ими, с умом их бичом подгоняя,
Чтобы за ними пешком поспевали подруги и странник.
Солнце меж тем уж зашло. Достигли они знаменитой
Рощи священной Афины. Там сел Одиссей богоравный, —
Сел и дочери Зевса великого начал молиться:
«Дочь Эгиоха Зевеса, послушай меня, Атритона!
Нынче хотя бы внемли, когда не вняла мне в то время,
Как сокрушал меня в море преславный Земли Колебатель!
Дай мне к феакам угодным прийти, возбуждающим жалость!»
Так говорил он молясь. И его услышала Афина,
Но самолично пред ним не явилась; она опасалась
Брата отцова: упорно он гневом пылал к Одиссею,
Богopodobному мужу, пока не достиг он отчизны.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Так божественный, стойкий в беде Одиссей там молился.
Сила мулов меж тем Навсикаю доставила в город.
Славного дома достигнув отца своего Алкиноя,
Остановилась в воротах она, и тотчас окружили
Братья ее, на бессмертных похожие. Выпрягши мулов,
Сняли с повозки белье и внесли во внутренность дома.
А Навсикая в покой свой пошла. Разожжен был огонь там
Горничной Евримедусой, старухой, рабой из Анейры.
В давнее время ее на судах привезли, из добычи
В дар отобрав Алкиною: ведь всею странною феаков
Он управлял, и народ подчинялся ему, словно богу.
Евримедусой была Навсикая воспитана в доме.
Ей и огонь разводила она и носила ей ужин.
Встал между тем Одиссей и направился в город. Афина,
Об Одиссее заботясь, в густом его облаке скрыла,
Чтоб кто-нибудь из феаков отважных, с ним
повстречавшись,
Не оскорбил его словом, не стал бы выпрашивать, кто он.
Только успел он вступить в пленительный город феаков,
Вышла навстречу ему совоокая дева Афина,
Девушке юной, несущей кувшин, уподобившись видом.

Стала пред ним — и ее спросил Одиссей богоравный:
«Не проводила б меня ты, дитя мое, в дом Алкиноя —
Мужа, который над всеми людьми в этом властвует крае?
Странник я, много несчастий в пути претерпевший; сюда я
Прибыл из дальней земли; и здесь никого я не знаю,
Кто у вас в городе этом и в этой стране обитает».

И отвечала ему совоокая дева Афина:
«Дом, о котором спросил ты, отец чужеземец, сейчас же
Я покажу: в соседстве живет мой отец безупречный.
В полном молчаньи иди. Я дорогу указывать буду.
Ты же на встречаемых людей не гляди и не делай вопросов.
Очень не любят у нас иноземных людей и враждебно,
Холодно их принимают, кто прибыл из стран чужедальных.
На корабли полагаясь свои быстролетные, бездны
Моря они испытуют, — им дал это бог Земледержец.
Быстры у них корабли, подобны крылу или мысли».

Кончив, пошла впереди Одиссея Паллада Афина,
Быстро шагая. А следом за ней Одиссей богоравный.
И между славных судами феаков никто не заметил,
Как через город он шел. Это сделала дева Афина
В косах прекрасных, богиня могучая: скрыла чудесно
В облаке темном его, всем сердцем любя Одиссея.
Шел Одиссей и дивился на пристани их с кораблями
И на просторные площади их, на высокие стены,
Крепким везде частоколом снабженные, — диво для взоров!
После того как пришли они к славному дому цареву,
Так начала говорить совоокая дева Афина:
«Вот тебе дом тот, отец чужеземец, который велел ты
Мне указать. Ты увидишь царей там, питомцев Зевеса, —
Пир пируют они. Войди к ним вовнутрь и боязнь
Сердца себе не смущай: наиболее во всяческом деле
Преуспевают смельчак, если даже пришел издалека.
Прежде всего подойди к госпоже, как в столовую вступишь.
Имя ее Арета; от предков она происходит
Тех же, которые мужа ее Алкиноя родили.
Прежде всего родили Навсифоя Земли Колебатель
И Перибейя, средь жен наиболее прекрасная видом,
Самая младшая дочь отважного Евримедонта,
Бывшего в давнее время властителем буйных гигантов:
Но погубил он народ нечестивый, а также себя с ним.
С ней Посейдон сочелся и сына родил Навсифоя,
Духом высокого. Царствовал он над народом феаков.
От Навсифоя-царя родились Рексенор с Алкиноем.
Но Рексенор, не имев сыновей, после краткого брака
Был Аполлоном застрелен, оставивши дочь лишь Арету
В доме. Ее Алкиной супругою сделал своею
И почитал, как нигде не была почитаема в мире
Женщина, в мужнином доме ведущая ныне хозяйство.
Так почиталась она и теперь почитается так же
Милыми всеми своими детьми и самим Алкиноем,
Как и народом, который глядит на нее, как на бога,
Дружно приветствуя всюду, когда ее в городе встретит,

Ибо она и сама умом не бедна благородным.
Ласковым словом Арета и споры мужей разрешает.
Если, скиталец, к тебе отнесется Арета с вниманьем,
Можешь надеяться близких увидеть и снова вернуться
В дом благозванный к себе и в милую землю родную». —
Так сказав, отошла совоокая дева Афина
По беспокойному морю, покинувши остров прелестный.
До Марафона дойдя и до улиц широких афинских,
В прочный дом Ерехтея богиня вошла. Одиссей же
К славному дому пошел Алкиноя. Пред медным порогом
Остановившись, долго стоял он, охвачен волнением, —
Так был сиянием ярким подобен луне или солнцу
Дом высокий царя Алкиноя, отважного духом.
Стены из меди блестящей тянулись и справа и слева
Внутри от порога. А сверху карниз пробежал темносиний.
Двери из золота вход в крепкозданный дворец запирали,
Из серебра косяки на медном пороге стояли,
Притолка — из серебра, а дверное кольцо — золотое.
Возле дверей по бокам собаки стояли. Искусно
Из серебра и из золота их Гефест изготовил,
Чтобы дворец стерегли Алкиноя, высокого духом.
Были бессмертны они и бесстаростны в вечные веки.
В доме самом вдоль стены, прислоненные к ней, непрерывно
Кресла внутри от порога тянулись: на них покрывала
Мягко-пушистые были наброшены — женщин работа.
В креслах этих обычно вожди восседали феаков,
Ели и пили обильно, ни в чем недостатка не видя.
Юноши там золотые стояли на прочных подножьях,
Каждый в руке поднимал по пылавшему факелу, ярко
Комнаты дома в ночной темноте для гостей освещая.
В доме его пятьдесят находилось женщин-невольниц;
Те золотое зерно жерновами мололи ручными,
Пряжу пряли другие и ткани прекрасные ткали,
Тесно одна близ другой, как высокого тополя листья.
С плотно сработанной ткани струилось жидкое масло.
Как между всеми мужами феаки блистают искусством
По морю быстрый корабль направлять, так и жены искусны
Более прочих в тканье: одарила их щедро Афина
Знаньем прекрасных работ рукодельных и разумом светлым.
Сад у ворот вне двора простирался огромный, в четыре
Гия пространством; со всех он сторон огражден был забором.
Множество в этом саду деревьев росло плодоносных —
Груш, гранатных деревьев, с плодами блестящими яблонь,
Сладкие фиги дающих смоковниц и маслин роскошных.
Будь то зима или лето, всегда там плоды на деревьях;
Нет у им порчи и нету конца; постоянно там веет
Теплый Зефир, зарождая одни, наливая другие.
Груша за грушей там зреет, за яблоком — яблоко, смква
Следом за смквой, за гроздьями вслед поспевают другие.
Дальше, за садом, насажен там был виноградник богатый.
В части одной на открытой для солнца и ровной площадке
Гроздья сушились, а в части другой виноград собирали.

Там уж давили его, там едва только он наливался,
Сбросивши цвет, а уж там начинал и темнеть из-под низу.
Вслед за последней грядой виноградной тянулись рядами
Там огородные грядки со всякою овощью пышной.
Два там источника было. Один растекался по саду,
Весь орошая его, а другой ко дворцу устремлялся
Из-под порога двора. Там граждане черпали воду.
Так изобильно богами был дом одарен Алкиноев.
Долго на месте стоял Одиссей в изумленьи великом.
После того как на все с изумлением он нагляделся, —
Быстро шагнув чрез порог, вошел он во внутренность дома.
Там феакийских вождей и советников в сборе застал он.
Зоркому Аргоубийце творили они возлиянья:
Был он идущими спать всегда призываем последним.
Быстрым шагом пошел через дом Одиссей многостойкий,
Облаком скрытый, которым его окружила Афина.
Прямо к Арете направился он и к царю Алкиною,
Обнял руками колени Ареты, и в это мгновенье
Разом божественный мрак, облакавший его, расступился.
Все онемели вокруг, пред собою увидевши мужа,
И изумлялися, глядя. А он говорил, умоляя:
«Дочь Рексенора, подобного богу, внемли мне, Арета!
Много страдав, я к царю, я к коленям твоим прибегаю,
К вашим гостям на пиру! Да пошлют им бессмертные боги
Полное счастье на долгие дни, да наследуют дети
Все их имущество с частью почетной, им данной народом.
О, помогите, молю вас, домой мне скорей воротиться!
Очень давно уж от близких вдали страданья терплю я!»
Так сказав, подошел к очагу он и сел там на пепел
Возле огня. В глубочайшем молчаньи сидели феаки.
Заговорил наконец старик Ехеней благородный.
Всех остальных феакийских мужей превышал он годами,
Опыт имел и богатый и долгий, блистал красноречьем.
Добрых намерений полный, сказал Ехеней пред собраньем:
«Нехорошо, Алкиной, и совсем неприлично, чтоб странник
В пепле сидел очага твоего на земле перед нами!
Эти же медлят вокруг, приказаний твоих ожидая.
Тотчас его подними, пригласи в среброгвоздное кресло
Странника сесть, а глашатаю дай приказанье в кратере
Воду с вином замешать, чтоб могли мы свершить возлиянье
Зевсу, который сопутствует всем, о защите молящим.
Ключница ж пусть чужеземцу поужинать даст из запасов».
Эти слова услышав, Алкиноя священная сила
Руку взяла Одиссея разумного с выдумкой хитрой:
Встать принудив с очага, усадила в блестящее кресло,
Храброму Лаодаманту велев уступить ему место —
Рядом сидевшему с ним, наиболее любимому сыну.
Тотчас прекрасный кувшин золотой с ручной водою
В тазе серебряном был перед ним установлен служанкой
Для умывания. После расставила стол она гладкий.
Хлеб перед ним положила почтенная ключница, много
Кушаний разных прибавив, охотно их дав из запасов.

Тотчас взялся за еду и питье Одиссей многостойкий.
Вестнику после того Алкиноева сила сказала:
«Воду в кратере с вином замешай, Понтоной, и сейчас же
Чашами всех обнеси, чтоб могли мы свершить возлиянье
Зевсу, который сопутствует всем, о защите молящим».
И замешал Понтоной вина медосладкого тотчас,
Всем им по чаше поднес, возлиянье свершая из каждой.
Как возлиянье свершили и выпили, сколько хотелось,
С речью к ним Алкиной обратился и вот что промолвил:
«К вам мое слово, вожди и советчики славных феаков!
Выскажу то я, к чему меня дух мой в груди побуждает.
Кончился пир наш. Теперь на покой по домам разоидитесь.
Завтра же утром, сюда и других пригласивши старейшин,
Гостя мы станем в дворце угощать и прекрасные жертвы
Там же богам принесем, а потом нам пора и подумать,
Как чужеземцу отсюда без лишних трудов и страданий
В сопровождении нашем вернуться в родимую землю
Скоро и радостно, как бы оттуда он ни был далеко, —
Чтобы во время пути ни печали, ни зла он не встретил,
Прежде чем в край свой родной не вернется. А там уж пускай
Полностью вытерпит все, что судьба и зловещие пряхи
Выпряли с нитью ему, когда родила его мать.
Если ж кто из бессмертных под видом его посетил нас,
То очевидно, что боги замыслили новое что-то.
Ибо они нам обычно являются в собственном виде
Каждый раз, как мы славные им гекатомбы приносим,
Там же пируют, где мы, и с нами совместно садятся.
Даже когда и отдельно идущий им встретится путник,
Вида они своего не скрывают пред ним, ибо очень
Близки мы им, как циклопы, как дикое племя гигантов».
Так Алкиною в ответ сказал Одиссей многоумный:
«Прочь отгони эту мысль, Алкиной! Я и видом и ростом
Не на бессмертных богов, обладающих небом широким,
А на обычных людей похожу, рожденных для смерти.
Нет меж несчастных людей, которых вам знать приходилось,
Ни одного, с кем бы я поравняться не мог в испытаньях.
Даже больше других я бы мог рассказать о несчastьях,
Сколько их всех перенес я по воле богов олимпийских.
Как ни скорблю я, однако, но дайте, прошу вас, поесть мне.
Нет подлей ничего, чем наш ненавистный желудок.
Хочешь — не хочешь, а помнить велит о себе он упорно,
Как бы ни мучился кто, как бы сердце его ни страдало.
Так же и я вот: как сердцем страдаю! А он непрестанно
Просит еды и питья и меня забывать заставляет
Все, что вытерпел я, и желает себя лишь наполнить.
Вас прошу я не медлить и завтра, как утро настанет,
В милую землю родную доставить меня, несчастливца.
Много терпел я, но пусть и погибну я, лишь бы увидеть
Мне достоянье мое, и рабов, и дом мой высокий».
Слово одобрив его, согласились все, что в отчизну
Должно его проводить, ибо все справедливо сказал он.
Сделав богам возлиянье и выпивши, сколько хотелось,

Все поднялись и для сна по жилищам своим разошлись.
В зале, однако, остался сидеть Одиссей богоравный,
Рядом с ним — Алкиной, подобный богам, и Арета.
Всю между тем со стола посуду убрали служанки.
Тут белорукая так начала говорить с ним Арета.
Только взглянула царица на платье — и сразу узнала
Плащ и хитон, что сама соткала со служанками вместе.
Так обратилась она к Одиссею со словом крылатым:
«Вот что прежде всего у тебя, чужеземец, спрошу я:
Кто ты? Откуда ты родом? И кто тебе дал это платье?
Ты говорил ведь, что прибыл сюда, потерпевши крушение?»
И, отвечая Арете, сказал Одиссей многоумный:
«Трудно подробно тебе обо всем рассказать мне, царица.
Слишком уж много я бед претерпел от богов Уранидов.
Это ж тебе я скажу, что спросила и хочешь узнать ты.
Есть Огигия-остров средь моря, далеко отсюда.
Там обитает Атлантова дочь, кознодейка Калипсо,
В косах прекрасных богиня ужасная. С нею общенья
Ни из богов не имеет никто, ни из смертнорожденных.
Только меня, несчастливца, привел к очагу ее дома
Бог враждебный. Блещающей молнией быстрый корабль мой
Надвое Зевс расколел посреди винно-чермного моря.
Все у меня остальные товарищи в море погибли.
Я же, за киль ухватясь корабля двоехвостого, девять
Дней там носился. В десятый к Огигии-острову боги
Ночью пригнали меня, где та обитает Калипсо,
В косах прекрасных богиня ужасная. Ею радушно
Принят я был, и любим, и кормим. Она обещала
Сделать бессмертным меня и бесстаростным в вечные веки.
Духа, однако, в груди у меня не склонила богиня.
Семь непрерывно я пробыл там лет, орошая слезами
Платье нетленное, мне подаренное нимфой Калипсо.
После того же как год и восьмой, приближаясь, пришел к нам,
Вдруг мне она приказала домой отправляться, — не знаю:
Зевса ль приказ получила, сама ль изменилася в мыслях?
Крепкий велела мне плот приготовить, снабдила обильно
Пищей и сладким напитком, одела в нетленное платье,
Ветер потом мне попутный послала, не вредный и мягкий.
Плыл семнадцать я дней, свой путь по волнам совершал,
На восемнадцатый день показались тенистые горы
Вашего края. И мне, несчастливцу, великая радость
Сердце объяла. Но много еще предстояло мне горя
Встретить: его на меня обрушил Земли Колебатель,
Загородил мне дорогу, подняв бушевавшие ветры,
Море вокруг возмутил несказанно, никак не дозволив,
Чтоб на плоту меня волны терпели, стеновавшего тяжко.
Буря мой плот наконец раскидала по бревнам. Однако
Вплавь перерезал я эту пучину морскую, доколе
К вашей земле не пригнали, неся меня, волны и ветер.
Но одолели б меня, когда б выходил я на сушу,
Волны прибоя, ударив о скалы и гибельный берег,
Если бы, вынырнув в бок, не поплыл я, покамест до речки

Не добрался. Показалось мне место удобным. Свободно
Было оно и от скал и давало защиту от ветра.
На берегу я упал, набирая сил. С наступленьем
Ночи бессмертной ушел я от Зевсом питаемой речки
В сторону, в частом кустарнике лег и глубоко зарылся
В листья. И сон на меня божество излило бесконечный.
Милым печалуюсь сердцем, зарывшись в увядшие листья,
Спал я всю ночь напролет до зари и с зари до полудня.
Солнце к закату склонилось, и сон меня сладкий оставил.
Тут на морском берегу я заметил игравших служанок
Дочери милой твоей, и ее между них, как богиню.
К ней я с мольбою прибег. Так мудро она поступила,
Как и подумать никто бы не мог, что при встрече поступит
Девушка столь молодая. Всегда молодежь неразумна.
Пищи она мне дала и вина искрометного вволю,
И искупала в реке, и эту дала мне одежду.
Хоть и с печалью в груди — всю правду тебе рассказал я». Снова тогда Алкиной, отвечая, сказал Одиссею:
«Нехорошо это очень придумала дочь моя, странник,
Что со служанками вместе тотчас тебя следовать в дом наш
Не пригласила. Ведь к первой ты с просьбою к ней
обратился».

Так он сказал. И ответил ему Одиссей многоумный:
«Нет, герой, не сердись на невинную деву за это.
Мне и велела она идти со служанками вместе,
Только я сам отказался: мне было и стыдно и страшно,
Как бы ты, вместе увидевши нас, не разгневался сердцем.
В гнев легко на земле впадаем мы, племя людское». Снова тогда Алкиной, отвечая, сказал Одиссею:
«Странник, в груди у меня совсем не такое уж сердце,
Чтоб по-пустому сердиться. Во всем предпочтительней мера.
Если бы — Зевс, мой отец, Аполлон и Паллада Афина!
Если б такой, как ты есть, и взглядов таких же, как сам я,
Дочь мою взял ты и зятем моим называться бы начал,
Здесь оставаясь! А я тебе дом и имущество дал бы,
Если б ты волей остался. Держать же тебя против воли
Здесь не посмеет никто: прогневили бы Зевса мы этим.
Твой же отъезд назначаю на завтра, чтоб знал ты об этом
Точно. Ты будешь лежать себе, сном покоренный глубоким,
Наши же будут грести по спокойному морю, доколе
Ты не приедешь в отчизну и дом иль куда пожелаешь,
Будь это дальше гораздо, чем даже Евбея, которой
Нет отдаленней страны, по рассказам товарищей наших,
Видевших остров, когда с белокурым они Радамантом,
Тития, сына Земли, посетившим, там побывали.
Путь по глубокому морю они без труда совершили
В сутки одни, до Евбеи доплыв и назад воротившись.
Вскоре увидишь ты сам, как мои корабли быстроходны,
Как гребцы по волнам ударяют лопатками весел». Так говорил он. И в радость пришел Одиссей многостойкий.
Жарко моляся, воззвал он, и слово сказал, и промолвил:
«Зевс, наш родитель! О, если бы все, что сказал Алкиной мне,

Он и исполнил! Была бы ему на земле хлебодарной
Неугасимая слава. А я бы домой воротился!»
Так Одиссей с Алкиноем вели меж собой разговоры.
Велено было меж тем белорукой Аретой служанкам
В сени для гостя кровать принести, из подушек красивых,
Пурпурных ложе устроить, покрыть это ложе коврами,
Сверху пушистым застлать одеялом, чтоб им покрываться.
С факелом ярким в руках поспешили рабыни из зала,
Быстро на прочной кровати постель для него постелили,
После того подошли и приветливо гостю сказали:
«Странник, иди почивать! Постель для тебя уж готова».
Радостно было ему идти, чтоб предаться покою.
Так отдыхал многостойкий в беде Одиссей богоравный
Под колоннадою гулко звучащей, в сверленной постели.
Сам Алкиной же в покоях высокого дома улегся,
Где с госпожою супругой делил и кровать и постель он.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.
Встала с постели своей Алкиноя священная сила,
Встал и потомок богов Одиссей, городов разрушитель.
Гостя тотчас повела Алкиноя священная сила
К площади, где невдали корабли находились феаков.
К месту пришедши, уселись на гладко отесанных камнях
Рядом друг с другом. Паллада ж Афина пошла через город,
Вестника образ приняв при царе Алкиное разумном,
В мыслях имея своих возвращенье домой Одиссея.
Остановившись пред каждым, Афина ему говорила:
«Ну же, скорее, вожди и советники славных феаков!
Все собирайтесь на площадь, чтоб там чужеземца послушать.
Только недавно он в дом Алкиноя разумного прибыл,
Вытерпев в море крушенье. Бессмертным подобен он видом».
Так возбудила она любопытство и рвение в каждом.
Смертные быстро сошлись, заполняя сиденья и площадь.
Много граждан пришло в изумленье большое, увидев
Многоразумного сына Лаэрта. Афина излила
Невыразимую прелесть на плечи и голову гостя,
Сделала выше его и полнее на вид, чтоб милее
Стал он собравшимся всем феакийским мужам, чтоб внушил

им

Страх и почтенье к себе, чтоб во всех одержал он победу
Играх, в которых они испытать Одиссея хотели.
После того как сошлись и толпа собралась большая,
С речью к ним Алкиной обратился и вот что промолвил:
«К вам мое слово, вожди и советчики славных феаков:
Выскажу то я, к чему меня дух мой в груди побуждает.
Этот вот странник, — а кто он, не знаю, — в скитаниях
прибыл
В дом мой сюда из восточных иль западных стран иноземных.

Просит отправки домой и срок умоляет назначить.
Мы, как всегда, переезд ему этот охотно устроим:
Нет никого и не будет такого, кто, в дом мой пришедши,
Долго б у нас в ожиданьи сидел, об отъезде тоскуя.
Спустим же черный корабль, отправляемый плавать впервые,
В море священное. Юношей двух и еще пятьдесят к ним
Выберем в целом народе, кто всех наиболее надежен.
Все они пусть свои весла привяжут к уключинам, сами ж
Выйдут и, в дом наш пришедши, заботу приложат, чтоб
быстро

Справить обед, а уж я в изобилии всего приготовлю.
Юношам это я сделать даю приказанье. Другие ж
Все вы, цари-скиптроносцы, в прекрасный дворец мой
придите,

Там угостим мы радушно прибывшего к нам чужестранца.
Ни от кого пусть отказа не будет. На пир позовите
И Демодока, певца. Бог дал ему сердце нам песней
Радовать, как бы о чем ему петь ни велело желанье».
Так он сказал и пошел. А следом за ним скиптроносцы.
Вестник пошел за певцом, Демодоком божественным. Двое
Выбранных юношей, с ними других пятьдесят, как велел он,
К берегу быстро пошли всегда беспокойного моря.
К морю и к ждавшему их кораблю подошли они скоро.
Сдвинули прежде всего корабль на глубокую воду,
Мачту потом со снастями на черный корабль уложили,
К кожаным кольцам уключин приладили крепкие весла,
Как полагается все, и потом паруса распустили,
В месте глубоком корабль укрепили. Все это окончив,
К дому большому пошли Алкиноя, разумного духом.
Мужи заполнили двор, колоннады и комнаты дома.
Все собрались во дворец — и старые и молодые.
К пиру велел Алкиной двенадцать баранов резать,
Восемь свиней белозубых и пару быков тяжконогих.
Кожу содрали, рассекли и пир приготовили пышный.
Всем дорогого певца привел в это время глашатай.
Муза его возлюбила, но злом и добром одарила:
Зренья лишила его, но дала ему сладкие песни.
Кресло ему Понтоной среброгвоздное в зале поставил
Посреди пировавших, придвинув к высокой колонне,
Над головою его на гвозде он повесил формингу
Звонкую, давши слепцу до нее прикоснуться руками.
Возле поставил корзину прекрасную, стол пододвинув,
Рядом же — кубок, чтоб пил, как только он духом захочет.
Руки немедленно к пище готовой они протянули.
После того как желанье питья и еды утолили,
Муза внушила певцу пропеть им сказанье из ряда
Песен, молва о которых до самых небес достигала.
Пел он о ссоре царя Одиссея с Пелеевым сыном,
Как, на пиршестве пышном бессмертных, неистово оба
Между собой разругались; владыка ж мужей Агамемнон
Рад был безмерно, что ссора меж лучших возникла ахейцев;
Знаменьем добрым была эта ссора: в Пифоне священном

Так ему Феб предсказал, когда чрез порог перешел он
Каменный с целью спросить оракула: бедствий начало
Зевс в это время как раз накатил на троян и ахейцев.
Вот про это и пел знаменитый певец. Свой широкий
Пурпурный плащ Одиссей, мускулистыми взявши руками,
Сдвинул чрез голову вниз и лицо в нем прекрасное спрятал.
Стыдно было ему проливать пред феаками слезы.
Каждый раз, лишь кончал певец тот божественный пенье,
Плащ спускал Одиссей с головы своей, вытерев слезы,
Чашу двуручную брал и творил возлиянье бессмертным.
Только, однако, опять начинал он и знатные гости
Петь побуждали его, восторгаясь прекрасною песней, —
Снова вздыхал Одиссей, плащом с головою покрывшись.
Скрытыми слезы его для всех остальных оставались,
Только один Алкиной те слезы заметил и видел,
Сидя вблизи от него и вздохи тяжелые слыша.
К веслолюбивым феакам тотчас обратился он с речью:
«К вам мое слово, вожди и советчики славных феаков!
Дух свой насытили мы для всех одинаковым пиром,
Также формингою звонкой, цветущею спутницей пира.
Выйдем отсюда теперь, к состязаньям различным приступим,
Чтоб чужестранец, домой воротившись к друзьям своим

милым,

Мог рассказать им, насколько мы всех остальных
превосходим

В бое кулачном, в прыжках, в борьбе и стремительном беге».
Так он сказал и пошел. А следом за ним остальные.
Вестник повесил на гвоздь формингу певца Демодока,
За руку взял Демодока и вывел его из столовой.
Той же дорогою вел он его, какой и другие
Знатные шли феакийцы, желавшие игры увидеть.
Все они к площади шли. А за ними народ несчислимый
Следом валил. И тогда благородные юноши встали.
Встали и вышли вперед Акроней, Окиал с Елатреем,
Следом Навтей и Примней, за ними Понтей с Анхиалом,
Также Анабесиней и Прорей, Фоон с Еретмеем,
И Амфиал, Полинеем, Тектоновым сыном, рожденный.
Вышел еще Евриал Навболид, с любобойцем Аресом
Схожий; и видом и ростом он всех превышал феакийцев.
С Лаодамантом одним он ни тем, ни другим не равнялся.
На состязание вышли и трое сынов Алкиной:
Лаодамант, Клитоней, подобный бессмертным, и Галий.
Было объявлено первым из всех состязание в беге.
Бег с черты начался. И бросились все они разом
И по равнине помчались стремительно, пыль поднимая.
На ноги был быстрходнее всех Клитоней безупречный:
Сколько без отдыха мулы проходят под плугом по пашне,
Ровно настолько других обогнал он и сзади оставил.
Вышли другие потом на борьбу, приносящую муки.
В ней победил Евриал, превзошедший искусством и лучших.
В прыганьи взял Амфиал преимущество перед другими,
В дискометаньи искуснее всех Елатрей оказался,

В бое кулачном же — Лаодамант, Алкиноем рожденный.
После того как насытили все они играми сердце,
Лаодамант, Алкиноем рожденный, к ним так обратился:
«Спросим-ка с вами, друзья, чужестранца, в каких состязаньях
Опытен он и умел. Ведь ростом совсем он не низок,
Голени, бедра и руки над ними исполнены силы,
Шея его мускулиста, и сила как будто большая.
Также годами не стар он, лишь бедами сломлен большими.
Думаю я, ничего не бывает зловреднее моря:
Самого крепкого мужа способно оно обессилить».
Так он сказал. Евриал, ему отвечая, промолвил:
«Лаодамант! Весьма произнес ты разумное слово!
К гостю сам подойди и свое предложение сделай».
Доблестный сын Алкиной едва только это услышал,
Вышел, и встал в середине, и так Одиссею промолвил:
«Ну-ка, отец чужеземец, вступи-ка и ты в состязанье,
Если искусен в каком. А должен бы быть ты искусен.
Ведь на земле человеку дает наибольшую славу
То, что ногами своими свершает он или руками.
Выйди, себя покажи и рассей в своем духе печали:
Твой ведь отъезд уж теперь недалек. Корабль быстроходный
На воду с берега спущен, товарищи наши готовы».
И, отвечая ему, сказал Одиссей многоумный:
«Лаодамант, не в насмешку ль вы мне предлагаете это?
Не состязанья в уме у меня, а труды и страданья, —
Все, что в таком изобилии пришлось претерпеть мне доселе.
Нынче же здесь, вот на этом собраньи, тоскуя сию я,
О возвращеньи домой и царя и народ умоляя».
Прямо в лицо насмехаясь, сказал Евриал Одиссею:
«Нет, чужестранец, тебя не сравнил бы я с мужем, искусным
В играх, которых так много везде у людей существует!
Больше похож ты на мужа, который моря объезжает
В многовесельном судне во главе мореходцев-торговцев,
Чтобы, продав свой товар и опять корабли нагрузивши,
Больше нажать барыша. На борца же совсем не похож ты!»
Грозно взглянув на него, отвечал Одиссей многоумный:
«Нехорошо ты сказал! Человек нечестивый ты, видно!
Боги не всякого всем наделяют. Не все обладают
И красноречьем, и видом прекрасным, и разумом мудрым.
С виду иной человек совершенно как будто ничтожен,
Слову ж его божество придает несказанную прелесть;
Всем он словами внушает восторг, говорит без запинки,
Мягко, почтительно. Каждый его на собраньи заметит.
В городе все на него, повстречавшись, глядят, как на бога.
С богом бессмертным другой совершенно наружностью
сходен,
Прелести ж бедное слово его никакой не имеет.
Так и с тобою: наружностью ты выдаешься меж всеми,
Лучше и бог бы тебя не создал. Но разумом скуден.
Дух мне в груди взволновал ты своей непристойною речью.
Нет, не безопытен я в состязаньях, как ты утверждаешь.
Думаю я, что на них между первыми был я в то время,

Как еще мог полагаться на юность свою и на руки.
Нынче ж ослаб я от бед и скорбей. Претерпел я немало
В битвах жестоких с врагами, в волнах разъяренного моря.
Все же и так, столько бед претерпев, в состязанье вступаю!
Язвенно слово твое. Разжег ты меня этим словом!»
Так он сказал, поднялся и, плаща не снимая, огромный
Диск рукою схватил, тяжелее намного и толще
Диска, которым пред тем состязались феаки друг с другом,
И, размахавши, его запустил мускулистой рукою.
Камень, жужжа, полетел. Полет его страшный услышав,
К самой присели земле длинновеслые мужи феаки,
Славные дети морей. Из руки его вылетев быстро,
Диск далеко за другими упал. Уподобившись мужу,
Знаком отметила место Афина и так объявила:
«Даже слепой отличил бы на ощупь твой знак, чужестранец!
Ибо лежит он не в куче средь всех остальных, а гораздо
Дальше их всех. Ободришь! За тобою осталась победа!
Так же, как ты, или дальше никто из феаков не бросит!»
Так сказала Афина, и радость взяла Одиссея,
Что на собраньи нашелся товарищ, к нему благосклонный.
На сердце сделалось легче, и так продолжал говорить он:
«Юноши, прежде добросьте до этого диска: а следом
Брошу другой я, и так же далеко; быть может, и дальше.
Я и других приглашаю к другим состязаньям, которых
Только их дух пожелает. Уж больно я вами рассержен!
Бег ли, борьба ли, кулачный ли бой — на все я согласен!
С Лаодамантом одним я ни в чем состязаться не стану:
Здесь ведь хозяин он мне: кто станет с хозяином биться,
Должен быть дураком, ни на что человеком не годным
Тот, кто в чужой стороне хозяину сделает вызов
На состязанье: себе самому только вред принесет он.
Из остальных же на всех я пойду, никого не отвергну.
Каждого рад я при встрече познать и себя испытать с ним.
Сколько ни есть средь мужей состязаний, не плох ни в одном

я.

Руки недурно мои полированным луком владеют:
Прежде других поражу я противника острой стрелой
В гуще врагов, хоть кругом бы и очень товарищей много
Было и меткую каждый стрелу на врага бы нацелил.
Луком один Филоктет меня побеждал неизменно
Под Илионом, когда мы, ахейцы, в стрельбе состязались;
Что же до прочих, то лучше меня никого, полагаю,
Нет теперь между смертных людей, кто питается хлебом.
Против же прежних людей я бороться никак не посмел бы —
Против Геракла иль против Еврита, царя Эхалии.
Луком не раз состязались они и с самими богами,
Вот почему и погиб великий Еврит, не достигнув
Старости в доме своем; умертвил Аполлон его — в гневе,
Что его вызвать посмел он в стрельбе состязаться из лука.
Дальше могу я достигнуть копьем, чем иные стрелой.
Только боюсь, чтоб ногами меня кто-нибудь из феаков
Не победил: истожили меня не совсем, как обычно,

Ярые волны морские: не всю ведь дорогу проделал
На корабле я сюда. И члены мои ослабели».
Так говорил он. Молчанье глубокое все сохраняли.
Только один Алкиной, ему отвечая, промолвил:
«Странник, сказать ничего нам обидного ты не желаешь,
Но лишь присущую хочешь тебе показать добродетель
В гневе, что этот вот муж тебя оскорбил пред собранием.
Нет, добродетели, странник, твоей ни один не оспорит,
Слово умеющий молвить, согласное с здравым рассудком.
Выслушай слово теперь и мое, чтоб мужам благородным
Мог ты его повторить, когда, со своею супругой
И со своими детьми у себя беззаботно пируя,
О добродетелях вспомнишь, какие Зевес-промыслитель
Издавна, с самых еще отцовских времен, даровал нам.
Мы ни в кулачном бою, ни в борьбе далеко не отличны.
На ноги быстры зато, мореходцы же — первые в мире.
Любим всем сердцем пиры, хороводные пляски, кифару,
Ванны горячие, смену одежды и мягкое ложе.
Ну-ка, идите сюда, танцовщики лучшие наши,
Гостю искусство свое покажите, чтоб, в дом свой вернувшись,
Мог он друзьям рассказать, насколько мы всех превосходим
В плаваньи по морю, в ног быстроте и в пеньи и в пляске.
Для Демодока же пусть кто-нибудь за формингою сходит
Звонкою — где-то она у меня здесь находится в доме».
Так Алкиной боговидный сказал, и тотчас же глашатай
К царскому дому пошел и с полой вернулся формингой.
Распорядители, девять числом, избранцы народа,
Встали. Для игрища все приготавливать было их дело.
Выровняв место, они от площадки народ оттеснили.
Вестник пришел между тем и принес Демодоку формингу
Звонкую. Вышел певец в середину. Его окружили
Юноши в первой поре возмужалости, ловкие в плясках,
И по площадке священной затопали враз. Одиссей же
Взглядом следил, как их ноги мелькали, и духом дивился.
Тот играл на форминге и голосом начал прекрасным
Петь, как слюбились Арес с Афродитой красивовеночной,
Как они в доме Гефеста в любви сопряглись впервые
Тайно; Арес, ей немало даров подарив, обесчестил
Ложе Гефеста-владыки. Тотчас Гелиос к нему с вестью
Этой явился, — он видел, как те, обнимаясь, лежали.
Только услышал Гефест это боль приносящее слово,
В кузню к себе он пошел, на обоих замыслив худое,
И, наковальню на плаху поставивши, выковал сети
Нерасторжимые, чтобы их крепко держали, поймавши.
Хитрый окончивши труд и злобой к Аресу пылая,
В спальню к себе он пошел, где ложе его находилось,
Ножки кровати вокруг отовсюду опутал сетями
И с потолка эти сети спустил паутиною тонкой,
Так что не только никто из людей увидеть их не мог бы,
Но и из вечных богов, — до того их искусно сковал он.
Эти тончайшие сети вокруг ложа коварно раскинув,
Сделал он вид, что на Лемнос отправился, в тот благозванный

Город, который меж всех он земель наиболее любит.
Не был слеп, следя за Гефестом, Арес златокудрый.
Только что прочь удалился Гефест, знаменитый художник,
Быстро направил Арес шаги свои к дому Гефеста,
Жажда страстно любви Кифереи красивовеночной.
Та лишь недавно вернулась домой от родителя Зевса
И, отдыхая, сидела. Вошел он во внутренность дома,
За руку взял Афродиту, по имени назвал и молвил:
«Милая, ляжем в постель, насладимся с тобою любовью!
Нету ведь дома Гефеста. Вершины Олимпа покинув,
К синтиям грубоголым на Лемнос отправился муж твой».
Так ей сказал он. И с радостью с ним улеглась Афродита.
Лежа в постели, заснули они напоследок. Внезапно
Тонкие сети Гефеста с такой охватили их силой,
Что ни подняться они не могли, ни двинуться членом.
Тут они поняли оба, что бегство для них невозможно.
Близко пред ними предстал знаменитый хромец обоногий.
Прежде чем в Лемнос прибыть, с дороги домой он вернулся:
Зорко следивший за всем Гелиос известил его тотчас.
Милым печалуясь сердцем, вбежал во дворец он поспешно,
Остановился в дверях, охваченный яростью дикой,
И завопил во весь голос, богов созывая бессмертных:
«Зевс, наш родитель, и все вы, блаженные, вечные боги!
Вот посмотрите на это смешное и гнусное дело, —
Как постоянно бесчестит меня, хромонокого, Зевса
Дочь, Афродита-жена, как бесстыдного любит Ареса!
Он крепконог и прекрасен на вид, а я хромоногим
На свет родился. Однако виновен-то в этом не я же, —
Только родителей двое, родившие так меня на свет.
Вот посмотрите, как оба, любовно обнявшись друг с другом,
Спят на постели моей! Как горько смотреть мне на это!
Но я надеюсь, что больше им так уж лежать не придется,
Как ни любили б друг друга. Пройдет у них скоро охота!
Будут теперь их держать здесь искусные сети, доколе
Всех целиком не отдаст мне родитель супруги подарков,
Мною врученных ему за бесстыдную женщину эту!
Дочь хоть прекрасна его, но как же разнуздана нравом!»
Так он сказал. Во дворец меднозданный собрались боги.
Тотчас пришел Посейдон-земледержец, пришел и владыка
Феб Аполлон дальнострельный, пришел и Гермес-благодавец.
Что до богинь, то они из стыдливости дома остались.
Вечные боги, податели благ, столпились у входа.
Смех овладел неугасный блаженными всеми богами,
Как увидали они, что Гефест смастерил многоумный.
Так не один говорил, поглядев на стоявшего рядом:
«Злое не в прок. Над проворством тут медленность верх
одержала.
Как ни хромает Гефест, но поймал он Ареса, который
Всех быстротой превосходит богов, на Олимпе живущих.
Взят он искусством — и вот с него пеня за брак
оскорбленный!»
Так меж собою вели разговоры бессмертные боги.

Зевсов сын, Аполлон-повелитель, Гермесу промолвил:
«Ну-ка, скажи, сын Зевса, Гермес, Благодавец, Вожатый!
Не пожелал ли бы ты, даже крепкой окутанный сетью,
Здесь на постели лежать с золотой Афродитою рядом?»
Аргоубийца-вожатый тотчас Аполлону ответил:
«Если бы это случилось, о царь Аполлон дальнострельный, —
Пусть бы опутан я был хоть бы втрое крепчайшею сетью, —
Пусть бы хоть все на меня вы глядели богини и боги, —
Только бы мне тут лежать с золотой Афродитою рядом!»
Так он сказал. Поднялся меж богами бессмертными хохот.
Смех одного Посейдона не брал. Умолял он Гефеста,
Славного дивным искусством, чтоб дал он свободу Аресу.
Громко к нему со словами крылатыми он обратился:
«Освободи. Я тебе за него поручусь, как прикажешь;
Плату тебе при богах свидетелях всю он заплатит».
Но, возражая, сказал знаменитый хромец обоногий:
«Этого — нет, не проси у меня, Посейдон-земледержец!
Плохо, когда поручитель поруку дает за плохого.
Как же тебя при богах свидетелях мог бы связать я,
Если б Арес ускользнул и от сети моей и от платы?»
И, отвечая, сказал Посейдон, сотрясающий землю:
«Если даже Арес, ускользнув от условленной платы,
Скроется бегством, то все тебе сам за него заплачу я».
Быстро на это сказал знаменитый хромец обоногий:
«Просьбу твою я никак не могу и не смею отвергнуть».
Это ответивши, сеть распустила Гефестова сила.
Освободившись от уз неразрывных, и бог и богиня
Оба мгновенно вскочили. Арес во Фракию умчался,
В Кипр унеслась Афродита улыбкалюбивая, в Пафос.
В Пафосе есть у нее алтарь благовонный и роща.
Там искупали богиню хариты и тело натерли
Маслом нетленным, какое обычно для вечно живущих,
И облекли ее в платье прелестное, диво для взоров.
Так им пел знаменитый певец. Одиссей его слушал
И наслаждался в душе. Наслаждались равно и другие —
Славные дети морей, длинновеслые мужи феаки.
Лаодаманту и Галию дал Алкиной приказанье,
Чтоб в одиночку сплясали: никто с ними спорить не смог бы.
Взяли тотчас они в руки пурпуровый мяч превосходный;
Был этот мяч изготовлен для них многоумным Полибом.
Мяч тот, откинувшись сильно, один под тенисты тучи
Быстро бросал, а другой, от земли подскочивши высоко,
Ловко ловил его прежде, чем почвы касался ногами.
После того же как в мяч они, прыгая вверх, наигрались,
Стали оба уж просто плясать по земле многодарной,
Часто сменяясь: другие же юноши, их обступивши,
Хлопали мерно в ладони. И шум получался немалый.
Тут Алкиною-царю сказал Одиссей богоравный:
«Царь Алкиной, между всех феакийских мужей наилучший!
Ты похвалился, что с вами никто не сравняется в пляске, —
Правда твоя! Это видел я сам и безмерно дивлюся!»
В радость при этом пришла Алкиноя священная сила.

К веслолюбивым феакам тотчас обратился он с речью:
«К вам мое слово, вожди и советчики славных феаков!
Этот странник, как кажется мне, чрезвычайно разумен.
Надобно нам предложить по обычаю гостю подарки.
Правят ведь в нашей стране двенадцать царей превосходных
Нашим могучим народом: меж ними тринадцатый сам я.
Свежевымытый плащ и хитон и еще по таланту
Ценного золота каждый из них пусть для гостя доставит.
Тотчас же эти дары принесем, чтоб, в руках их имея,
С радостным духом пошел чужестранец на пиршество наше.
А Евриал пусть вину перед гостем искупит как словом,
Так и подарком: весьма говорил неприлично он с гостем».
Так сказал Алкиной. И одобрили все его слово.
Вестника каждый послал за подарком своим чужестранцу.
А Евриал, отвечая царю Алкиною, промолвил:
«Царь Алкиной, меж всех феакийских мужей наилучший!
Гостю доставить я рад возмещение, как приказал ты.
В дар я вручу ему меч целомедный с серебряной ручкой,
В крепких ножнах из недавно распиленной кости слоновой,
Много будет достоин подарок блистательный этот!»
Так сказав, ему в руки вложил он свой меч среброгвоздный
И со словами крылатыми громко к нему обратился:
«Радуйся много, отец чужеземец! И если сказал я
Дерзкое слово, пусть ветер его унесет и развеет!
Пусть тебе боги дадут и жену увидеть и в отчизну
Скоро вернуться: давно уж вдали ты от близких страдаешь».
И, отвечая ему, сказал Одиссей хитроумный:
«Радуйся, друг мой, и ты, да пошлют тебе счастье боги!
Пусть никогда и потом не раскаешься ты, что прекрасный
Мне этот меч подарил, словами со мной примирившись».
Так он ответил и меч среброгвоздный накиннул на плечи.
Солнце зашло, и ему доставлены были подарки.
Славные вестники все их в жилище внесли Алкиной.
Там сыновья Алкиной могучего взяли подарки.
К матери их отнесли, уважаемой всеми Арете.
Всех за собой повела Алкиной священная сила.
В дом вошедши, они в высокие кресла уселись,
И обратилась тогда Алкиноева сила к Арете:
«Ну-ка, жена, принеси нам сундук, изо всех наилучший!
В этот сундук свежевымытый плащ и хитон ты положишь,
Жаркий огонь под котлом разожгите и воду согрейте,
Чтобы, помывшись и видя лежащие в полном порядке
Все дары, что феаки сюда принесли чужестранцу,
Пиршеством он наслаждался у нас и слушал бы песни.
Я ж ему эту чашу прекрасную дам золотую,
Чтобы, все дни обо мне вспоминая, творил возлиянья
В доме своем и Крониду отцу и прочим бессмертным».
Так сказал Алкиной. И рабыням велела Арета
Медный треножник большой на огонь поскорее поставить.
Те, поставив треногий котел на пылавшее пламя,
Влили воды до краев и дров под котел подложили.
Брюхо сосуда огонь охватил. Вода согревалась.

Из кладовой между тем сундук превосходный Арета
Вынесла гостю, в сундук дорогие сложила подарки —
Платье и золото все, что феаки ему надавали.
А от себя еще плащ положила прекрасный с хитоном.
К гостю Арета потом обратилась со словом крылатым:
«Крышку теперь огляди и сундук завяжи поскорее,
Чтобы в дороге чего у тебя не украли, покуда
Сладким ты будешь покоиться сном в корабле чернобоком»,
Это когда услышал Одиссей, в испытаниях твердый,
Тотчас крышку приладив, сундук завязал поскорее
Хитрым узлом, как Цирцея его обучила когда-то.
Тут же ключница в ванну ему пойти предложила,
Чтобы помыться. И радость его охватила при виде
Ванны горячей. С тех пор как дом он Калипсо покинул,
Видеть заботу ему о себе приходилось не часто.
Там же забота о нем постоянна была, как о боге!
Вымывши в ванне, рабыни всего его маслом натерли,
В плащ прекрасный потом и хитон облекли его плечи.
Выйдя из ванны, пошел он к мужам, уж вино распивавшим.
Дочь Алкиноя, красу от богов получившая вечных,
Возле столба, потолок подпиравшего залы, стояла.
На Одиссея она с большим восхищеньем смотрела
И со словами к нему окрыленными так обратилась:
«Радуйся, странник, и помни меня, как вернешься в отчизну.
Мне ты ведь прежде всего спасением жизни обязан».
Ей отвечая, тотчас же сказал Одиссей многоумный:
«Высокодушного дочь Алкиноя царя, Навсикая!
Только бы Зевс-промыслитель, супруг громомечущий Геры,
Дал мне домой воротиться и день возвращенья увидеть,
Там не устану тебе возносить я молитвы, как богу,
В вечные веки: ведь жизнь-то мне, дева, ты сохранила!»
Молвил и рядом с царем Алкиноим уселся на кресло.
Было уж роздано мясо, в кратерах вино намешали.
Всем дорогого певца привел в это время глашатай,
Чтимого целым народом слепца Демодока. Его он
Между гостей усадил, спиною к высокой колонне.
К вестнику тут обратясь, сказал Одиссей многоумный,
Жирный кусок от хребта белозубого вепря отрезав.
Большую часть от него для себя он, однако, оставил:
«Вестник, возьми это мясо, снеси Демодоку, чтоб съел он.
Рад я вниманье ему оказать, хоть и очень печалюсь.
Честь певцам и почет воздавать все обязаны люди,
Что на земле обитают: ведь пенью певцов обучила
Муза сама, и племя певцов она любит сердечно».
Вестник тотчас же пошел. И герою-певцу Демодоку
Передал мясо. И принял певец его, радуясь духом.
Руки немедленно к пище готовой они протянули,
После того как желанье питья и еды утолили,
Так Демодоку сказал Одиссей, в испытаниях твердый:
«Выше всех людей, Демодок, я тебя бы поставил!
Иль Аполлоном самим, иль Музой обучен ты пенью.
Больно уж верно поешь ты про все, что постигло ахейцев,

Что они сделали, сколько трудились и сколько страдали,
Словно иль сам ты все это видел, иль от видевших слышал.
Ну-ка, к другому теперь перейди, расскажи, как Епеем
С помощью девы Афины построен был конь деревянный,
Как его хитростью ввел Одиссей богоравный в акрополь,
Внутрь поместивши мужей, Илион разоривших священный.
Если так же об этом ты все нам расскажешь, как было,
Тотчас всем людям скажу я тогда, что бог благосклонный
Даром тебя наградил и боги внушают те песни».
Так он сказал. И запел Демодок, преисполненный бога.
Начал с того он, как все в кораблях прочнопалубных в море
Вышли данайцев сыны, как огонь они бросили в стан свой,
А уж первейшие мужи сидели вокруг Одиссея
Средь прибежавших троянцев, сокрывшись в коне
деревянном.

Сами троянцы коня напоследок в акрополь втащили.
Он там стоял, а они без конца и без толку кричали,
Сидя вокруг. Между трех они все колебались решений:
Либо полое зданье погибельной медью разрушить,
Либо, на край притащив, со скалы его сбросить высокой,
Либо оставить на месте, как вечным богам приношенье.
Это последнее было как раз и должно совершиться,
Ибо решила судьба, что падет Илион, если в стены
Примет большого коня деревянного, где аргивяне
Были запрятаны, смерть и убийство готовя троянцам.
Пел он о том, как ахейцы разрушили город высокий,
Чрево коня отворивши и выйдя из полой засады;
Как по различным местам высокой рассыпались Трои,
Как Одиссей, словно грозный Арес, к Деифобову дому
Вместе с царем Менелаем, подобным богам, устремился,
Как на ужаснейший бой он решился с врагами, разбивши
Всех их при помощи духом высокой Паллады Афины.
Это пел знаменитый певец. Непрерывные слезы
Из-под бровей Одиссея лицо у него увлажняли.
Так же, как женщина плачет, упавши на тело супруга,
Павшего в первых рядах за край свой родной и за граждан,
Чтоб отворотить от детей и от города злую погибель:
Видя, что муж дорогой ее в судорогах бьется предсмертных,
С воплем к нему припадает она, а враги, беспощадно
Древками копий ее по спине и плечам избивая,
В рабство уводят с собой на труды и великие беды.
Блекнут щеки ее в возбуждающей жалость печали, —
Так же жалостно слезы струились из глаз Одиссея.
Скрытыми слезы его для всех остальных оставались,
Только один Алкиной те слезы заметил и видел,
Сидя вблизи от него и вздохи тяжелые слыша.
К веслолюбивым феакам тотчас обратился он с речью:
«К вам мое слово, вожди и советчики славных феаков!
Пусть играть Демодок перестанет на звонкой форминге.
Радость пеньем своим он вовсе не всем доставляет.
С самых тех пор, как за ужином мы и певец нам поет здесь,
Не прекращает все время, как вижу я, горького плача

Гость наш; большое какое-то горе его угнетает.
Пусть же певец перестанет, чтоб все мы равно наслаждались,
Гость и хозяева. Так оно будет намного прекрасней:
Все ведь мы делаем здесь для почтенного нашего гостя —
Мы и готовим отъезд и подносим с любовью подарки.
Всякий просящий защиты и странник является братом
Мужу, который хотя бы чуть-чуть прикоснулся к рассудку.
Вот почему не скрывай ты от нас осторожную мыслью
То, что тебя я спрошу. Разумнее будет ответить.
Имя скажи нам, каким тебя мать и отец называли
Вместе со всеми, кто в городе жил и вокруг города также.
Нет никого совершенно, как только на свет он рождается,
Средь благородных иль низких людей, кто бы был
безымянным.

Каждому, только родивши, дают уж родители имя.
Так назови же мне землю свою, государство и город,
Чтобы, тебя отвозя, туда свою мысль направляли
Наши суда: у феаков на них не имеется кормчих,
Нет и руля, как у всех остальных кораблей мореходных.
Сами они понимают и мысли мужей и стремленья,
Знают и все города и все плодоносные нивы
Смертных людей; через бездны морские, сквозь мглу и
туманы

Быстро мчатся они и все ж не боятся нисколько
Вред на волнах претерпеть или в море от бури погибнуть.
Но от отца моего Навсифоя пришлось мне когда-то
Вот что узнать: говорил он, сердит на феаков жестоко
Бог Посейдон, что домой невредимыми всех мы развозим.
Некогда, он утверждал, феакийский корабль многопрочный
При возвращении обратно по мглисто-туманному морю
Бог разобьет и высокой горою наш город закроет.
Так говорил мне старик. А исполнит ли то Земледержец
Иль не исполнит, пусть будет по воле великого бога.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Как заблудился ты, что за края тебе видеть пришлось,
Где побывал в городах и к людям каким попадал ты,
К диким ли, духом надменным и знать не желающим правды,
Или же к гостеприимным и с богобоязненным сердцем?
Также скажи, почему ты печалишься духом и плачешь,
Слыша рассказ о судьбе аргосских данайцев и Трои?
Боги назначили эту судьбу им и выпряли гибель
Людям, чтоб песнями стали они и для дальних потомков.
Может быть, кто у тебя из родни благородной погиб там,
Зять иль тесть? После тех, кто нам близок по крови и роду,
Эти из всех остальных всего нам дороже бывают.
Или погиб у тебя благородный товарищ с приятным
Нравом? Нисколько, мы знаем, не хуже и брата родного
Тот из товарищей наших, который разумное знает».

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

Так отвечая ему, сказал Одиссей многоумный:
«Царь Алкиной, между всех феакийских мужей наилучший!
Как мне приятно и сладко внимать песнопеньям прекрасным
Мужа такого, как этот, — по пению равного богу!
В жизни, я думаю, нет свершений приятней, чем если
Радостью светлой сердца исполнены в целом народе,
Если, рассевшись один близ другого в чертогах прекрасных,
Слушают гости певца, столы же полны перед ними
Хлеба и жирного мяса; и, черпая смесь из кратера,
В кубки ее разливает, гостей обходя, виночерпий.
Это мне из всего представляется самым прекрасным.
Но от меня о плачевных страданиях моих ты желаешь
Слышать, чтоб сердце мое преисполнилось плачем
сильнейшим.

Что же мне прежде, что после и что под конец рассказать вам?
Слишком уж много я бед претерпел от богов Уранидов.
Прежде всего я вам имя свое назову, чтобы знали
Вы его, я ж, если час неизбежный меня не настигнет,
Гостем считался бы вашим, хотя и живущим далеко.
Я — Одиссей Лаэртид. Измышленьями хитрыми славен
Я между всеми людьми. До небес моя слава доходит.
На издалека заметной Итаке живу я. Гора там
Вверх выдается — Нерит, колеблющий листья. Немало
Там и других островов, недалеких один от другого:
Зам и Дулихий, покрытый лесами обильными Закинф.
Плоская наша Итака лежит, обращенная к мраку,
К западу, прочие все — на зарю и на солнце, к востоку.
Почва ее камениста, но юношей крепких питает.
Я же не знаю страны прекраснее милой Итаки.
Нимфа Калипсо меня у себя удержать порывалась
В гроте глубоком, желая своим меня сделать супругом;
Также старалась меня удержать чародейка Цирцея
В дальней Эе, желая своим меня сделать супругом:
Духа, однако, в груди мне на это она не склонила.
Слаще нам нет ничего отчизны и сродников наших,
Если бы даже в доме богатейшем вдали обитали
Мы на чужой стороне, в отдалении от сродников наших.
Ну, расскажу я тебе о печальном моем возвращении,
Зевсом ниспосланном мне, когда Илион я покинул.
Ветер от стен илионских к Исмару пригнал нас, к киконам.
Город я этот разрушил, самих же их гибели предал.
В городе много забравши и женщин и разных сокровищ,
Начали мы их делить, чтоб никто не ушел обделенным.
Стал тут советовать я как можно скорее отсюда
Всем убежать, но меня не послушались глупые люди.
Было тут выпито много вина и зарезано было
Много у моря быков криворогих и жирных баранов.
Те между тем из киконов, кто спасся, призвали киконов,
Живших в соседстве, — и больших числом и доблестью
лучших,
Внутрь материк населявших, умевших прекрасно сражаться

И с лошадей, а случится нужда, так и пешими биться.
Столько с зарею явилось их, как цветов или листьев
В пору весны. И тогда перед нами, злосчастливыми, злая
Зевсова встала судьба, чтобы много мы бед испытали.
Близ кораблей наших быстрых жестокая битва вскипела.
Стали мы яро друг в друга метать медноострые копья.
С самого утра все время, как день разрастался священный,
Мы, защищаясь, упорно стояли, хоть было их больше.
Но лишь склонилось солнце к поре, как волов распрягают,
Верх получили киконы, вполне одолевши ахейцев.
С каждого судна по шесть сотоварищей наших погибло.
Всем остальным удалось убежать от судьбы и от смерти.
Дальше оттуда мы двинулись в путь с опечаленным сердцем,
Сами избегнув конца, но товарищей милых лишившись.
В море, однако, не вывел двухвостых судов я, куда
Трижды каждого мы не позвали из наших несчастных
Спутников, павших на поле в бою под руками киконов.
Тучи собирающий Зевс на суда наши северный ветер
С вихрем несслыханным ринул и скрыл под густейшим
туманом

Сушу и море. И ночь ниспустилася с неба на землю.
Мчались суда, зарываясь носами в кипящие волны.
Вихрем на три, на четыре куска паруса разорвало.
Мы, испугавшись беды, в корабли их, свернув, уложили,
Сами же веслами стали к ближайшему берегу править.
На берегу мы подряд пролежали два дня и две ночи,
И пожирали все время нам дух и печаль и усталость.
Третий день привела за собой пышнокосая Эос.
Мачты поставив и снова подняв паруса, на суда мы
Сели. Они понеслись, повинуюсь ветру и кормчим.
Тут невредимым бы я воротился в родимую землю,
Но и волна, и течение, и северный ветер — в то время,
Как огибал я Малею — отбили меня от Киферы.
Девять носили нас дней по обильному рыбою морю
Смертью грозящие ветры. В десятый же день мы приплыли
В край лотофагов, живущих одной лишь цветочною пищей.
Выйдя на твердую землю и свежей водою запасшись,
Близ кораблей быстроходных товарищи сели обедать.
После того как едой и питьем мы вполне насладились,
Спутникам верным своим приказал я пойти и разведать,
Что за племя мужей хлебоядных живет в этом крае.
Выбрал двух я мужей и глашатая третьим прибавил.
В путь они тотчас пустились и скоро пришли к лотофагам.
Гибели те лотофаги товарищам нашим нисколько
Не замышляли, но дали им лотоса только отведать.
Кто от плода его, меду по сладости равного, вкусит,
Тот уж не хочет ни вести подать о себе, ни вернуться,
Но, средь мужей лотофагов оставшись навеки, желает
Лотос вкушать, перестав о своем возвращеньи и думать.
Силою их к кораблям привел я, рыдавших, обратно
И в кораблях наших полых, связав, положил под скамьями.
После того остальным приказал я товарищам верным

В быстрые наши суда поскорее войти, чтоб, вкусивши
Лотоса, кто и другой не забыл о возврате в отчизну.
Все они быстро взошли на суда, и к уключинам сели
Следом один за другим, и ударили веслами море.
Дальше оттуда мы двинулись в путь с опечаленным сердцем.
Прибыли вскоре в страну мы не знающих правды циклопов,
Гордых и злых. На бессмертных надеясь богов, ни растений
Не насаждают руками циклопы, ни пашни не пашут.
Без пахоты и без сева обильно у них все родится —
Белый ячмень и пшеница. Дают виноградные лозы
Множество гроздий, и множат вино в них дожди
Громовержца.

Ни совещаний, ни общих собраний у них не бывает.
Между горами они обитают, в глубоких пещерах
Горных высоких вершин. Над женой и детьми у них каждый
Суд свой творит полновластно, до прочих же нет ему дела.
Плоский есть там еще островок, в стороне от залива,
Не далеко и не близко лежащий от края циклопов,
Лесом покрытый. В великом там множестве водятся козы
Дикие. Их никогда не пугают шаги человека;
Нет охотников там, которые бродят лесами,
Много лишений терпя, по горным вершинам высоким.
Стад никто не пасет, и поля никто там не пашет.
Ни пахоты никакой, ни сева земля там не знает,
Также не знает людей; лишь блеющих коз она кормит.
Ибо циклопы не знают еще кораблей краснобоких,
Плотников нет корабельных у них, искусных в постройке
Прочновесельных судов, свое совершающих дело,
Разных людей города посещая, как это обычно
Делают люди, общаясь друг с другом чрез бездны морские.
Эти и дикий тот остров смогли бы им сделать цветущим,
Ибо не плох он и вовремя все там могло бы рождаться;
Много лугов там лежит вдоль берега моря седого,
Влажных и мягких: могли бы расти виноградные лозы.
Гладки для пашен поля; богатейшую жатву с посевов
Вовремя можно собирать, ибо много под почвою жира.
Гавань удобная там, никаких в ней не нужно причалов —
Якорных камней бросать иль привязывать судно канатом.
К суше пристав с кораблем, мореплавателю там остается,
Сколько захочет, пока не подуют попутные ветры.
В самом конце этой бухты бежит из пещеры источник
С светлоструистой водой, обросший вокруг тополями.
В этот залив мы вошли. Благодетельный бог нам какой-то
Путь указал через мрачную ночь: был остров невидим.
Влажный туман окружал корабли. Нам луна не светила
С неба высокого. Тучи густые ее закрывали.
Острова было нельзя различить нам глазами во мраке.
Также не видели мы и высоких, на берег бегущих
Волн до поры, как суда наши прочные врезались в сушу.
К суше пристав, на судах паруса мы немедля спустили,
Сами же вышли на берег прибоем шумящего моря
И, в ожидании Эос божественной, спать улеглись.

Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.
Вставши, по острову стали бродить мы, немало дивясь.
Нимфы, дочери Зевса эгидодержавного, горных
Подняли коз, чтобы было товарищам чем пообедать.
Гнутые луки тогда, длинноострые легкие копья
Из кораблей мы достали и, на три толпы разделившись,
Стали метать. И богатую бог даровал нам добычу.
Было двенадцать со мной кораблей, и досталось по девять
Коз на корабль: для себя ж одного отобрал я десяток.
Так мы весь день напролет до зашествия солнца сидели,
Ели обильно мы мясо и сладким вином утешались:
Ибо еще на судах моих быстрых вино не иссякло
Красное. Много его в амфорах на каждый корабль наш
Мы погрузили, священный разрушивши город киконцов.
Видели близко мы землю циклопов. С нее доходили
Дым, голоса их самих, овечье и козье бляенье.
Солнце меж тем закатилось, и сумрак спустился на землю.
Спать мы все улеглись у прибоем шумящего моря.
Рано рожденная встала из тьмы розоперстая Эос.
Всех я тогда на собранье созвал и вот что сказал им:
— Здесь все другие останьтесь, товарищи, мне дорогие!
Я ж на моем корабле и с дружиной моей корабельной
К этим отправлюсь мужам и исследую, кто эти мужи, —
Дикие ль, гордые духом и знать не хотящие правды
Или радушные к гостю и с богобоязненным сердцем. —
Так сказав и взойдя на корабль, приказал и другим я,
Севши самим на корабль, развязать судовые причалы.
Тотчас они на корабль поднялись, и к уключинам сели
Следом один за другим, и ударили веслами море.
Быстро достигли мы близко лежащего края циклопов.
С самого боку высокую мы увидели пещеру
Близко от моря, над нею — деревья лавровые. Много
Там на ночевку сходилась и коз и овец. Вкруг пещеры
Двор простирался высокий с оградой из вкопанных камней,
Сосен больших и дубов, покрытых густою листвою.
Муж великанского роста в пещере той жил. Одиноко
Пас вдалеке от других он барашков и коз. Не водился
С прочими. Был нелюдим, никакого не ведал закона.
Выглядел чудом каким-то чудовищным он и несходен
Был с человеком, вкушающим хлеб, а казался вершиной
Лесом поросшей горы, высоко над другими стоящей.
Прочим спутникам верным моим приказал я на берег
Вытащить быстрый корабль и там близ него оставаться.
Сам же, выбрав двенадцать товарищей самых надежных,
В путь с ними двинулся. Козий мех захватили с собою
С красным сладким вином. Марон Еванфид его дал нам,
Жрец Аполлона владыки, который Исмар охраняет, —
Дал нам за то, что его пощадили с женой мы и сыном
Из уваженья к нему. В Аполлоновой роще тенистой
Жрец обитал. Даров он блистательных дал мне немало:
Золота семь подарил мне талантов в искусных издельях,
Серебролитный кратер подарил, а потом еще также

Целых двенадцать амфор мне наполнил вином превосходным,
Сладким и чистым, напитком божественным. Ни из служанок,
Ни из рабов о вине том никто в его доме не ведал,
Кроме его самого, супруги и ключницы верной.
Если кто, пить собираясь, один наполнял только кубок
Красным вином этим сладким и двадцать примешивал кубков
С чистой водою к вину, то сладчайший, чудеснейший запах
Шел от кратера. Не мог тут никто от питья воздержаться.
Мех большой с тем вином захватил я с собой и мешок с ним
Кожаный с пищею. Дух мой отважный мгновенно почуял,
Что человека я встречу, большой облеченного силой,
Дикого духом, ни прав не хотящего знать, ни законов.
Быстро в пещеру вошли мы, но в ней не застали циклопа.
Жирных коз и овец он пас на лугу недалеко.
Все внимательно мы оглядели, вошедши в пещеру.
Полны были корзины сыров; ягнята, козлята
В стойлах теснились; по возрасту он разместил их отдельно:
Старших со старшими, средних со средними, новорожденных
С новорожденными; сывороткой были полны все сосуды,
Там же подойники, ведра стояли, готовые к дойке.
Спутники тотчас меня горячо уговаривать стали,
Взявши сыров, удалиться, потом же как можно скорее,
Выгнав козлят и барашков из стойл, на корабль быстроходный
Их погрузить и пуститься в дорогу соленою влагой.
Я не послушался их, а намного б то выгодней было!
Видеть его мне хотелось — не даст ли чего мне в подарок.
Но не радушным ему предстояло явиться пред нами!
Тут мы костер развели, и жертву свершили, и сами,
Сыра забравши, поели и, сидя в глубокой пещере,
Ждали, покуда со стадом пришел он. Огромную тяжесть
Леса сухого он нес, чтобы ужин на нем приготовить.
Сбросил внутри он пещеры дрова с оглушительным шумом.
Сильный испуг охватил нас, мы все по углам разбежались.
Жирных коз и овец загнал великан тот в пещеру —
Всех, которых доят: самцов же, козлов и баранов —
Их он снаружи оставил, в высокой дворовой ограде.
Поднял огромный камень и вход заградил им в пещеру —
Тяжким, которого с места никак не сумели бы сдвинуть
Двадцать две телеги четырехколесных добротных.
Вот какую скалою высокою вход заложил он!
Коз и овец подоил, как у всех это принято делать,
И подложил сосунка после этого к каждой из маток.
Белого взял молока половину, мгновенно заквасил,
Тут же отжал и сложил в сплетенные прочно корзины,
А половину другую оставил в сосудах, чтоб мог он
Взять и попить молока, чтоб ему оно было на ужин.
Все дела, наконец, переделав свои со стараньем,
Яркий костер он разжег — и нас увидал, и спросил нас:
— Странники, кто вы? Откуда плывете дорогою влажной?
Едете ль вы по делам или блуждаете в море без цели,
Как поступают обычно разбойники, рыская всюду,
Жизнью играя своею и беды неся чужеземцам? —

Так говорил он. Разбилось у нас тогда милое сердце.
Грубый голос и облик чудовища в ужас привел нас.
Но, несмотря и на это, ему отвечая, сказал я:
— Мы — ахейцы. Плыдем из-под Трои. Различные ветры
Сбили далеко с пути нас над бездной великою моря.
Едем домой. Но другими путями, другою дорогой
Плыть нам пришлось. Таково, очевидно, решение Зевса.
Вождь наш — Атрид Агамемнон: по праву мы хвалимся этим.
Славой сейчас он высокой покрылся по всей поднебесной,
Город великий разрушив и много народу избивши.
Мы же, прибывши сюда, к коленям твоим припадаем,
Молим, — прими, угости нас радушно, иль, может, иначе:
Дай нам гостинец, как это в обычае делать с гостями.
Ты же бессмертных почти: умоляем ведь мы о защите.
Гостеприимец же Зевс — покровитель гостей и молящих.
Зевс сопутствует гостю. И гости достойны почтения. —
Так я сказал. Свирепо взглянувши, циклоп мне ответил:
— Глуп же ты, странник, иль очень пришел к нам сюда

издалека,

Если меня убеждаешь богов почитать и бояться.
Нет нам дела, циклопам, до Зевса-эгидодержавца
И до блаженных богов: мы сами намного их лучше!
Не пощажу ни тебя я из страха Кронидова гнева,
Ни остальных, если собственный дух мне того не прикажет.
Вот что, однако, скажи мне: к какому вы месту пристали
На корабле своем — близко ль, далеко ль отсюда, чтоб знать

мне. —

Так он выпытывал. Был я достаточно опытен, понял
Сразу его и хитро отвечал ему речью такую:
— Мой уничтожил корабль Посейдон, сотрясающий землю,
Бросив его возле вашей земли о прибрежные скалы
Мыса крутого. Сюда занесло к вам судно мое ветром.
Мне же вот с этими вместе от смерти спастись удалось. —
Так я сказал. Он свирепо взглянул, ничего не ответил,
Быстро вскочил, протянул к товарищам мощные руки
И, ухвативши двоих, как щенков, их ударил о землю.
По полу мозг заструился, всю землю вокруг увлажняя,
Он же, рассекши обоих на части, поужинал ими, —
Все без остатка сожрал, как лев, горами вскормленный,
Мясо, и внутренность всю, и мозгами богатые кости.
Горько рыдая, мы руки вздымали к родителю Зевсу,
Глядя на страшное дело, и что предпринять нам не знали.
После того как циклоп огромное брюхо наполнил
Мясом людским, молоком неразбавленным ужин запил он
И посредине пещеры меж овцами лег, растянувшись.
В духе отважном своем такое я принял решение:
Близко к нему подойти и, острый свой меч обнаживши,
В грудь ударить, где печень лежит в грудобрюшной преграде,
Место рукою нащупав. Но мысль удержала другая:
Здесь же на месте постигла б и нас неизбежная гибель;
Мы не смогли бы никак от высокого входа руками
Прочь отодвинуть огромный циклопом положенный камень.

Так мы в стенаниях частых священной зари дожидались.
Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.
Встал он, огонь разложил: как обычно все делают, маток
Всех подоив, подложил сосунка после этого к каждой.
Все дела наконец переделав с великим стараньем,
Снова товарищей двух он схватил и позавтракал ими.
Завтрак окончивши, стадо свое он погнал из пещеры,
Камень очень легко отодвинув от входа и тотчас
Вход им снова закрыв, как покрывкой колчан закрывают;
С криком и свистом погнал циклоп свое жирное стадо
В горы. Оставшись в пещере, я стал размышлять, не удастся

ль

Мне как-нибудь отомстить, не даст ли мне славу Афина.
Вот наилучшим какое решение мне показалось:
Подле закуты лежала большая дубина циклопа —
Свежий оливковый ствол: ее он срубил и оставил
Сохнуть, чтоб с нею ходить. Она показалась нам схожей
С мачтою на корабле чернобоком двадцативесельном,
Груз развозящем торговый по бездне великого моря.
Вот какой толщины и длины была та дубина.
К ней подойдя, от нее отрубил я сажень маховую,
Спутникам отдал обрубок, его приказавши очистить.
Сделали кол они гладким. Его на конце заострил я
Взял и, сунув в костер, обжег на углях раскаленных,
Тщательно после того запрятав в навозе, который
Кучей огромной лежал назади, в углубленьи пещеры.
Тем, кто остался в живых, предложил я решить жеребьевкой,
Кто бы осмелился кол заостренный, со мною поднявши,
В глаз циклопу вонзить, как только им сон овладеет.
Жребий выпал на тех, которых как раз и желал я;
Было их четверо; сам я меж ними без жребия — пятый.
К вечеру он подошел, гоня густорунное стадо.
Жирное стадо в пещеру просторную тотчас загнал он
Все целиком — никого на высоком дворе не оставил,
Либо предчувствуя что, либо бог его так надоумил.
Поднял огромный он камень и вход заградил им в пещеру,
Коз и овец подоил, как у всех это принято делать,
И подложил сосунка после этого к каждой из маток.
Все дела, наконец, переделав свои со стараньем,
Снова товарищей двух он схватил и поужинал ими.
Близко тогда подошел я к циклопу и так ему молвил,
Полную черным вином поднося деревянную чашу:
— Выпей вина, о циклоп, человечьего мяса поевши,
Чтобы узнал ты, какой в нашем судне напиток хранился.
Я в подношенье его тебе вез, чтоб меня пожалел ты,
Чтобы отправил домой. Но свирепствуешь ты нестерпимо.
Кто же тебя, нечестивец, вперед посетит из живущих
Многих людей, если так незаконно со мной поступил ты? —
Так говорил я. Он принял и выпил. Понравился страшно
Сладкий напиток ему. Второй он потребовал чаши:
— Ну-ка, пожалуйста, дай мне еще и теперь же скажи мне
Имя твое, чтобы мог я порадовать гостя подарком.

Также циклопам в обилии дает плодородная почва
В гроздьях тяжелых вино, и дождь наполняет их соком;
Это ж вино, что поднес ты, — амвросия, нектар
чистейший! —

Молвил, и снова вина искрометного я ему подал.
Трижды ему подносил я, и трижды, дурак, выпивал он.
После того как вино затуманило ум у циклопа,
С мягкой и вкрадчивой речью такой я к нему обратился:
— Хочешь, циклоп, ты узнать мое знаменитое имя?
Я назову его. Ты же обещанный дай мне подарок.
Я называюсь Никто. Мне такое название дали
Мать и отец; и товарищи все меня так величают. —
Так говорил я. Свирепо взглянувши, циклоп мне ответил:
— Самым последним из всех я съем Никого. Перед этим
Будут товарищи все его съедены. Вот мой подарок! —
Так он сказал, покачнулся и, навзничь свалился, и, набок
Мощную шею свернувши, лежал. Овладел им тотчас же
Всепокоряющий сон. Через глотку вино изрыгнул он
И человеческого мяса куски. Рвало его спьяну.
Тут я обрубок дубины в горящие уголья всунул,
Чтоб накалился конец. А спутников всех я словами
Стал ободрять, чтобы кто, убоясь, не отлынул от дела.
Вскоре конец у дубины оливковой стал разгораться,
Хоть и сырая была. И весь он зарделся ужасно.
Ближе к циклопу его из огня подтащил я. Кругом же
Стали товарищи. Бог великую дерзость вдохнул в них.
Взяли обрубок из дикой оливы с концом заостренным,
В глаз вонзили циклопу. А я, упираясь сверху,
Начал обрубок вертеть, как в бревне корабельном вращает
Плотник сверло, а другие ремнем его двигают снизу,
Взявшись с обеих сторон; и вертится оно непрерывно.
Так мы в глазу великана обрубок с концом раскаленным
Быстро вертели. Ворочался глаз, обливаемый кровью:
Жаром спалило ему целиком и ресницы и брови;
Лопнуло яблоко, влага его под огнем зашипела.
Так же, как если кузнец топор иль большую секиру
Сунет в холодную воду, они же шипят, закаляясь,
И от холодной воды становится крепче железо, —
Так зашипел его глаз вкруг оливковой этой дубины.
Страшно и громко завыл он, завывла ответно пещера.
В ужасе бросились в стороны мы от циклопа. Из глаза
Быстро он вырвал обрубок, облитый обильною кровью,
В бешенстве прочь от себя отшвырнул его мощной рукою
И завопил, призывая циклопов, которые жили
С ним по соседству средь горных лесистых вершин по
пещерам.

Громкие вопли услышав, сбежались они отовсюду,
Вход обступили в пещеру и спрашивать начали, что с ним:
— Что за беда приключилась с тобой, Полифем, что кричишь
ты

Чрез амвросийную ночь и сладкого сна нас лишаешь?
Иль кто из смертных людей насильно угнал твоё стадо?

Иль самого тебя кто-нибудь губит обманом иль силой? —
Им из пещеры в ответ закричал Полифем многомогущий:
— Други, Никто! Не насилье меня убивает, а хитрость! —
Те, отвечая, к нему обратились со словом крылатым:
— Раз ты один и насилья никто над тобой не свершает,
Кто тебя может спасти от болезни великого Зевса?
Тут уж родителю только молись, Посейдону-владыке! —
Так сказавши, ушли. И мое рассмеялося сердце,
Как обманули его мое имя и тонкая хитрость.
Охая тяжко и корчась от боли, обшарил руками
Стены циклоп, отодвинул от входа скалу, в середине
Входа в пещеру уселся и руки расставил, надеясь
Тех из нас изловить, кто б со стадом уйти попытался.
Вот каким дураком в своих меня мыслях считал он!
Я же обдумывал, как бы всего это лучше устроить,
Чтоб избавленье от смерти найти как товарищам милым,
Так и себе; тут и планов и хитростей ткал я немало.
Дело ведь шло о душе. Беда надвигалася близко.
Вот наилучшим какое решение мне показалось.
Было немало баранов кругом, густорунных и жирных,
Очень больших и прекрасных, с фиалково-темною шерстью.
Их потихоньку связал я искусно сплетенной лозою,
Взяв из охалки ее, где спал великан нечестивый.
По три барана связал я; товарища нес под собою
Средний; другие же оба его со сторон прикрывали.
Трое баранов несли товарища каждого. Я же...
Был в этом стаде баран, меж всех остальных наилучший.
За спину взявшись его, соскользнул я барану под брюхо
И на руках там повис и, в чудесную шерсть его крепко
Пальцами впившись, висел, отважным исполненный духом.
Тяжко вздыхая, прихода божественной Эос мы ждали.
Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.
Стал на пастбище он козлов выгонять и баранов.
Матки ж в закутах, еще недоенные, громко блеяли, —
Вздудлося вымя у них. Хозяин, терзаемый злою
Болью, ощупывал сверху у всех пробежавших баранов
Пышноволнистые спины. Совсем он, глупец, не заметил,
Что привязано было под грудью баранов шерстистых.
Самым последним баран мой наружу пошел, отягченный
Шерстью густою и мною, исполнившим замысел хитрый.
Спину ощупав его, сказал Полифем многомогущий:
— Ты ли, любимец мой милый? Последним сегодня пещеру
Ты покидаешь; обычно не сзади других ты выходишь:
Первым из всех, величаво шагая, вступаешь на луг ты,
Нежно цветущий, и первым к теченьям реки подбегаешь;
Первым с пастбища также спешишь и домой возвратиться
Вечером. Нынче ж — последний меж всеми. Иль ждешь ты,
тоскуя,
Глаза хозяйского? Злой человек его начисто выжег,
С помощью спутников жалких, мне чувства вином отуманив.
Имя злодею — Никто. И смерти ему не избегнуть!
Если бы чувствовать мог ты со мною и мог бы сказать мне,

Где от гнева ему моего удастся укрыться,
Я бы о землю ударил его и пещеру повсюду
Мозгом его бы обрызгал. Тогда бы нашло облегченье
Сердце мое от беды, что негодный Никто причинил мне. —
Так произнес он и выпустил вон из пещеры барана.
Я недалеко от входа в пещеру и внешней ограды
Первым на ноги стал и, товарищей всех отвязавши,
С ними поспешно погнал тонконогое жирное стадо
Длинным обходным путем, пока мы судна не достигли.
Радостно встретили нас товарищи милые наши, —
Тех, кто смерти избег; о погибших же плакали горько.
Плакать, однако, я им не позволил, мигнувши бровями,
Но повелел поскорей, погрузив тонкорунное стадо
Все целиком на корабль, пуститься соленою влагой.
Все они быстро взошли на корабль, и к уключинам сели
Следом один за другим, и ударили веслами море.
Столько, однако, отплывши, за сколько кричавшего мужа
Можно услышать, насмешливо я закричал Полифему:
— Что же, циклоп? Не у так уж бессильного мужа, как видно,
В полой пещере своей пожрал ты товарищей милых!
Так и должно было, гнусный злодей, приключиться с тобою,
Если ты в доме своем гостей поедать не страшишься.
Это — возмездье тебе от Зевса и прочих бессмертных! —
Так я сказал. Охватила его еще большая злоба.
Быстро вершину высокой горы оторвал он и бросил.
Пред кораблем черноносим с огромною силою камень
Грянулся в воду так близко, что чуть не разбил его носа.
Море высоко вскипело от камня, упавшего в воду.
Как от морского прибоя, большая волна поднялася,
И подхватила корабль, и к суше назад погнала нас.
Шест длиннейший я в руки схватил и, упершись, корабль наш
В сторону прочь оттолкнул: ободря товарищей, молча
Им головою кивнул, на весла налечь призывая,
Чтобы спастись нам. Нагнулись они и ударили в весла.
Только лишь вдвое настолько ж от острова мы удалились,
Снова циклопу собрался я крикнуть. Товарищи в страхе
Наперерыв меня стали удерживать мягкой речью:
— Дерзкий! Зачем раздражаешь ты этого дикого мужа?
В море швырнув утес, обратно погнал он корабль наш
К суше, и думали мы, что уж гибели нам не избегнуть.
Если теперь он чей голос иль слово какое услышит, —
И корабельные бревна и головы нам раздробит он,
Мрамор швырнув остробокий: добросить до нас он сумеет. —
Но не могли убедить моего они смелого духа.
Злобой неистойой в сердце горя, я ответил циклопу:
— Если, циклоп, из смертных людей кто-нибудь тебя спросит,
Кто так позорно тебя ослепил, то ему ты ответишь:
То Одиссей, городов разрушитель, выколол глаз мне,
Сын он Лаërта, имеющий дом на Итаке скалистой. —
Так я сказал. Заревел он от злости и громко воскликнул:
— Горе! Сбылось надо мной предсказание древнее нынче!
Был здесь один предсказатель, прекрасный на вид и высокий,

Сын Еврима Телам, знаменитейший в людях провидец.
Жил и состарился он, прорицая циклопам в земле их.
Он предсказал мне, что это как раз и случится со мною, —
Что от руки Одиссея я зренье свое потеряю.
Ждал я все время, однако: придет и большой и прекрасный
Муж к нам какой-то сюда, облеченный великою силой.
Вместо того малорослый урод, человечешко хилый,
Зренье отнял у меня, вином перед этим смиривши!
Что ж, Одиссей, воротись, чтоб мог тебе дать я подарок
И упросить Земледержца послать тебе путь безопасный.
Сыном ему прихожусь я, и хвалится он, что отец мне.
Он лишь один излечить меня мог бы, когда захотел бы:
Кроме него же никто из блаженных богов или смертных. —
Так циклоп говорил. Но, ему возражая, сказал я:
— О, если б мог я, лишивши тебя и дыханья и жизни,
Так же верно тебя к Аиду отправить, как верно
То, что уж глаза тебе даже сам Посейдон не излечит! —
Так я ответил. Тогда Посейдону он начал молиться,
Обе руки простирая наверх, к многозвездному небу:
— Слух преклони, Посейдон, черновласый Земли Колебатель!
Если я впрямь тебе сын и хвалишься ты, что отец мне, —
Дай, чтоб домой не попал Одиссей, городов разрушитель,
Сын Лаэртгов, имеющий дом на Итаке скалистой.
Если ж судьба ему близких увидеть и снова вернуться
В дом свой с высокою кровлей и в милую землю родную, —
Пусть после многих несчастий, товарищей всех потерявши,
Поздно в чужом корабле он вернется и встретит там горе! —
Так говорил он, молясь, и был Черновласым услышан.
Камень еще тяжелее и больше поднял он и быстро
Бросил его, размахав и напрягши безмерную силу.
Он позади корабля черноносого с силой огромной
Грянулся в воду так близко, что чуть по корме не ударил.
Море высоко вскипело от камня, упавшего в воду.
Волны корабль подхватили и к суше вперед понесли нас.
К острову прибыли мы, на каком находилась стоянка
Прочих судов крепкопалубных наших; в большом
беспокойстве
Нас поджидая все время, товарищи возле сидели.
К суше пристав, быстроходный корабль на песок мы втащили,
Сами же вышли на берег прибором шумящего моря.
Выгрузив коз и овец циклопа из полого судна,
Начали мы их делить, чтоб никто не ушел обделенным.
Стадо меж всеми деля, товарищи в пышных поножах
Мне еще дали отдельно барана. У самого моря
Я чернотучному Зевсу Крониду, владыке над всеми,
В жертву сжег его бедра. Но Зевс моей жертвы не принял:
Думал он, как бы устроить, чтоб все без остатка погибли
Прочные наши суда и товарищи, мне дорогие.
Так мы весь день напролет до зашествия солнца сидели,
Ели обильное мясо и сладким вином утешались.
Солнце меж тем закатилось, и сумрак спустился на землю,
Все мы спать улеглись у прибором шумящего моря.

Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.
Встал я от сна. Ободря товарищей, им приказал я,
Севши тотчас в корабли, отвязать судовые причалы.
Все они быстро вошли на суда, и к уключинам сели
Следом один за другим, и ударили веслами море.
Дальше оттуда мы двинулись в путь с опечаленным сердцем,
Сами конца избежав, но лишившись товарищей милых».

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

«Вскоре приехали мы на остров Эолию. Жил там
Милый бессмертным богам Эол, Гиппотом рожденный.
Остров плавучий его неприступною медной стеною
Был окружен, берега из обрывистых скал состояли.
В пышном дворце у Эола двенадцать детей родилися —
Шесть дочерей и шесть сыновей, цветущих здоровьем.
Вырастив их, сыновьям дочерей он в супружество отдал.
Пищу вкушают они с отцом и с матерью доброй
В доме отца, и стоят перед ними несчетные яства,
Жареным пахнет в дому, голоса на дворе отдаются —
Днем. По ночам же они, со стыдливими женами рядом,
Под одеялами спят на своих просверленных кроватях.
В город пришли мы, в чертог прекрасный Эола. Радушно
Месяц он нас принимал и расспрашивал очень подробно
Про Илион, про суда аргивян, про возврат наш обратно.
Все про это ему я рассказывал, как что случилось.
После и сам я его попросил, чтоб устроил отъезд мне.
Он не ответил отказом и в путь меня тотчас отправил.
Шкуру содравши с быка девятигодового, в той шкуре
Крепко Эол завязал все пути завывающих ветров.
Стражем сделал его Громовержец над всеми ветрами,
Дав ему власть возбуждать иль обуздывать их по желанью.
На корабле моем полом шнуром он серебряным мех тот
Перевязал, чтоб ни малого быть не могло дуновенья.
Только Зефиру велел провожать нас дыханьем попутным,
Чтобы понес и суда и самих нас. Но было не должно
Этому сбыться. Себя неразумьем своим мы сгубили.
Девять суток мы плыли — и ночи и дни непрерывно.
В день десятый вдали уж поля показались Итаки,
Видны нам были огни пылавших костров недалеких.
Сладкий тут сон низошел на меня, ибо очень устал я:
Шкотами паруса я непрерывно работал, веревок
Не доверял никому, чтоб скорее отчизны достигнуть.
Начали спутники тут меж собою вести разговоры.
Думалось им, что везу серебра я и золота много,
Мне подаренных Эолом, отважным Гиппотовым сыном.
Так не один говорил, поглядев на сидевшего рядом:
— Вот удивительно! Как почитают повсюду и любят
Этого мужа, в какой бы он край или город ни прибыл!
Много прекрасных сокровищ уже из троянской добычи

Он с собою везет. А мы, совершившие тот же
Путь, возвращаемся в край наш родимый с пустыми руками.
Также теперь и Эол одарил его дружески щедро.
Ну-ка, давайте скорее посмотримте, что там такое,
Сколько в мешке серебра и золота ценного скрыто. —
Верх одержало средь них предложенье злосчастное это.
Мех развязали они. И вырвались ветры на волю.
Плачущих спутников вмиг ураган подхватил и понес их
Прочь от родных берегов в открытое море. Проснувшись,
Духом отважным своим я меж двух колебался решений:
Броситься ль мне с корабля и погибнуть в волнах разъяренных
Иль все молча снести и остаться еще средь живущих.
Снес я все и остался. На дне корабля, завернувшись
В плащ свой, лежал я. Назад, к Эолову острову, буря
Наши суда уносила. Товарищи горько рыдали.
Выйдя на твердую землю и свежей водою запасшись,
Близ кораблей быстроходных товарищи сели обедать.
После того как едой и питьем утолили мы голод,
В спутники взяв одного из товарищей наших, пошел я
С вестником к славному дому Эола. Его мы застали
Вместе с женою его и со всеми детьми за обедом.
К дому его подойдя, у дверных косяков на порог мы
Сели. В большое они изумленье пришли и спросили:
— Ты ль, Одиссей? Каким божеством ты попутан
враждебным?

Мы так заботливо в путь снарядили тебя, чтоб ты прибыл
В землю родную, и в дом, и куда б ни явилось желанье! —
Так говорили они. И ответил я, сердцем печалясь:
— Спутники вызвали эту беду, и притом еще сон мой
Гибельный. Но — помогите! Ведь вы это можете сделать! —
С мягкими к ним обращаясь словами, я так говорил им.
Все замолчали вокруг. Отец же ответил мне речью:
— Прочь уйди скорее, мерзейший муж среди смертных!
Я не смею как гостя принять иль в дорогу отправить
Мужа такого, который блаженным богам ненавистен!
Раз ты вернулся, богам ненавистен ты. Вон же отсюда! —
Так промолвивши, выгнал меня он, стенавшего тяжко.
Дальше оттуда мы двинулись в путь с опечаленным сердцем.
Греблей мучительной дух истощался людей из-за нашей
Собственной глупости: ветер попутный теперь уж не дул нам.
Шестеро суток мы плыли — и ночи и дни непрерывно.
В день же седьмой в Телепил мы приехали — город высокий
Лама в стране лестригонской. Пастух, свое стадо пригнавший,
Перекликается там с пастухом, кто свое выгоняет.
Муж, не знающий сна, получал бы двойную там плату:
Пас бы сначала быков, а потом бы — овец белорунных,
Ибо дороги и ночи и дня там сходятся близко.
В гавань прекрасную там мы вошли. Ее окружают
Скалы крутые с обеих сторон непрерывной стеною.
Около входа высоко вздымаются друг против друга
Два выбегающих мыса, и узок вход в эту гавань.
Спутники все с кораблями двухвостыми в гавань вступили

И в глубине ее близко поставили друг возле друга
Быстрые наши суда: никогда не бывало в заливе
Волн ни высоких, ни малых, и ровно блестела поверхность.
Я лишь один удержал вне гавани черный корабль мой, —
Там снаружи, пред входом, к скале привязавши канатом.
После того поднялся на расселый утес я и стал там.
Не было видно нигде человеческих работ иль воловьих,
Дым только видели мы, как с земли поднимался клубами.
Спутникам верным своим приказал я пойти и разведать,
Что за племя мужей хлебоядных живет в этом крае.
Выбрал двух я мужей и глашатая третьим прибавил.
Выйдя на сушу, пошли они торной дорогой, которой
С гор высоких дрова доставлялись телегами в город.
Шедшая по воду дева пред городом им повстречалась —
Дева могучая, дочь Антифата, царя лестригонов.
Шла она вниз к прекрасным струям родника Артакии.
Этот источник снабжал ключевою водою весь город.
К деве они подошли и, окликнувши, спрашивать стали,
Кто в этом городе царь, кто те, что ему подначальны.
Быстро она указала на дом высокий отцовский.
В дом вошедши, супругу царя они в доме застали.
Величиною была она с гору. Пришли они в ужас.
Вызвала вмиг из собранья она Антифата, супруга
Славного. Страшную гибель посланцам моим он замыслил.
Тотчас схватив одного из товарищей, им пообедал.
Два остальные, вскочив, к кораблям побежали обратно.
Клич боевой его грянул по городу. Быстро сбежалось
Множество толп лестригонов могучих к нему отовсюду.
Были подобны они не смертным мужам, а гигантам.
С кручи утесов бросать они стали тяжелые камни.
Шум зловещий на всех кораблях поднялся наших черных, —
Треск громимых судов, людей убиваемых крики.
Трупы, как рыб, нанизав, понесли они их на съеденье.
Так погубили они товарищей в бухте глубокой.
Я же, сорвавши с бедра мой меч отточенный, поспешно
На черноносом своем корабле обрубил все причалы.
После того, ободряя товарищей, им приказал я
Дружно на весла налечь, чтоб избегнуть беды угрожавшей.
Смерти боясь, изо всей они мочи ударили в весла.
Радостно в море корабль побежал от нависших утесов.
Все без изъятья другие суда нашли там погибель.
Дальше оттуда мы двинулись в путь с опечаленным сердцем,
Сами избегнув конца, но товарищей милых лишившись.
Прибыли вскоре на остров Эю. Жила там Цирцея
В косах прекрасных — богиня ужасная с речью людскою.
Полный мыслей коварных Эет приходился ей братом.
От Гелиоса они родились, светящего смертным,
Матерью ж Перса была, Океаном рожденная нимфа.
К берегу там мы корабль свой причалили в полном молчаньи
В пристани тихой; какой-то указывал бог нам дорогу.
На берег выйдя, мы там пролежали два дня и две ночи,
И пожирали все время нам сердце печаль и усталость.

Третий день привела за собой пышнокосяя Эос.
Взявши копье и отточенный меч, поспешно пошел я
С места, где был наш корабль, на высокий утес, не увижу ль
Где я следов работы людей, не услышу ль их голос?
Я стоял и глядел, на расселистом стоя утесе.
Вдруг на широкодорожной земле у чертога Цирцеи
Дым я увидел над чащей густою дубового леса.
Тут я рассудком и духом раздумывать стал, не пойти ли
Мне на разведку, уж раз я сверкающий дым заприметил.
По размышленьи, однако, полезнее мне показалось
Раньше пойти к кораблю и к шумящему берегу моря,
Спутникам дать пообедать, потом их послать на разведку.
В то уже время, когда к кораблю своему подходил я,
Сжалился кто-то из вечных богов надо мной, одиноким:
Встретился прямо на самой дороге огромный олень мне
Высокорогий. С лесного он пастбища к речке спускался
На водопой, покоренный палящею силою солнца.
Только он вышел из леса, его средь спины в позвоночник
Я поразил и навывлет копьем пронизал медноострым.
В пыль он со стоном свалился. И дух отлетел от оленя.
Я, на него наступивши ногою, копье свое вырвал
Вон из раны и наземь его положил возле трупа.
После того из земли лозняку я надергал и прутьев,
Сплел, крутя их навстречу, веревку в сажень маховую,
Страшному чудищу ноги связал заплетенной веревкой,
Тушу на шею взвалил и пошел, на копье опираясь,
К берегу моря. Нести ж на плече лишь одною рукою
Было ее невозможно. Уж больно огромен был зверь тот.
Пред кораблем его сбросив, я начал товарищей спящих
Мягко будить ото сна, становясь возле каждого мужа:
— Очень нам на сердце горько, друзья, но в жилище Аида
Спустимся все ж мы не раньше, чем день роковой наш
наступит.
Есть еще и еда и питье в корабле нашем быстром!
Вспомним о пище, друзья, не дадим себя голоду мучить! —
Так я сказал. И послушались слов моих спутники тотчас.
Лица раскрывши, глядеть они стали гурьбой на оленя
Близ беспокойного моря. Уж больно огромен был зверь тот.
После того как глазами они нагляделись досыта,
Вымыли руки и начали пир изобильный готовить роскошный.
Так мы весь день напролет до восшествия солнца сидели,
Ели обильно мы мясо и сладким вином утешались.
Солнце меж тем закатилось, и сумрак спустился на землю.
Все мы спать улеглись у прибором шумящего моря.
Рано рожденная встала из тьмы розоперстая Эос.
Всех я тогда на собранье созвал и вот что сказал им:
— Слушайте слово мое, хоть и много пришлось уж страдать
вам!
Нам совершенно, друзья, неизвестно, где тьма, где заря здесь,
Где светоносное солнце спускается с неба на землю,
Где оно снова выходит. Давайте размыслим скорее,
Есть ли нам выход какой? Я думаю, нет никакого.

Я на скалистый утес сейчас поднимался и видел
Остров, безбрежною влагой морской, как венком,
окруженный,

Плоско среди моря лежащий. И видел я — дым поднимался
Густо вдали из широко растущего темного леса. —
Так говорил я. Разбилось у спутников милое сердце,
Вспомнились им и дела Антифата, царя лестригонов,
И людоеда-циклопа насильства, надменного духом.
Громко рыдали они, проливая обильные слезы.
Не получили, однако, от слез проливаемых пользы.
Тут разделил я краснопоножных товарищей на две
Части и каждой из них предводителя дал. Над одною
Был предводителем я, над другой — Еврилох боговидный.
Жребий взявши, мы в медный их бросили шлем и встряхнули.
Выпал жребий идти Еврилоху, отважному сердцем.
В путь он отправился. Двадцать с ним два человека дружины.
Плакали шедшие, плакали те, что на месте остались.
Вскоре в горной долине лесистой, на месте закрытом,
Дом Цирцеи из тесаных камней они увидали.
Горные волки и львы сидели повсюду вокруг дома.
Были Цирцеей они околдованы зельями злыми.
Вместо того чтоб напасть на пришельцев, они поднялись
И подошли к ним, приветно виляя большими хвостами,
Как пред хозяином, зная, что лакомый кус попадет им,
Машут хвостами собаки, когда от обеда идет он,
Так крепкокоготые волки и львы виляли хвостами
Около них. Но они испугались ужасных чудовищ.
Остановились пред дверью богини прекрасноволосой
И услышали прекрасно поющую в доме Цирцею.
Около стана ходя, нетленную ткань она ткала —
Тонкую, мягкую; ткать лишь богини такую умеют.
Спутникам стал говорить Полит, над мужами начальник,
Между товарищей всех наиболее мне милый и близкий.
— Кто-то, друзья, так прекрасно и звонко у ткацкого стана
Песню поет, — по всему ее звуки разносятся полю.
Женщина то иль богиня? Скорей подадим-ка ей голос! —
Так он сказал. И они закричали, ее вызывая.
Вышла Цирцея немедля, блестящие двери раскрыла
И позвала. Ничего не предчувствуя, в дом к ней вошли все.
Только один Еврилох не пошел, заподозрив худое.
В дом их Цирцея ввела, посадила на стулья и кресла,
Сыра, зеленого меда и ячной муки замешала
Им на прамнийском вине и в напиток подсыпала зелья,
Чтобы о милой отчизне они совершенно забыли.
Им подала она. Выпили те. Цирцея, ударив
Каждого длинным жезлом, загнала их в свиную закутку.
Головы, волосы, голос и вся целиком их наружность
Стали свиными. Один только разум остался, как прежде.
Плачущих, в хлев загнала их Цирцея и бросила в пищу
Им желудей и простых и съедобных и деренных ягод —
Пищу, какую бросают в грязи почивающим свиньям.
Быстро назад к кораблям прибежал Еврилох сообщить нам

Весть о товарищах наших, об участи их злополучной.
Как ни старался, не мог ни единого молвить он слова,
Раненный в сердце печалью великой. Глаза его были
Полны слезами. И духом предчувствовал плач он печальный.
Все мы, его окружив, с изумленьем расспрашивать стали.
Он наконец рассказал про жестокою спутников участь.
— Как ты велел, Одиссей многославный, пошли мы чрез

чашу.

Вскоре в горной долине лесистой, на месте закрытом,
Мы увидали прекраснейший дом из отесанных камней.
Кто-то звонко там пел, ходя возле ткацкого стана,
Женщина или богиня. Они ее вызвали криком.
Вышла немедля она, блестящие двери раскрыла
И позвала. Ничего не предчувствуя, в дом к ней вошли все.
Я за другими один не пошел, заподозрив худое.
Все там исчезли они, и обратно никто уж не вышел.
Долго-долго сидел я и ждал. Но никто не вернулся. —
Так говорил он. Тотчас же на плечи свой меч среброгвоздный,
Медный, большой я набросил, за спину же лук свой повесил
И Еврилоху вести повелел меня той же дорогой.
Но, охватив мне колени руками обеими, стал он
Жарко молить и с тоскою крылатое слово промолвил:
— Зевсов питомец, оставь меня здесь, не веди! Не хочу я!
Знаю, и сам не вернешься назад и с собой никого ты
Не приведешь из товарищей наших. Как можно скорее
Лучше отсюда бежим, чтобы смертного часа избегнуть! —
Так говорил он. Но я, ему возражая, ответил:
— Ты, Еврилох, если хочешь, останься у берега моря
С прочими. Ешь тут и пей себе. Я же отправлюсь.
Необходимость могучая властно меня заставляет. —
Так я сказал и пошел от нашей стоянки и моря.
Я миновал уж долину священную, был уж готов я
В дом просторный войти многосведущей в зельях Цирцеи.
Вдруг, как уж к дому я шел, предо мной златожезлый явился
Аргоубийца Гермес, похожий на юношу видом
С первым пушком на губах, — прелестнейший в юности

возраст!

За руку взял он меня, по имени назвал и молвил:
— Стой, злополучный! Куда по горам ты бредешь одиноко,
Здешнего края не зная? Товарищи все твои в хлеве
Густо теснятся, в свиней превращенные зельем Цирцеи.
Или, чтоб выручить их, сюда ты идешь? Уж поверь мне:
Ты не вернешься назад, останешься тут с остальными.
Но не пугайся. Тебя от беды я спасу и избавлю.
На! Иди с этим зельем целебным в жилище Цирцеи.
От головы твоей гибельный день отвратит оно верно.
Все я тебе сообщу, что коварно готовит Цирцея.
В чаше тебе замешает напиток и зелья подсыпет.
Не околдует, однако, тебя. До того не допустит
Средство целебное, что тебе дам я. Запомни подробно:
Только ударит тебя жезлом своим длинным Цирцея,
Вырви тотчас из ножен у бедра свой меч медноострый,

Ринься с мечом на Цирцею, как будто убить собираясь.
Та, уstraшенная, ложе предложит тебе разделить с ней.
Ты и подумать не смей отказаться от ложа богини,
Если товарищей хочешь спасти и быть у ней гостем.
Пусть лишь она поклянется великою клятвой блаженных,
Что никакого другого несчастья тебе не замыслит,
Чтоб ты, раздетый, не стал беззащитным и сил не лишился. —
Так сказавши, Гермес передал мне целебное средство,
Вырвав его из земли, и природу его объяснил мне;
Корень был черен его, цветы же молочного цвета.

„Моли“ зовут его боги. Отрыть нелегко это средство
Смертным мужам.

Для богов же — для них невозможного нету.
После того на великий Олимп через остров лесистый
Путь свой направил Гермес. К жилищу Цирцеи пошел я.
Сильно во время дороги мое волновалось сердце.
Остановился пред дверью богини прекрасноволосой.
Ставши там, закричал я. Богиня услышала крик мой.
Вышедши тотчас, она распахнула блестящие двери
И позвала. С сокрушенным за ней я последовал сердцем.
Введши, меня посадила в серебряногвоздное кресло
Тонкой, прекрасной работы; была там для ног и скамейка.
Мне в золотом приготовила кубке питье, чтобы пил я,
И, замышляя мне зло, подбавила зелья к напитку.
Выпить дала мне. Я выпил. Но чары бесплодны остались.
Быстро жезлом меня длинным ударив, сказала Цирцея:
— Живо! Пошел! И свиньею валяйся в закуте с другими! —
Так мне сказала. Но вырвав меч медноострый из ножен,
Ринулся я на Цирцею, как будто убить собираясь.
Вскрикнула громко она, подбежав, обняла мне колени,
Жалобным голосом мне начала говорить и спросила:
— Кто ты, откуда? Каких ты родителей? Где родился ты?
Я в изумленье: совсем на тебя не подействовал яд мой!
Не было мужа досель, кто пред зельем таким устоял бы
В первый же раз, как питье за ограду зубную проникнет.
Неодолимый какой-то в груди твоей дух, как я вижу.
Не Одиссей ли уж ты, на выдумки хитрый, который,
Как говорил мне не раз златожезленный Аргоубийца,
Явится в черном сюда корабле, возвращаясь из Трои?
Ну, так вложи же в ножны медноострый свой меч, а потом мы
Ляжем ко мне на постель, чтоб, сопрягшись любовью и

ложем,

Мы меж собою могли разговаривать с полным доверьем. —
Так мне сказала. Но я, возражая богине, ответил:
— Как же ты хочешь, Цирцея, чтоб ласковым стал я с тобою,
Если товарищей ты у себя здесь в свиней превратила,
А самого меня держишь, замысливши зло, и велишь мне
В спальню с тобою идти и на ложе с тобою подняться,
Чтобы, раздетый, я стал беззащитным и силы лишился?
Нет, ни за что не взойду я на ложе твое, о богиня,
Если ты мне не решишься поклясться великою клятвой,
Что никакого другого несчастья мне не замыслишь. —

Так я сказал. И тотчас же она поклялась, как просил я.
После того как она поклялась и исполнила клятву,
Я немедля взошел на прекрасное ложе Цирцеи.
В зале Цирцеина дома служанки меж тем суетились.
Было их четверо там — прислужниц — при доме Цирцеи.
Все происходят они от источников, рощ и священных
Рек, течение свое стремящих в соленое море.
Первая кресла покрыла коврами пурпурными сверху
Тонкой, прекрасной работы, под низ же постлала холстину.
К креслам покрытым вторая столы пододвинула быстро
Из серебра, на столах золотые расставив корзины.
Третья вино замешала в кратере серебряном, меду
Равное сладостью, кубки поставив кругом золотые.
Воду в треногий котел наносила четвертая, снизу
Жаркий огонь разожгла, и стала вода согреваться.
После того как вода закипела в сияющей меди,
В ванну Цирцея меня усадила, приятно смешала
Воду и голову мне поливала и плечи, покуда
Вся в моих членах усталость, губящая дух, не исчезла.
Вымывши, маслом она блестящим мне тело натерла,
Плечи одела мои прекрасным плащом и хитоном.
Введши, меня посадила в серебряногвоздное кресло
Тонкой; прекрасной работы; была там для ног и скамейка.
Тотчас прекрасный кувшин золотой с ручной водой
В тазе серебряном был предо мною поставлен служанкой
Для умыванья; после расставила стол она гладкий.
Хлеб предо мной положила почтенная ключница, много
Кушаний разных прибавив, охотно их дав из запасов.
Есть пригласила Цирцея меня. Но к еде не тянуло.
Думал совсем о другом я и духом чувствовал злое.
Как увидела Цирцея, что молча сижу я и к пище
Рук протянуть не хочу, охваченный горем жестоким,
Близко ко мне подошла и крылатое молвила слово:
— Что, Одиссей, за столом сидишь ты, подобно немому,
Дух разъедаая себе, ни питья не касаясь, ни пищи?
Или коварства какого еще от меня ожидаешь?
Страхи отбрось. Ведь тебе поклялась я клятвою крепкой. —
Так мне сказала. Но я, отвечая богине, промолвил:
— Есть ли, Цирцея, меж честных людей хоть один, кто
спокойно
Сесть за еду и питье разрешить себе сможет, покуда
Освобожденных друзей не увидит своими глазами?
Если ж вполне непритворно ты хочешь, чтоб ел я и пил бы,
Освободи их, чтоб милых товарищей мог я увидеть. —
Так говорил я. Цирцея пошла чрез палаты и вышла,
Жезл держа свой в руке, и, свиную открывши закуту,
Выгнала вон подобья свиней девятигодовалых.
Вышедши, стали они одна близ другой, а Цирцея,
Всех обходя по порядку, их мазала зелием новым.
Тотчас осыпалась с тел их щетина, которою густо
Были покрыты они от ужасного зелья Цирцеи.
Все они сделались снова мужами — моложе, чем прежде,

Стали значительно выше и ростом и видом прекрасней.
Сразу узнавши меня, пожимать они руки мне стали.
Всеми сладостный плач овладел. Загудели покои
Дома высокого. Жалость саму охватила богиню.
Близко став предо мною, богиня богинь мне сказала:
— Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей хитроумный!
На берег моря теперь к своему кораблю отправляйся.
Прежде всего ваш корабль быстролетный втащите на сушу,
Снасти судна и имущество все отнесите в пещеру,
Сам же обратно вернись, приведи и товарищей верных. —
Так мне сказала. Ее я послушался сердцем отважным.
Быстро направился я к кораблю и к шумящему морю.
Там, вблизи корабля, застал я товарищей верных,
Тяжкой объятых печалью и льющих обильные слезы.
Как на деревне телята к пасущимся в стаде коровам,
В скотный вернувшимся двор, когда напитались досыта,
Прыгая, мчатся навстречу и их удержать уж не могут
Стойла; мыча непрерывно, вокруг матерей они быстро
Бегают. Так и ко мне, когда увидели глазами,
Спутники кинулись, плача. Такое они испытали,
Словно вернулись внезапно на остров скалистый Итаку,
В край свой родимый и город, где выросли все и родились.
Мне огорченно они окрыленное бросили слово:
— Так возвращенье твое нам радостно, Зевсов питомец,
Словно назад мы вернулись в Итаку, родимую землю.
Но расскажи, как погибли другие товарищи наши. —
Так говорили они. И весело я им ответил:
— Вытащим прежде всего наш корабль быстролетный на
сушу,
Снасти судна и имущество все отнесемте в пещеру,
Сами же все поспешите за мною отправиться следом
В дом священный Цирцеи. Товарищей всех вы найдете
Там едящих и пьющих, и все у них есть в изобилии. —
Так я сказал. И словам моим тотчас они подчинились.
Только один Еврилох их всех удержать попытался
И со словами крылатыми к спутникам так обратился:
— Что вы, безумцы, куда? К каким еще бедам стремитесь?
В дом Цирцеи идти вы хотите! Но всех ведь она вас
Или в свиней превратит, иль в волков, или в львов. И придется
Волей-неволей вам быть сторожами Цирцеина дома!
Так же совсем и циклоп на скотном дворе своем запер
Наших товарищей, с дерзким пришедших туда Одиссеем.
Из-за безумства его и погибли товарищи наши! —
Так говорил Еврилох. И в сердце своем я подумал:
Вырвав из ножен с бедра мускулистого меч, не срубить ли
Голову с шеи ему, чтоб на землю она покатилась,
Хоть он и близкий мне родственник был. Но товарищи
дружно
Наперерыв меня стали удерживать мягкой речью:
— Богорожденный, пускай он останется, если позволишь,
На берегу близ судна, пускай его здесь охраняет.
Нас же, других, поведи к священному дому Цирцеи. —

Так сказали они и пошли от судна и от моря.
На берегу близ судна Еврилох не остался, однако, —
Следом пошел, моего испугавшись ужасного гнева.
Спутников наших, в жилище Цирцеи оставшихся, чисто
Вымыла в ванне богиня и маслом натерла блестящим,
После надела на них шерстяные плащи и хитоны.
Мы их застали сидящими в зале за пиром богатым.
Только что все, повстречавшись, в лицо увидели друг друга,
Скорбно они зарыдали и стонами дом огласили.
Близко став предо мною, богиня богинь мне сказала:
— Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей хитроумный!
Слезы и горестный плач прекратите вы. Знаю сама я,
Сколько вы бед претерпели в водах многорыбного моря,
Сколько вреда принесли вам враждебные люди на суше.
Сядьте теперь за еду и вино распивайте, покуда
Снова в груди у себя вы прежний свой дух обретете, —
Тот, с каким вы когда-то покинули землю родную
Вашей скалистой Итаки. Теперь, изнуренные духом,
Робкие, только о тяжких скитаньях вы помните, сердцем
Всякую радость забыв: ведь бед вы познали немало. —
Так сказала. Ее мы послушались сердцем отважным.
Дни напролет у нее мы в течение целого года
Ели обильное мясо и сладким вином утешались.
Год наконец миновал, и Оры свой круг совершили,
Месяц за месяцем сгиб, и — длинные дни воротились.
Вызвали тут меня как-то товарищи все и сказали:
— Вспомни, несчастный, хотя бы теперь об отчизне любимой,
Раз уж судьбою тебе спастись суждено и вернуться
В дом твой с высокою кровлей и в милую землю родную. —
Так мне сказали, и я их послушался сердцем отважным.
Целый мы день напролет до зашествия солнца сидели,
Ели обильно мы мясо и сладким вином утешались.
Солнце меж тем закатилось, и сумрак спустился на землю.
Спутники спать улеглись в тенистых покоях чертога.
Я же, к Цирцее взойдя на прекрасное ложе, колени
Обнял ее и молил. И слух преклонила богиня.
Так со словами крылатыми я обратился к Цирцее:
— Данное мне обещанье исполни, Цирцея, — в отчизну
Нас отошли. Уже рвуся я духом домой возвратиться,
Как и товарищи все, которые сердце мне губят,
Тяжко горюя вокруг, как только ты прочь удалишься. —
Так я сказал. И богиня богинь мне ответила тотчас:
— Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей хитроумный!
Нет, пусть никто против воли в моем не останется доме.
Раньше, однако, другую дорогу свершить вам придется, —
Съездить в жилище Аида и Персефонеи ужасной.
Должен ты там спросить Тиресия фивского душу, —
Старца слепого, провидца, которого ум сохранился.
Разум удержан ему Персефоной и мертвому. Души
Прочих умерших порхают в жилище Аида, как тени. —
Так сказала — и мне мое милое сердце разбила.
Плакал я, сидя в постели, и сердце мое не желало

Больше жить на земле и видеть сияние солнца.
Долго в постели катался и плакал я. Этим насытись,
Я, отвечая Цирцее, такое ей слово промолвил:
— Кто же меня, о Цирцея, проводит такую дорогой?
Не достигал еще царства Аида корабль ни единый. —
Так я сказал. И богиня богинь мне ответила тотчас:
— Богорожденный герой Лаэртид, Одиссеей хитроумный!
Не беспокойся о том, кто вас через море проводит.
Мачту только поставь, распусти паруса и спокойно
Можешь сидеть. Дуновенье Борей корабль понесет ваш.
Переплывешь наконец теченья реки Океана.
Берег там низкий увидишь, на нем Персефонины роща
Из тополей чернолистных и ветел, теряющих семя.
Близ Океана глубокопучинного судно оставив,
Сам ты к затхлому царству Аидову шаг свой направишь.
Там впадает Пирифлегетон в Ахеронтовы воды
Вместе с Коцитом, а он рукавом ведь является Стикса.
Соединяются возле скалы два ревущих потока.
Слушай с вниманьем: как только туда ты, герой, доберешься,
Выкопай яму, чтоб в локоть была шириной и длиною,
И на краю ее всем мертвецам соверши возлиянье —
Раньше медовым напитком, потом вином медосладким
И напоследок — водой. И ячной посыпь все мукою.
Главам бессильным умерших мольбу принеси с обещаньем,
В дом свой вернувшись, корову бесплодную, лучшую в стаде,
В жертву принести им и много в костер драгоценностей
бросить.

Старцу ж Тиресию — в жертву принести одному лишь,
отдельно,

Черного сплошь, наиболее прекрасного в стаде барана.
Славное племя умерших молитвой почтивши, овцу ты
Черную вместе с бараном над ямою в жертву зарежь им,
Поворотив их к Эребу и в сторону сам отвернувшись
По направленью к теченьям реки Океана. Тотчас же
Множество явится душ мертвецов, распрощавшихся с
жизнью.

Ты немедля тогда товарищам дай приказанье,
Чтобы тот скот, что лежит там, зарезанный гибельной медью,
Шкуры содравши, сожгли и молитвы свои вознесли бы
Мощному богу Аиду и Персефонее ужасной.
Сам же вытащи меч медноострый и, севши у ямы,
Не позволяй ни одной из бессильных теней приближаться
К крови, откуда ответа не даст на вопросы Тиресий.
Явится он пред тобой, повелитель народов, немедля.
Все он тебе про дорогу расскажет, и будет ли долог
Путь к возвращенью домой по обильному рыбами морю. —
Так говорила. Пришла между тем златотронная Эос.
Плащ мне Цирцея тогда подала и хитон, чтоб одеться.
Нимфа ж сама облеклась в серебристое длинное платье,
Тонкое, мягкое, — пояс прекрасный на бедра надела,
Весь золотой, на себя покрывало накинула сверху.
Встал я, пошел через дом и начал товарищей спящих

Мягко будить ото сна, становясь возле каждого мужа:
— Будет храпеть вам, друзья, сладчайшему сну отдаваясь!
В путь нам пора. Мне Цирцея царица дала указанья! —
Так им сказал я. И духом отважным они подчинились.
Но и оттуда не всех невредимыми вывести смог я.
Юноша был на моем корабле, Ельпенор, не чрезмерно
Храбрый в бою и умом среди других выдававшийся мало.
Сильно подвыпивши, он, удалясь от других, для прохлады
Спать улегся на крыше священного дома Цирцеи.
Сборы услышав в дорогу, товарищей говор и крики,
На ноги он ошалело вскочил, позабывши, что должно
Было назад ему, к спуску на лестницу, шаг свой направить;
Он же вперед поспешил, сорвался и, ударясь затылком
Оземь, сломал позвонок, и душа отлетела к Аиду.
После того как из дома товарищи вышли, сказал я:
— Вы полагаете, ехать отсюда домой нам придется,
В землю родную? Цирцея другой предназначила путь нам:
Едем мы в царство Аида и Персефонеи ужасной.
Душу должны спросить мы Тиресия, фивского старца. —
Так я сказал. И разбилось у спутников милое сердце.
Сели на землю они, и рыдали, и волосы рвали.
Не получили, однако, от слез проливаемых пользы.
Тою порою, как шли к кораблю мы и к берегу моря
С тяжелой печалью на сердце, роняя обильные слезы,
Пред кораблем нашим черным внезапно явилась Цирцея
И близ него привязала барана и черную овцу,
Мимо легко, незаметно пройдя. Если бог не желает,
Кто его может увидеть глазами, куда б ни пошел он?

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

После того как пришли к кораблю мы и к берегу моря,
Прежде всего мы корабль на священное море спустили,
Мачту потом с парусами в корабль уложили наш черный,
Также овцу погрузили с бараном, поднялись и сами
С тяжелой печалью на сердце, роняя обильные слезы.
Был вослед кораблю черноносому ветер попутный,
Парус вздувающий, добрый товарищ, нам послан Цирцеей
В косах прекрасных, богиней ужасною с речью людскою.
Мачту поставив и снасти наладивши все, в корабле мы
Сели. Его направлял только ветер попутный да кормчий.
Были весь день паруса путеводным дыханием полны.
Солнце тем временем село, и тенью покрылись дороги.
Мы наконец Океан переплыли глубоко текущий.
Там страна и город мужей коммерийских. Всегдашний
Сумрак там и туман. Никогда светоносное солнце
Не освещает лучами людей, населяющих край тот,
Землю ль оно покидает, вступая на звездное небо,
Или спускается с неба, к земле направляясь обратно.
Ночь зловещая племя несчастных людей окружает.

К берегу там мы пристали и, взявши овцу и барана,
Двинулись вдоль по течению реки Океана, покуда
К месту тому не пришли, о котором сказала Цирцея.
Жертвенный скот я держать Тримеду велел с Еврилохом,
Сам же, медный отточенный меч свой извлеки из ножен,
Выкопал яму. Была шириной и длиной она в локоть.
Всем мертвецам возлиянье свершил я над этою ямой —
Раньше медовым напитком, потом — вином медосладким
И напоследок — водой. И ячной посыпал мукою.
Главам бессильных умерших молитву вознес я с обетом,
В дом свой вернувшись, корову бесплодную, лучшую в стаде,
В жертву принести им и много в костер драгоценностей
бросить,

Старцу ж Тиресию — в жертву принести одному лишь,
отдельно,

Черного сплошь, наиболее прекрасного в стаде барана.
Давши обет и почтивши молитвами племя умерших,
Взял я барана с овцой и над самую ямой зарезал.
Черная кровь полилась. Покинувши недра Эреба,
К яме слетелися души людей, распрощавшихся с жизнью.
Женщины, юноши, старцы, немало выдавшие горя,
Нежные девушки, горе познавшие только впервые,
Множество павших в жестоких сраженьях мужей, в
нанесенных

Острыми копьями ранах, в пробитых кровавых доспехах.
Все это множество мертвых слетелось на кровь отовсюду
С криком чудовищным. Бледный объял меня ужас. Тотчас же
Я приказание бывшим со мною товарищам отдал,
Что б со скота, что лежал зарезанный гибельной медью,
Шкуры содрали, а туши сожгли, и молились бы жарко
Мощному богу Аиду и Персефонее ужасной.
Сам же я, вытащив меч медноострый и севши у ямы,
Не позволял ни одной из бессильных теней приближаться
К крови, покуда ответа не дал на вопросы Тиресий.
Первой душа Ельпенора-товарища к яме явилась.
Не был еще похоронен в земле он широкодорожной:
Тело оставили мы неоплаканным, непогребенным
Там, у Цирцеи в доме: тогда не до этого было.
Жалость мне сердце взяла, и слезы из глаз полилися.
Я, обратившись к нему, слова окрыленные молвил:
— Как ты успел, Ельпенор, сойти в этот сумрак подземный?
Пеший, скорее ты прибыл, чем я в корабле моем черном. —
Так я сказал. И прорвавшись рыданьями, он мне ответил:
— Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!
Божеской злою судьбой и чрезмерным вином я погублен.
Спавши на крыше Цирцеи, совсем позабыл я, что должно
Было обратно мне, к спуску на лестницу, шаг свой направить.
Я же вперед поспешил, сорвался и, ударясь затылком
Оземь, сломал позвонок, и душа отлетела к Аиду.
Ради тех, кто отсутствует здесь, кто дома остался,
Ради отца твоего, что вскормил тебя, ради супруги,
Ради сына, который один в твоём доме остался!

Знаю ведь я, что отсюда, из дома Аида, уехав,
Прочный корабль ты обратно на остров Эю направишь.
Вспомни же там обо мне, умоляю тебя, повелитель!
Не оставляй меня там неоплаканным, непогребенным,
В путь отправляясь домой, — чтобы божьего гнева не
вызвать.

Труп мой с доспехами вместе, прошу я, предайте сожжению,
Холм надо мною насыпьте могильный близ моря седого,
Чтоб говорил он и дальним потомкам о муже несчастном.
Просьбу исполни мою и весло водрузи над могилой
То, которым живой я греб средь товарищей милых. —
Так говорил он. И я, ему отвечая, промолвил:
— Все, несчастливец, о чем попросил ты, свершу и
исполню. —

Так, меж собою печальный ведя разговор, мы сидели:
Меч протянув обнаженный над ямою, кровь охранял я,
Призрак же все продолжал говорить, за ямою стоя.
Вдруг ко мне подошла душа Антиклеи умершей,
Матери милой моей, Автоликом отважным рожденной.
В Трою в поход отправляясь, ее я оставил живую.
Жалость мне сердце взяла, и слезы из глаз покатились.
Все же, хотя и скорбя, ей первой приблизиться к крови
Я не позволил, покамест Тиресий не дал мне ответа.
В это время душа Тиресия старца явилась,
Скипетр держа золотой; узнала меня и сказала:
— Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!
О несчастливец, зачем ты сияние солнца покинул,
Чтобы печальную эту страну и умерших увидеть?
Но отойди же от ямы, свой меч отложи отточенный,
Чтобы мне крови напиться и всю тебе правду поведать. —
Так говорил он. И в ножны вложивши свой меч
среброгвоздный,

В сторону я отошел. Когда безупречный провидец
Черной крови напился, такие слова мне сказал он:
— О возвращении сладком домой, Одиссей, ты мечтаешь.
Трудным тебе его сделает бог. Забыть он не может,
Что причинил ты ему, и гневом пылает жестоким,
Злобясь, что милого сына его ослепил ты. Однако
Даже при этом, хоть много страдавши, домой вы вернетесь,
Если себя и товарищей ты обуздаешь в то время,
Как, переплыв на своем корабле винно-чермное море,
К острову ты Тринакрии пристанешь и, выйдя на сушу,
На поле жирных увидишь овец и коров Гелиоса,
Светлого бога, который все видит на свете, все слышит.
Если, о родине помня, ты рук на стада не наложишь,
Все вы в Итаку вернетесь, хоть бедствий претерпите много.
Если же тронешь стада — и тебе предвещаю я гибель,
И кораблю, и товарищам всем. Ты смерти избежнешь,
Но после многих лишь бед, потерявши товарищей, в дом свой
Поздно в чужом корабле вернешься и встретишь там горе:
Буйных мужей, добро у тебя расточающих нагло;
Сватают в жены они Пенелопу, сулят ей подарки.

Ты, воротившись домой, за насилия их отомстишь им.
После того как в дому у себя женихов перебьешь ты
Гибельной медью, — открыто иль хитростью, — снова
отправься

Странствовать, выбрав весло по руке, и странствуй, доколе
В край не придешь к мужам, которые моря не знают,
Пищи своей никогда не солят, никогда не видали
Пурпурнощеких судов, не видали и сделанных прочно
Весел, которые в море судам нашим крыльями служат.
Признак тебе сообщу я надежнейший, он не обманет:
Если путник другой, с тобой повстречавшийся, скажет,
Что на блестящем плече ты лопату для вейня держишь, —
Тут же в землю воткни весло свое прочной работы,
И кабана, что свиной покрывает, быка и барана
Жертвой прекрасной нарежь колебателью недр Посейдону, —
И возвращайся домой, и святыя сверши гекатомбы
Вечно живущим богам, владеющим небом широким,
Всем по порядку. Тогда не средь волн разъяренного моря
Тихо смерть на тебя низойдет. И, достигнутый ею,
В старости светлой спокойно умрешь, окруженный всеобщим
Счастьем народов твоих. Все сбудется так, как сказал я. —
Так говорил он. И я, ему отвечая, промолвил:
— Жребий этот, Тиресий, мне сами назначили боги.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Вижу я тут пред собою скончавшейся матери душу.
Молча она возле крови сидит и как будто не смеет
Сыну в лицо посмотреть и завести разговор с ним. Скажи же,
Как это сделать, владыка, чтоб мать моя сына узнала? —
Так говорил я. И, мне отвечая, тотчас же сказал он:
— Легкое слово тебе я скажу, и его ты запомни.
Тот из простившихся с жизнью умерших, кому ты позволишь
К крови приблизиться, станет рассказывать все, что ни
спросишь.

Тот же, кому подойти запретишь, удалится обратно. —
Так мне сказала душа владыки Тиресия старца
И, прорицание дав, удалилась в обитель Аида.
Я же на месте остался у ямы и ждал, чтобы к черной
Крови приблизилась мать и испила ее. Напилася
Крови она и печально ко мне обратилась с речью:
— Сын мой, как ты добрался сюда, в этот сумрак подземный,
Будучи жив? Нелегко живому все это увидеть.
Реки меж вами и нами велики, течения ужасны,
Прежде всего — Океан; чрез него перебраться не может
Пеший никак, если прочного он корабля не имеет.
Или из Трои теперь лишь, так долго в морях проскитавшись,
Прибыл сюда ты с своими людьми и судном? Неужели
Ты еще не был в Итаке, жены своей, дома не видел? —
Так говорила она. И, ей отвечая, сказал я:
— Милая мать, приведен я в обитель Аида нуждою.
Мне спросить надо было Тиресия Фивского душу.
Не приближался еще я к ахейской стране, на родную
Землю свою не ступал. Все время в страданиях скитаюсь

С самой поры, как повел Агамемнон божественный всех нас
В конебогатую Троию сражаться с сынами троянцев.
Вот что, однако, скажи, и скажи совершенно правдиво:
Что за Кера тебя всех печалюющей смерти смирила?
Долгой болезнью ль была ты настигнута, иль Артемида
Нежной стрелою своею, приблизясь, тебя умертвила?
Также скажи об отце и о сыне, покинутых мною,
Вся ли в руках их находится власть иль теперь обладает
Ею другой уж, и думают все, что домой не вернусь я?
О настроеньях и мыслях законной жены расскажи мне:
Дома ль она остается близ сына и все охраняет
Или на ней уж ахеец какой-нибудь знатный женился? —
Так я сказал. И почтенная мать мне ответила тотчас:
— Держится стойко и твердо супруга твоя Пенелопа
В доме твоём. В бесконечной печали, в слезах непрерывных
Долгие дни она там и бессонные ночи проводит.
Не перешел ни к кому еще сан твой прекрасный. Спокойно
Сын твой владеет уделом своим, принимает участие
В пиршествах общих, как мужу, творящему суд, подобает.
Все приглашают его. Отец же твой больше не ходит
В город, в деревне живет у себя. Ни хорошей кровати,
Ни одеяла старик не имеет, ни мягких подушек.
В зимнюю пору он в доме ночует с рабами своими
В пепле, вблизи очага, покрывшись убогой одеждой.
В теплую ж пору, как лето придет иль цветущая осень,
Он в виноградном саду, где попало, на склоне отлогом
Кучу листьев опавших себе нагребет для постели, —
Там и лежит. И вздыхает, печали своей отдаваясь,
Все ожидая тебя. Безотрадно он старость проводит.
Так же и я вот погибла, и час поразил меня смертный.
Но не в доме моем Артемида, стрелок дальноркий,
Нежной стрелою своею, подошедши, меня умертвила.
Не от болезни я также погибла, которая часто,
Силы людей истощая, из членов их дух изгоняет.
Нет, тоска по тебе, твой разум и мягкая кротость
Отняли сладостный дух у меня, Одиссей благородный! —
Так говорила. Раздумался я, и пришло мне желанье
Душу руками обнять скончавшейся матери милой.
Трижды бросался я к ней, обнять порываясь руками.
Трижды она от меня ускользала, подобная тени
Иль сновиденью. И все становилось острее мое горе.
Громко позвал я ее и слова окрыленные молвил:
— Мать, что бежишь ты, как только тебя я схватить
собираюсь,
Чтоб и в жилище Аида, обнявши друг друга руками,
Оба с тобою могли насладиться мы горестным плачем?
Иль это призрак послала преславная Персефонея
Лишь для того, чтоб мое усугубить великое горе? —
Так я сказал. И почтенная мать мне ответила тотчас:
— Сын дорогой мой, меж всеми людьми наиболее несчастный.
Зевсова дочь Персефона тебя обмануть не желает.
Но такова уж судьба всех смертных, какой бы ни умер:

В нем сухожилиями больше не связано мясо с костями;
Все пожирает горящего пламени мощная сила,
Только лишь белые кости покинутся духом; душа же,
Вылетев, как сновиденье, туда и сюда запорхает.
Но постарайся вернуться на свет поскорее и помни,
Что я сказала, чтоб все рассказать при свиданьи супруге. —
Так мы беседу вели. Престо мною явились внезапно
Женщины. Выслала их Персефона преславная. Были
Жены и дочери это давно уж умерших героев.
К яме они подбежали и черную кровь обступили.
Я же раздумывал, как бы мне всех расспросить их отдельно.
Вот наилучшим какое решение мне показалось:
Вынув из ножен с бедра мускулистого меч медноострый,
Я не позволил им к крови приблизиться всею толпою,
Поочередно они подходили и все о потомстве
Мне сообщали своем. Я расспрашивал их по порядку.
Прежде других подошла благороднорожденная Тиро
И про себя рассказала, что на свет она родилась
От Салмоней, сама же — жена Эолида Крефея.
Страсть зародил Енипей в ней божественный, самый
прекрасный

Между потоков других, по земле свои воды струящих.
Часто она приходила к прекрасным струям Енипея.
Образ принявши его, Земледержец, Земли Колебатель,
В устье потока того, водовертью богатого, лег с ней.
Воды пурпурные их обступили горой и, нависши
Сводом над ними, и бога и смертную женщину скрыли.
Девушку в сон погрузив, развязал он ей девственный пояс.
После того как свое вожденье на ней утолил он,
Бог ее за руку взял, и по имени назвал, и молвил:
— Радуйся, женщина, нашей любви! По прошествии года
Славных родишь ты детей, ибо ложе бессмертного бога
Быть не может бесплодным. А ты воспитай и вскорми их.
В дом свой теперь воротись, но смотри, называть опасайся
Имя мое! Пред тобой Посейдон, сотрясающий землю. —
Так сказав, погрузился в волнами кипевшее море,
Пелия Тиро, зачавши, на свет родила и Нелея.
Сделались оба они слугами могучими Зевса.
Пилос песчаный достался Нелею. Богатый стадами
Пелий Иолком владел, хоровыми площадками славным.
Кроме того, родила царица средь жен и Крефею,
Амифаона, бойца с колесницы, Эсона, Ферета.
После нее Антиопу увидел я, дочь Асопа.
Мне хвалилась она, что объятия Зевса познала
И родила ему двух сыновей, Амфиона и Зефа.
Первые были они основатели Фив семивратных
И обнесли их стеной: хоть, могучие, жить без прикрытья
В Фивах они не могли, хоровыми площадками славных.
Амфитрионову после жену я увидел Алкмену.
Ею Геракл был рожден дерзновеннейший, львиное сердце,
После того как с Зевесом она сочеталась в объятьях.
Дочь Креонта бесстрашного с ней я увидел, Мегару.

Мужем был ей Геракл, могучеством всех превзошедший.
После того Епикасту, прекрасную мать Эдипа,
Видел я. Страшное дело она по незнанию свершила:
Вышла замуж за сына. Отца умертвил он и в жены
Мать свою взял. Но тотчас же об этом людей повестили
Боги. Но все же, страданья терпя, в возлюбленных Фивах
Царствовать он продолжал губительным божьим решением.
Мать же в обитель Аида-привратника, мощного бога,
Собственной волей сошла, на балке повесившись в петле,
Взятая горем. Ему же оставила беды, какие
От материнских эриний в обилии людей постигают.
Также Хлориду прекрасную там я увидел. Когда-то
За красоту ее взял себе в жены Нелей, заплативши
Выкуп несчетный. Была она младшая дочь Амфиона,
Сына Иасия; царствовал он в Орхомене минийском.
В Пилосе ставши царицей, детей родила она славных
Нестора, Хромия, Периклимена, бесстрашного в битвах.
Мощную также Перо родила она, диво меж смертных.
Сватались к ней все соседи. Однако Нелей соглашался
Только тому ее дать, кто сумеет угнать из Филаки
Стадо коров круторогих Ификла, славного силой.
Трудно их было угнать. Лишь один безупречный гадатель
Их обещался добыть. Но настигла его при попытке
Злая судьба божества — пастухи и тяжелые узы.
Месяц один за другим протекал, и дни убегали,
Год свой круг совершил, и снова весна воротилась.
Тут на свободу его отпустила Ификлова сила:
Все он ему предсказал, и решение Зевса свершилось.
После того я и Леду увидел, жену Тиндарея.
От Тиндарея у ней родились два сына могучих —
Кастор, коней укротитель, с кулачным бойцом Полидевком.
Оба землею они жизнедарною взяты живыми
И под землею от Зевса великого почестъ имеют:
День они оба живут и на день потом умирают.
Честь наравне им с богами обоим досталась на долю.
Ифимедею, жену Алоея, потом я увидел.
Мне рассказала она, что сошлась с Посейдоном-владыкой.
Два у ней сына на свет родились — кратковечные оба, —
Славный везде Эфиальт и От, на бессмертных похожий.
Щедрая почва обоих вскормила высокими ростом.
Славному лишь Ориону они в красоте уступали.
Только девять им минуло лет — шириной они были
В девять локтей, в вышину ж девяти саженой достигали.
Даже бессмертным богам грозили они дерзновенно
Весь заполнить Олимп суматохой войны многобурной.
Оссу они на Олимп взгромоздить собирались, шумящий
Лесом густым Пелион — на Оссу, чтоб неба достигнуть.
Если б успели они возмужать, то и сделали б это.
Но умертвил их обоих рожденный Лето пышнокудрой
Зевсов сын до того, как зацвел под висками у братьев
Легкий пушок, подбородки же их волосами покрылись.
Федру, Прокриду прекрасную я увидел, Ариадну,

Дочь кознодея Миноса, которую с Крита когда-то
Вез с собою Тезей на священный акрополь афинский,
Но не успел насладиться — убила ее Артемида
По обвиненью ее Дионисом на острове Дие.
Мэру я видел, Климену с ужасной для всех Эрифилой,
Ценное золото в дар принявшей за гибель супруга.
Всех же не смог бы решительно я ни назвать, ни исчислить,
Сколько там дочерей и супруг я увидел героев, —
Прежде бессмертная б кончилась ночь. И давно уж пора мне
Спать, — на корабль ли пошедши к товарищам, здесь ли
оставшись.

Мой же отъезд пусть будет заботою божьей и вашей». —
Так он закончил. В глубоком молчании гости сидели.
Все в тенистом чертоге охвачены были восторгом.
Тут белорукая так начала говорить им Арета:
«Как вам, скажите, феаки, понравился этот пришелец
Видом и ростом высоким, внутри же — умом благородным?
Гость хотя он и мой, но все вы к той чести причастны.
Вот почему не спешите его отправлять и не будьте
Скупы в подарках. Ведь в них он нуждается очень. У вас же
Много накоплено дома богатств изволением бессмертных». —
К ним обратился потом и старик Ехепей благородный,
Всех остальных феакийских мужей превышавший годами.
«Нет ничего, что бы шло против помыслов наших и целей,
В том, что сказала царица. Друзья, согласимся же с нею.
А порешить все и сделать — на то Алкиноева воля». —
Вот что тогда Алкиной, ему отвечая, промолвил:
«Все, что сказано, будет на деле исполнено так же
Верно, как то, что я жив и что я феакийцами правлю.
Гость же пускай наш потерпит. Хоть очень в отчизну он
рвется,

Все же до завтра придется ему подождать, чтоб успел я
Все приношенья собрать. Об его ж возвращеньи подумать —
Дело мужей, всех прежде — мое, ибо я здесь властитель». —
И отвечал Алкиною царю Одиссей многоумный:
«Царь Алкиной, между всех феакийских мужей наилучший!
Если б еще мне и на год вы тут приказали остаться,
Чтобы поездку устроить и славных набрать мне подарков,
Я б согласился охотно: намного мне выгодней было б
С более полными в землю отцов возвратиться руками.
Был бы я боле тогда уважаем и был бы милее
Всем, кто увидит меня, когда я в Итаку вернуся». —
Тотчас царь Алкиной, ему отвечая, промолвил:
«Смотрим мы на тебя, Одиссей, — и никак не возможно
Думать, что лжец, проходимец пред нами, каких в избыльи
Черная кормит земля средь густо посеянных смертных,
Нагло сплетающих ложь, какой никому не распутать.
Прелесть в словах твоих есть, и мысли твои благородны.
Что ж до рассказа о бедах твоих и о бедах ахейцев, —
Словно певец настоящий, искусный рассказ свой ведешь ты!
Вот что, однако, скажи, и скажи совершенно правдиво:
Видел кого-либо ты из товарищей там богоравных,

Бившихся также под Троей и участь свою там принявших?
Ночь эта очень длинна, без конца. И еще нам не время
Спать. Продолжай же рассказ о чудесных твоих
приключениях,

Я до зари здесь божественной рад оставаться все время,
Если про беды свои мне рассказывать ты пожелаешь».
И отвечал Алкиною царю Одиссей многоумный:
«Царь Алкиной, между всех феакийских мужей наилучший!
Время для длинных рассказов одно, для сна же — другое.
Если, однако, еще ты послушать желаешь, охотно
И про другое тебе расскажу, что гораздо плачевней, —
Про злоключенья товарищей тех, что позднее погибли:
Из многостонных боев с троянцами целыми вышли,
При возвращении ж погибли стараньями женщины гнусной.
После того как рассеяла души всех жен слабосильных
Чистая Персефонея туда и сюда, появилась
Передо мною душа Агамемнона, сына Атрея,
Глядя печально. Вокруг собрались товарищей души —
Всех, кто смертную участь с ним принял в Эгистовом доме.
Тотчас меня он узнал, как только увидел глазами.
Громко заплакал Атрид, проливая обильные слезы,
Руки простер он, меня заключить порываясь в объятья.
Больше, однакоже, не было в нем уж могучей и крепкой
Силы, какую когда-то полны были гибкие члены.
Жалость мне сердце взяла, и слезы из глаз полилися.
Громко к нему со словами крылатыми я обратился:
— Славный герой Атреид, владыка мужей Агамемнон!
Что за Кера тебя всех печалюющей смерти смирила?
Или тебя Посейдон погубил в кораблях твоих быстрых,
Грозную силу воздвигнув свирепо бушующих ветров?
Или на суше тебя враги погубили в то время,
Как ты отрезать старался коровьи стада и овечьи
Или как женщин и город какой захватить домогался? —
Так говорил я. Тотчас же он, мне отвечая, промолвил:
— Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!
Не Посейдон мне погибель послал в кораблях моих быстрых,
Грозную силу воздвигнув свирепо бушующих ветров,
И не враждебные люди меня погубили на суше.
Смерть и несчастье готовя, Эгист пригласил меня в дом свой
И умертвил при пособьи супруги моей окаянной:
Стал угощать — и зарезал, как режут быка возле яслей.
Так печальнейшей смертью я умер. Зарезаны были
Тут же вокруг и товарищи все, как свиньи, которых
Много могущий себе разрешить, богатейший хозяин
К свадьбе, к пирушке обычной иль к пиру роскошному режет.
Видеть, конечно, немало убийств уж тебе приходилось —
И в одиночку погибших и в общей сумятице боя.
Но несказанной печалью ты был бы охвачен, увидев,
Как меж кратеров с вином и столов, переполненных пищей,
Все на полу мы валялись, дымившемся нашею кровью.
Самым же страшным, что слышать пришлось мне, был голос
Кассандры,

Дочери славной Приама. На мне Клитемнестра-злодейка
Деву убила. Напрасно слабевшей рукою пытался
Меч я схватить, умирая, — рука моя наземь упала.
Та же, бесстыжая, прочь отошла, не осмелившись даже
Глаз и рта мне закрыть, уходившему в царство Аида.
Нет ничего на земле ужаснее, нет и бесстыдней
Женщины, в сердце своем на такое решившейся дело!
Что за дело она неподобное сделать решила,
Мужу законному смерть приготовив коварно! А я-то
Думал, что в дом я к себе ворочуся на радость и детям
И домочадцам! Такое позорное дело свершивши,
И на себя она стыд навлекла и навек осрамила
Племя и будущих жен слабосильных, пускай и невинных. —
Так говорил он. И я, ему отвечая, промолвил:
— Горе! Поистине, Зевс протяженно гремевший издавна
Возненавидел потомков Атрея, которым погибель
Шлет через женщин. Убито нас много мужей за Елену,
Ныне ж тебе издалека устроила смерть Клитемнестра. —
Так я сказал. И тотчас же он, мне отвечая, промолвил:
— Вот почему на жену полагаться и ты опасайся.
Не раскрывай перед нею всего, что в мыслях имеешь.
Вверх ей одно, про себя сохрани осторожно другое.
Но для тебя, Одиссей, чрез жену не опасна погибель:
Слишком разумна она и хорошие мысли имеет,
Старца Икария дочь, благонравная Пенелопея.
Мы, на войну отправляясь, ее молодою женою
Дома оставили, был у груди ее малым младенцем
Мальчик, который теперь меж мужей заседает в собраньи.
Счастлив твой сын! Воротившись, отец его дома увидит,
Так же и сам он прижмет к отцу, как обычно бывает.
Мне же супруга моя не позволила даже на сына
Всласть наглядеться. Я был во мгновение ею зарезан.
Слово другое скажу, и обдумай его хорошенько.
Скрой возвращенье свое и пристань кораблем незаметно
К родине милой твоей. Ибо женщинам верить опасно.
Вот что, однако, скажи, и скажи совершенно правдиво:
Слышать вам не пришлось ли о сыне моем, не живет ли
Он где-нибудь в Орхомене, иль в Пилосе, крае песчаном,
Или же в Спарте пространной у дяди его Менелая.
Ибо не умер еще Орест божественный — жив он! —
Так говорил он. И я, ему отвечая, промолвил:
— Что ты об этом, Атрид, выпрашивать вздумал? Не знаю,
Жив ли еще он иль умер. На ветер болтать не годится. —
Так, меж собою печальный ведя разговор, мы стояли,
Горем объятые тяжким, обильные слезы роняя.
Тут ко мне подошла душа Ахиллеса Пелида,
Следом — Патрокла душа, Антилоха, отважного духом,
Также Аякса, который всех лучше и видом и ростом
После Пелида бесстрашного был среди прочих данайцев.
Сразу узнала меня душа Эакида героя.
Скорбно со словом она окрыленным ко мне обратилась:
— Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!

Дерзостный, что еще больше, чем это, придумать ты мог бы?
Как ты решился спуститься в обитель Аида, где только
Тени умерших людей, сознания лишённые, реют? —
Так говорил он. И я, отвечая Пелиду, промолвил:
— Сын благородный Пелея, храбрый меж всеми ахеец!
За прорицаньем пришел я к Тиресию, чтобы совет мне
Подали он, как в каменистую мне воротиться Итаку.
Не приближался еще я к ахейской стране, на родную
Землю свою не ступал. Беда за бедою приходит.
Ты же — не было мужа счастливее тебя и не будет!
Прежде тебя наравне почитали с богами живого
Все мы, ахейцы, теперь же и здесь, меж умерших, царишь ты.
Так не скорби же о том, что ты умер, Пелид благородный! —
Так я сказал. И тотчас же он, мне отвечая, промолвил:
— Не утешай меня в том, что я мертв, Одиссей благородный!
Я б на земле предпочел батраком за ничтожную плату
У бедняка, мужика безнадельного, вечно работать,
Нежели быть здесь царем мертвецов, простившихся с жизнью.
Ну, а теперь расскажи мне о сыне моем достославном,
К Трое отправился ль он или нет, чтоб сражаться меж первых?
О безупречном Пелее что слышать тебе довелось?
Все ль еще в прежней чести он у нас в городах мирмидонских
Или же в пренебреженьи живет на Элладе и Фтии,
Так как руками его и ногами уж старость владеет?
Если б на помощь ему под сияние яркое солнца
Мог я явиться таким, каким на равнине троянской
Я избивал наилучших бойцов, аргивян защищая, —
Если б таким я в отчизну явился хотя б не надолго,
Страшными б сделал я силу мою и могучие руки
Всем, кто теснит старика и почести должной лишает.
Так говорил Ахиллес. И, ему отвечая, сказал я:
— О безупречном Пелее, по правде сказать, ничего мне
Слышать нигде не пришлось. О твоём же возлюбленном сыне
Неоптолеме всю правду тебе, как ты просишь, скажу я.
В стан корабельный его к ахейцам красивопоножным
С острова Скироса сам я привез в корабле равнобоком.
Если вокруг Илиона, бывало, совет мы держали,
Первым всегда выступал он со словом полезным и дельным.
Нестор, подобный богам, и я лишь его побеждали.
Но на равнине троянской, когда мы сражались медью,
Он никогда не хотел в толпе среди других оставаться.
Рвался далеко вперед, с любым состязаясь в отваге.
Много мужей умертвил он в ужаснейших сечах кровавых.
Всех я, однако, тебе не смогу ни назвать, ни исчислить,
Столько избил он мужей, выступая в защиту ахейцев.
Так Еврипила героя, Телефова сына, убил он
Острою медью, и много кетейцев-товарищей пало
Возле него из-за принятых женщиной ценных подарков.
Только Мемнон богоравный его превышал красотой.
Ну, а когда мы входили в коня работы Епея, —
Мы, вожди аргивян, — и было поручено двери
Мне отмыкать и смыкать в запиравшейся крепко засаде,

Все остальные вожди и советчики войска ахейцев
Слезы стирали со щек, и у каждого члены тряслися.
Что ж до него, то все время ни разу увидеть не мог я,
Чтобы прекрасная кожа его побледнела иль слезы
Он утирал бы с лица. Напротив, меня умолял он,
Чтоб его выпустил я из коня, и хватался за пику,
За рукоятку меча, погибель врагам замышляя.
После того же как взяли мы город высокий Приама,
С долей своей и с богатой наградой поплыл он оттуда
На корабле — невредимый, не раненный острою медью
Ни в рукопашную, ни издалека, как это обычно
В битвах бывает: Арес ведь свирепствует в них без разбора. —
Так я сказал. И душа быстрого сына Эака
Лугом пошла от меня асфодельным, широко шагая,
Радуюсь вести, что славою сын его милый покрылся.
Горестно души других мертвецов опочивших стояли.
Все домогались услышать о том, что у каждой лежало
На сердце. Только душа Теламонова сына Аякса
Молча стояла вдали, одинокая, все на победу
Злобясь мою, даровавшую мне пред судами доспехи
Сына Пелеева. Мать состязанье сама учредила.
Суд же тот дети троян решили с Палладой Афиной.
О, для чего в состязаньи таком одержал я победу!
Что за муж из-за этих доспехов погиб несравненный,
Сын Теламонов Аякс, — и своими делами и видом
После Пелида бесстрашного всех превышавший данайцев!
С мягкой и ласковой речью к душе его я обратился:
— Сын Теламонов, бесстрашный Аякс! Неужели и мертвый
Гневаться ты на меня никогда перестать не желаешь
Из-за проклятых доспехов, так много нам бед причинивших!
Ты, оплот наш всегдашний, погиб. О тебе непрестанно
Все мы, ахейцы, скорбим, как о равном богам Ахиллесе,
Раннюю смерть поминая твою. В ней никто не виновен,
Кроме Зевеса, который к войскам копьеборных данайцев
Злую вражду проявил и час ниспослал тебе смерти.
Ну же, владыка, приблизься, чтоб речь нашу мог ты и слово
Слышать. Гнев непреклонный и дух обуздай свой упорный! —
Так я сказал. Ничего мне Аякс не ответил и молча
Двинулся вслед за другими тенями умерших к Эребу.
Все же и гневный он стал бы со мной говорить или я с ним,
Если б в груди у меня не исполнился дух мой желаньем
Души также других скончавшихся мертвых увидеть.
Я там увидел Миноса, блестящего Зевсова сына.
Скипетр держа золотой, над мертвыми суд отправлял он, —
Сидя. Они же, его окруживши, — кто сидя, кто стоя,
Ждали суда пред широковоротным жилищем Аида.
После того увидал я гигантскую тень Ориона.
По асфодельному лугу преследовал диких зверей он, —
Тех же, которых в горах он пустынных когда-то при жизни
Палицей медной своею избил, никогда не крушимой.
Тития также я видел, рожденного славною Геей.
Девять пелетров заняв, лежал на земле он. Сидело

С каждого бока его по коршуну; печень терзая,
В сальник въедались ему. И не мог он отбиться руками.
Зевсову он обесчестил супругу Лето, как к Пифону
Чрез Панопей она шла, хоровыми площадками славный.
Я и Тантала увидел, терпящего тяжкие муки.
В озере там он стоял. Достигала вода подбородка.
Жаждой томимый, напрасно воды захлебнуть он старался.
Всякий раз, как старик наклонялся, желая напиться,
Тотчас вода исчезала, отхлынув назад; под ногами
Черную землю он видел, — ее божество осушало.
Много высоких деревьев плоды наклоняло к Танталу —
Сочные груши, плоды блестящие яблонь, гранаты,
Сладкие фиги смоковниц и ягоды маслин роскошных.
Только, однако, плоды рукою схватить он пытался,
Все их ветер мгновенно подбрасывал к тучам тенистым.
Я и Сизифа увидел, терпящего тяжкие муки.
Камень огромный руками обеими кверху катил он.
С страшным усилием, руками, ногами в него упираясь,
В гору он камень толкал. Но когда уж готов был тот камень
Перевалиться чрез гребень, назад обращалась тяжесть.
Под гору камень бесстыдный назад устремлялся, в долину.
Снова, напрягшись, его начинал он катить, и струился
Пот с его членов, и тучею пыль с головы поднималась,
После того я увидел священную силу Геракла, —
Тень лишь. А сам он с богами бессмертными вместе
В счастье живет и имеет прекраснородыжную Гебу,
Златообую Герой рожденную дочь Громовержца.
Мертвые шумно металась над ним, как мечутся в страхе
Птицы по воздуху. Темной подобясь ночи, держал он
Выгнутый лук, со стрелой на тугой тетиве, и ужасно
Вкруг озирался, как будто готовый спустить ее тотчас.
Страшная перевязь блеск издавала, ему пересекши
Грудь златолитным ремнем, на котором с чудесным
искусством

Огненноокые львы, медведи и дикие свиньи,
Схватки жестокие, битвы, убийства изваяны были.
Сделавший это пускай ничего не работает больше, —
Тот, кто подобный ремень с таким изукрасил искусством!
Тотчас узнавши меня, лишь только увидел глазами,
Скорбно ко мне со словами крылатыми он обратился:
— Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!
Что, злополучный, и ты, как я вижу, печальную участь
Терпишь, — подобную той, какую под солнцем терпел я?
Был я сыном Зевеса Кронида. Страданий, однако,
Я испытал без конца. Недостойнейший муж надо мною
Властвовал, много трудов на меня возложил тяжелейших.
Был я им послан сюда, чтобы пса привести. Полагал он,
Неисполнимее подвига быть уж не может другого.
Подвиг свершил я и пса из жилища Аидова вывел.
Помощь мне оказали Гермес с совоокой Афиной. —
Так сказавши, обратно в обитель Аида пошел он.
Я же на месте остался и ждал, не придет ли, быть может,

Кто еще из героев, погибших в минувшее время.
Я б и увидел мужей стародавних, каких мне хотелось, —
Славных потомков богов, Пирифоя, владыку Тезея.
Раньше, однако, слетелись бессчетные рои умерших
С криком чудовищным. Бледный обьял меня ужас, что
вышлет

Голову вдруг на меня чудовища, страшной Горгоны,
Славная Персефонея богиня из недр преисподней.
Быстро взойдя на корабль, товарищам всем приказал я,
Следом взошедши за мной, развязать судовые причалы.
Тотчас они на корабль поднялись и к уключинам сели.
Вниз по высоким волнам Океана-реки понеслись мы, —
Первое время на веслах, потом — под ветром попутным».

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

«Вскоре покинул корабль наш течение реки Океана
И по шумящим волнам широкодородного моря
Прибыл на остров Эю, где рано родившейся Эос
Дом, и площадки для танцев, и место, где солнце восходит.
Там быстроходный корабль на прибрежный песок мы
втащили,

Вышли и сами на берег немолчно шумящего моря
И, в ожидании Эос божественной, спать улеглись.
Рано рожденная встала из тьмы розоперстая Эос.
Мы поднялись. Послал я товарищей к дому Цирцеи
Труп принести Ельпенора умершего к берегу моря.
Дров нарубивши в лесу на самом высоком из мысов,
Похоронили товарища мы с сокрушеньем и плачем.
После того же как труп и оружие вместе сожгли мы,
Холм насыпали мы и камень могильный воздвигли.
Сверху же в холм тот могильный весло его прочное вбили.
Так по порядку свершили мы все. От Цирцеи не скрылось
Наше прибытие из царства Аида. Она, нарядившись,
Быстро пришла к нам. За нею служанки несли в изобилии
Хлеба и мяса, сосуды с пурпурным вином искрометным.
Ставши меж нас в середине, богиня богинь нам сказала:
— Дерзкие! В дом низошли вы Аида живыми! Два раза
Вам умереть! Остальные же все умирают однажды.
Сядьте ж теперь за еду и вино распивайте, покуда
Длится сегодняшний день. А завтра, лишь утро забрезжит,
В путь отправляйтесь. Дорогу я вам покажу и подробно
Все объясню, чтоб коварство чье-либо, несущее беды,
Не причинило беды вам какой на земле иль на море. —
Так сказала. Ее мы послушались сердцем отважным.
Целый день напролет до захода мы солнца сидели,
Ели обильно мы мясо и сладким вином утешались.
Солнце меж тем закатилось, и сумрак спустился на землю,
Спутники спать улеглись вблизи корабельных причалов.
За руку взявши, Цирцея меня на песок усадила

От остальных вдалеке, легла и расспрашивать стала.
Все подробно я стал ей рассказывать, как что случилось.
После того мне словами сказала Цирцея царица:
— Все это сделано так, как и нужно. Теперь же послушай,
Что тебе я скажу и что тебе бог сам напомнит.
Прежде всего ты сирен повстречаешь, которые пенем
Всех обольщают людей, какой бы ни встретился с ними.
Кто, по незнанию приблизившись к ним, их голос услышит,
Тот не вернется домой никогда. Ни супруга, ни дети
Не побегут никогда ему с радостным криком навстречу.
Звонкою песнью своею его очаруют сирены,
Сидя на мягком лугу. Вокруг же огромные тлеют
Груды костей человеческих, обтянутых сморщенной кожей.
Мимо корабль твой гони. Залепи товарищам уши,
Воск размягчив медосладкий, чтоб их ни один не услышал
Спутник. А если ты сам пожелаешь, то можешь послушать.
Пусть лишь товарищи, руки и ноги связав тебе крепко,
Стоя привяжут концами тебя к основанию мачты,
Чтоб наслаждаться ты мог, обеим внимая сиренам.
Если ж ты станешь просить и себя развязать им прикажешь,
Пусть они еще больше ремней на тебя намотают.
После того как сирен товарищи сзади оставят,
Дальше тебе ни за что говорить я не стану, какую
Выбрать дорогу тебе. Умом своим собственным должен
Это решить ты. А я расскажу об обеих дорогах.
Встретишь на первой утесы высокие. Яро пред ними
Волны кипят синеглазой богини морской Амфитриты.
Планктами эти утесы зовут всеблаженные боги.
Мимо тех скал пролететь ни птицы не могут, ни также
Робкие голуби — те, что амвросию Зевсу приносят.
Гладкий утес одного между них каждый раз убивает.
Тотчас, однако, отец заменяет убитого новым.
Все корабли, к тем скалам подходившие, гибли с пловцами;
Доски одни оставались от них и бездушные трупы,
Гибельным вихрем огня и волною носимые в море.
Скалы те миновал один лишь корабль мореходный,
Славный повсюду Арго, от царя возвращаясь Эета.
Так же б разбился мгновенно и он о высокие скалы,
Не проводи его Гера, любившая сильно Язона.
Два на дороге второй есть утеса. Один достигает
Острой вершиною неба, вокруг нее тучи теснятся
Черные. Прочь никогда не уходят они, у вершины
Воздух ни летом, ни осенью там не бывает прозрачным.
Смертный не мог бы взойти на утес иль спуститься обратно.
Даже когда двадцатью бы руками владел и ногами, —
Так этот гладок утес, как будто отесанный кем-то.
Мрачная есть в середине утеса большая пещера.
Обращена она входом на мрак, на запад, к Эребу.
Мимо нее ты направи свой корабль, Одиссей благородный.
Даже сильнейший стрелок, с корабля нацелясь из лука,
Полой пещеры не смог бы достигнуть своєю стрелою.
Страшно рычащая Сцилла в пещере скалы обитает.

Как у щенка молодого, звучит ее голос. Сама же —
Злобное чудище. Нет никого, кто б, ее увидавши,
Радость почувствовал в сердце, — хоть если бы бог с ней
столкнулся

Ног двенадцать у Сциллы, и все они тонки и жидки.
Длинных шесть извивается шей на плечах, а на шеях
По голове ужасающей, в пасти у каждой в три ряда
Полные черною смертью обильные, частые зубы.
В логове полом она сидит половиною тела,
Шесть же голов выдаются наружу над страшною бездной,
Шарят по гладкой скале и рыбу под нею хватают.
Тут — дельфины, морские собаки; хватают и больших
Чудищ, каких в изобилии пасет у себя Амфитрита.
Из мореходцев никто похвалиться не мог бы, что мимо
Он с кораблем невредимо проехал: хватает по мужу
Каждой она головой и в пещеру к себе увлекает.
Там и другую скалу, Одиссей, ты увидишь, пониже,
Близко от той. Отстоит от нее лишь на выстрел из лука.
Дико растет на скале той смоковница с пышной листвою.
Прямо под ней от Харибды божественной черные воды
Страшно бушуют. Три раза она их на дно поглощает
И извергает три раза. Смотри же: когда поглощает —
Не приближайся! Тебя тут не спас бы и сам Земледержец!
К Сциллиной ближе держися скале и как можно скорее
Мимо корабль быстроходный гони. Несравненно ведь лучше
Шесть людей с корабля потерять, чем всех их лишиться. —
Так говорила. И я, отвечая Цирцее, промолвил:
— Очень тебя я прошу, богиня, скажи мне всю правду:
Если погибельной я избегну Харибды, могу ли
Сциллу я отразить, как хватать она спутников станет? —
Так я сказал. И богиня богинь мне ответила тотчас:
— О необузданный! Снова труды боевые и битвы
В мыслях твоих! Уступить и самим ты бессмертным не
хочешь!

Знай же: не смертное зло, а бессмертное Сцилла. Свирепа,
Страшно сильна и дика. Сражение с ней невозможно.
Силою тут не возьмешь. Одно лишь спасение в бегстве.
Если там промедлишь, на бой снаряжаясь со Сциллой,
Я боюсь, что снова она, на корабль ваш нападши,
Выхватит каждой своей головою по новому мужу.
Сколько есть силы гони, и притом воззови к Кратеиде,
Матери Сциллы, ее породившей на пагубу смертным:
Сциллу удержит она, чтоб вторично на вас не напала.
После увидишь ты остров Тринакрию. Много пасется
Там Гелиосовых жирных овец и коров тихоходных, —
Семь овечьих прекраснейших стад и столько ж коровьих.
По пятьдесят в каждом стаде голов. Они не плодятся,
Не вымирают. Пасут их прекрасноволосые нимфы.
Имя одной Фаэтуса, другой же Лампетия имя.
Их Гелиос Гиперион с божественной прижил Неэрой.
Выкормив их и родивши, почтенная мать их послала
Жить на Тринакрию остров, в большом от нее отдалении,

Чтоб стерегли там отцовских овец и коров тихоходных.
Если, о родине помня, ты рук на стада не наложишь,
Все вы в Итаку вернетесь, хоть бедствий претерпите много.
Если же тронешь стада, — и тебе предвещаю гибель
И кораблям и товарищам всем. Ты хоть смерти избегнешь,
Поздно вернешься домой, товарищей всех потерявши. —
Так говорила. Пришла между тем златотронная Эос.
Встала богиня богинь и в жилище свое удалилась.
Быстро взойдя на корабль, товарищам всем приказал я,
Следом взошедши за мной, развязать судовые причалы.
Тотчас они на корабль поднялись, и к ключинам сели
Следом один за другим, и ударили веслами море.
Был вослед кораблю черноносому ветер попутный,
Парус вздувающий, добрый товарищ, нам послан Цирцеей
В косах прекрасных, богиней ужасною с речью людскою.
Мачту поставив и снасти наладивши все, в корабле мы
Сели. Его направлял только ветер попутный да кормчий.
Сердцем сильно крушась, к товарищам я обратился:
— Не одному, не двоим только нужно, товарищи, знать нам,
Что предсказала мне ночью Цирцея, богиня в богинях.
Всем вам все расскажу я, чтоб знали вы, ждет ли нас гибель
Или возможно еще ускользнуть нам от смерти и Керы.
Прежде всего убеждала она, чтобы мы избегали
Пенья чудесноголосых сирен и цветочного луга.
Мне одному разрешила послушать. Однако должны вы
Крепко меня перед этим связать, чтоб стоял я на месте
Возле подножия мачты, концы ж прикрепите к подножью.
Если я стану просить и меня развязать прикажу вам,
Больше тотчас же еще ремней на меня намотайте.
Так, говоря по порядку, товарищам все рассказал я.
Быстро неся наш прочный корабль, и вскоре пред нами
Остров сирен показался — при ветре попутном мы плыли.
Тут неожиданно ветер утих, неподвижною гладью
Море простерлось вокруг: божество успокоило волны.
Встали товарищи с мест, паруса корабля закатали,
Бросили в трюм их, а сами, к ключинам сев на скамейки,
Веслами стали взбивать на водной поверхности пену.
Круг большой я достал пчелиного воска, на части
Мелко нарезал и сильными стал разминать их руками.
Быстро воск размягчился от силы, с какой его мял я,
И от лучей Гелиоса владыки Гиперионида.
Воском я всем по порядку товарищам уши замазал,
Те же, скрутивши меня по рукам и ногам, привязали
Стоя к подножию мачты концами ременной веревки,
Сами же, севши, седое ударили веслами море.
На расстояньи, с какого уж крик человеческий слышен,
Мчавшийся быстро корабль, возникший вблизи, не укрылся
От поджидавших сирен. И громко запели сирены:
— К нам, Одиссей многославный, великая гордость ахейцев!
Останови свой корабль, чтоб пение наше послушать.
Ибо никто в корабле своем нас без того не минует,
Чтоб не послушать из уст наших льющихся сладостных песен

И не вернуться домой восхищенным и много узнавшим.
Знаем все мы труды, которые в Трое пространной
Волей богов понесли аргивяне, равно как троянцы.
Знаем и то, что на всей происходит земле жизнедарной, —
Так голосами они прекрасными пели. И жадно
Мне захотелось их слушать. Себя развязать приказал я,
Спутникам бровью мигнув. Но они гребли, наклонившись.
А Перимед с Еврилохом немедленно с мест поднялися,
Больше ремней на меня навязали и крепче скрутили.
После того как сирены остались сзади и больше
Не было слышно ни голоса их, ни прекрасного пенья,
Тотчас вынули воск товарищи, мне дорогие,
Вмазанный мною им в уши, меня ж отпустили на волю.
Только, однакоже, остров сирен мы покинули, тотчас
Пар и большую волну я увидел и грохот услышал.
Спутники в ужас пришли, из рук их попадали весла.
Весла, шипя, по теченью забились. На месте корабль наш
Стал: уж не гнали его с краев заостренные весла.
Я же пошел чрез корабль и товарищей, в ужас пришедших,
Мягко стал ободрять, становясь возле каждого мужа:
— Мы ли, друзья, не успели ко всяческим бедам привыкнуть!
Право же, эта беда, что пред нами, нисколько не больше
Той, когда нас циклоп в пещере насильственно запер,
Но и оттуда искусство мое, мой разум и доблесть
Вывели вас. Так и эту беду вы потом вспомняете.
Нынче ж давайте исполните дружно все то, что скажу я.
Вы, при уключинах сидя, чрез волны глубокие моря
Веслами дружно гребите. Быть может, Кронид-промыслитель
Даст нам уйти и спастись от опасности, нам здесь грозящей.
Кормчий! Тебе же даю приказанье: все время, как будешь
Править рулем корабля, держи в уме своем вот что:
Дальше корабль направляй от этой волны и от пара,
Правь его к той вон высокой скале, чтоб сюда незаметно
Наш не втянуло корабль и нас бы не вверх ты в несчастье. —
Так говорил я. Послушались слов моих спутники тотчас.
Им не сказал я о Сцилле, о бедствии неотвратимом:
Весла они бы из рук упустили и, гресть переставши,
Все бы внутри корабля чернобокого спрятались в страхе.
О приказании тягостном том, что дала мне Цирцея, —
Не облекаться в доспехи для боя, — совсем позабыл я.
Славные быстро надевши доспехи и два длинноострых
Взявши копья, устремился на палубу я носовую.
Ждал я, — оттуда должна появиться сначала пред нами
Горная Сцилла, неся для товарищей наших несчастье.
Но ничего я увидеть не мог, и глаза утомились,
Пристально глядя все время на гору, покрытую мраком.
Узким проливом мы плыли, и в сердце теснились стенанья;
Сцилла с этого боку была, с другого Харибда,
Страх наводя, поглощала соленую воду морскую.
Воду когда извергала она, то вода клокотала,
Словно в котле на огромном огне. И обильная пена
Кверху взлетала, к вершинам обоих утесов. Когда же

Снова глотала Харибда соленую воду морскую,
Вся открывалась пред нами кипящая внутренность. Скалы
Страшно звучали вокруг, внутри же земля открывалась
С черным песком. И товарищей бледный охватывал ужас.
Все мы, погубили близкой страхась, на Харибду глядели.
В это-то время как раз в корабле моем выгнутом Сцилла
Шесть схватила гребцов, наилучших руками и силой.
Я, оглянувшись на быстрый корабль и товарищей милых,
Только увидеть успел, как у поднятых в воздух мелькали
Ноги и руки. Меня они с воплем ужасным на помощь
Звали, в последний уж раз называя по имени скорбно.
Так же, как если рыбак на удочке длинной с уступа
В море с привязанным рогом быка лугового бросает
Корм, чтобы мелкую рыбу коварно поймать на приманку,
И, извиваясь, она на крючке вылетает на сушу, —
Так они бились, когда на скалу поднимала их Сцилла.
Там же при входе в пещеру она начала пожирать их.
С воплями в смертной тоске простирали ко мне они руки.
Многое я претерпел, пути испытая морские,
Но никогда ничего не случилось мне видеть ужасней!
После того как утесов и страшной Харибды и Сциллы
Мы избежали, тотчас же за этим на остров прекрасный
Бога мы прибыли. Много там было коров превосходных,
Широколобых, и тучных овец Гелиоса-владыки.
Издали с корабля чернобокого в море открытом
Я уж услышал мычанье коров и овечьё бляенье,
Шедшее к нам из загонів. И пало внезапно мне в сердце
Слово слепого провидца Тиресия, фивского старца,
Как и Цирцеи ээской, которая строго велела
Острова нам избегать Гелиоса, отрады для смертных.
Сердцем сильно крушась, к товарищам я обратился:
— Слушайте то, что скажу, хоть и так вы страдаете много.
Я сообщить вам хочу приказанья Тиресия старца,
Как и Цирцеи ээской, которая строго велела
Острова нам избегать Гелиоса, отрады для смертных.
Там, говорили они, нас ужасное зло ожидает.
Мимо поэтому черный корабль наш, друзья, направляйте! —
Так я сказал. И разбилось у спутников милое сердце.
Тотчас мне Еврилох ответил погубительной речью:
— Крепок же ты, Одиссей! Велика твоя сила! Не знают
Члены усталости. Право, как будто ты весь из железа!
Нам, истомленным трудом и бессонницей, ты запрещаешь
Выйти на сушу, чтоб там, на острове, морем объятю,
Вкусный ужин себе наконец мы могли приготовить.
Нет, ты на остров пустить нас не хочешь, а хочешь заставить
Быстро пришедшею ночью блуждать по туманному морю.
Ведь из ночей-то всегда и рождаются опасные ветры,
Гибель судов. Ну, избегнет ли кто-либо смерти грозящей,
Если на нас в темноте неожиданно вихрем ударит
Нот или буйный Зефир, которые всех наиболее
Быстрые губят суда даже против желанья бессмертных?
Лучше теперь покоримся велению сумрачной ночи,

На берег выйдем и ужин вблизи корабля приготовим.
Завтра же снова с зарею в широкое пустимся море. —
Так сказал Еврилох. И с ним согласились другие.
Стало мне ясно тогда, что беду божество нам готовит.
Голос повывсив, ему я слова окрыленные молвил:
— Я, Еврилох, здесь один. Вы меня принуждаете силой!
Вот что, однако: великой мне клятвою все поклянитесь,
Что, если стадо коров иль большую овечью отару
Мы повстречаем, никто святотатной рукой не посмеет
Хоть бы единой коснуться овцы иль коровы: спокойно
Пищу вы можете есть, какой нас Цирцея снабдила. —
Так я сказал. И тотчас же они поклялись, как велел я.
После того как они поклялись и окончили клятву,
Прочный корабль свой ввели мы в залив, окруженный
скалами,
Около сладкой воды. С корабля мы спустились на берег.
Спутники начали ужин со знанием дела готовить.
После того как желанье питья и еды утолили,
Вспомнив, оплакивать стали товарищей милых, которых
Вдруг сорвала с корабля и съела свирепая Сцилла.
Вскоре на плакавших спутников сон ниспустился глубокий.
Ночи была уж последняя треть, и созвездья склонились.
Тучи собирающий Зевс неожиданно ветер свирепый
С вихрем неслыханным поднял и скрыл под густейшим
туманом
Сушу и море. И ночь ниспустилася с неба на землю.
Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.
Судно извлекши, его мы втащили под своды пещеры,
Где собирались для плясок прекрасных бессмертные нимфы.
Всех я тогда на собранье созвал и вот что сказал им:
— Есть, друзья, и еда и питье в корабле нашем быстром.
Трогать не станем же этих коров, чтоб беды не случилось,
Ибо все эти коровы и овцы — стада Гелиоса,
Страшного бога, который все видит на свете, все слышит. —
Так говорил я. И духом отважным они подчинились.
Целый месяц свирепствовал Нот, непрерывно бушуя.
Не было ветров в тот месяц других, кроме Евра и Нота.
Спутники в хлебе и в красном вине не нуждались вначале
И не касались коров, хоть и очень их к мясу тянуло.
Вскоре, однакоже, все в корабле истожились запасы.
Стали товарищи волей-неволей ходить на охоту.
Начали птицу ловить и все, что до рук доходило;
Рыбу ловили крючками: терзал жесточайший их голод.
Как-то пошел я от моря на остров богам помолиться,
Чтобы из них кто-нибудь явил нам дорогу к возврату.
После того как порядком от спутников я удалился,
Вымывши руки и место, от ветров закрытое, выбрав,
Всем я молитву вознес бессмертным богам олимпийским.
После того они сладостный сон мне излили на веки.
Злое тогда Еврилох предложение товарищам сделал:
— Слушайте, что я скажу, хоть и так вы страдаете много,
Всякие смерти, конечно, ужасны для смертных несчастных,

Все же печальней всего — голодную смертью погибнуть.
Выберем лучших коров в Гелиосовом стаде и в жертву
Здесь принесем их бессмертным, владеющим небом широким.
Если ж обратно вернемся в Итаку, в родимую землю,
Гипериону мы там Гелиосу немедля воздвигнем
Храм богатейший и много в него драгоценностей вложим.
Если ж, на нас рассердясь за коров пряморогих, корабль наш
Он погубить пожелает с согласия прочих бессмертных, —
Лучше согласен я сразу погибнуть, волны наглотавшись,
Нежели мучиться долго на острове этом пустынном. —
Так сказал Еврилох. И товарищи с ним согласились.
Выбрав коров наилучших, они их пригнали из стада.
Было оно недалеко. Паслось возле самого судна
Широколобых коров тихоходных прекрасное стадо.
Их обступили они и стали бессмертным молиться,
Гладких листьев нарвавши на дубе высоковершинном:
Белого в судне у них ячменя не имелось уж больше.
После, когда помолились, — зарезали, кожу содрали,
Бедра немедля отсекли, обрезанным жиром в два слоя
Их обернули и мясо сложили на них остальное.
Но, не имея вина, чтоб полить им горящие жертвы,
Просто водой окропили и начали потрохи жарить.
После, как бедра сожгли и отведали потрохов жертвы;
Прочее все, разделив на куски, наткнули на прутья.
В это-то время от век моих сладостный сон удалился.
Быстро направился я к кораблю и к шумящему морю.
От корабля двоехвостого был я совсем уже близко.
Вдруг я почувствовал запах горячий шипящего жира.
Вырвался стон у меня, и громко воззвал я к бессмертным:
— Зевс, наш родитель, и все вы, блаженные, вечные боги!
В гибельный сон вы меня для огромной беды погрузили!
Спутники страшное дело надумали, здесь оставаясь! —
Длинноодежная дева Лампетия вмиг к Гелиосу
С вестью пришла, что коровы его перерезаны нами.
Сердцем разгневался он и так обратился к бессмертным:
— Зевс, наш родитель, и все вы, блаженные, вечные боги!
Кары прошу для людей Одиссея, Лаэртова сына!
Дерзко они умертвили коров, на которых с такою
Радостью я любовался, — вступал ли на звездное небо
Или спускался с него, к земле направляясь обратно.
Если же им за коров соответственной кары не будет,
В царство Аида сойду я и буду светить для умерших! —
Зевс, собирающий тучи, ему отвечая, промолвил:
— Нет, Гелиос, продолжай освещать для богов всеблаженных,
Как и для смертнорожденных людей, жизнедарную землю.
Быстрый корабль Одиссея слепящею молнией скоро
Вдребезги я разобью посреди винно-чермного моря. —
Это я все от Калипсо прекрасноволосой услышал,
Ей же вожатый Гермес сообщил, как она мне сказала.
После того как спустился назад к кораблю я и к морю,
К каждому спутнику стал подходить я, браня их, но средства
Мы никакого найти не могли: уж погибли коровы.

Знаменье следом за этим послали товарищам боги:
Ползали шкуры, мычало на вертелах, словно живое,
Мясо — и то, что сырым еще было, и что уж поспело.
Шесть после этого дней товарищи, мне дорогие,
Ели быков Гелиоса, беря наилучших из стада.
День седьмой ниспослал собирающий тучи Кронион,
И прекратился тогда бушевавший неистово ветер.
Быстро взойдя на корабль, мы пустились в широкое море,
Мачту поднявши и белый на мачте расправивши парус.
После того как мы остров оставили сзади и больше
Не было видно земли никакой, а лишь небо да море,
Черную тучу внезапно Кронид распростер молневержец
Над кораблем нашим полым. И море под ней потемнело.
Очень недолгое время корабль наш бежал. Завывая,
Западный ветер внезапно на нас налетел ураганом.
Силою вихря порвал он канаты, державшие мачту,
Оба! И мачта упала назад. Повалилися снасти
В трюм, залитый водой. На корме корабельная мачта
Кормчего в голову с маху ударила, вдребезги кости
Черепу все раздробила. И он, водолазу подобный,
С палубы в воду нырнул, и дух его кости оставил.
Бешено Зевс загремел и молнию бросил в корабль наш.
Молнией Зевса сраженный, в волнах наш корабль закрутился.
В воздухе серой запахло. Попадали спутники в море.
Словно вороны, вокруг корабля они стайей носились
В бурных волнах. Божество возвращенья домой их лишило.
По кораблю я метался, покамест дощатой обшивки
С кия волны не сбили и остова прочь не умчали.
Вместе же с килем и мачту упавшую; следом за мачтой
Длинный ременный канат из кожи воловьей тянулся.
Накрепко мачту и киль ремнем привязал я друг к другу,
Их обхватил, и помчал по волнам меня гибельный ветер.
Вдруг прекратился Зефир, надо мной ураганом шумевший.
Нот, появившийся вскоре, поверг меня в ужас и горе,
Как бы к погибельной он не погнал меня снова Харибде.
Целую ночь по волнам я носился. С восходом же солнца
Сциллы утес и Харибду я вновь увидал пред собою.
Воду соленую моря Харибда как раз поглощала.
Вверх тогда я к высокой смоковнице прыгнул из моря,
Ствол охватил и прильнул, как летучая мышь. И не мог я
Ни опереться ногами о землю, ни выше подняться:
Корни были глубоко внизу, а ветки высоко;
Длинные, частые, тенью они покрывали Харибду.
Крепко держался я там и ждал, чтоб Харибда обратно
Мачту и киль изрыгнула. Они наконец появились, —
Поздно: когда на собраньи судья, разрешивший уж много
Тяжеб меж граждан, встает, чтоб отправиться ужинать в дом
свой, —
В это лишь время опять из Харибды явились бревна.
Выпустил ствол я из рук и из ног и обрушился прямо
В кипень бушующих волн вблизи от извергнутых бревен.
Влез я на бревна и начал руками, как веслами, править.

Сцилле ж меня не позволил родитель бессмертных и смертных

В море заметить: иначе я там бы погиб неизбежно.
Девять носился я дней. На десятый к Огигии боги
Ночью пригнали меня. Обитает там нимфа Калипсо
В косах прекрасных, богиня ужасная с речью людскою.
Холила нимфа меня и любила. Но что мне про это
Вам говорить? Ведь вчера уж об этом о всем рассказал я
В доме тебе и прекрасной супруге твоей. Неприятно
Снова подробно о том говорить, что уж сказано было».

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Так сказал Одиссей. И долго царило молчанье.
Были охвачены все восхищеньем в тенистом чертоге.
Снова тогда Алкиной, отвечая, сказал Одиссею:
«Раз, Одиссей благородный, приехал ты в меднопорожный
Дом наш высокий, — к себе, я уверен, без новых скитаний
Ты уж вернешься, какие б страданья ни вытерпел раньше.
К вам же, старейшины, я обращаюсь с таким предложеньем,
К вам, что в чертоге моем почетным вином искрометным
Дух услаждаете свой и прекрасным внимаете песням:
Платье для гостя в сундук полированный сложено, также
Золото в тонких изделиях и все остальные подарки,
Что поднесли ему вы, советчики славных феаков.
Вот что: дадим-ка еще по большому треножнику каждый
И по котлу. А себя наградим за убытки богатым
Сбором с народа: столь щедро дарить одному не по силам».
Так сказал Алкиной, и понравилось всем предложенье.
Встали они и для сна по жилищам своим разошлись.
Только, однако, явилась из тьмы розоперстая Эос,
С крепкою утварью медной они к кораблю поспешили.
Стала корабль обходить Алкиноя священная сила.
Сам под скамейками все разместил он подарки феаков,
Чтоб не мешали гребцам, когда они в весла ударят.
Те, к Алкиною придя, приступили к роскошному пиру.
В жертву быка принесла Алкиноя священная сила.
Туч собирателю Зевсу Крониду, владыке над всеми,
Бедрa сожгли, а потом за пир богатейший уселись
И наслаждались. Певец же божественный пел под
формингу, —

Чтимый всеми людьми Демодок. Но голову часто
Царь Одиссей обращал к лучезарному солнцу — к закату
Мыслью его торопя; уж очень желал он уехать.
Так же, как жадно мечтает об ужине пахарь, который
Плугом весь день целину поднимал на волнах винноцветных;
С радостным сердцем он видит, что солнце спустилось на
землю,

Что уже время на ужин брести ему шагом усталым.
Так наконец, Одиссею на радость, спустилося солнце.

Веслолюбивым мужам феакийским тотчас же сказал он,
Больше всего обращаясь со словом своим к Алкиною:
«Царь Алкиной, между всех феакийских мужей наилучший!
В путь снарядите меня, сотворив возлиянье бессмертным,
Сами ж — прощайте! Тут все совершается так, как желало
Сердце мое, — и отъезд и дары дорогие. Пускай их
Благословят Ураниды бессмертные! Пусть безупречной
Дома жену я найду, здоровыми — всех дорогих мне!
Вы же на радость законным супругам и детям любимым
Здесь оставайтесь! Пускай всевозможные блага пошлют вам
Боги, и пусть никакой с народом беды не случится!»
Слово одобрив его, согласились все, что в отчизну
Должно его переслать, ибо все справедливо сказал он.
Молвила вестнику после того Алкиноева сила:
«Воду с вином, Понтоной, в кратере смешай и сейчас же
Чашами всех обнеси, чтобы, Зевсу-отцу помолившись,
Гостя отправили мы в отчизну его дорогую».
И замешал Понтоной вина медосладкого тотчас,
Каждому чашу поднес, и все совершать возлиянья
Стали бессмертным богам, владеющим небом широким, —
Сидя в креслах своих. Поднялся Одиссей богоравный
С места, Арете вручил двоеручную чашу, потом же
Голос повысил и ей слова окрыленные молвил:
«Радуйся духом, царица, все время, пока не наступят
Старость и смерть, неизбежно ко всем приходящие людям.
Я отправлюсь к себе. А ты в этом доме высоком
Будь счастлива детьми, народом, царем Алкиноем!»
Так сказавши, ступил чрез порог Одиссей богоравный,
Вестника в помощь ему Алкиноева сила послала,
Чтоб Одиссея провел к кораблю и к берегу моря.
Женщин-рабынь с Одиссеем послала царица Арета.
Первой нести она вымытый плащ и хитон поручила,
Прочный сундук превосходной работы тащила другая,
Третья хлебы несла с вином искрометным. Когда же
Все подошли к кораблю и к приборам шумящему морю,
Приняли тотчас гребцы принесенные вещи, сложили
Все их внутри корабля — и питье и дорожную пищу.
Для Одиссея ж они на корме на палубе гладкой
Полого их корабля простыню и ковер расстелили,
Чтоб ему спать непробудно. Взшел на корабль он, улегся
Молча. Они же попарно в порядке к уключинам сели
И отвязали канат от камня с дырой просверленной.
И наклонились гребцы и ударили веслами море.
Сон освежающий тут упал Одиссею на веки,
Сладкий сон, непробудный, ближайше со смертью сходный.
Как четверня жеребцов в колеснице под градом ударов,
Им непрерывно бичом наносимых, широкой равниной
Бешено мчится вперед, высоко над землей поднимаясь,
Так поднимался и нос корабля, назади ж, за кормою,
Громко шипела, кипя, волна многошумного моря.
Прямо вперед уносился корабль. И угнаться не смог бы
Даже и сокол за ним, быстрейшая птица меж всеми.

Быстро мчался корабль, морскую волну рассекая,
Мужа везя, по уму сравнимого только с богами.
Много в сердце страданий пришлось перенести ему раньше
В битвах жестоких с мужами, в волнах разъяренного моря.
Тихо спал он теперь, забыв о минувших страданиях.
Вышла на небо ночная звезда светозарная, людям
Близость пришествия рано рожденной зари возвещая.
К острову тут подошел быстролетный корабль мореходный.
Есть в итакийской стране залив один превосходный
Старца морского Форкина. У входа его выдаются
Два обрывистых мыса, отлого спускаясь к заливу.
Мысы залив защищают снаружи от поднятых бурей
Яростных волн. И корабль крепкопалубный, с моря зашедши
В этот залив на стоянку, без привязи всякой стоит в нем.
Где заливу конец, длиннолистая есть там олива.
Возле оливы — пещера прелестная, полная мрака.
В ней — святилище нимф; наядами их называют.
Много находится в этой пещере амфор и кратеров
Каменных. Пчелы туда запасы свои собирают.
Много и каменных длинных станков, на которых наяды
Ткут одеянья прекрасные цвета морского пурпура.
Вечно журчит там вода ключевая. В пещере два входа:
Людям один только вход, обращенный на север, доступен.
Вход, обращенный на юг, — для бессмертных богов. И
дорогой
Этой люди не ходят, она для богов лишь открыта.
Все наперед это зная, в залив они въехали. Быстро
До половины взбежал на сушу корабль их с разбега:
Руки могучих гребцов корабль этот веслами гнали.
Только что врезался в берег корабль их, сработанный прочно,
С палубы прежде всего они Одиссея подняли
Вместе с блестящим ковром, с простыней, на которых лежал
он,
И на прибрежный песок покоренного сном положили.
После достали богатства, какие ему чрез посредство
Высокодушной Афины феаки преславные дали.
Все их сложили они у подножья тенистой оливы,
Прочь от дороги, чтоб как-нибудь кто из людей проходящих
Раньше, чем сам Одиссей пробудился, вреда не принес бы.
Сами же тотчас отплыли домой. Но Земли Колебатель
Не позабыл об угрозах, которыми он Одиссею
Раньше грозил. Обратился он к Зевсу, чтоб дело решил он:
«Зевс, наш родитель! Теперь никакой меж бессмертных богов
мне
Чести не будет, когда уже смертные люди, феаки,
Не почитают меня, от меня же ведущие род свой!
Вот, например, с Одиссеем: я ждал, что домой он вернется
Лишь после множества бед. Возвращения его не лишал я
Вовсе: его ты ему обещал и кивнул головою.
Эти ж на быстром судне отвезли его, спящего, морем
И на Итаке ссадили, без счета даров надававши,
Вдоволь золота, меди и тканой прекрасной одежды, —

Столько, сколько б наверно привезть он не мог и из Трои,
Если б домой со своею он долей добычи вернулся».
Зевс, собирающий тучи, ему отвечая, промолвил:
«Что говоришь ты, Земли Колебатель широкодержавный!
Очень тебя почитают бессмертные. Да и возможно ль
Не почитать одного из старейших богов и знатнейших?
Если ж тебя человек оскорбит, то настолько ничтожны
Силы его пред тобой, что всегда ты отмстить ему сможешь.
Действуй теперь как желаешь и как тебе сердцем хотелось».

Тотчас ответил ему Посейдон, сотрясающий землю:
«Все бы тотчас, Чернооблачный, сделал я так, как сказал ты,
Только я гнева боюсь твоего, я его избегаю.

Ну, а теперь я намерен прекрасный корабль феакийский,
В край свой обратно идущий по мглисто-туманному морю,
В щепы разбить, чтоб они наконец перестали в отчизну
Странников всех развозить. А город горой окружу им».

Зевс, собирающий тучи, ему возражая, промолвил:
«Вот как, по-моему, было б, мой милый, всего наилучше:
Только что в городе люди, на море взглянув, заметят
Быстро бегущий корабль, преврати его в камень близ суши,
Вид корабля сохранив, чтоб в большое пришли изумленья
Граждане. Города ж им горой окружать бы не нужно».

Это когда услышал Посейдон, сотрясающий землю,
В Схерию, где обитал феакийский народ, устремился.
Там он ждал. Подходил уже близко корабль мореходный,
Быстро плывя. Подошел к нему близко Земли Колебатель,
Сделал скалою его и в дно ее втиснул морское,
Крепко ударив ладонью. И после того удалился.

Между собою в большом удивленьи вели разговоры
Славные дети морей, длинновеслые мужи феаки.

Так не один говорил, взглянув на сидевшего рядом:

«Боги! Да кто ж там корабль быстролетный, бегущий в
отчизну,

Вдруг удержал среди моря, когда уже весь был он виден?»

Так не один говорил. И не знали, как все случилось.

С речью к ним Алкиной обратился и вот что промолвил:

«Горе нам! Нынче сбывается все, что отец мой когда-то
Мне предсказал! Говорил он: сердит на феаков жестоко
Бог Посейдон, что домой невредимыми всех мы развозим.
Будет день, утверждал он, когда феакийский корабль наш
При возвращеньи обратно по мглисто-туманному морю
Бог разобьет и высокой горою наш город окружит.

Так говорил мне старик. И теперь все сбывается это.

Вот что: давайте исполнимте дружно все то, что скажу я:

Если отныне какой-нибудь смертный в наш город приедет,

Больше не будем его домой отправлять. Посейдону ж

В жертву двенадцать отборных быков принесем, и, быть

может,

Сжалится он, не окружит нам города длинной горою».

Так говорил он. И в страхе быков они стали готовить.

Так земных сотрясателю недр, Посейдону-владыке,

Жарко молились вожди и советчики славных феаков,

Стоя вокруг алтаря. Одиссей пробудился лежащим
В крае отцовском своем. Совершенно его не узнал он,
Ибо давно уж там не был. Притом же окрестность покрыла
Мглою туманной Паллада Афина, чтоб не был и сам он
Узнан никем, чтоб успела ему все сказать по порядку,
Чтоб не узнали его ни жена, ни друзья, ни из граждан
Кто-либо прежде, чем он женихам не отмстит за бесстыдство.
Вот потому и другим показалось все Одиссею, —
Все: и тропинки в горах и глади спокойных заливов,
Темные главы деревьев густых и высокие скалы.
Быстро вскочил он, стоял и глядел на родимую землю.
После того зарыдал, руками по бедрам ударил
И обратился к себе, неудержным охваченный страхом:
«Горе! В какую страну, к каким это людям попал я?
К диким ли, духом надменным и звать не желающим правды,
Или же к гостеприимным и с богобоязненным сердцем?
Все сокровища эти — куда отнести их? Куда тут
Сам я попал? Отчего не остался я там, у феаков!
Я б как молящий прибегнуть к кому-нибудь мог и из прочих
Мощных царей, кто б меня полюбил и в отчизну отправил.
Тут же — не знаю, куда это спрятать? А если на месте
Все здесь оставлю, боюсь, чтоб не стало добычей другого.
Горе! Как вижу, не так справедливы, не так уж разумны
Были со мною вожди и советчики славных феаков!
В землю другую меня отвезли! Обещались на остров
Издали видный Итаку отвезть, и нарушили слово.
Да покарает их Зевс, покровитель молящих, который
Зорко следит за людьми и всем погрешившим отмщает!
Дай-ка, однако, взгляну на богатства свои, подсчитаю, —
Не увезли ли чего в своем корабле они полом?»
Так он сказал и считать тазы и треножки начал,
Золото в тонких изделиях, прекрасные тканые платья.
В целости все оказалось. В жестокой тоске по отчизне
Стал он бродить по песку близ немолчно шумящего моря,
Скорбью безмерной крушась. Подошла к нему близко Афина,
Юноши образ приняв, овечье пасущего стадо,
Нежного видом, какими бывают властителей дети.
Плащ двойной на плечах ее был превосходной работы;
Было копье у нее, в сандалях блестящие ноги.
Радость при виде ее взяла Одиссея, Навстречу
Деве пошел он и громко слова окрыленные молвил:
«В местности этой, о друг, с тобой повстречался я с первым.
Здравствуй! Прошу я тебя, не прими меня с сердцем
недобрым,
Но сбереги мне вот это, спаси и меня. Я как богу
Жарко молюся тебе и к коленям твоим припадаю.
Также и вот что скажи мне вполне откровенно, чтоб знал я:
Что за земля? Что за край? Что за люди его населяют?
Остров ли это какой-нибудь, издали видный, иль в море
Мысом далеко врезается здесь материк плодородный?»
Так отвечала ему совоокая дева Афина:
«Глуп же ты, странник, иль очень пришел к нам сюда

издалека,

Если расспрашивать вздумал об этой земле. Не совсем уж
Так неизвестна она. Ее очень многие знают
Как среди тех, кто лицом к заре обитает и к солнцу,
Так и среди тех, кто живет назади, к туманам и мраку.
Сильно скалиста она, в повозке на ней не проедешь,
Но не совсем уж бедна, хоть пространством не очень

обширна.

Вволю хлеба на ней, и вволю вина там родится,
Ибо дожди выпадают нередко и росы обильны.
Пастбищ много прекрасных для коз и коров. И леса есть
Всякого рода. И много на ней водопадов богатых.
Имя Итаки, о странник, достигло наверно и Трои, —
А ведь она от ахейской земли, как я слышал, не близко». —
Так сказала. И в радость пришел Одиссей многостойкий.
Рад он был, что отчизна пред ним, как ему сообщила
Зевса эгидодержавного дочь, Паллада Афина.
Громко к ней со словами крылатыми он обратился,
Правды, однакоже, ей не сказал, удержал в себе слово —
Хитрости много всегда таилось в груди Одиссея:
«Слышал я об Итаке уж в Крите просторном, далеко
За морем. Нынче ж и сам я пределов Итаки достигнул,
Эти богатства забравши. Оставивши столько же детям,
Я убежал, умертвив быстроногого там Орсилоха,
Идоменея сына, на Крите широкопросторном
Всех трудящихся тяжело людей побеждавшего в беге, —
Из-за того, что отнять у меня все богатства хотел он,
В Трое добытые, ради которых так много страдал я
В битвах жестоких с мужами, в волнах разъяренного моря;
Из-за того, что отцу я его не хотел подчиниться,
В Трое служа у него, а отряд свой отдельный составил.
Медью его я убил, когда возвращался он с поля,
Возле дороги устроив с товарищем верным засаду.
Ночь непроглядная небо тогда покрывала, никто нас
Видеть не мог из людей, и тайно свершилось убийство.
Все же, как только его я убил заостренной медью,
К славным тотчас финикийцам бежал на корабль я и с

просьбой

К ним обратился, добычу богатую в дар предложивши.
Я попросил, на корабль меня взявши, отвезть или в Пилос,
Или в Элиду, божественный край многославных эпейцев;
Сила ветра, однако, от этих краев их отбила —
Против желания их: они обмануть не хотели.
Сбившись с дороги, сюда мы приехали позднею ночью.
В бухту с трудом мы на веслах корабль свой ввели, и, хоть

были

Голодны все, но никто об ужине даже не вспомнил.
Так, сойдя с корабля, близ него на песок и легли мы.
Сильно устал я, и сладостный сон на меня ниспустился.
А финикийцы богатства мои с корабля отгрузили
И на песок их сложили близ места того, где лежал я,
Сами ж в Сидонию, край хорошо населенный, отплыли.

На берегу я остался один с растерзанным сердцем». Так говорил он. В ответ улыбнулась богиня Афина И Одиссея рукою погладила, образ принявши Стройной, прекрасной жены, искусной в прекрасных работах. Громко со словом она окрыленным к нему обратилась: «Был бы весьма вороват и лукав, кто с тобой состязаться Мог бы в хитростях всяких; то было бы трудно и богу. Вечно все тот же: хитрец, ненасытный в коварствах! Ужели Даже в родной очутившись земле, прекратить ты не можешь Лживых речей и обманов, любимых тобою сызмальства? Но говорить перестанем об этом. Ведь оба с тобою Мы превосходно умеем хитрить. И в речах и на деле Всех превосходишь ты смертных; а я между всеми богами Хитростью славлюсь и острым умом. Ужели не узнал ты Дочери Зевса, Паллады Афины? Всегда ведь с тобою Рядом стою я во всяких трудах и тебя охраняю. Я же и сделала так, что понравился всем ты феакам. Нынче сюда я пришла, чтоб с тобой о дальнейшем подумать И чтоб сокровища спрятать, какие тебе на дорогу Славные дали феаки по мысли моей и совету, Также чтоб знал ты, какие судьба тебе беды готовит В доме твоём. Все должен ты вытерпеть, хочешь, не хочешь. Не проболтайся, однако, смотри, никому ни из женщин, Ни из мужчин, что домой из скитаний ты прибыл. Все муки Молча носи, подчиняясь насильям людей обнаглевших». Так Афине в ответ сказал Одиссей многоумный: «Трудно, богиня, тебя узнать человеку при встрече, Как бы он опытен ни был: со всяким сходна ты бываешь. Это крепко я помню, что ты мне была благосклонна Раньше, когда мы, ахейцев сыны, воевали под Троей. После того же как город высокий Приама мы взяли, Морем домой как отплыли и бог всех ахейцев рассеял, Больше тебя я не видел, Кронидова дочь, не заметил, Чтоб, на корабль мой взойдя, ты меня от беды защитила. С сердцем разбитым в груди я долго скитался, покуда Боги меня наконец от напастей решили избавить. Только когда очутился я в крае богатом феаков, Ты ободрила меня и в город сама проводила. Нынче ж во имя отца твоего умоляю; не верю Я, чтобы вправду в Итаку я прибыл; в другой здесь какой-то Я нахожусь стране, а ты надо мной посмеяться Только хотела, мне это сказав, чтоб меня одурачить! Вправду ль, скажи мне, я в землю родную к себе

возвратился?»

Так отвечала ему совоокая дева Афина:

«Дух в груди у тебя всегда, Одиссей, одинаков.

Вот почему и не в силах я бросить тебя, несчастливца.

Ты осторожен, умен, не теряешь присутствия духа.

С радостью всякий другой человек, воротившись из долгих

Странствий, домой поспешил бы, чтоб видеть детей и

супругу.

Ты же стремишься скорей обо всех расспросить и разведать.

Прежде жену испытать ты желаешь, которая стойко
И доме тебя ожидает. В печали, в слезах непрерывных
Долгие дни она там и бессонные ночи проводит.
Что ж до меня, то сомнения я никогда не имела,
Знала, что сам ты вернешься, хоть спутников всех потеряешь,
Но не хотелось мне с Посейдоном-владыкой бороться,
Дядею мне по отцу. К тебе он пылает жестоким
Гневом, злобясь на то, что сына его ослепил ты.
Дай же тебе покажу я Итаку, чтоб ты убедился.
Это вот старца морского Форкина залив пред тобою.
Там, где кончается он, длиннолистую видишь оливу?
Возле оливы — пещера прелестная, полная мрака.
Там святилище нимф; наядами их называют.
В этой просторной пещере со сводом высоким нередко
Нимфам ты приносил гекатомбы отборные в жертву.
Это вот — Нерит-гора, одетая лесом дремучим».
Разогнала тут богиня туман. Открылась окрестность.
В радость пришел Одиссей многостойкий, когда вдруг увидел
Край свой родной. Поцелуем припал он к земле жизнедарной,
Поднял руки потом и начал молиться наядам:
«Зевсовы дочери, нимфы наяды, я вас никогда уж
Больше увидеть не думал! Приветствую вас я молитвой
Радостной! Будем мы вам и дары приносить, как бывало,
Если добычица Зевсова дочь благосклонно допустит,
Чтобы остался я жив и чтоб сын мой возлюбленный вырос».
Снова сказала ему совоокая дева Афина:
«Не беспокойся! Теперь не о том ты заботиться должен.
Нужно сейчас же, теперь, в углублени чудесной пещеры
Все сокровища спрятать, чтоб в целости там оставались.
Сами ж подумаем, как бы получше нам действовать дальше».
Так сказала богиня и в мрак углубилась пещеры,
Ощупью в ней закоулки ища. Одиссей же ко входу
Золото стал подносить и прочную медную утварь,
Платья богатые — все, что ему подарили феаки.
Тщательно их уложила и вход заградила скалою
Дочь эгидодержавного Зевса, Паллада Афина.
Сели оба они у подножья священной оливы,
Стали обдумывать, как погубить женихов обнаглевших.
Первою речь начала совоокая дева Афина:
«Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!
Как укротить женихов тебе этих бесстыдных, подумай.
Держатся в доме твоём уж три года они господами,
Святаясь к равной богам Пенелопе и выкуп давая.
Та, все время тебя дожидаясь в глубокой печали,
Всем надежду дает, обещается каждому порознь,
Вести ему посылает, в уме же желает иное».
Так богине в ответ сказал Одиссей многоумный:
«Вот оно как! Предстояло и мне, значит, дома погибнуть,
Злую такую же участь приняв, как Атрид Агамемнон,
Если б всего наперед, богиня, ты мне не сказала.
Дай же мне мудрый совет, чтоб ведал я, как отомстить им.
Стой сама близ меня и дерзкую смелость внуши мне,

Как и в то время, когда разрушали твердыню мы Трои.
Если б ты мне и теперь, Совоокая, так помогала,
Я с тридцатью бы мужами в сраженье вступил в одиночку, —
Вместе с тобою, богиня, с твоей благосклонной подмогой».
Так отвечала ему совоокая дева Афина:
«Нет, не оставлю тебя и тебя не забуду, как только
Время наступит нам дело начать. Не один, полагаю,
Из женихов, достоянье твое поедających в доме,
Кровью своею и мозгом обрызжет широкую землю.
Дай-ка, однако, я сделаю так, чтоб тебя не узнали.
Сморщу прекрасную кожу твою на членах упругих,
Череп от русых волос обнажу и рубищем бедным
Плечи покрою, чтоб всякий глядел на тебя с отвращеньем.
Мутными станут глаза, такие прекрасные прежде,
Чтобы противным на вид ты всем женихам показался,
Как и оставленным дома тобою супруге и сыну.
Сам же ты прежде всего к свинопасу отправься, который
Ваших свиней стережет. Он привержен тебе неизменно.
Любит дитя он твое, Пенелопу разумную любит.
Возле свиней ты его и найдешь. А пасется их стадо
Подле Вороньей горы, вблизи родника Аретусы.
Воду черную там они пьют и едят в изобилии
Желуди дуба и все, от чего у них жир нарастает.
Там ты останься. Подсев, расспроси обо всем свинопаса,
Я же в Спарту, в город прекраснейших женщин, отправлюсь,
Чтоб Телемаха позвать, который к царю Менелаю
В Лакедемон, хоровыми площадками славный, поехал
Вести собрать о тебе, — существуешь ты где-нибудь, нет ли».
И, отвечая богине, сказал Одиссей многоумный:
«Зная всю правду, зачем же ее ты ему не сказала?
Не для того ль, чтоб и он натерпелся страданий, скитаясь
По беспокойному морю, добро ж его ели другие?»
Снова сказала ему совоокая дева Афина:
«Пусть чрезмерно тебя забота о нем не тревожит,
Я ведь сама провожала его, чтобы добрую славу
Этой поездкой добыл он. Без всяких лишений, спокойно
В доме Атрида сидит он и все в изобилии имеет.
Юноши, правда, его стерегут в корабле чернобоком,
Злую погибель готовя ему на возвратной дороге.
Но ничего не случится такого. Земля в себя раньше
Многих возьмет женихов, что богатства твои поедают».
Так сказав, к Одиссею жезлом прикоснулась Афина.
Сморщилась тотчас на членах упругих прекрасная кожа,
Череп от русых волос обнажился; и все его тело
Сделалось сразу таким, как у самого дряхлого старца.
Мутными стали глаза, такие прекрасные прежде.
Тело рубищем скверным одела его и хитоном —
Грязным, рваным, насквозь прокоптившимся дымом
вонючим.
Плечи покрыла большою облезлою шкурой оленьей.
Палку в руки дала Одиссею и жалкую сумку,
Всю в заплатках, в дырах, и перевязь к ней из веревки.

Так сговорившись, они разошлись. Афина в прекрасный
Лакедемон понеслась, чтоб вернуть Одиссеева сына.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Он же пошел каменистой тропинкою вверх от залива
Через лесистые горы, туда, как Афина сказала,
Где божественный жил свинопас, о делах господина
Пекшийся более всех домочадцев, рабов Одиссея.
Он застал свинопаса сидящим в сенях. Простирался
Двор перед ним широкий на месте, кругом защищенном.
Хижину всю окружал он. В небытность хозяина двор тот
Огородил для свиней свинопас, камней натаскавши,
У госпожи не спросясь, не спросясь и у старца Лаэрта.
Дикие груши венчали забор тот высокий из камня.
Крепким, густым частоколом из кольев дубовых обнес он
Всюду снаружи забор, от черной коры их очистив.
А за забором, внутри, двенадцать закут он настроил,
Тесно одну близ другой, для ночевки свиней. В те закуты
По пятьдесят запиралось привыкших по грязи валяться
Маток свиных. А самцы-кабаны ночевали снаружи,
Много поменьше числом: на пиры женихов боговидных
Сколько уж было зарезано их! Свинопас ежедневно
Самого лучшего им доставлял кабана из жирнейших.
Триста их шестьдесят кабанов налицо оставалось.
Звероподобные псы там лежали, свиней охраняя, —
Четверо. Выкормил их свинопас, над мужами начальник.
Сам к ступням он своим подошвы прилаживал, резал
Их из кожи бычачьей прекрасного цвета. Другие
Все пастухи по полям разошлись со свинными стадами,
Трое. Четвертому он принужден был отдать приказанье
В город к надменным пойти женихам и свинью привести им,
Чтобы, ее заколов, насытили дух они мясом.
Вдруг, увидав Одиссея, сбежались шумно собаки,
Лаем дающие знать о себе. Одиссей перед ними
Благоразумно присел, но из рук его выпала палка.
Тут он позорную боль испытал бы в своем же владеньи,
Но свинопас, на проворных ногах поспешая на помощь,
Кинулся вон из сеней. Из рук его выпала кожа.
Грозно крича на собак и часто бросая камнями,
Стаю он разогнал и так обратился к владыке:
«Чуть тебя, было, старик, не порвали внезапно собаки!
То-то бы этим доставил ты мне и стыда и позора!
Много мне боги других уж скорбей ниспослали и стонов.
Вот я сижу, о владыке своем богоравном горюю,
А кабанов ведь кормлю, чтобы их поедали другие!
Мой же хозяин голодный, по пище тоскуя, блуждает
По городам где-нибудь и по землям людей чужедальных,
Если он еще жив и видит сияние солнца.
Следуй за мною, старик, зайдем-ка под кров мой, чтоб сам ты,

Пищей насытивши дух и вином, рассказал мне, откуда
Ты приходишь, какие пришлось тебе вытерпеть беды». В хижину тут свинопас божественный ввел Одиссея. Введши, его посадил. Набросал зеленеющих веток. Шкурой косматой козла бородатого сверху застлал их, Бывшей постелью ему. И радость взяла Одиссея, Что свинопас его так принимает, и слово сказал он: «Дай тебе Зевс и другие бессмертные боги, хозяин, Все, чего ты желаешь, что так меня принял радушно!» Так, ему отвечая, Евмей-свинопас, ты промолвил: «Если б и хуже тебя кто пришел, не посмел бы я, странник, Гостем моим пренебречь. От Зевса приходит к нам каждый Странник и нищий. Хоть я и немного даю, но с любовью. Нам, рабам, поступать невозможно иначе: всегда мы В страхе бываем, когда хозяева власть получают Новые. Боги домой воротиться тому не судили, Кто сердечно меня бы любил и имущество дал бы — Дом, и участок земли, и желанную многим супругу, Все, чем хороший хозяин раба своего одаряет, Если он честно работал и боги ему помогали. Так и мои процветают дела, при каких состою я. Если б состарился здесь он, то многим меня наградил бы! Но — погиб он, как пусть бы погибло отроде Елены Все целиком, ибо многим она сокрушила колени! Он ведь тоже пошел, Агамемнона честь защищая, На Илион многоконный, чтоб против троянцев сражаться». Так Одиссею сказал свинопас и, хитон подпоясав, Быстро к закутам пошел, где стада поросят находились. Выбравши двух, он понес их оттуда, обоих зарезал, Их опалил, разрубил и, на вертелы части наткнувши, Сварил, понес к Одиссею и гостю горячее мясо Подал на вертелах, ячной мукою куски пересыпав. После медвяным вином деревянную чашу наполнил, Сам против странника сел и, его приглашая, промолвил: «Ну-ка, поешь, что для нас, для рабов, полагается, странник! Вот поросятинки съешь! Кабанов женихи поедают. Кары они не боятся, не знают и жалости в сердце. Дел нечестивых, однако, не любят блаженные боги; Добрые действия ценят они у людей, справедливость. Даже недобрые люди, которые рыщут повсюду По чужедальним краям, и Зевс им добычу дарует, И, нагрузив корабли, в отчизну свой путь они держат, — Сильный страх наказания и к ним забирается в сердце. Этим же что-то известно, какой-то божественный голос Им возвестил, что хозяин погиб, — и они не желают Ни сватовства, как прилично, вести, ни к себе возвратиться, А преспокойно достатки его поедают без счета. Сколько дней и сколько ночей существует у Зевса, — По голове или по две они никогда не зарежут. Также вино истребляют они совершенно без меры. Было скота у него без числа. Средь мужей благородных Столько никто не имел ни в Итаке самой, ни на черном

Материке. Даже двадцать мужей, если вместе их взять всех,
Столько богатств не имели. Я все их тебе перечислю.
На материк ты пойдешь — по двенадцать его там коровьих
Можешь стад увидеть, свиных, овечьих и козьих.
Их и чужие пасут и рабы самого господина.
А на Итаке — в конце ее самом — пасется вразброску
Козьих одиннадцать стад под надзором мужей превосходных.
Поочередно они пригоняют козла ежедневно
В город, из жирных козлов отобрав, кто покажется лучше.
Я же этих свиней тут пасу, охраняю от бедствий
И, наилучшую выбрав, ее женихам посылаю».
Так говорил он, а гость ел мясо усердно. И жадно
Пил. И молчал, женихам истребление в мыслях готовя.
После того как поел и дух укрепил себе пищей,
Чашу свою Одиссей вином искрометным наполнил
И протянул свинопасу. И тот ее с радостью принял.
Гость к нему со словами крылатыми так обратился:
«Друг мой, скажи ты мне, кто этот муж, что тобою владеет,
Столь несметно богатый и мощный, как ты утверждаешь?
Ты говоришь, что за честь Агамемнона в Трое погиб он.
Кто он, скажи мне. Быть может, его мне встречать
приходилось.

Знает один только Зевс и другие бессмертные боги,
Не сообщу ли о нем я чего: ведь скитался я много».
Так отвечал свинопас, начальник мужей, Одиссею:
«Нет, старик, ни один, с вестями сюда приходящий,
Веры не должен внушать бы ни сыну его, ни супруге.
Вечно бродяги, в надежде на лакомый кус и подарки,
Нагло ей лгут, не желая ни слова правдивого молвить.
Кто бы из этих бродяг на Итаку сюда ни явился,
Тотчас приходит к моей госпоже и без усталости врет ей.
Та же его угощает и слушает жадно рассказы,
Тяжко печалится сердцем, и с век ее падают слезы,
Как то обычно для жен, потерявших мужей на чужбине.
Стал бы, старик, ты и сам мастерить всевозможные сказки,
Если бы плащ и хитон кто-нибудь тебе дал, чтоб одеться.
Нет, наверно давно уж собаки и быстрые птицы
Кожу содрали с костей у него, и душа отлетела!
Либо он рыбами съеден морскими, а кости на взморье
В месте безвестном лежат, и песком занесло их глубоким.
Так он там и погиб. Друзьям же остались печали
Всем, а особенно мне. Нигде уж иметь не придется
Доброго мне господина такого, куда б ни пошел я, —
Если бы даже к отцу и к матери снова явился
В дом, где я родился, где когда-то был выкормлен ими.
Даже об них я не столько печалюсь, хоть очень хотел бы,
В крае родном побывав, увидеть их своими глазами.
Лишь об одном Одиссее тоскую я здесь непрерывно.
Просто по имени звать, хоть и нет его здесь, не дерзаю:
Слишком меня он любил и сердцем болел непрестанно.
Милым его я всегда называю, хоть он и далеко!»
Снова, ему отвечая, сказал Одиссей многостойкий:

«Друг мой! Так как ты все отрицаешь и очень уверен,
Что Одиссей не вернется, и дух твой всегда недоверчив...
Я, однако, не просто скажу, а с великою клятвой:
Он вернется домой! Награду ж за добрую весть мне
Дашь ты, как только вернется обратно и вступит он в дом
свой.

Платье прекрасное — плащ и хитон — ты тогда мне
подаришь.

Раньше я ничего не приму, хоть и очень нуждаюсь.
Мне ненавистны настолько ж, насколько ворота Аида,
Люди, которых нужда беззастенчиво лгать заставляет.
Будь мне свидетелем Зевс, потом этот стол твой радушный,
Этот очаг Одиссеев, к которому я сейчас прибыл, —
Все совершится воистину так, как тебе говорю я:
В этом году еще к вам Одиссей, ты увидишь, вернется!
Только что на небе месяц исчезнет и сменится новым,
В дом он вернется к себе и жестоко расправится с теми,
Кто унижает супругу его и блестящего сына».
Так, Евмей свинопас, ему отвечая, сказал ты:
«Ни награжденья тебе я не дам за хорошие вести,
Ни Одиссей к нам, старик, не вернется домой. Но спокойно
Пей, и начнем говорить о другом. А об этом не нужно
Напоминать мне. Печаль неизбывная мне заполняет
Сердце, как только мне кто о хозяине добром напомнит.
Нет, оставим-ка клятвы! Вернется ли, нет ли в Итаку
Царь Одиссей к нам, как все бы желали мы — я, Пенелопа,
Старый Лаэрт и подобный богам Телемах, — но печалюсь
Я неутешно о сыне теперь, что рожден Одиссеем, —
О Телемахе. Как нежная отрасль богами взращен он.
Я уже думал, что станет отца своего он не хуже
Между другими мужами осанкой и видом прекрасным,
Но повредил рассудительный дух его — бог ли какой-то
Иль человек: он поехал собрать об отце своем вести
В Пилос священный. Его возвращения в тайной засаде
Знатные ждут женихи, чтобы совсем уничтожить в Итаке
Даже и имя рода Аркейсия, равного богу.
Будет, однако, о нем: все равно, попадетсЯ ли он им
Иль ускользнет, и над ним прострет свою руку Кронион.
Ты же, старик, расскажи мне теперь о твоих злочлоченьях,
И расскажи обо всем совершенно правдиво, чтоб знал я:
Кто ты? Родители кто? Из какого ты города родом?
И на каком корабле ты приехал, какою дорогой
К нам тебя в гости везли корабельщики? Кто они сами?
Ведь не пешком же сюда, полагаю я, к нам добрался ты».
Вот что, ему отвечая, сказал Одиссей многоумный:
«Я на это тебе совершенно правдиво отвечу.
Если б мы оба с тобой запаслись на довольное время
Пищей и сладким питьем и, пируя все дни безмятежно,
В хижине этой сидели, другим предоставив работать, —
То и тогда нелегко бы в течение целого года
Было бы мне рассказать о моих тебе муках душевных, —
Сколько их всех перенес я по воле богов олимпийских!

С гордостью это скажу: из просторного Крита я родом.
Мужа богатого сын. Родилось и выросло в доме.
Много также других сыновей от законной супруги.
Мать же моя не законной была — покупною рабыней.
Но относился ко мне как к законнорожденному сыну
Сын Гилаков Кастор, и отцовством его я хвалясь.
Он в то время на Крите, как бог, почитался народом,
Был богат и удачлив, имел сыновей достославных.
Керы смерти, однако, пришли, и в обитель Аида
Ими он был унесен. Имущество все поделили
Гордые дети его, меж собой жеребьевку устроив.
Мне же не дали почти ничего, только дом уделили.
В жены, однакоже, дочь богатых людей мне досталась
За добродетель мою, ибо не был умом я ничтожен,
Не уклонялся от битв... Теперь это все миновало!..
Все же, взглянув на жнивье, по нему без труда ты узнаешь,
Что там за нива была: извели меня только несчастья.
Дерзкой отвагой меня одарили Арес и Афина.
С силой ряды прорывал я. Храбрейших товарищей выбрав,
С ними в засаду я шел, беду для врагов замышляя.
Мыслью о смерти мое никогда не тревожилось сердце.
Первым бросаясь вперед, поражал я копьем моим острым
В поле противника, мне уступавшего ног быстротою.
Был таким я в боях. Полевых же работ не любил я,
Как и домашних забот, процветание детям несущих.
Многovesельные были всегда корабли мне желанны,
Битвы, и гладкие копья, и острые медные стрелы.
Грозные ужасы эти, других приводящие в трепет, —
Мне они нравились. Боги любовь к ним вложили мне в сердце.
Люди несходны: те любят одно, а другие — другое.
Прежде еще, чем ахейцев сыны появились под Троей,
Девять уж раз на судах быстроходных с мужами ходил я
В страны мужей чужеземных. И там добывал я немало:
Много и сам выбирал из добычи, по жребию также
Многое мне доставалось. И дом у меня умножался.
Страх и почтение стал вызывать я повсюду на Крите.
После ж того как Зевес протяженно гремящий замыслил
Гибельный этот поход, колени расслабивший многим,
Славному Идоменею и мне с ним поручено было
К Трое вести корабли. Отказаться никак не возможно
Было бы мне: пересуды и толки пошли бы в народе.
Девять лет мы, ахейцев сыны, воевали под Троей.
В год же десятый, как город высокий Приама мы взяли,
Морем домой мы отплыли, и бог всех ахейцев рассеял.
Мне, несчастному, злое замыслил Кронид-промыслитель.
Месяц лишь дома провел я с детьми и с законной женою,
Радуясь сердцем на них, на богатства мои. А чрез месяц
Вдруг потянуло меня в Египет поехать, хороших
В путь заготовив судов и товарищей взяв богоравных.
Девять судов снарядил я. Народ собирался недолго.
Шесть после этого дней они у меня непрерывно
Пир пировали. И жертвенный скот доставлял в изобилии

Я и для жертвы богам и на пищу товарищам милым.
В день же седьмой, взойдя на суда, от пространного Крита
Мы при попутном поплыли стремительном северном ветре.
Как по теченью, легко мы неслись. Никаких повреждений
Не потерпели суда. Безопасны, спокойны, сидели
Мы на скамьях. Рулевые и ветер суда направляли.
Дней через пять мы достигли прекрасных течений Египта.
Там, на Египте-реке, с кораблями двуххвостыми стал я.
Прочим спутникам верным моим приказал я на берег
Вытащить все корабли и самим возле них оставаться,
А соглядатаев выслал вперед, на дозорные вышки.
Те же в надменности духа, отваге своей отдаваясь.
Ринулись с вышек вперед, прекрасные нивы египтян
Опустошили, с собой увели их супруг и младенцев,
Их же самих перебили. До города крики достигли.
Крики эти услышав, египтяне вдруг появились
С ранней зарею. Заполнилось поле сверканием меди,
Пешими, конными. Зевс-молнелюбец трусливое бегство
В сердце товарищам бросил. Никто не посмел оставаться.
Ставши лицом ко врагу. Отовсюду беда нам грозила.
Многих из нас умертвили они заостренною медью,
Многих живьем увели, чтоб трудились на них подневольно.
Мне же в сердце вложил сам Зевс такое решенье.
О, почему не настиг меня смерти погибельный жребий
Там же, в Египте! Готовилось мне уже новое горе!
Прочно сработанный шлем немедленно снял с головы я,
Снял и щит свой с плеча, копьё медноострое бросил,
Кинулся быстро навстречу царевым коням и колени
Начал царю целовать. Меня пожалел, защитил он
И, проливавшего слезы, увез к себе в дом в колеснице.
Многие смерти меня порывались предать, набегая
С острыми копьями. Злы на меня они были безмерно.
Но защитил меня царь, трепеща перед гневом Кронида —
Гостеприимца, который жестоко карает нечестье.
Семь непрерывно я пробыл там лет, и немало сокровищ
Между египтян собрал. Давали они мне охотно.
После того же как год и восьмой, приближаясь, пришел к нам,
Прибыл в Египет тогда финикиец коварный и лживый,
Плут, от которого очень немало людей пострадало.
Умною речью меня убедил он, чтоб с ним в Финикию
Все мы отправились, где у него и дома и богатства.
Жил я там у него в продолжение целого года.
Месяц один за другим протекал, и дни убегали,
Год свой круг совершил, и снова весна воротилась.
В Ливию взял он меня на своем корабле мореходном,
Выдумав, будто затем, чтоб помочь ему груз переправить,
Вправду ж затем, чтоб меня там продать за огромную плату.
Хоть и предчувствовал я, но все ж поневоле поехал.
Быстро корабль наш бежал под Бореем прекрасным и
сильным.

Мимо Крита он плыл. Но Зевс им задумал погибель:
После того как оставили Крит позади мы и больше

Не было видно земли никакой, а лишь небо да море,
Черную тучу внезапно простер молневержец Кронион
Над кораблем нашим полым. И море под ней потемнело.
Бешено Зевс загремел и молнию бросил в корабль наш.
Молнией Зевса сраженный, в волнах наш корабль закрутился.
В воздухе серой запахло. Попадали спутники в море.
Словно вороны, вокруг корабля они стаей носились
В бурных волнах. Божество возвращенья домой их лишило.
Мне же Зевс — от ужаса сам я совсем растерялся —
От корабля черноносого мачту огромную в руки
Быстро подсунул, чтоб мог я несчастья еще раз избежать.
К ней я прильнул, и меня подхватили губящие ветры.
Девять носился я дней, на десятый же, черною ночью,
В землю феспротов меня пригнали огромные волны.
Был радушно я принят царем их, героем Федоном, —
Даром. Набрел на меня его сын, когда на песке я,
Окоченевший, лежал, смиренный усталостью смертной.
Под руку взял он меня и довел до отцовского дома.
В доме он тотчас вручил мне и плащ и хитон, чтоб одеться.
Об Одиссее я там услышал. Федон сообщил мне,
Что Одиссей у него здесь гостил по дороге в отчизну.
Мне и богатства, какие собрал Одиссей, показал он:
Золото, медь и железо, для выделки трудное. Это
Десять могло бы кормить поколений у мужа иного, —
Столько в доме у него лежало сокровищ владыки.
Про Одиссея ж сказал, что сам он в Додону поехал,
Чтоб из священного дуба услышать вещание Зевса:
Как вернуться ему на тучные земли Итаки, —
Явно ли, тайно ли, раз он так долго на родине не был?
Мне самому поклялся он, свершив возлияние в доме,
Что и корабль уже спущен и люди совсем уж готовы,
Чтоб отвезти Одиссея в желанную землю родную.
Раньше, однако, меня он отправил. Случайно в то время
Ехал феспротский корабль в Дулихий, богатый пшеницей.
Им поручил он меня доставить к владыке Акасту
Бережно. Злая, однакоже, мысль в отношении меня им
Сердце прельстила... До грани мои не дошли еще беды!
Только что наш мореходный корабль от земли удалился,
Тотчас замыслили мне они рабские дни приготовить.
Всю одежду с меня — и плащ и хитон мой — сорвали,
Бросив на плечи другой мне хитон и дрянные лохмотья
Рваные — видишь и сам ты теперь их своими глазами.
Вечером прибыл корабль к издалека заметной Итаке.
Тут связали они в корабле прочнопалубном крепко
Прочно сплетенной веревкой меня. Торопливо спустились
На берег сами и ужинать стали близ самого моря.
Сами боги, однако, веревки на мне развязали
Очень легко. К голове лохмотья свои привязавши,
По рулевому веслу с корабля я спустился и в воду
Грудь погрузил. И, руками обеими гладь рассекая,
Поплыл. Скоро я был уж далеко от них и из моря
Вышел, где в роще цветущей кустарник густой простирался.

Там я, приникши, лежал. Они невдали пробегали,
Громко крича. Наконец показалось им бесполезным
Дальше искать. Воротились обратно они на корабль свой.
Сами бессмертные боги меня от погони укрыли
Очень легко. И меня привели они прямо к жилищу
Мужа разумного. Видно, не время еще умирать мне!»
Так, ему отвечая, Евмей свинопас, ты промолвил:
«Сильно меня взволновал ты, меж странников самый
несчастный,

Все рассказавши, и как ты страдал и как ты скитался!
Про Одиссея же, думаю я, рассказал ты неправду,
Разубедить меня в этом не сможешь. И что за охота
Так тебе на ветер врать? Прекрасно и сам ведь я знаю:
Мой не вернется хозяин. Жестоко его ненавидят
Боги: его укротили они не в бою средь троянцев,
Не на руках у друзей он скончался, с войны воротившись.
Был бы насыпан тогда всеахейцами холм над умершим,
Сыну б великую славу на все времена он оставил.
Ныне ж сделался он бесславной добычей Гарпий.
Уединенно я возле свиней тут живу. Не хожу я
В город, — разве когда Пенелопа разумная в дом свой
Мне явиться велит, чтоб пришедшие вести послушать.
Гостя обсевши, его засыпают вопросами жадно
Те, кто от сердца скорбит об отсутствии долгом владыки,
Также и те, кто богатства его поедает бесплатно.
Мне ж эти спросы-расспросы не милы с тех пор, как однажды
Лживым рассказом своим обманул меня муж-этолиец.
Он человека убил, по различнейшим землям скитался,
В дом мой пришел, и его я радушно, как странника, принял.
С Идоменеем на Крите он будто б видал Одиссея.
Там свои корабли он чинил, поврежденные бурей.
Он уверял, что иль к лету, иль к осени к нам он вернется,
Много сокровищ везя, и товарищи все его с ним же.
Раз уж, несчастный старик, и тебя божество мне послало,
Ложью мне не мечтай угодить, не морочь головы мне.
Я тебя не за это почту, не за это привечу,
Но о тебе сожалея и Зевса страшась гостелюбца».
Так свинопасу в ответ сказал Одиссей многоумный:
«Вот до чего ведь в груди у тебя недоверчиво сердце!
Не убедить мне тебя. Даже клятвой тебя я не сдвинул!
Ну, так давай заключим договор, и пускай нам обоим
Вечные боги, владыки Олимпа, свидетели будут:
Если в жилище свое сюда господин твой вернется,
В плащ ты оденешь меня и в хитон и доставишь возможность
Мне на Дулихий попасть, куда собрался я поехать.
Если же он, вопреки утвержденьям моим, не вернется,
Слуг собери и вели им с высокой скалы меня сбросить,
Чтоб ни один попрошайка вперед не посмел надувать вас».
Так Одиссею в ответ свинопас божественный молвил:
«Странник, хорошую б славу меж всеми людьми получил я
За добродетель свою — и теперь и в грядущее время, —
Если бы, в дом свой приняв и гостинцев тебе подаривши,

Вслед бы за этим тебя умертвил я и духа лишил бы!
С чистым бы сердцем тогда я молился Крониону-Зевсу!..
Ужинать время. Скорей бы товарищи с поля вернулись!
Вкусный ужин тогда мы в хижине здесь приготовим».
Так Одиссей и Евмей меж собою вели разговоры.
Скоро пришли со своими стадами мужи-свинопасы.
Стали свиней для ночевки они загонять. С несказанным
Визгом и хрюканьем свиньи, тесняся, вбегали в закуты.
Кликнув товарищей, так свинопас им божественный молвил:
«Дайте-ка борова нам пожирнее! Его я зарежу,
Чтоб угостить чужеземца. А с ним угостимся и сами!..
Из-за свиней белозубых немало трудов тут несем мы.
Все же наши труды, не платя, поедают другие!»
Кончивши, начал колоть он дрова некрушимою медью.
Был приведен пятилетний от сала лоснящийся боров.
Близ очага пастухи поместили его. Свинопас же
Не позабыл о бессмертных: имел он хорошие мысли.
Волосы срезал со лба белозубого борова, бросил
Их, как начатки, в огонь и всем помолился бессмертным,
Чтобы вернулся в отчизну к себе Одиссей многоумный.
Борова после того он дубовым поленом ударил.
Прочь отлетела душа. Прикололи его, опалили,
Быстро рассекли на части. Тогда свинопас, по кусочку
Мяса сырого от каждого члена на жир положивши,
Все это бросил в огонь, посыпав ячменной мукою.
Прочее все на куски разделили, наткнули на прутья,
Сжарили их осторожно и, с прутьев потом снимавши,
Кучею бросили их на столы. Свинопас же поднялся
Мясо делить: он обычаев был знатоком превосходным.
На семь частей разделив, разложил он готовое мясо.
Часть одну отложил, помолившись, для нимф и Гермеса,
Сына Майи, а прочие шесть поделил меж сидевших.
А Одиссею длиннейшей хребетною частью кабаньей
Честь особо воздал и порадовал сердце владыке.
Громко к нему обратясь, сказал Одиссей многоумный:
«О, если б стал ты, Евмей, родителю нашему Зевсу
Столько же милым, как мне, что такой мне почет воздаешь
ты!»

Ты, Евмей свинопас, ему отвечая, промолвил:
«Ешь-ка, странный мой гость, и тем, что стоит пред тобою,
Дух услаждай свой. Одно нам дает, а другого лишает
Бог по воле своей и желанию: все ведь он может».
В жертву вечно живущим богам принес он начатки
И, совершив возлиянье из чаши вином искрометным,
Чашу вручил Одиссею и сел перед собственной долей.
Хлеб разделил между ними Месавлий, которого куплей
Сам свинопас приобрел в небытность хозяина дома,
У госпожи не спросясь, не спросясь и у старца Лаэрта.
Он за собственный счет его приобрел у тафосцев.
Руки немедленно к пище готовой они протянули.
После того как желанье питья и еды утолили,
Хлеб Месавлий убрал. Насытившись мясом и хлебом,

Все пастухи поднялись и стали ко сну собираться.
Ночь плохая пришла, без луны. Дождил непрерывно
Зевс. И западный ветер ярился, всегда дожденосный.
И сказал Одиссей, испытать свинопаса желая,
Не принесет ли ему он плаща — иль с себя его снявши,
Или с кого из других: ведь о госте он пекся усердно.
«Слушай, Евмей, и послушайте все вы, товарищи! Делом
Я перед вами одним похвалиться желаю. Разум
Мне замутило вино. Заставляет оно и разумных
Петь, блаженно смеяться, пускаться в веселую пляску
И говорить про такое, про что помолчать надлежало б.
Раз я, однако, уж начал болтать, то все расскажу вам.
О, если б молод я был и был бы силен, как в то время,
Как мы под Троей засаду устроили целым отрядом!
Были вождями отряда того Одиссей с Менелаем,
Третьим начальником был там и я, по их приглашенью.
После того как к высоким стенам городским подошли мы,
В частом кустарнике мы залегли, от стены недалеко,
Средь камышей на болоте, припавши к земле под щитами.
Ночь плохая пришла. Морозистый северный ветер
Дул на землю. Из туч посыпался клочьями шерсти
Снег, и щиты хрусталем от мороза подернулись тонким.
Все остальные, имея с собой и плащи и хитоны,
Спали себе преспокойно, щитами покрыв себе плечи.
Я же, туда отправляясь, товарищам плащ свой оставил.
Глупость я сделал, не думал, что мерзнуть мне ночью
придется,

А захватил только щит на дорогу да пояс блестящий.
Ночи была уж последняя треть, и созвездья склонились.
Тут я сказал Одиссею, лежавшему рядом со мною,
Локтем его подтолкнув, — и меня он мгновенно услышал;
— Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!
Мне в живых уж не быть близ тебя! Одолел меня холод.
Нет плаща у меня. Злой бог меня надоумил
Только в хитоне пойти. А сейчас наступила вдруг стужа.
Так говорил я. И вот что в уме своем тут он придумал, —
Был всегда он таков, — и в разумных советах и в битвах.
Близко ко мне наклонясь, прошептал он мне в самое ухо:
— Тише! Молчи, чтоб какой-нибудь нас не подслушал
ахеец! —

Голову после того рукою подпер и промолвил:
— Слушайте! Нынче, друзья, божественный сон мне явился.
Слишком далеко зашли мы от наших судов. Не пойдет ли
Кто к Агамемнону, сыну Атрея, владыке народов,
Чтобы побольше товарищей к нам он отправил на помощь? —
Сын Андремонов Фоант, слова Одиссея услышав,
С места поспешно вскочил, пурпурный плащ с себя скинул
И побежал к кораблям. А я в его плащ завернулся
И с наслажденьем проспал до восхода зари златотронной.
О, если б молод я был и был бы силен, как бывало!
Кто-нибудь дал бы наверно теперь мне на стойбище этом
Плащ — из почтения к делам удальца, из радушия к гостю.

Нынче же всякий меня презирает за эти лохмотья!»
Ты, Евмей свинопас, в ответ Одиссею промолвил:
«Был прекрасен, старик, рассказ твой, услышанный нами.
Кстати все были слова. Ни единого лишнего слова.
Ты ни в одежде нужды не увидишь, ни в чем-либо прочем,
Что несчастливцам обычно дают, о защите молящим, —
Нынче. Но завтра опять на тебе затрясутся лохмотья.
Нет у нас много плащей, не имеется лишних хитонов,
Чтобы одеть тебя здесь: по одной мы имеем одежде.
После того как обратно воротится сын Одиссеев,
Сам он и плащ тебе даст и хитон, чтобы мог ты одеться,
И отошлет, куда тебя дух понуждает и сердце».
Так сказал он и встал, кровать к очагу пододвинул,
Мягких шкур на нее набросал и овечьих и козых.
Лег Одиссей на постель. Покрыл свинопас его сверху
Теплым широким плащом, который имел наготове,
Чтоб надевать, если вдруг жестокая стужа настанет.
Так уложил свинопас Одиссея. Вокруг улеглись
Прочие все пастухи молодые. Не по сердцу было
Лишь свинопасу меж них ночевать, от свиней в отдалении.
Стал он собираться наружу идти. Одиссею приятно
Было, что так без него об его он хозяйстве печется.
Острый меч он сперва на крепкие плечи набросил,
В плащ оделся густой и косматый в защиту от ветра,
Шкуру козла, большого и сытого, сверху накиннул
И, захвативши копье, чтоб от псов и мужей защищаться,
В место пошел ночевать, где его белозубые свиньи
Спали под сводом скалы, защищенным от ветра Борея.

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

В Лакедемон прибыла, хоровыми площадками славный,
Дева Афина, чтоб сыну царя Одиссея напомнить
О возвращеньи домой и понудить скорее покинуть
Лакедемон. Телемах и Несторов сын благородный
Оба ночь проводили в сенях Менелаева дома.
Мягким объятого сном застала она Несторида.
Но Телемахом живительный сон не владел совершенно.
Скорьбь о милом отце всю ночь ему спать не давала.
Близко став перед ним, сказала богиня Афина:
«Нехорошо, Телемах, от дома вдали находиться!
Дома имущество бросил ты все и людей, бесконечно
Наглых. Съедят, берегись, они все у тебя достоянье,
И бесполезным окажется путь, совершенный тобою.
Ты попроси Менелая тебя отпустить поскорее,
Чтобы ты дома еще безупречной застал Пенелопу.
Уж и отец и родимые братья ее убеждают
За Евримаха идти. Подарками он превосходит
Всех остальных женихов и выкуп готов увеличить.
Как бы не стала из дома добро выносить Пенелопа.

Знаешь и сам хорошо, какое у женщины сердце:
Думает больше, чтоб дом у нового мужа устроить.
Что же до прежних детей и умершего первого мужа,
Больше не помнит о них и знать ничего не желает.
Так воротись же домой и надзор поручи за делами
Той рабыне, какую сочтешь наилучшей, покуда
Вечные боги тебе не укажут супруги прекрасной.
Слово другое тебе я скажу, и прими его к сердцу:
Средь женихов наиболее отважные в тайной засаде
Ждут в проливе тебя меж Итакой и Замом скалистым,
Злую погибель готова тебе на возвратной дороге.
Но ничего не случится такого. Земля в себя раньше
Многих возьмет женихов, что богатства твои поедают.
Все ж с кораблем от обоих держись островов в отдалении,
Мимо их ночью пройди. Пошлет тебе ветер попутный
То божество, что стоит при тебе и тебя охраняет.
После того как доедешь до первого мыса Итаки,
В город отправь и товарищей всех и корабль равнобокий.
Сам же прежде всего к свинопасу отправься, который
Ваших свиней стережет. Он привержен тебе неизменно.
Там ты ночь проведешь. А ему прикажи без задержки
В город пойти к Пенелопе разумной и весть сообщить ей,
Что невредимым обратно из Пилоса ты воротился».
Так сказав, на высокий Олимп удалилась Афина.
Быстро тогда Несторида из сладкого сна пробудил он,
Пяткой толкнувши его, и с речью к нему обратился:
«Эй, проснись, Несторид! Запряги-ка коней быстроногих,
Их под ярмо подведя, чтоб могли мы пуститься в дорогу».
Но Несторид Писистрат, ему возражая, ответил:
«Как бы с тобой, Телемах, ни спешили мы, все ж невозможно
Ехать чрез темную ночь. Заря ведь совсем уже близко.
Лучше тебе подождать, чтоб дары положил в колесницу
Славный копьем Менелай, герой Атреид благородный,
И отпустил нас домой, напутствовав ласковой речью.
В памяти будет на все времена оставаться у гостя
Гостеприимный хозяин, его принимавший радушно».
Только успел он сказать и пришла златотронная Эос.
Близко к гостям подошел Менелай могучеголосый,
Вставший с постели, в которой с Еленою спал пышнокозой.
Только его увидал возлюбленный сын Одиссеев,
Тело себе он облек блистающим ярко хитоном,
Плащ на могучие плечи накинул, просторный и длинный,
Вышел вон из сеней навстречу ему и промолвил:
«Богом возвращенный Атрид Менелай, повелитель народов!
Уж отпусти ты меня в отчизну мою дорогую,
Уж порывается дух мой домой поскорее вернуться!»
Звучноголосый тогда Менелай Телемаху ответил:
«Милый сын Одиссея-владыки, подобного богу:
Я тебя здесь, Телемах, задерживать долго не буду,
Раз ты уехать желаешь. И сам негодую на тех я
Гостеприимных людей, которые любят чрезмерно
И ненавидят чрезмерно. Во всем предпочтительна мера.

Нехорошо и к отъезду гостей понуждать против воли,
Нехорошо и удерживать тех, кто желает уехать.
Гость к тебе в дом — принимай; если хочет уйти — не
препятствуй...

Но погоди, я подарки тебе положу в колесницу.
Ты осмотри их, а женщинам я повелю приготовить
Вам обед из запасов, какие имеются в доме.
Слава и блеск для меня и польза для вас, если оба
Сытые двинетесь вы в просторы земли беспредельной.
Если же хочешь объездить Элладу, проехать чрез Аргос,
Спутником сам тебе буду; лишь дай мне запрячь колесницу.
Многих людей, города покажу я. Никто не отпустит
Нас с пустыми руками, а даст кое-что нам с собою —
Или котел, иль прекрасный какой-нибудь медный треножник,
Или из золота чашу, иль пару выносливых мулов».
Так Менелаю в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Богом возвращенный Атрид Менелай, повелитель народов!
Мне бы хотелось вернуться к себе. Уезжая из дома,
Все достоянье мое оставил я там без надзора.
Как бы, стараясь отца разыскать, и сам не погиб я
Или б в дому у меня не погибли большие богатства!»
Это едва услышал Менелай могучеголосый,
Тотчас супруге своей и рабыням велел приготовить
Им обильный обед из запасов, имевшихся в доме.
Тут к Менелаю Атриду приблизился вставший с постели
Етеоней, Боефоем рожденный: он жил недалеко.
Царь ему поручил огонь разложить и поджарить
Мясо на вертеле. Тот, услышавши, охотно исполнил.
Сам же царь Менелай в покой благовонный спустился,
Но не один. С ним вместе Елена пошла с Мегапенфом.
После того как пришел, где богатства его находились,
Взял двуручную чашу Атрид Менелай, Мегапенфу ж,
Сыну, взять приказал кратер превосходной работы,
Из серебра. К сундуку подошла в это время Елена.
Много там пеплосов было узорных ее рукоделья.
Выбрав один, понесла его свет между женщин Елена, —
Самый большой и узорным шитьем наиболее прекрасный,
Светом подобный звезде; на дне он лежал под другими.
Выйдя, они к Телемаху пошли через комнаты дома,
И Одиссееву сыну сказал Менелай русокудрый:
«Пусть возвращенье домой, Телемах, как ты сердцем
желаешь,

Так и устроит тебе супруг громомечущий Геры!
Дам я подарок, который давно уж лежит в моем доме,
Самый прекрасный меж всеми подарками, самый почетный.
Дам я в подарок тебе кратер превосходной работы;
Из серебра он отлит, а края у него золотые.
Сделан Гефестом. Его подарил мне Федим благородный,
Царь сидонцев, когда его дом при моем возвращении
Всех нас радушно покрыл. Кратер тот тебе подарю я».
Так промолвил Атрид и вручил ему кубок двуручный.
Дюжий меж тем Мегапенф принес на себе и поставил

Пред Телемахом на землю кратер, большой и блестящий,
Из серебра. Подошла и прекрасная ликом Елена,
Пеплос неся на руках, и, назвав Телемаха, сказала:
«Этот подарок тебе от меня, возлюбленный сын мой!
Вспомни Еленины руки, когда это платье наденет
В свадебный час многожданный невеста твоя. А покамест
Матери дай его спрятать. А ты у меня возвращайся,
Радуйся, в дом твой прекрасный и в милую землю родную».
Так сказавши, вручила ему. Он с радостью принял.
Взял Писистрат благородный подарки и все в колесничный
Кузов сложил, с удивлением их перед тем оглядевши.
В дом свой обоих гостей повел Менелай русокудрый.
Все, войдя во дворец, расселись по креслам и стульям.
Тотчас прекрасный кувшин золотой с рукомойной водою
В тазе серебряном был перед ними поставлен служанкой
Для умывания. После расставила стол она гладкий.
Хлеб положила пред ними почтенная ключница, много
Кушаний разных прибавив, охотно их дав из запасов.
Мясо же Боефоид на части разрезал и роздал.
Был виночерпием сын Менелая, покрытого славой.
Руки немедленно к пище готовой они протянули.
После того как желанье питья и еды утолили,
Оба они — Телемах и Несторов сын благородный —
Быстрых коней запрягли и, на пеструю став колесницу,
Прямо от дома к воротам поехали портиком звонким.
Следом за ними пошел Атрид Менелай русокудрый,
Чашу держа золотую с искристым вином медосладким
В правой руке, чтоб пустились в дорогу, свершив возлиянье.
Пред колесницею стал и, приветствуя путников, молвил:
«Радуйтесь, юноши! Также и Нестору, пастырю войска,
Мой передайте привет! Со мною был добр, как отец, он
В те времена, как ахейцев сыны воевали под Троей».
Так Менелаю в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Да, конечно, питомец Зевеса, — как только приедем,
Все я ему сообщу, что сказал ты. О, если бы также
Я, возвратившись в Итаку и дома застав Одиссея,
Мог и ему рассказать, с какою меня ты любовью
Принял, какие и сколько подарков с собою везу я!»
Так говорил он. И вдруг орел над ними пронесся
Справа. В когтях он держал огромного белого гуся.
Был на дворе он им пойман. Мужчины и женщины следом
С криком бежали. Орел, подлетев к колеснице, направо
Перед конями метнулся. Они, как увидели это,
В радость пришли, и в груди разгорелось у каждого сердце.
Несторов сын Писистрат к Менелаю тогда обратился:
«Зевсов питомец, владыка мужей, Менелай, объясни нам,
Божие знаменье это к тебе ли относится, к нам ли?»
Молча стоял Менелай, любимец Ареса, и думал,
Как разъяснить без ошибки все то, что пред ними случилось.
Но, упреждая его, сказала царица Елена:
«Слушайте! Я истолкую, какое об этом имеют
Мнение боги и как, полагаю я, все совершится.

Так же, как этот орел похитил домашнего гуся,
С гор прилетевши, где сам родился и птенцов своих вывел,
Так Одиссей, истомленный страданиями, много скитавшись,
В дом свой вернется и месть совершит. А быть может, уж там
он,

Дома, и всем женихам насаждает ужасную гибель».
Ей на это в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Если б решил это так супруг громомечущий Геры,
Я бы и там у себя молился тебе, как богине!»
Так сказавши, стегнул лошадей он. Стремительно кони
С топотом громким помчались вперед через город к равнине.
Целый день напролет, сотрясая ярмо, они мчались.
Солнце тем временем село, и тенью покрылись дороги.
Прибыли в Феры они и заехали в дом к Диоклею.
Был он сын Ортилоха, рожденного богом Алфеем.
Там они ночь провели, и он преподнес им гостинцы.
Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.
Гости коней запрягли и, на пеструю став колесницу,
Прямо от дома к воротам поехали портиком звонким.
Там хлестнул лошадей Писистрат, и они полетели.
В Пилос скоро приехали путники, в город высокий.
К сыну Нестора с речью тогда Телемах обратился:
«Не согласишься ли ты, Несторид, обещать мне исполнить
Просьбу мою? Ведь давно мы по дружбе отцовской старинной
Гости друг другу. С тобою ровесники мы и годами.
А с путешествием этим еще мы становимся ближе.
Вон мой корабль! Ссади меня там. Не вези меня дальше.
Как бы старик, я боюсь, меня угостить пожелавши,
Не задержал у себя. А ехать мне нужно скорее».
Так он сказал. Несторид обдумывать стал в своем духе,
Как бы получше ему исполнить свое обещанье.
Вот что, тщательно все обсудив, наилучшим признал он:
Поворотил лошадей к кораблю быстроходному, к морю,
Там на корму корабля подарки прекрасные вынес —
Золото, платье и все, что дал Менелай Телемаху,
И, ободряя его, слова окрыленные молвил:
«Ну-ка, всходи поскорей на корабль, и товарищи также,
Раньше, чем, в дом воротясь, обо всем старику расскажу я.
Я хорошо это знаю — и сердцем и духом я знаю:
Очень он духом настойчив, тебя ни за что не отпустит,
Явится сам приглашать и навряд ли к себе возвратится
В дом без тебя. Но сердиться во всяком он случае будет».
Так сказавши, погнал Писистрат лошадей густогривых
В город пилосцев обратно и до дому скоро доехал.
А Телемах, побуждая товарищей, так приказал им:
«На корабле нашем черном готовьте, товарищи, снасти,
Сами ж взойдем на корабль. Пора отправляться в дорогу».
Так говорил он. Охотно приказу они подчинились,
Быстро взошли на корабль и на лавки к уключинам сели.
Он пред кормой корабельной молился Афине и жертву
Ей приносил. В это время к нему подошел незнакомец,
Муж чуждедальный. Бежал он из Аргоса, мужа убивши.

Был прорицателем. Род же свой вел от Мелампа, который
В овцепитательном Пилосе некогда жил, выдавался
Между пилосцев других и богатством и домом прекрасным.
Скоро в другую страну он уехал, бежав из отчизны
Прочь от лихого Нелея, славнейшего между живущих.
Многим его достояньем Нелей в продолжение года
Силой в то время владел, как Меламп у Филака в жилище
В тяжких оковах лежал, большим подвергаясь страданьям:
Дочь Нелея решил он добыть в ослеплении тяжком,
Вложенном в сердце ему эриннией, грозной богиней.
Керы, однако, избег он и в Пилос пригнал из Филаки
Громко мычащих коров. Отомстил он владыке Нелею
За нехороший поступок его. Привел и супругу
Брату любимому, сам же в другую страну удалился,
В Аргос конебогатый: судьбой предназначено было
Жить ему в этой стране повелителем многих аргосцев.
Там он женился и дом себе выстроил с кровлей высокой.
Мощных сынов, Антифата и Мантия, на свет родил он.
У Антифата же сын Оиклей родился крепкодушный.
Амфиарай, возбудитель сражений, рожден Оиклеем.
Всяческой был он любовью сердечно любим и Кронидом
И Аполлоном. Однако не смог он достигнуть порога
Старости: в Фивах его златолюбье жены погубило.
Сына два у него родилось, Амфилох и Алкмаон.
Мантий двух сыновей породил, Палифейда и Клита.
Клит был похищен с земли златотронною Эос богиней
Из-за его красоты, чтобы жил он в собраньи бессмертных.
А Палифейда надменного сделал гадателем славным
После смерти отца Аполлон, дальнострельный владыка.
Он в Гипересию жить переехал, с отцом не поладив.
Там обитая, давал предсказания смертным он людям.
Сын-то его к Телемаху тогда и приблизился. Было
Феоклимен ему имя. Свершал Телемах в это время
Перед кормой корабля возлиянье и жарко молился.
Громко странник ему слова окрыленные молвил:
«Так как, друг, приносящим тут жертву тебя застаю я,
То ради жертвы молю, молю ради бога, а также
Ради твоей головы и голов твоих спутников верных, —
Дай мне ответ на вопросы мои, ничего не скрывая:
Кто ты? Родители кто? Из какого ты города родом?»
Феоклимену в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Странник, отверну на это тебе совершенно правдиво.
Я на Итаке рожден. Мой отец — Одиссей богоравный.
Был им когда-то. Теперь же он гибелью злою постигнут.
Вот почему в корабле чернобоком, товарищей взявши,
Прибыл сюда я, чтоб вести собрать об отце запропавшем».
Феоклимен боговидный в ответ Телемаху промолвил:
«Так вот и я из отчизны, убив соплеменного мужа,
В Аргосе конебогатом и братьев и сродников много
Есть у него, и могущество их велико среди ахейцев.
Гибель и черная Кера меня через них ожидала.
Я убежал. И теперь мне судьба между смертных скитаться.

Я умоляю тебя, возьми беглеца на корабль свой!
Иначе будет мне смерть. За мною, как видно, погоня».
Так на это ему Телемах рассудительный молвил:
«Раз ты желаешь, отказа не будет тебе. Поднимайся
К нам на корабль. А приедем, радушно приму тебя дома».
Феоклимену ответивши так, Телемах от скитальца
Принял копье и его положил на помост корабельный,
Также и сам поднялся на быстрый корабль мореходный,
Сел на корме корабельной, а возле него поместился
Феоклимен. Отвязали они судовые причалы.
Тут Телемах, ободря товарищей, им приспособить
Снасти велел, и они приказанью его подчинились.
Мачту еловую разом подняли, внутри утвердили
В прочном гнезде и ее привязали канатами к носу.
Белый потом натянули ремнями плетеными парус.
Благоприятный им ветер послала Паллада Афина.
С бурною силой он дул сквозь эфир, чтоб как можно скорее
Путь свой корабль совершал соленою влагою моря.
Круны они миновали и ясные струи Халкиды.
Солнце меж тем закатилось, и тенью покрылись дороги.
Зевсовым ветром гонимый, шел к Феям корабль Телемаха
Мимо Элиды священной, которой владеют епейцы.
На острова Телемах корабль свой оттуда направил.
Плыл к островам он и думал, погибнет ли там иль спасется.
Оба, меж тем, Одиссей и с ним свинопас богоравный
В хижине ужинать сели, а с ними мужи остальные.
После того как желанье питья и еды утолили,
Их спросил Одиссей, испытать свинопаса желая,
Примет ли он его здесь и радушно предложит остаться
В хижине или ему предоставит отправиться в город:
«Слушай, Евмей, и послушайте все вы, товарищи! В город
Завтра с рассветом хочу я пойти собирать подаянье,
Чтобы не делать тебе и товарищам лишних убытков.
Ты ж научи на дорогу и спутника дай мне, который
В город меня проводил бы. А там уже волей-неволей
Буду бродить я один — не даст ли мне кто-нибудь хлеба
Или глоточка вина. Я к дому пойду Одиссея.
Много л мог бы вестей сообщить Пенелопе разумной.
Я бы там и в толпу женихов замешался надменных.
Яств у них много. Когда бы они пообедать мне дали,
Я бы им тотчас прислуживать стал, в чем они пожелают.
Я тебе прямо скажу — послушай меня и запомни:
Благоволеньем Гермеса-вожатого, бога, который
Прелесть и славу дает всевозможным трудам человека,
Мало нашлось бы людей, кто б со мною поспорил в искусстве
Дров для топки сухих натаскать, топором наколоть их,
Мясо разрезать, поджарить, напиток разлить из кратера —
Все, что для знатных мужей худородные делают люди».
В гневе сильнейшем ему, Евмей свинопас, ты ответил:
«Что это, странник? Ну, как у тебя появилась такая
Дикая мысль? Или хочешь ты там непременно погибнуть?
Что вдруг тебе пожелалось в толпу женихов замешаться,

Наглость которых, насилья к железному небу восходят!
Знай, не такие, как ты, им служат, а все молодые;
В новые все превосходно одеты плащи и хитоны;
Головы смазаны маслом обильно, и лица прекрасны.
Вот какие им служат. Столы же блестящие прямо
Ломятся в доме от хлеба, от мяса, от вин медосладких.
Нет, оставайся у нас. Собой никого не стеснишь ты.
Будем и я и другие товарищи все тебе рады.
После ж того как обратно воротится сын Одиссеев,
Сам он и плащ тебе даст и хитон, чтобы мог ты одеться,
И отошлет, куда тебя дух понуждает и сердце».
Так на это ему Одиссей многостойкий ответил:
«О, если б стал ты, Евмей, родителю Зевсу настолько ж
Милым, как мне, что скитанья и муки мои прекратил ты!
Нет ничего для людей ужасней скитальческой жизни.
Много тяжелых страданий дает нам проклятый желудок
В дни, когда к нам скитанья, печали и беды приходят.
Раз ты здесь оставляешь меня, чтоб я ждал Телемаха,
То расскажи мне про мать Одиссея, подобного богу,
И про отца: на пороге он старости был им покинут.
Живы ль еще старики, сияние видят ли солнца
Или уж умерли оба и в царство Аида спустились?»
Снова ответил ему свинопас, над мужами начальник:
«Я тебе, гость мой, на это скажу совершенно правдиво:
Жив Лаэрт. Непрестанно в дому своем молит он Зевса
В членах дух у него уничтожить. Тоскует ужасно
Он об уехавшем сыне своем Одиссее, а также
И о разумной супруге: она-то всего его больше
Смертью своей огорчила и в раннюю дряхлость повергли.
Что ж до нее, то в печали по сыне своем знаменитом
Жалкою смертью она умерла. О, пусть ни один здесь
Так не умрет, кто мне мил и со мной хорошо поступает!
Прежде, покамест жила — хоть и в горькой печали — царица,
Нравилось мне иногда ее слушать и спрашивать, так как
Ею воспитан я был с Ктименою длинноодежной,
Девой цветущей, из всех дочерей ее самую младшей.
С нею я вырос, и мать лишь чуть-чуть меня меньше любила...
После того же как оба достигли мы юности милой,
Выдали в Зам ее и взяли бесчисленный выкуп.
Мне же хитон подарила царица и плащ, чтоб одеться,
Очень красивые также для ног подарила подошвы
И отослала в деревню. И больше еще полюбила.
Да, ничего уже этого нет!.. Но блаженные боги
В деле, каким я тут занят, дают мне удачу. Чрез это
Ем я, и пью, и с теми делюсь, кто достоин почтения.
Но от хозяйки теперь ни приветного слова, ни дела
Мы уж не слышим с тех пор, как несчастье в дом наш упало,
Люди надменные. Сильно невольникам всем бы хотелось
Потолковать с госпожой, обо всем расспросить поподробней,
Выпить винца и поесть у нее и с таким воротиться
Чем-нибудь, что доставляет всегда удовольствие слугам».
Тут свинопасу в ответ сказал Одиссей многоумный:

«Бедный Евмей свинопас! Так, значит, уж малым ребенком
Начал скитаться вдали от родителей ты и отчизны!
Вот что теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Широкоуличный был ли разрушен врагами тот город,
Где твой отец и почтенная мать обитали в то время,
Или же был в одиночестве ты при коровах иль овцах
Схвачен врагами, посажен в корабль и этому мужу
Продан в дом, за тебя подходящую давшему плату?»
Снова ответил ему свинопас, над мужами начальник:
«Раз ты, гость мой, спросил и узнать пожелал, то узнай же.
Слушай в молчаньи меня, сиди и вином услаждайся,
Ночи теперь бесконечно длинны. И поспать мы успеем
И с наслажденьем послушать рассказы. Ложиться до срока
Не к чему вовсе тебе. И сон неумеренный в тягость.
Все же другие, кого их сердце и дух призывают,
Спать пусть идут, чтобы завтра, едва только утро настанет,
В поле с господскими выйти свиньями, позавтракав дома.
Мы же в хижине здесь, едой и питьем наслаждаясь,
Тешиться будем с тобой, вспоминая о бедах друг друга.
Радость даже в страданиях есть, раз они миновали,
Для человека, кто много скитался и вытерпел много.
Это ж тебе я скажу, что спросил и желаешь узнать ты.
Остров есть, по названью Сирия, — ты, может быть,
слышал? —

Выше Ортигии, где поворот совершает свой солнце.
Он не чрезмерно людьми населен, но удобен для жизни,
Тучен, приволен для стад, богат виноградом, пшеницей.
Голода в этом краю никогда не бывает. Не знают
Там ненавистных болезней несчастные люди. Когда там
Горькая старость приходит к какому-нибудь поколению,
Лук свой серебряный взяв, Аполлон с Артемидой нисходят
Тайно, чтоб тихой стрелой безболезненно смерть посылать

им.

Там два города. Все между ними поделены земли.
В городе том и другом властителем был мой родитель,
Ктесий, Орменом рожденный, подобный бессмертному богу.
Как-то причалили к нам финикийцы, народ плутоватый.
Много красивых вещей привезли в корабле они черном.
А у отца моего была финикиянка в доме,
Стройная, редкой красы, в рукодельях искусная женских.
Голову хитрые ей финикийцы искусно вскрыжили.
Близ корабля их стирала она, и один финикиец
С нею сошелся любовью и ложем. А слабому полу
Голову это кружит, даже самой достойной из женщин.
Начал ее он спрашивать, кто она, родом откуда,
Тотчас она указала на дом наш с высокою кровлей:
— Родина мне, — похвалиться могу, — Сидон многомедный.
Был мне отцом Арибант. В великом он плавал богатстве.
Но захватили меня пираты тафосские, — с поля
Шла я тогда, — и сюда привезли, и этому мужу
Продали в дом, за меня подходящую давшему плату. —
Тут ей сказал человек, который с ней тайно сошелся:

— Раз это так, отправляйся обратно на родину с нами!
Дом родительский снова увидишь с высокою кровлей,
Также родителей. Живы они и слывут богачами. —
Женщина сызнова к ним обратилась с ответною речью:
— Было б возможно и это, когда б, моряки, поклялись вы,
Что невредимой меня вы доставите в землю родную. —
Так сказала. И тотчас они поклялись, как велела.
После того же как все поклялись и окончили клятву,
Женщина сызнова к ним обратилась с ответною речью:
— Ну, так молчите! Пускай ни один из товарищей ваших
Слова со мною не скажет, на улице ль где повстречавшись
Иль у колодца, — чтоб кто не отправился в дом к господину
И на меня не донес. А он, заподозривши, свяжет
Крепкой веревкой меня, да и вам приготовит погибель.
Помните, что я сказала, кончайте скорее торговлю.
После ж того как товары погрузите все на корабль ваш,
Весть об этом как можно скорее мне в дом передайте.
Золота, сколько мне под руку там попадетсЯ, возьму я.
А проездную бы плату охотно дала и другую:
В доме у знатного мужа хожу за его я ребенком.
Мальчик смысленый. Со мною всегда он выходит из дома.
Я на корабль бы его привела, и огромную плату
Вы б за него получили, в какую б ни продали землю. —
Так сказала она и в прекрасный дворец удалилась.
Целый год финикийцы у нас оставались и, много
Наторговавши, на полый корабль погрузили товары.
После ж того как корабль для отъезда они нагрузили,
К женщине тотчас послали гонца, чтоб ее известил он.
В дом отца моего пришел человек плутоватый.
Он ожерелье из зерен принес золотых и янтарных.
Мать подошла, сбежались рабыни и то ожерелье
Начали щупать руками, глядели глазами, давали
Цену. А он в это время рабыне мигнул тихомолком.
После, мигнувши, к себе на полый корабль возвратился.
За руку взявши меня, со мной она вышла из дома.
Вдруг столы увидала и кубки в сенях, где пред этим
Гости, отцу моему в делах помогавшие, ели;
На заседанье совета они все ушли и на площадь.
Быстро три кубка схватила она и, скрыв на груди их,
Вынесла. Я же за нею последовал, глупый мальчишка.
Солнце тем временем село, и тенью покрылись дороги.
Вышедши быстро из дома, пришли мы в прекрасную гавань,
Где находился корабль быстроходный мужей финикийских.
Сели они в свой корабль и поплыли дорогою влажной,
Нас захвативши. Попутный им ветер послал Громовержец.
Шесть мы ехали суток, и ночи и дни непрерывно.
После того же как день и седьмой уж прибавил Кронион,
Женщина стрелолюбивой убита была Артемидой.
В трюмную воду нырнула она, словно чайка морская.
Труп ее бросили в море на пищу тюленям и рыбам,
Я же остался средь них с печалью великою в сердце.
Ветер и волны меж тем корабль наш пригнали к Итаке.

Там приобрел меня куплей Лаэрт, Одиссеев родитель.
Так-то вот эту страну и пришлось мне увидеть глазами». Богорожденный тогда Одиссей свинопасу ответил:
«Очень сильно, Евмей, в груди моей дух взволновал ты,
Все рассказавши подробно, как много ты выстрадал духом!
Все же тебе вот к дурному хорошее также прибавил
Зевс, ибо, много страдавши, попал ты в жилище к благому
Мужу, который тебе и еду и питье доставляет
В полном обильи. Живешь ты хорошою жизнью. А я вот
К вам прихожу, без приюта по многим странам
проскитавшись».

Так Одиссей и Евмей вели меж собой разговоры.
Спать наконец улеглись — совсем не на долгое время:
Вскоре заря наступила. Меж тем Телемаховы люди,
К суше пристав, паруса развязали и мачту спустили,
Сели за весла и к пристани судно свое подогнали;
Выбросив якорный камень, причальный канат укрепили,
Сами же вышли на берег прибоем шумящего моря,
Начали завтрак готовить, вино замешали в кратерах.
После того как желанье питья и еды утолили,
С речью такой Телемах рассудительный к ним обратился:
«К городу правьте теперь, друзья, наш корабль чернобокий!
Сам я здесь остаюсь пастухов моих в поле проведать,
К вечеру в город сойду, владенья мои осмотревши,
Завтра же утром я вам, в благодарность за нашу поездку,
Пир устрою богатый, с вином медосладким и с мясом».
Феоклимен боговидный в ответ Телемаху промолвил:
«Сын мой, а я-то куда же пойду? К какому мне дому
На каменистой Итаке, к какому идти господину?
Или же к матери прямо твоей мне отправиться в дом твой?»
Феоклимену в ответ Телемах рассудительный молвил:
«В прежнее время тебя, не задумавшись, я пригласил бы
В дом наш, не скупю тебя угощал бы. Теперь же там будет
Хуже тебе самому: я дома не буду, не сможет
Мать моя видеть тебя. К женихам она сходит не часто Сверху.
Там она ткет, чтоб от них находиться подальше.
Есть, однако, другой. К нему ты отправиться мог бы.
Имя ему Евримах. Разумного сын он Полиба.
Смотрят теперь на него итакийцы совсем как на бога.
Самый он знатный меж всех женихов, всех больше стремится
Мать мою взять себе в жены и сан получить Одиссея.
Знает, однако, лишь Зевс-олимпиец, живущий в эфире,
Не приготовит ли им он погибельный день вместо брака».
Так говорил он. И вдруг по правую руку пронесся
Сокол вверху, быстрокрылый посол Аполлона. Когтями
Горного голубя рвал он, и сыпались перья на землю
Прямо меж черной кормой корабля и самим Телемахом.
В сторону Феоклимен отозвал Одиссеева сына,
Взял его за руку, слово сказал и по имени назвал:
«Верь, Телемах, не без бога та птица явилася справа!
Сразу, увидев, я понял, что вещая птица пред нами.
Царственной вашего нет ни единого рода другого

В целой Итаке. Всегда вы могуществом будете сильны». Феоклимену в ответ Телемах рассудительный молвил: «О, если б слово твое я увидел свершившимся, странник! Много б тогда от меня получил ты любви и подарков, Так что всякий тебя, повстречавши, назвал бы счастливецем». После того он Пирею, товарищу верному, молвил: «Ты, Пирей, и всегда повинешься мне наиболее Между товарищей всех, кто за мною последовал в Пилос. Сделай же так и теперь: отведи к себе в дом чужеземца, Будь с ним радушен, заботься о госте, пока не вернусь я». Сыну тогда Одиссея Пирей-копьеборец ответил: «Если б ты там, Телемах, и на долгое время остался, — Буду его угощать, и даров он получит довольно». Так сказав и взойдя на корабль, приказал и другим он, Севши самим на корабль, развязать судовые причалы. Быстро они на корабль поднялись и к уключинам сели. Ноги обул между тем в сандалии сын Одиссея, Крепкое в руки копье с наконечником острым из меди С палубы взял корабельной. А те отвязали причалы И, оттолкнувши корабль от земли, поплыли на веслах К городу, как приказал рассудительный сын Одиссеев. Ноги несли Телемаха, шагавшего быстро, покуда Он ко двору не пришел, где свиней его было без счета И свинопас ночевал, о хозяйском добре беспокоясь.

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Встала заря. Одиссей же с подобным богам свинопасом Завтрак готовили рано поутру, огонь разложивши, Выслав вместе с свинными стадами других свинопасов. Вдруг подошел Телемах. Не кинулись с лаем собаки, Стали хвостами вилять. Одиссей это тотчас заметил, Тотчас услышал и шум от шагов подходящего мужа. Он свинопасу поспешно слова окрыленные молвил: «Слышишь, Евмей, там идут, — из твоих ли товарищей кто-то Или знакомый другой: на пришельца собаки не лают, Только виляют хвостами. И шум я шагов его слышу». Кончить речь еще не успел он, как сын его милый В сени вошел. Свинопас вскочил в изумлении с места. Выпали наземь из рук сосуда, в которых мешал он Воду с искристым вином. Пошел он навстречу владыке, Голову стал целовать, глаза его ясные, руки, Ту и другую. Из глаз его слезы лилися обильно. Так же как старым отцом бывает любовно ласкаем Сын, на десятом году лишь прибывший домой издалека, Поздно рожденный, единственный, стоивший многих страданий, Так Телемаха тогда боговидного, тесно прильнувши, Крепко Евмей целовал, как будто избегшего смерти. Всхлипывал он и ему говорил окрыленные речи:

«Сладкий мой свет, Телемах, воротился ты! Я уж не думал
Снова тебя увидеть с тех пор, как ты в Пирос уехал!
Ну же, дитя дорогое, войди к нам сюда, чтобы мог я
Всласть на тебя наглядеться! Ну, вот ты и дома! Приехал!
К нам, пастухам, ведь не часто сюда ты в деревню приходишь,
В городе больше живешь. Неужели тебе не противно
Видеть всегда пред собой толпу женихов этих гнусных?»
Тут свинопасу в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Так и будет, отец! Сюда ж для тебя я явился,
Чтобы увидеть тебя самолично и вести услышать,
Все ль еще мать моя дома находится или на ней уж
Кто-то женился другой, и постель Одиссея, пустуя,
В спальне, забыта, стоит, покрытая злой паутиной?»
Снова ответил ему свинопас, над мужами начальник:
«Нет, упорно и твердо жена остается, как прежде,
В доме своем. В бесконечной печали, в слезах непрерывных
Долгие дни она там и бессонные ночи проводит».
Так сказав, от него он копье медноострое принял.
Внутрь вошел Телемах, через камни порога ступивши.
С места поспешно вскочил отец Одиссей пред вошедшим,
Но Телемах удержал Одиссея и громко промолвил:
«Странник, сиди! Для себя и другое местечко найдем мы
В хижине нашей. И вот человек, кто все мне устроит».
Так он сказал. Одиссей воротился и сел. Свинопас же
Веток зеленых подниз набросал и покрыл их овчиной.
Там после этого сел возлюбленный сын Одиссеев.
Быстро поставил на стол свинопас перед ними дощечки
С жареным мясом, какое от прежней еды оставалось.
Хлеба в корзины горой наложил, в деревянной же чаше
В воду вина намешал, по сладости равного меду.
Все это сделавши, он пред божественным сел Одиссеем.
Руки немедленно к пище готовой они протянули.
После того как желанье питья и еды утолили,
Сын Одиссея спросил свинопаса, подобного богу:
«Кто этот странник, отец? Откуда он? Как на Итаку
К нам мореходцы его привезли, и кто они сами?
Ведь не пешком же сюда, полагаю я, к нам добрался он».
Тотчас в ответ Телемаху, Евмей свинопас, ты промолвил:
«Полную правду тебе, сынок дорогой, сообщу я.
Хвалится он предо мной, что из Крита пространного родом;
Он уж немало людских городов посетил всевозможных,
Странствуя: этот удел божество ему выпряло с нитью.
Нынче, бежав с корабля феспротских мужей вероломных,
В хижину прибыл ко мне он. Его я тебе поручаю.
Делай, как хочешь. Но он о защите тебя умоляет».
И свинопасу в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Речью своею, Евмей, жестоко ты сердце мне ранил.
Странника этого как мне возможно принять в своем доме?
Я еще молод, на руки свои не могу положиться,
Что защищу человека, когда обижать его станут.
Мать же моя между двух все время колеблется мыслей:
Вместе ль со мной оставаться и дом содержать свой в порядке,

Ложе супруга храня и людскую молву уважая,
Иль наконец за ахейцем последовать, кто наиболее
Знатен среди женихов и всех на подарки щедрее?
Странника ж этого, раз уж прибыл в твое он жилище,
Я в прекрасное платье одену, и в плащ, и в рубашку,
Дам подошвы для ног и меч привешу двуострый,
И отошлю, куда его дух понуждает и сердце.
Если же хочешь, оставь его здесь на своем попеченьи.
Платье сюда я пришлю и пищу различного рода,
Чтобы не делать тебе и товарищам лишних убытков.
В город идти к женихам я б ему ни за что не позволил,
Больно уж наглы они и в буйстве не знают предела:
Станут глумиться над ним и в безмерную скорбь меня
ввергнут.

Сам же я их укротить не смогу: против многих и самый
Сильный бессилен, когда он один. А их ведь немало!»
Так Телемаху в ответ Одиссей многостойкий промолвил:
«Если, друг, мне на это позволено будет ответить, —
Сердце в груди у меня разрывается, слыша, как много
Всяких, по вашим рассказам, творят женихи беззаконий
В собственном доме твоём, с таким, как ты, не считаясь.
Вот что скажи: добровольно ль ты им поддался иль в народе
Все ненавидят и гонят тебя по внушению бога?
Или ты, может быть, братьев винишь, на которых бы вправе
Всякий рассчитывать в битве, хотя бы и самой ужасной?
Если б я молод, как ты, при собственном сделался духе,
Если б я сын Одиссея отважного был или сам он, —
Он из скитаний вернется, надежда еще не пропала! —
Первому встречному голову мне я отсечь бы позволил,
Если б я всем наглецам этим злою бедой не явился,
В зал высокий войдя Одиссея, Лаэртова сына.
Пусть бы даже меня одного все они одолели
Множеством, — в собственном доме б моем предпочел я
погибнуть

Чем непрерывно смотреть на творимые там непотребства, —
Как моих обижают гостей, как позорно бесчестят
Женщин-невольниц моих в покоях прекрасного дома,
Как истребляют запасы вина и всяческой пищи, —
Так, не платя ничего и о главном не думая деле!»
Снова на это ему Телемах рассудительный молвил:
«Странник, на это тебе я вполне откровенно отвечу.
Не ненавидит меня весь народ и вражды не питает.
Также и братьев винить не могу, на которых бы вправе
Всякий рассчитывать в битве хотя бы и самой ужасной.
Весь наш род одиночным создал промыслитель Кронион:
Только лишь сына Лаэрта родил когда-то Аркесий,
Только опять Одиссея родил и Лаэрт, Одиссей же,
Только меня породив, не к добру меня дома покинул:
Ведь потому-то так много врагов и набилось в дом к нам.
Первые люди по власти, что здесь острова населяют —
Заму, Дулихий и Закиф, покрытый густыми лесами,
И каменистую нашу Итаку, — стремятся упорно

Мать принудить мою к браку и грабят имущество наше.
Мать же и в брак ненавистный не хочет вступить и не может
Их притязаньям конец положить, а они разоряют
Дом мой пирами и скоро меня самого уничтожат.
Это, однако, лежит в коленях богов всемогущих...
Вот что, отец! Отправляйся скорей к Пенелопе разумной
И сообщи, что из Пилоса я невредимым вернулся,
Сам же пока остаюсь у тебя. Возвращайся обратно,
Ей лишь одной сообщив, Пусть это для прочих ахейцев:
Тайной останется. Многие зло на меня замышляют».
Так Телемаху в ответ, Евмей свинопас, ты промолвил:
«Знаю все, понимаю. И сам уж об этом я думал.
Вот что, однако, скажи, и скажи мне вполне откровенно:
Нужно ли мне по пути и к Лаэрту несчастному с вестью
Этой зайти? Хоть о сыне жестоко скорбел он, но все же
Раньше и в поле смотрел за работами, также с рабами
Пил в своем доме и ел, когда его духу желалось.
С той же самой поры, как в Пилос ты морем уехал,
Он, говорят, уже больше не ест и не пьет, как бывало,
И за работами больше не смотрит. Сидит и тоскует,
Охая, плача. И тело с костей его сходит все больше».
Тут свинопасу в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Жаль! Но нечего делать! Ему ничего мы не скажем.
Если б все делалось так, как желательно людям, то первым
Делом бы я пожелал, чтоб отец мой вернулся в Итаку.
Матери все передав, возвращайся назад, а к Лаэрту
Незачем крюк тебе делать. Но матери — ей сообщишь ты,
Чтобы послала к нему немедленно ключницу нашу
Тайно. Она б старику известия все сообщила».
Так сказав, свинопаса отправил. Доставши подошвы,
Тот их к ногам привязал и в город пошел. От Афины
Скрытым остаться не мог уход свинопаса из дома.
К хижине близко она подошла, уподобившись видом
Женщине стройной, прекрасной, искусной в блестящих
работах.

Остановилась в дверях, одному Одиссею явившись, —
А Телемах не увидел ее пред собой, не заметил:
Вовсе не всем нам открыто являются вечные боги.
Но Одиссей увидал; и собаки, — залаять не смея,
В сторону с визгом помчались они чрез загон и исчезли.
Бровью мигнула она Одиссею. Он вмиг догадался,
Вышел из хижины вон за большую дворовую стену,
Остановился пред ней. И к нему обратилась Афина:
«Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!
Слово сыну теперь же скажи, от него не скрываясь,
Как вам обоим, погибель и смерть женихам обсудивши,
В город отправиться славный. От вас и сама я недолго
Буду вдали. И меня уже тянет вмешаться в сраженье».
Кончив, жезлом золотым к нему прикоснулась Афина.
Прежде всего ему плечи покрыла плащом и хитоном,
Вымытым чисто. Повысила рост и уменьшила возраст;
Снова смуглым лицо его стало, разгладились щеки,

Иссиня-черной густой бородой подбородок покрылся.
Сделавши это, обратно Афина ушла. Одиссей же
В хижину к сыну вернулся. Отвел Телемах в изумленьи
В сторону взор свой, не зная, не бог ли ему вдруг явился.
Громко ему Телемах слова окрыленные молвил:
«Странник, совсем ты иной, чем какого я только что видел!
В платье другое одет, и кожей нисколько не сходен.
Бог ты, конечно, — из тех, что небом владеют широким!
Смилуйся! Жертву тебе принесем мы приятную, также
Тонкой работы дары золотые. А ты пощади нас!»
Тотчас ответил ему Одиссей, в испытаниях твердый:
«Вовсе не бог я. Зачем меня хочешь равнять ты с богами?
Я твой отец, за которого ты в воздыханиях тяжких
Муки несешь, подчиняясь насильям людей обнаглевших». —
Сына он стал целовать. Покатились со щек его слезы
На землю. Он их упорно все время удерживал раньше.
Но Телемах не поверил, что это отец его. Снова
Он Одиссею в ответ слова окрыленные молвил:
«Не Одиссей ты, о нет, не отец мой! Меня обольщает
Бог какой-то, чтоб после я больше скорбел и крушился.
Смертному мужу никак не возможно все это проделать
Собственным разумом! Бог лишь один, появившись пред
смертным,

Может сделать себя молодым или старым, как хочет.
Только что здесь ты сидел стариком в неопрятных лохмотьях,
Нынче ж похож на богов, владеющих небом широким!»
Так Телемаху в ответ сказал Одиссей многоумный:
«Не подобало б тебе, Телемах, раз отец пред тобою,
Больно много дивиться и в сердце своем сомневаться.
К вам Одиссея сюда никакого другого не будет:
Это сам я таким — исстрадавшийся, много блуждавший —
В землю родную сюда на десятом году возвращаюсь.
А превращенье мое — Афины-добычницы дело.
Было на это желанье ее. Ведь все она может.
То меня сделала вдруг похожим на нищего, то вдруг
На молодого и крепкого мужа в прекрасной одежде.
Очень легко для богов, владеющих небом широким,
Сделать смертного видным иль сделать его безобразным». —
Так произнес он и сел. Телемах, заливаясь слезами,
Сердцем печалась, отца обнимать благородного начал.
И у обоих у них поднялось желание плакать.
Плакали громко они, еще непрерывней, чем птица,
Коршун иль кривокогтый орел, из гнезда у которых
Взяли крестьяне птенцов, не успевших еще опериться.
Так же жалостно слезы струились из глаз у обоих.
В скорби тяжелой покинуло б их заходящее солнце,
Если бы вдруг Телемах Одиссею не задал вопроса:
«Милый отец, на каком же тебя корабле на Итаку
К нам мореходцы сюда привезли и кто они сами?
Ведь не пешком же сюда, полагаю я, к нам добрался ты». —
Сыну промолвил в ответ Одиссей, в испытаниях твердый:
«Сын мой, полнейшую правду об этом тебе расскажу я.

Славные гости морей, феаки меня привезли к вам.
Кто бы ни прибыл к ним, всех по домам они морем развозят.
Спящего в их корабле и меня отвезли они морем
И на Итаке ссадили, без счета даров надававши, —
Вдоволь золота, меди и тканой прекрасной одежды.
Спрятаны с помощью божьей сокровища эти в пещерах.
Прибыл теперь я сюда по совету богини Афины,
Чтобы с тобой обсудить, как наших врагов уничтожить.
Ты же теперь Расскажи мне об них и всех перечисли,
Чтобы мне знать, каковы эти люди и сколько числом их.
В духе отважном моем тогда обсужу и решу я,
Сможем ли мы без других, лишь двое с тобою, со всеми
Справиться или придется на помощь других поискать нам».
Так Одиссею в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Шла всегда о тебе, отец мой, великая слава,
Что и руками могуч ты в бою и в совете разумен.
Но о несбыточном ты говоришь. Берет меня ужас.
Как против множества сильных людей вдвоем нам сражаться?
Ведь женихов не один тут десяток, не два, а гораздо
Больше. Скоро и сам их число без труда ты узнаешь.
Остров Дулихий прислал пятьдесят сюда два человека
Юношей знатного рода, и шесть прислужников с ними.
Двадцать четыре пришли жениха на Итаку из Зама,
С Закинфа двадцать ахейцев тут есть молодых, из Итаки ж
Нашей двенадцать, все люди родов наиболее знатных.
С ними — вестник Медонт, певец божественный Фемий,
Также товарища два, в разрезании мяса искусных.
Если решимся мы выйти на всех, находящихся в доме,
На нападение ответят они многогорько и страшно.
Нет, если можешь кого-нибудь в помощь еще нам наметить,
Нужно подумать, чтоб нас кто-нибудь защитил
благосклонно».

Сыну на это сказал Одиссей, в испытаниях твердый:
«Вот что тебе я скажу — послушай меня, и запомни,
И рассуди: если явятся нам на подмогу Афина
С Зевсом, то нужно ль еще о другом мне помощнике думать?»
Так Одиссею в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Да, прекрасны помощники те, о каких говоришь ты!
Правда, высоко они в облаках обитают, но оба
Силой своею страшны и людям другим и бессмертным».
Снова ответил ему Одиссей, в испытаниях твердый:
«Оба они в стороне от кровавой резни остаются
Будут недолгое время, как в доме моем между нами
И женихами начнет свою тяжбу Аресова сила.
Ты же теперь, лишь займется заря, отправляйся отсюда,
В дом наш войди и в толпу наглецов женихов замешайся.
В город туда же меня свинопас проведет попозднее
В жалостном образе старого нищего в рубище грязном.
Если меня они в доме начнут оскорблять, то чему бы
Я ни подвергся от них, пусть сердце в груди твоей терпит.
Если б меня даже за ноги вон потащили из дома
Или швырнули в меня чем попало — сдержись, не мешайся.

Разве что мягкой речью еще убедить их попробуй,
Чтоб прекратили безумство. Но вряд ли тебя они станут
Слушаться. День роковой уже близко стоит перед ними.
Слово другое скажу, хорошенько прими его к сердцу:
Только что в мысль мне Афина, советница мудрая, вложит,
Тотчас тебе я кивну головою. Заметивши это,
Сколько бы ни было там боевого оружия в зале,
Все собери и спрячь наверху, в отдаленнейшем месте, —
Все без изъятия! Когда же, хватившись, спрашивать станут,
То успокой женихов приветливо-мягкою речью:
— Я их от дыма унес. Не такие они уж, какими
Здесь Одиссей, отправляясь в поход, их когда-то оставил:
Обезображены все, до темна от огня закоптели.
Соображенье еще поважнее вложил мне Кронион:
Как бы вы меж собой во хмелю не затеяли ссоры
И безобразной резней сватовства и прекрасного пира
Не опозорили: тянет к себе человека железо! —
Нам лишь двоим по копью и мечу приготовишь ты, также
Два отложишь из кожи бычачьей щита, чтобы в руки
Взять их, когда нападение начнем. Женихам в это время
Ум ослепят и Паллада Афина и Зевс-промыслитель.
Слово другое скажу: хорошенько прими его к сердцу.
Если вправду ты мой и от крови моей приходишь,
Пусть не услышит никто, что здесь Одиссей, в своем доме.
Значит, пусть не знает Лаэрт и никто из домашних,
И свинопас пусть не знает, и даже сама Пенелопа.
Мы лишь с тобою одни настроенья изведем женщин.
Также и кое-кого из рабов испытать мы могли бы,
Любит ли сердцем, боится ль меня и тебя или ставит
Нас ни во что и такого, как ты, оскорблять не страшится».
Сын блистательный так на это сказал Одиссею:
«Времени мало пройдет, я надеюсь, отец, и узнаешь
Ты мое сердце; увидишь, что дух им владеет не слабый.
Но небольшая обоим с тобою нам выгода будет,
Если твое предложенье исполним, — подумай, прошу я.
Долго придется владенья твои обходить, чтоб о каждом
Мог ты все разузнать. А те в это время спокойно
Будут запасы твои поедать, ничего не жалея.
Женщин — вот их и теперь испытать бы тебе не мешало,
Кто между ними бесчестит тебя и какая невинна.
Что ж до мужчин, то испытывать их на пастушьих стоянках,
Право, не стоит сейчас: мы сделаем это и после,
Если ты знаменье вправду имел от родителя-Зевса».
Так Одиссей с Телемахом вели меж собой разговоры.
К городу прочный корабль в это время подплыл, на котором
Сын Одиссеев с друзьями из Пилоса прибыл в Итаку.
После того как зашли в глубокие воды залива,
Черный корабль свой они втащили на берег песчаный,
Все оружие прочь унесли их надменные слуги.
Сами в Клитиев дом дары отнесли дорогие,
Быстрого ж вестника тотчас отправили в дом Одиссеев
И приказали ему передать Пенелопе разумной,

Что Телемах ее в поле остался, судну приказавши
В город Итаку отплыть, чтоб крепкая духом царица
Нежных слез не лила, круша себе сердце боязнию.
Встретились оба они, свинопас богоравный и вестник,
Шедшие с целью одною, чтоб женщине вести доставить.
Но, как достигли они прекрасного царского дома,
Вслух Пенелопе сказал перед всеми рабынями вестник:
«Прибыл обратно в Итаку возлюбленный сын твой, царица!»
Но свинопас подошел к Пенелопе и на ухо все ей,
Что Телемах приказал передать, прошептал осторожно.
После того как Евмей свое порученье исполнил,
Двор покинув и дом, к свиньям он отправился в поле.
Весть женихов поразила. Их дух охватило унынье.
Вышли из дома они и снаружи высокой ограды
Возле дворовых ворот расселись в глубоком раздумьи.
Сын Полибов тогда, Евримах, обратился к ним с речью:
«Дело большое, друзья, удалось совершить Телемаху
Дерзкую эту поездку! Мы думали, он не решится.
В путь снарядим-ка корабль чернобокий, который лучше;
Опытных к веслам посадим гребцов, и пускай поскорее
Передадут они тем, чтоб домой поспешили вернуться».
Кончить еще не успел он, когда Амфином, обернувшись,
Вдруг корабль увидал, вошедший в глубокую гавань.
Люди на нем, суетясь, паруса убирали и весла.
Весело он засмеялся и тотчас товарищам молвил:
«Незачем нам никого посылать к ним. Уж вон они, в бухте!
Или им кто из богов сообщил, иль увидели сами
Мимо плывущий корабль, но настигнуть его не успели».
Так он сказал. Поднялись и пошл они к берегу моря,
Быстро корабль чернобокий втащили на берег песчаный.
Все оружие прочь унесли их надменные слуги.
Сами ж на площадь они толпою пошли, не позволив
С ними сидеть никому — ни старому, ни молодому.
С речью к ним Антиной обратился, рожденный Евпейтом:
«Горе! Боги спасли от несчастья этого мужа!
Днем наблюдатели наши, на ветреных горных вершинах
Сидя гурьбою, всегда сторожили. С заходом же солнца
Не отдыхали ночей мы на суше — в судне нашем быстром
По морю плавали мы, дожидаясь зари и готова
Для Телемаха засаду, чтоб, взявши его, уничтожить.
Бог тем временем в пристань его проводил невредимо.
Будем думать теперь, как нам приготовить погибель
Здесь Телемаху, чтоб вновь ускользнуть он не мог.
Уж поверьте, Цели мы нашей, покуда он жив, никогда не
достигнем!

Сам разумен он стал и в мыслях своих и в решеньях,
К нам же здешний народ благосклонности мало питает.
Действовать нужно скорей, пока он ахейцев на площадь
Не соберет. Я уверен, что долго он медлить не будет,
Злобы своей не откинет и, встав перед всеми, расскажет,
Как мы убить собирались его и в том не успели.
Нас не похвалит народ, об умысле нашем узнавши.

Может случиться беда: народ нас с земли нашей сгонит,
В страны чужие придется в изгнание нам отправляться.
Предупредим-ка его и захватим вне города в поле
Или в дороге. Сокровища все заберем и запасы,
Между собой без обиды его достоянье поделим,
Домом же этим пусть мать его с будущим мужем владеют.
Если мое предложенье не нравится вам и хотите
Жизнь вы ему сохранить, чтоб отцовским владел достояньем,
То перестанем пирами здесь радовать дух, собираясь
Вместе. И пусть ее из дому сватает каждый, дарами
Сердца ее домогаясь. Она ж за того пусть выходит,
Кто принесет ей всех больше и кто ей судьбою назначен».
Так говорил он. Молчанье глубокое все сохраняли.
С речью к ним Амфином обратился и стал говорить им, —
Ниса блистательный сын, потомок владыки Арета.
Был он вождем женихов, на Дулихии острове живших,
Многопшеничном, богатом лугами, — и был Пенелопе
Очень приятен речами. Имел он хорошее сердце.
Добрых намерений полный, он так к женихам обратился:
«Я бы, друзья, никогда не решился убить Телемаха.
Царского рода людей убивать — это страшное дело!
Раньше давайте-ка спросим богов — какая их воля?
Если вещание Зевса великого это одобрит,
Сам я убью Телемаха и вас призову всех к убийству.
Если ж бессмертные против решат, мой совет: воздержитесь!»
Так сказал Амфином. Понравилось всем предложенье.
Тотчас они поднялись и к дому пошли Одиссея.
В дом вошедши его, уселись в гладкие кресла.
Мысль в это время другая пришла Пенелопе разумной
Выйти в зал к женихам, безмерно наглостью полным.
Знала она уж, что гибель готовят ее они сыну.
Вестник Медонт ей сказал: решение их он подслушал.
В залу пошла она, взявши служительниц-женщин с собою.
В залу войдя к женихам, Пенелопа, богиня среди женщин,
Стала вблизи косяка ведущей в столовую двери,
Щеки закрывши себе покрывалом блестящим. С упреком
Речь обратила она к Антиною и вот что сказала:
«Наглый ты, Антиной, человек и коварный! В народе
Здесь говорят о тебе, что сверстников всех превосходишь
Разумом ты и речами. Но вправду совсем не таков ты!
Бешеный! Как моему Телемаху готовить ты можешь
Смерть и рок! О молящих не думаешь ты, у которых
Зевс — свидетель. Готовить друг другу беду — нечестиво!
Или не знаешь, как в дом наш отец прибежал твой в испуге
Перед народом, который охвачен был яростным гневом
Из-за того, что, примкнувши к тафосским пиратам, вреда он
Много феспротам принес, союзникам нашим давнишним.
Смерти его домогались предать, из груди его вырвать
Сердце, поесть его скот и все достоянье расхитить.
Но, хоть и очень рвались, Одиссей не пустил и сдержал их.
Ты ж теперь дом разоряешь, жену его сватаешь, сына
Смерти желаешь предать к моему бесконечному горю.

Требую я: перестань! Заставь и других отказаться!»
Сын Полиба тогда, Евримах, ей на это ответил:
«Старца Икария дочь, разумная Пенелопея!
Не беспокойся и мыслью такой не тревожь себе сердца.
Нет человека такого, не будет, такой не родится,
Кто бы на сына посмел твоего покуситься, покуда
Жив я еще на земле и покуда глаза мои смотрят!
Вот что тебе я скажу, и это исполнено будет:
Черная кровь его вмиг по копью моему заструится!
Также и мне Одиссей, городов разрушитель, нередко,
Взяв на колени к себе, заботливо вкладывал в руки
Вкусный жаркого кусок и вино к губам подносил мне.
Бот почему Телемах мне дороже, чем кто бы то ни был.
Нечего вовсе ему, уверяю я, смерти бояться
От женихов. Но от бога, конечно, ее не избегнешь».
Так успокаивал он. А сам ему гибель готовил.
Наверх, в покой свой блестящий, ушла Пенелопа и долго
Об Одиссее, любимом супруге, рыдала, покуда
Век ее сладостным сном не покрыла богиня Афина.
Смерклось, когда свинопас к Одиссею и к сыну вернулся.
Оба они, заколовши свинью годовалую, ужин
Только что стали готовить. Богиня Паллада Афина
Близко меж тем подошла к Одиссею, Лаэртovu сыну,
Снова, ударив жезлом, его в старика превратила,
Тело в рвань облекла, чтоб, в лицо увидав Одиссея,
Вдруг его свинопас не узнал, к Пенелопе разумной
Не побежал бы с известьем, не в силах укрыть его в сердце.
Первым к нему Телемах с таким обратился вопросом.
«Ты уж вернулся, Евмей? Какие там в городе слухи?
Храбрые к нам женихи из засады вернулись ли в город
Или сидят еще там, моего дожидаясь возвратами»
Ты, Евмей свинопас, в ответ Телемаху промолвил:
«Разузнавать и расспрашивать я не сбирался об этом,
В город отсюда спускаясь. Все время о том лишь я думал,
Чтоб, порученье исполнив, домой поскорее вернуться.
Быстрый мне встретился там от товарищей наших посланник,
Вестник, — уж раньше меня обо всем твою мать известил он,
Знаю я нечто другое, что видел своими глазами:
Город внизу я оставил и там уже шел, где Гермесов
Высится холм, как внезапно увидел я в гавань входящий
Быстрый корабль. В корабле том немало мужей находилось.
Множество также щитов там сверкало и копьев двуострых.
Уж не они ль это, думалось мне. Но знать не могу я».
И улыбнулась тогда Телемаха священная сила,
Бросивши взгляд на отца незаметно для глаз свинопаса.
Кончив работу, они приступили к богатому пиру.
Все пировали, и не было в равном пиру обделенных.
После того как питьем и едой утолили желанье,
Вспомнили все о постелях и сна насладились дарами.

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.
Встал Телемах, Одиссеем божественным на свет рожденный,
Быстро к ногам привязал прекрасного вида подошвы,
Взял копьё, какое ему по руке приходилось,
И, собираясь в город, сказал своему свинопасу:
«В город я отправляюсь, отец, чтоб меня увидала
Мать моя там. Ведь, наверно, не раньше она перестанет
Горькие слезы по мне проливать и вздыхать непрерывно,
Чем на глаза ее сам я явлюсь. Ты же сделаешь вот что:
Этого странника в город сведи, чтобы там подаяньем
Мог он себя прокормить. Вина иль ячменного хлеба
Даст ему, кто пожелает. А я совершенно не в силах
Всех людей принимать. Забот и своих мне довольно.
Если ж на это обидится гость — самому ему будет
Хуже. А я говорить люблю только чистую правду».
Сыну на это в ответ сказал Одиссей многоумный:
«Друг! И сам я совсем уж не так здесь желаю остаться.
Нищему пищу себе добывать подаяньем удобней
В городе, нежели в поле: там каждый подаст, кто захочет.
Мой не таков уже возраст, чтоб здесь оставаться при стаде
И приказаньям твоих пастухов во всем подчиняться.
Сам ты иди, а меня этот муж поведет, как велел ты,
Лишь у огня я согреюсь и солнце засветит пожарче.
Больно плоха уже эта одежда. Застудит мне тело
Утренний иней. А город-то, вы говорите, далек!»
Так он сказал. Телемах через двор направился в город,
Быстро шагая ногами и зло женихам замышляя.
Вскоре пришел к своему он для жизни удобному дому.
Там он поставил копьё, прислонивши к высокой колонне,
Сам же направился внутрь, чрез порог из камня шагнувши.
Первой его Евриклея кормилица там увидала;
Стлала она в это время овчины на пестрые кресла.
Близко, заплакав, к нему подошла. Остальные рабыни
Стойкого в бедах царя Одиссея сбежались также.
Все они в голову, в плечи любовно его целовали.
Вышла потом Пенелопа из спальни своей, Артемиде
Иль золотой Афродите подобная видом прекрасным.
Шею, заплакав, она обняла Телемаху руками,
Голову сына, глаза целовать его ясные стала
И обратилась к нему, печалась, с крылатою речью:
«Сладкий мой свет, Телемах, воротился ты! Я не ждала уж
Снова увидеть тебя с тех пор, как ты в Пилос уехал
Тайно, меня не спросясь, чтоб добыть об отце твоём вести!
Ну, расскажи мне подробно, к чему ж, все разведав, пришел
ты?»

Ей на это в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Мать моя, плача во мне не буди и, прошу, не волнуй мне
Сердца в груди, избежавшему только что гибели близкой.
Лучше омойся и, чистой одеждою тело облекши,
В спальню к себе поднимись со своими служанками вместе,

Дай там обет принести бессмертным богам гекатомбу.
Может быть, Зевс пожелает, чтоб дело отмщенья свершилось.
Я же на площадь пойду и странника кликну, который
Вместе со мною приехал, когда я сюда возвращался.
Спутникам богоподобным своим поручил на Итаку
Гостя доставить, Пирея ж принять попросил его в дом свой
И окружить его дома заботой, пока не приду я».
Так он громко сказал. И осталось бескрылым в ней слово.
Тотчас омывшись и чистой одеждою тело облекши,
Всем богам обещанье дала принести гекатомбу, —
Может быть, Зевс пожелает, чтоб дело отмщенья свершилось.
Взявши снова копье, Телемах между тем из чертога
Вышел обратно. За ним две резвых собаки бежали.
Вид ему придала несказанно приятный Афина.
Весь изумился народ, когда он пред ним появился.
Вкруг Одиссеева сына толпой женихи собралися.
Доброе все говорили, недоброе в сердце питая.
Скоро, от их многолюдной толпы отдалясь, подошел он
К месту, где Ментор сидел, а также Антиф с Алиферсом.
Давние были они товарищи все Одиссею.
К ним он подсел, и они Телемаха расспрашивать стали.
Близко к ним подошел Пирей, знаменитый копейщик,
Феоклимена чрез город на площадь ведя. И не долго
К страннику был Телемах без вниманья. К нему подошел он.
Первым Пирей обратился со словом таким к Телемаху:
«Нужно послать, Телемах, поскорее служительниц в дом мой,
Чтоб Менелаевы мог тебе переслать я подарки».
Тотчас Пирею в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Нет, Пирей, мы не знаем еще, как дела обернутся.
Если меня наглецы-женихи здесь в отцовском чертоге
Тайно убьют и имущество все меж собою поделят, —
Лучше уж ты, чем из них кто-нибудь, те подарки получишь.
Если же выращу я для мужей этих смерть и убийство,
На дом ты мне принесешь те подарки на радость».
Так сказав, повел он несчастного странника в дом свой.
Вскоре достигли они для жизни удобного дома.
С плеч своих снявши плащи и сложив их на кресла и стулья,
Оба пошли и в прекрасно отесанных вымылись ваннах.
Вымыв, невольницы маслом блестящим им тело натерли,
После надели на них шерстяные плащи и хитоны.
В ванне помывшись, пошли они оба и в кресла уселись.
Тотчас прекрасный кувшин золотой с ручной водой
В тазе серебряном был перед ними поставлен служанкой
Для умывания. После расставила стол она гладкий.
Хлеб положила пред ними почтенная ключница, много
Кушаний разных прибавив, охотно их дав из запасов.
Мать же напротив вблизи косяка поместилась дверного,
В кресло села и прядь принялась тончайшую пряжу.
Руки немедленно к пище готовой они протянули.
После того как желанье питья и еды утолили,
С речью такой Пенелопа разумная к ним обратилась:
«Лучше мне наверх уйти, Телемах, и лечь на постель там,

Стала источником стонов она для меня, непрерывно
Я слезами ее орошаю с тех пор, как уехал
В Трою вместе с Атридами муж мой. Ты мне не хочешь,
Прежде чем к нам наглецы-женихи в этот дом соберутся,
О возвращеньи отца рассказать, если что-нибудь слышал».
Ей на это в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Ну, тогда, моя мать, всю правду тебе расскажу я.
В Пилос приехали мы и к Нестору, пастырю войска.
В доме высоком своем он принял меня и радушно
В нем угощал, словно сына, который из дальнего края
Только что прибыл домой, запоздавши в дороге. С радушьем
Точно таким с сыновьями своими меня угощал он.
Об Одиссее же стойком сказал, что ему не случилось
Ни о живом, ни о мертвом нигде от кого-либо слышать.
Он к Менелая меня, копейщику славному, в Спарту
На лошадях отослал в колеснице, сработанной прочно.
Там я увидел Елену Аргивскую, из-за которой
Столько трудов понесли аргивяне, равно и троянцы,
Волей богов. Менелай меня тотчас спросил, увидавши,
В Лакедемон их священный с какою нуждою я прибыл.
Я всю правду ему тогда сообщил без утайки.
Царь Менелай мне на это такими словами ответил:
— Как это? Брачное ложе могучего, храброго мужа
Вдруг пожелали занять трусливые эти людишки!
Это как если бы лань для детенышей новорожденных
Выбрала логово мощного льва, их бы там уложила
Да и пошла бы пастись по долинам и логом травистым,
Лев же могучий меж тем, к своему воротившись ложу,
И оленятам и ей бы позорную смерть приготовил, —
Так же и им Одиссей позорную смерть приготовит.
Если бы, Зевс, наш родитель, и вы, Аполлон и Афина,
В виде таком, как когда-то на Лесбосе он благоданном
На состязаньях бороться с Филомелеидом поднялся,
С силой швырнул его об землю и радость доставил ахейцам,
Пред женихами когда бы в таком появился он виде,
Короткожизненны стали б они и весьма горькобрачны!
То же, что знать от меня ты желаешь, тебе сообщу я,
Не уклоняясь от правды ни в чем и вполне без обмана.
Все, что мне старец правдивый морской сообщил, ни о чем я
Не умолчу пред тобой, ни единого слова не скрою.
Видел его он терпящим на острове тяжкие муки.
Там его нимфа Калипсо насильно в дому своем держит,
И воротиться никак он не может в родимую землю.
Нет ни товарищей там у него, ни судов многовеслых,
Чтоб он отправиться мог по хребту широкому моря. —
Так сказал Атреид Менелай, знаменитый копейщик.
Дело окончив, я отплыл. Послали мне ветер попутный
Вечные боги и скоро к отчизне доставили милой».
Дух в груди Пенелопы рассказом своим взволновал он.
Феоклимен боговидный тогда перед ними промолвил:
«О достойная чести супруга царя Одиссея!
Этот знает немного. Мое вот послушай-ка слово.

Все я точно тебе предскажу, ничего не скрывая.
Будь мне свидетелем Зевс, потом этот стол твой радушный,
Этот очаг Одиссеев, к которому я сейчас прибыл, —
Истинно, где-то уж здесь Одиссей, на Итаке родимой,
Странствует или сидит и слушает, что тут творится,
И женихам этим всем насаждает ужасную гибель.
Все это я, в корабле крепкопалубном сидя, по птице
Сразу узнал и тогда же о том закричал Телемаху».
Феоклимену в ответ Пенелопа царица сказала:
«О, если б слово твое, чужеземец, свершилось на деле!
Много б тогда от меня получил ты любви и подарков,
Так что всякий тебя, повстречавши, почел бы счастливецем».
Так Пенелопа и гость вели меж собой разговоры.
А женихи в это время пред домом игрой забавлялись,
Диски и копья метали на плотно убитой площадке
Там, где обычно играли, — всегдашнюю наглостью полны.
Время меж тем подходило к обеду, с полей отовсюду
Гнали им скот пастухи — те самые, что и обычно.
Тут к женихам обратился Медонт. Меж вестников прочих
Был наиболее он ими любим и к столу приглашался.
«Так как, юноши, все вы насытили играми сердце,
То возвращайтесь домой и начнем-ка обед наш готовить.
Вовремя сесть за обед — это дело совсем неплохое!»
Так он сказал. Поднялись женихи и послушались слова.
После того как вошли во дворец Одиссеев уютный,
Сняли плащи они с плеч и, сложив их на стулья и кресла,
Жирных начали резать козлов и огромных баранов,
Тучных начали резать свиней и корову из стада, —
Всем на обед. Одиссей с свинопасом божественным в город
Вместе идти между тем собрались с полей деревенских.
Начал с ним разговор свинопас, над мужами начальник:
«Странник, ты как же, выходит, желаешь отправиться в город
Нынче же, как приказал мой хозяин? По-моему, лучше
Было б, чтоб сторожем здесь ты у нас на дворе оставался.
Но почитаю хозяина я и боюсь, что потом он
Станет за это ругать. Неприятны упреки хозяев.
Ну, так отправимся в путь. Уж сильно продвинулось время,
Скоро вечер придет. И станет тогда холоднее».
Так свинопасу на это сказал Одиссей многоумный:
«Знаю все, понимаю. И сам я уж думал об этом.
Значит, пойдём. Но меня ты веди, я просил бы, все время.
Если готовую палку имеешь, то дай мне и палку,
Чтоб опираться. Скользка ведь, как вы говорите, дорога».
Так ответив, на плечи он жалкую сумку набросил,
Всю в заплатках и дырках, и перевязь к ней на веревке.
Дал ему палку Евмей, какая понравилась гостю.
Оба отправились в путь. Пастухи ж и собаки остались
Скотный двор охранять. Повел он хозяина в город.
Был похож Одиссей на старого нищего видом,
Бред, опираясь на палку, в одежде убогой и рваной.
Вниз спускались они по кремнистой, неровной дороге.
Был прекрасноструистый колодезь под городом (воду

Черпали в нем горожане), искусно обложенный камнем.
Соорудили колодезь Итак, Нерит и Поликтор.
Рощей вскормленных водой тополей водоем отовсюду
Был окружен, а вода низвергалась холодной струею
Сверху, с высокой скалы. Алтарь наверху находился
Нимф. Прохожие все им жертву на нем приносили.
Долиев сын Меланфий нагнал в этом месте идущих.
Коз он гнал женихам на обед, между козами всеми
Самых отборных. И два пастуха ему гнать помогали.
Путников он увидал, неприлично и страшно ругаться
Начал и тем глубоко возмутил Одиссеево сердце:
«Вот хорошо! Негодяй, я вижу, ведет негодяя!
Бог, известно, всегда подобного сводит с подобным!
Ты куда оборванца ведешь, свинопас сердобольный?
Этот докучливый нищий старик, блюдолиз этот наглый
Будет о многие рад косяки тереться плечами,
В дар не мечи, не котлы получая, а хлебные корки.
Если б ты мне его дал и взялся б наш двор сторожить он,
Скотником быть, для козлят приносить молодые побеги, —
К сыворотке мог бы еще получать он козлиную ногу,
Но лишь в плохом ремесле понимает он толк, и к работе
Сердце его не лежит. Побираясь по людям, желает
Лучше он свой ненасытный желудок питать подаяньем.
Вот что тебе я скажу, и все это точно свершится:
Если он явится в дом Одиссея, подобного богу,
То полетит через залу, и брошенных много скамеек
Будет попорчено, в череп его ударяясь и в ребра!»
Так безумец сказал и, мимо идя, Одиссея
Пяткой ударил в бедро. Но его не столкнул он с тропинки,
Тот невредимым остался. Меж двух колебался он мыслей;
Дух ли исторгнуть из тела, хватив его палкою сзади,
Или, подняв, головою ударить о землю. Однако
Все он стерпел и сдержался. Евмей обругал Меланфия
Прямо в лицо, и руки воздел, и громко молился:
«Дочери Зевсовы, нимфы источника, если когда вам
Бедра ягнят и козлят сжигал Одиссей, их окутав
Слоем прекрасного жира, молитвы моей не отриньте!
Пусть вернется тот муж, пусть его приведет божество к нам!
Великолепье твое он сразу тогда бы рассеял, —
Великолепье, что так ты нахально несешь, непрерывно
Шляясь в город; стада ж от плохих пастухов погибают».
Снова Меланфий, козий пастух, свинопасу ответил:
«Вот ведь, что говорит этот пес, наторелый в коварстве:
Ну погоди, увезу я тебя далеко от Итаки
На корабле чернобоком, продам тебя с выгодой в рабство!
О, если б был Телемах сребролуким убит Аполлоном
Нынче же в доме своем или б так был смирен женихами,
Как для отца его день возвращенья погиб на чужбине!»
Так сказав, назади их оставил он, медленно шедших,
Сам же хозяйского дома достиг очень скоро, тотчас же
В зал обеденный там он вошел и за стол с женихами
Против сел Евримаха: его он любил наиболее.

Те, кто прислуживал, мяса кусок перед ним положили,
Хлеб подала, чтобы ел он, почтенная ключница на стол.
Тут подошли Одиссей с свинопасом божественным к дому,
Остановились вблизи от него. Вокруг разносились
Звуки полой форминги. Играл, готовясь к пенью,
Фемий. Сказал Одиссей свинопасу, схватив его руку;
«Это, Евмей, не иначе, как дом Одиссея прекрасный!
Даже среди многих других узнать его вовсе нетрудно.
Все здесь одно к одному. Зубчатой стеною искусно
Двор окружен, и ворота двустворные крепки надиво,
Их ни один человек проломить иль сорвать не сумел бы,
В доме этом немало пирует мужей, как я вижу.
Чувствую запах жаркого. А также и звуки форминги
Слышу, которую боги подругою сделали пира».
Так, ему отвечая, Евмей свинопас, ты промолвил:
«Правильно ты догадался. Как в этом, умен и во всем ты.
Надо, однако, подумать, как дальше мы действовать будем.
Или ты первый войди в уютное это жилище
И замешайся в толпу женихов, я ж останусь на месте.
Если же хочешь, останешься ты. Отправлюсь я первым.
Долго, однако, не жди, чтоб, тебя увидавши снаружи,
Кто в тебя чем не швырнул, не побил бы. Подумай об этом».
Так ответил ему Одиссей, в испытаниях твердый:
«Знаю все, понимаю. И сам я об этом уж думал,
Лучше иди ты вперед. А я назади тут останусь.
Многим швыряли в меня. И бит бывал я нередко.
Дух мой вынослив. Немало трудов перенести мне пришлось
В море и в битвах. Пускай же случится со мною и это.
Только желудка — его нам осилить никак не возможно.
Жадный желудок проклятый, он бед нам приносит без счета.
Люди ради него и суда крепкоробкие строят,
Беды готовя врагам на море, всегда беспокойном».
Так меж собой разговоры вели Одиссей с свинопасом.
Пес, лежавший близ двери, вдруг голову поднял и уши, —
Аргус, пес Одиссея, которого некогда сам он
Выкормил, но, к Илиону отправясь священному, в дело
Употребить не успел. Молодые охотники раньше
Коз нередко гоняли с ним диких, и зайцев, и ланей.
В пренебреженьи теперь, без хозяйского глаза, лежал он
В куче огромной навоза, который обильно навален
Был от коров и от мулов пред дверью, чтоб вывезти после
В поле, удабривать им Одиссеев пространный участок,
Там он на куче лежал, собачьими вшами покрытый.
Только почувствовал близость хозяина пес, как сейчас же
Оба уха прижал к голове, хвостом повилявши.
Ближе, однако, не мог подползти к своему господину.
Тот на него покосился и слезы утер потихоньку,
Скрыв их легко от Евмея, и быстро спросил свинопаса:
«Странное дело, Евмей! Вот лежит на навозе собака.
С виду прекрасна она, но того я сказать не умею,
Резвость в беге у ней такова ли была, как наружность?
Или она из таких, которые вьются обычно

Возле стола у господ и которых для роскоши держат?»
Так, ему отвечая, Евмей свинопас, ты промолвил:
«О, если б эта собака далеко умершего мужа
Точно такую была и делами и видом, какою
Здесь оставил ее Одиссей, отправляясь на Трою,
Ты б в изумленье пришел, увидав ее резвость и силу!
Не было зверя, который сквозь чашу густейшего леса
Мог бы уйти от нее. И чутьем отличалась собака.
Нынче плохо ей тут. Хозяин далеко от дома
Где-то погиб. А служанкам какая нужда до собаки?
Если власти хозяина раб над собою не чует,
Всякая вмиг у него пропадает охота трудиться.
Лишь половину цены оставляет широкоглядящий
Зевс человеку, который на рабские дни осужден им»,
Кончил, в двери вошел для жизни удобного дома
И к женихам достославным направился прямо в палату.
Аргуса ж черная смертная участь постигла, едва лишь
Он на двадцатом году увидал своего господина.
Первым из всех Телемах боговидный заметил Евмея,
В залу вошедшего. Быстро ему он кивнул головою
И подозвал. Свинопас огляделся и взял табуретку.
Кравчий обычно на той табуретке сидел, раздавая
Мясо во множестве всем женихам, во дворце пировавшим.
Ту табуретку Евмей пред столом Телемах поставил
Прямо напротив и сел. Глашатай на стол ему подал
Порцию мяса и хлеб перед ним положил из корзинки.
Тотчас следом за ним вошел Одиссей многоумный.
Был старику он и жалкому нищему видом подобен,
Бред, опираясь на палку, в одежде убогой и рваной.
На ясеневый порог внутри у дверей он уселся,
О кипарисный косяк опершись спиною, который
Плотник выстругал гладко, пред тем по шнуру обтесавши.
Тут подозвал Телемах к себе свинопаса и молвил,
Целый хлеб из прекрасной корзины доставши и мяса,
Сколько мог ухватить, обеими взявши руками:
«На, отнеси это гостю, ему ж самому посоветуй,
Чтобы подряд женихов обошел он, прося подаянья.
Стыд для нищих людей — совсем негодящийся спутник».
Это услышав, немедля пошел свинопас к Одиссею,
Близко стал перед ним и слова окрыленные молвил:
«Странник, это тебе Телемах посылает и просит,
Чтобы подряд женихов обошел ты, прося подаянья,
Стыд, сказал он, для нищих людей — негодящийся спутник».
Молвил тогда свинопасу в ответ Одиссей многоумный:
«Зевс повелитель! Пошли Телемаху меж смертными счастье!
Пусть исполнится все, что в своем замышляет он сердце!»
Так он сказал, руками обеими принял подачу
И пред ногами своими сложил на убогую сумку,
Ел он. И пел в это время в столовой певец пред гостями.
Кончил есть. И певец божественный пенье окончил.
Подняли шум женихи в обеденном зале. Афина
Близко меж тем подошла к Одиссею, Лаэртovu сыну,

И женихов обходить приказала, прося у них хлеба,
Чтобы узнать, кто меж ними порядочный, кто беззаконный.
Впрочем, из них никого пощадить не собиралась Афина.
Справа он начал гостей обходить и к каждому мужу
Руку протягивал, словно всегда только нищим и был он.
Те, жалея, давали, смотря на него с изумленьем,
И предлагали друг другу вопросы, откуда и кто он.
Козий пастух Меланфий тогда обратился к ним с речью:
«Слушайте, что расскажу, женихи достославной царицы,
Вам я о страннике этом. Его уже раньше я видел.
К нам сюда свинопас его вел. А каким похвалиться
Происхожденьем он может, того хорошо я не знаю».
Так он сказал. Антиной на Евмея накинулся с бранью:
«Вот, всегда ты таков! Для чего притащил ты к нам в город
Этого? Иль не довольно у нас тут других блюдолизов,
Всякого рода бездомных бродяг и докучливых нищих?
Иль тебе мало того, что добро твоего господина
Столько людей поедает, — еще одного пригласил ты!»
Так, ему возражая, Евмей свинопас, ты ответил:
«Нехорошо, Антиной, ты сказал, хоть и знатен породой!
Сам посуди: приглашает ли кто человека чужого
В гости к себе, если он не бывает полезен для дела?
Или гадателей, или врачей, иль плотников ловких,
Или же вещих певцов, чтоб нам песнями радость давали,
Эти для смертных желанны везде на земле беспредельной,
Нищего ж кто пожелает позвать, чтоб его ж разорял он?
Ты из всех женихов Пенелопы к рабам Одиссея
Самый суровый, ко мне же особенно. Впрочем, об этом
Я не забочусь, пока Пенелопа разумная в доме
Этом живет и с ней ее сын, Телемах боговидный».
Так свинопасу в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Будет тебе, замолчи, перестань разговаривать много.
Знаешь, как скор Антиной на обидное слово. Он любит
Ссориться сам и других подбивает охотно на ссору».
Это сказав, к Антиною крылатые речи направил:
«Право, меня, Антиной, ты как будто отец опекаешь!
Хочешь, чтоб этого гостя своим принудительным словом
Выгнал я из дому вон! Избави от этого бог нас!
Сколько захочешь давай. Мне не жаль. Даже сам приглашаю.
Также и матери можешь моей не стесняться нисколько
И никого из рабов, в Одиссеевом доме живущих.
Вправду, однако, совсем не такие в груди твоей мысли.
Сам-то охотно берешь ты, другим лишь давать не охотник».
Так он сказал. И в ответ Антиной Телемаху промолвил:
«Что говоришь ты, надутый болтун, необузданно-буйный!
Если б вот это от каждого здесь жениха получил он,
Целых три месяца вновь он сюда заглянуть не посмел бы!»
Так он сказал и скамейку схватил под столом, на которой,
В зале с другими пируя, блестящие ноги покоил.
Прочие ж страннику стали давать и наполнили сумку
Хлебом и мясом. К порогу пошел Одиссей, собираясь
Тут же тем закусить, что ему надавали ахейцы.

Близ Антиноя он стал и такое сказал ему слово:
«Дай мне, друг! Не последним ты кажешься мне средь
ахейцев,
Но наиболее знатным. С царем ты наружностью сходиен.
Вот почему ты мне должен бы дать — и щедрей, чем
другие, —
Хлеба. А я тебя славить начну по земле беспредельной.
Некогда собственным домом и сам я промежду сограждан
Жил — богатый, счастливый, всегда подавая скитальцу,
Кто бы он ни был и, в чем бы нуждаясь, ко мне ни пришел он.
Множество было рабов у меня и всего остального,
С чем хорошо нам живется, за что нас зовут богачами.
Все уничтожил Кронион — ему, видно, так пожелалось!
В мысль мне вложил Громовержец с бродячей разбойничьей
шайкой
Ехать в Египет, в дорогу далекую, чтобы погиб я.
Там, на Египте-реке, с кораблями двуххвостыми стал я.
Прочим спутникам верным моим приказал я на берег
Вытащить все корабли и самим возле них оставаться.
А соглядатаев выслал вперед, на дозорные вышки.
Те же, в надменности духа, отваге своей отдаваясь,
Ринулись с вышек вперед, прекрасные нивы египтян
Опустошили, с собою их жен увели и младенцев,
Их же самих перебили. До города крики достигли.
Крики эти услышав, египтяне вдруг появились
С ранней зарею. Заполнилось поле сверканием меди,
Пешими, конными. Зевс-молнелюбец трусливое бегство
В сердце товарищам бросил. Никто не посмел оставаться,
Ставши лицом ко врагу. Отовсюду беда нам грозила.
Многих из нас умертвили они заостренною медью,
Многих живьем увели, чтоб трудились на них подневольно.
Я же был отдан на Кипр чужеземцу, какой повстречался,
Дметору, сыну Иаса, насильем царившему в Кипре.
Множество бед испытал, оттуда я прибыл в Итаку».
Голосом громким вскричал Антиной в ответ Одиссею:
«Что за бог послал нам беду эту, пира доuku?
Прочь от стола моего! Туда отойди, в середину,
Иль кое-что ты узнаешь погорше Египта и Кипра!
Что за наглец неотвязный, какой попрошайка бесстыдный!
Всех ты обходишь подряд, и дают они щедрой рукою,
Слепо: чего им жалеть, чего им удерживать руку?
Все добро тут чужое! Кругом его сколько угодно!»
Прочь от него отойдя, сказал Одиссей многоумный:
«Да, твой дух оказался совсем не таким, как наружность!
Дома и соли крупинки не дашь ты тому, кто попросит,
Если здесь, на пиру у чужих восседая, не хочешь
Дать хоть кусочек мне хлеба. А вижу его я тут много!»
Так он ответил. Сильнее еще Антиной разъярился,
Грозно взглянул на него и слова окрыленные молвил:
«Ну, не добром тебе нынче, я думаю, выйти придется
Вон из этого зала! Ты смеешь еще и ругаться!»
Так он сказал и, схвативши скамейку, швырнул в Одиссея,

В правое прямо плечо, у спины. Но недвижим остался,
Словно скала, Одиссей — от его не свалился удара;
Молча только повел головой, замышляя худое.
Быстро к порогу пошел он, и сел там, и полную сумку
Возле себя положил, и сказал, к женихам обращаясь:
«Слушайте слово мое, женихи достославной царицы!
Выскажу то я, к чему меня дух мой в груди побуждает!
Ни огорченья, ни боли в душе не бывает у мужа,
Если, свое защищая добро, он побои претерпит,
Иль за коров пострадает своих, за овец белорунных.
Мне же побои нанес Антиной за проклятый желудок,
Жалкий желудок, так много беды доставляющий людям.
Но если боги, а также эриннии есть и для нищих, —
Пусть Антиноя постигнет смертельный конец вместо брака».
Снова ответил ему Антиной, Евпейтом рожденный:
«Ешь и спокойно сиди, чужеземец, иль прочь убирайся!
Иначе, за руку взявши иль за ногу, юноши наши
Вмиг тебя вытащат из дому вон и всего искалечат!»
Негодование при этих словах овладело другими.
Так не один говорил из юношей этих надменных:
«Нехорошо, Антиной, что несчастного странника бьешь ты!
Гибель тебе, если это какой-нибудь бог небожитель!
В образе странников всяких нередко и вечные боги
По городам нашим бродят, различнейший вид принимая,
И наблюдают и гордость людей и их справедливость».
Так женихи говорили. Но тот равнодушен остался.
В сердце великую боль за побитого сын Одиссеев
Множил, однакоже с век не сронил ни единой слезинки.
Молча только повел головой, замышляя худое.
Только до слуха дошло Пенелопы разумной, что в зале
Был чужеземец побит, служанкам сказала царица:
«Если б тебя самого так избил Аполлон славнолукий!»
Ключница тут Евринома с таким обратилась к ней словом:
«О, если б наши проклятья с собой привели их свершенья,
Завтра зари златотронной никто бы из них не дождался!»
Ключнице так отвечала разумная Пенелопея:
«Все они, матушка, нам ненавистны, все зло замышляют.
Но Антиной наиболее на черную Керу походит.
По дому ходит у нас чужеземец какой-то несчастный.
Просит у всех подаянья: нужда поневоле заставит.
Подали все остальные ему и наполнили сумку.
Этот же в правое прямо плечо ему бросил скамейку».
Так говорила она, среди женщин-служительниц сидя
К спальне своей. Одиссей же божественный в зале обедал.
Кликнув к себе свинопаса, ему Пенелопа сказала:
«Вот что, Евмей многосветлый, пойдя передай чужестранцу,
Чтобы пришел. Я б хотела его попросить рассказать мне,
Не приходилось ли слышать о стойком ему Одиссее
Иль его видеть глазами. На вид человек он бывалый».
Так Пенелопе в ответ, Евмей свинопас, ты промолвил:
«Если бы эти ахейцы, царица, кричать перестали,
Гость рассказом своим тебе бы порадовал сердце.

Три он ночи провел у меня, я удерживал в доме
Три его дня. С корабля убежавши, ко мне он явился.
Все же в рассказе о бедах своих до конца не дошел он.
Так же, как люди глядят на певца, который, богами
Пенью обученный, песни прелестные им распевает, —
Слушать готовы они без усталости, сколько б ни пел он, —
Так чаровал меня странник, в жилище моем пребывая.
Он по отцу, говорит, Одиссею приходится гостем.
Жил на острове Крите, где род обитает Миноса.
Много бед претерпев, сюда он к нам прибыл оттуда,
С места к месту влачась. Говорит, что, как слышно, совсем уж
Близко от нас Одиссей, в краю плодородном феспротов,
Жив и много домой сокровищ везет богачейших».
Так свинопасу сказала разумная Пенелопея:
«Кликни его самого, чтобы с глазу на глаз мне побыть с ним.
Эти же либо снаружи, за дверью, пускай веселятся,
Либо здесь, в нашем доме. С чего б и не быть им в весельи?
Собственных в доме своем они ведь не тратят запасов —
Хлеба и сладостных вин. Лишь служители их потребляют.
Сами ж они, ежедневно врываясь в дом наш толпою,
Режут без счета быков, и жирных козлов, и баранов,
Вечно пируют и вина искристые пьют безрасчетно.
Все расхищают они. И нет уже мужа такого
В доме, как был Одиссей, чтобы дом защитить от проклятья.
Если б пришел Одиссей и явился в родную Итаку,
Быстро с сыном своим он мужам отомстит за насилья!»
Вдруг в это время чихнул Телемах, и по целому дому
Грянуло страшно в ответ. Засмеялась тогда Пенелопа.
Тотчас к Евмею она обратилась со словом крылатым:
«Вот что, Евмей, позови-ка скорее ко мне чужеземца!
Разве не видишь? Все, что сказала я, сын зачихал мне?
Значит, для всех женихов несвершившейся гибель не будет:
Кер и смерти меж них теперь ни один не избегнет.
Слово другое скажу, и запомни его хорошенько:
Если уверюсь, что мне сообщает он полную правду,
Я его в платье одену прекрасное, в плащ и рубашку».
Это услышав, немедля пошел свинопас к Одиссею,
Близко стал перед ним и слова окрыленные молвил:
«Слушай, отец чужеземец, зовет тебя Пенелопея,
Мать Телемаха. Хоть очень царица измучена горем,
Все же сердце узнать призывает ее о супруге.
Если она убедится, что ты говоришь ей всю правду,
В плащ тебя и в хитон царица оденет, в которых
Больше всего ведь нуждаешься ты. А кормиться ты будешь,
Сбор совершая в народе с того, кто дать пожелает».
Так свинопасу на это сказал Одиссей многостойкий:
«Я Пенелопе разумной, Икарьевой дочери, тотчас
Все, что хочет она, готов рассказать откровенно.
Много я знаю о нем, одинаково мы с ним страдали.
Очень, однако, боюсь я толпы женихов ее буйных:
Наглость их и насилья к железному небу восходят!
Вот и сегодня: я по дому шел, никому никакого

Зла я не делал, меня ж человек этот больно ударил.
Встали ль меня защищать от него Телемах иль другой кто?
Лучше дай ей совет, чтобы в спальне она до захода
Солнца сидела, хотя б и спешила услышать о муже.
Пусть меня спросит тогда о дне возвращенья супруга,
Ближе к огню посадив: одежда моя ведь плохая,
Знаешь и сам: обратился я к первому с просьбой к тебе же».
Так сказал он. Пошел свинопас, услышавши то слово.
Через порог он ступил. И сказала ему Пенелопа:
«Где же странник, Евмей? Не с тобой он? Что в мысли забрал
он?»

Иль кого здесь боится чрезмерно? Иль в дом показаться
Стыдно ему? Нелегко стыдливым скитальцам живется».
Так Пенелопе в ответ, Евмей свинопас, ты промолвил:
«Правильно он говорит. Так мог и другой бы подумать,
Кто избежать бы хотел издевательств людей этих наглых.
Он убеждает тебя подождать, чтобы скрылось солнце.
Ведь и самой тебе будет, царица, намного приятней
Наедине с чужеземцем слова говорить и внимать им».
Снова ему отвечала разумная Пенелопея:
«Как бы там ни было, этот твой гость рассуждает неглупо.
В целом мире нигде среди людей, умереть обреченных,
Нет столь наглых мужей, беззаконья такие творящих».
Так сказала она. Свинопас же божественный тотчас,
Как рассказал обо всем, в толпу женихов замешался
И Телемаху слова окрыленные молвил, склонившись
Близко к его голове, чтоб его не слышали другие:
«Друг, я отправлюсь к себе, чтоб свиней там стеречь и другое
Наше с тобою добро. А об этом здесь ты позаботься.
Прежде всего берегись, чтоб с тобою чего не случилось:
Много есть среди ахейцев, кто зло на тебя замышляет.
Зевс да погубит их раньше, чем с нами несчастье случится».
Тут свинопасу в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Так и будет, отец! А ты, закусив, отправляйся.
Завтра с зарей ты придешь и священные жертвы пригонишь.
Ну, а об здешних делах уже я позабочусь и боги».
Так он сказал. Свинопас на гладкое кресло уселся.
После того же как дух свой наполнил питьем и едою,
В поле пошел он к свиньям, ограду оставивши с домом,
Полным гостей пировавших. Они до вечернего часа
Дух услаждали себе веселою пляской и пеньем.

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Нищий общинный пришел. По Итаке по городу всюду
Он, побираясь, бродил. Выдавался великим обжорством.
Был в еде и в питье ненасытен. Ни мощи, ни силы
Не было в нем никакой, однако на вид был огромен.
Он назывался Арней. Такое дала ему имя
Мать при рождении. Но юноши все его Иром прозвали,

Так как ходил с извещеньями он, куда кто прикажет.
Из Одиссеева дома он гнать принялся Одиссея,
С бранью напал на него и слова окрыленные молвил:
«Вон из прихожей, старик! Или за ногу вытащен будешь!
Не понимаешь? Смотри-ка, ведь все мне кругом здесь мигают:
„Выброси вон старика!“ Но я это сделать стесняюсь.
Живо! Вставай! Чтобы ссора не стала у нас рукопашной!»
Мрачно взглянув на него, Одиссей многоумный ответил:
«Что ты? Тебе ничего ни сказал я, ни сделал плохого!
Мне все равно, подают ли тебе, получил ли ты много.
Мы и вдвоем поместимся на этом пороге. Зачем же
Зависть к другому питать? Мне кажется, ты ведь скиталец
Так же, как я. Что делать? Богатство дается богами.
Ты же не больно руками махай. Рассержусь я, так плохо
Будет тебе! Хоть старик я, но кровью тебе оболую я
Губы и грудь. И тогда тут гораздо спокойней мне будет
Завтра. Наверно могу поручиться, вернуться обратно
Не пожелаешь ты в дом Одиссея, Лаэртова сына!»
Ир бродяга свирепо в ответ закричал Одиссею:
«Боги, как сыплет слова старикашка оборванный этот!
Словно старуха кухарка! Постой, я расправлюсь с тобою!
В оба приму кулака — полетят твои зубы на землю,
Как у свиньи, на потраве застигнутой в поле среди хлеба!
Ну, подпоясайся! Пусть все кругом тут свидетели будут
Нашего боя! Посмотрим, ты справишься ль с тем, кто
моложе!»

Так на отесанном гладко пороге, пред дверью высокой,
Ярая ссора меж них все сильнее начала разгораться.
Это не скрылось от глаз Антиноевой силы священной.
Весело он засмеялся и так к женихам обратился:
«Ну, друзья, никогда здесь такого еще не случилось!
Нам веселую в дом божество посылает забаву!
Ир и странник большую затеяли ссору друг с другом.
Дело к драке идет. Пойдем поскорее, стравим их!»
Так он сказал. Со своих они мест повскакали со смехом
И обступили густою толпою оборванных нищих.
С речью к ним Антиной обратился, Евпейтом рожденный:
«Слушайте, что я хочу предложить, женихи удалые!
Эти козьи желудки лежат на огне, мы на ужин
Их приготовили, жиром и кровью внутри начинивши.
Кто из двоих победит и окажется в битве сильнейшим,
Пусть подойдет и возьмет желудок, какой пожелает.
В наших обедах всегда он участвовать будет, и нищим
Мы не позволим другим сюда приходить за подачкой».
Так сказал Антиной. Понравилось всем предложенье.
Умысел хитрый тая, Одиссей многоумный сказал им:
«Как возможно, друзья, чтоб вступал с молодым в состязанье
Слабый старик, изнуренный нуждой! Но злосчастный
желудок

Властно меня заставляет идти под побои. Я с просьбой
К вам обращаюсь: великой мне клятвою все поклянитесь,
Что ни один человек, дабы Иру помочь, не ударит

Тяжкой рукою меня и не даст ему этим победы». Так сказал Одиссей. И все поклялись, как просил он. После того как они поклялись и окончили клятву, Стала тотчас говорить Телемаха священная сила: «Раз тебя сердце и дух твой отважный к тому побуждают, То защищайся. Ты можешь ахейцев других не бояться. Тот, кто ударит тебя, бороться со многими будет. Я здесь хозяин. Наверно, мне также окажут поддержку Двое разумных и знатных мужей — Антиной с Евримахом». Так сказал он. И все согласились с ним. Одиссей же Рубищем срам опоясал. Большие прекрасные бедра Пред женихами открылись, широкая грудь обнажилась, Плечи, могучие руки. Приблизившись к пастырю войска, Мощью все налила его члены Паллада Афина. Это увидевши, все женихи удивились безмерно. Так не один говорил, взглянув на сидевшего рядом: «Быть, видно, Иру Не-Иром. Беду на себя он накликал. Что за могучие бедра старик показал из лохмотьев!» Так говорили. Смутилось у Ира трусливое сердце. Все же рабы, опоясав, его притащили насильно. Был он в великом испуге, и мясо дрожало вокруг членов, С бранью его Антиной по имени назвал и крикнул: «Лучше б тебе, самохвал, умереть иль совсем не родиться, Раз ты так страшно дрожишь и бесстыдно робеешь пред этим Старым, измученным долгой и сильной нуждой человеком! Вот что тебе я скажу, и это исполнено будет: Если старик победит и окажется в битве сильнее, Брошу тебя я в корабль чернобокий и мигом отправлю На материк, к Ехету царю, истребителю смертных. Уши и нос он тебе беспощадною медью обрежет, Вырвет срам и сырым отдаст на съедение собакам». Тут сильнее еще задрожали все члены у Ира. Вывели слуги его. Кулаки они подняли оба. Тут себя самого спросил Одиссей многостойкий: Так ли ударить, чтоб здесь же он пал и душа б отлетела, Или ударить легко, чтоб лишь наземь его опрокинуть. Вот что, старательно все обсудив, наилучшим признал он: Слабый удар нанести, чтоб ни в ком не будить подозрений. Стали сходить бойцы. В плечо Одиссея ударил Ир. Одиссей же по шее ударил под ухом и кости Все внутри раздробил. Багровая кровь полилася Из рта. Стиснув зубы, со стоном он в пыль повалился, Топая пятками оземь. И руки высоко поднявши, Со смеху все женихи помирали. Схвативши бродягу За ногу, вытащил вон его Одиссей из прихожей И поволок через двор и чрез портик к воротам. К ограде Там прислонил, посадив, и палку вложил ему в руки, И со словами к нему окрыленными так обратился: «Здесь сиди, свиней и собак отгоняй и не думай Быть средь бродяг и средь нищих начальником, раз уж такой

ты

Трус. А не то приключится с тобою беда и похуже!»

Кончив, на плечи себе он набросил убогую сумку,
Всю в заплатках и дырках, и перевязь к ней из веревки,
Быстро к порогу пошел и сел там. Со смехом веселым
В дом вошли женихи и приветственно гостю сказали:
«Дай тебе Зевс и другие бессмертные боги, о странник,
Все, что мило тебе, чего всего больше ты хочешь,
Что наконец перестанет ходить этот наглый обжора
К нам побираться. Бродягу мы этого скоро отправим
На материк, к Ехету царю, истребителю смертных».
Так сказали. И был пожеланьям услышанным рад он.
Тут преподнес Антиной Одиссею огромный желудок,
Полный жира и крови. Достал Амфином из корзины
Целых два хлеба, поднес Одиссею, вложил ему в руки,
И золотою приветствовал чашей, и громко промолвил:
«Радуйся много, отец чужеземец! Будь счастлив хотя бы
В будущем! Множество бед в настоящее время ты терпишь!»
Так на это ему Одиссеей многоумный ответил:
«Право, ты, Амфином, мне кажешься очень разумным.
Сын ты такого ж отца, о нем я хорошее слышал:
Средствами очень богат и доблестен Нис дулихиец.
Ты его сын, говорят, и на вид как будто разумен.
Вот почему я скажу. А выслушав, сам ты рассудишь.
Меж всевозможных существ, которые дышат и ходят
Здесь, на нашей земле, человек наиболее жалок.
Ждать впереди никакой он беды не способен, куда
Счастье боги ему доставляют и движутся ноги.
Если ж какую беду на него божество насылает,
Он хоть и стойко, но все ж с возмущеньем беду переносит.
Мысль у людей земнородных бывает такую, какую
Им в этот день посылает родитель бессмертных и смертных.
Некогда ждало меня среди мужей и богатство и счастье,
Силой и властью своей увлекаясь, тогда я немало
Дел нечестивых свершил, на отца полагаясь и братьев.
Жить ни один человек нечестивою жизнью не должен.
Всякий дар от богов принимать он обязан в молчаньи.
Сколько, смотрю, беззаконий творят женихи в этом доме,
Как расточают богатства и как оскорбляют супругу
Мужа, который, поверь мне, вдали от друзей и отчизны
Очень будет недолго! Он близок! И дай тебе, боже,
Вовремя в дом свой уйти, чтоб его тут не встретить, когда он
В милую землю родную из странствий приедет обратно.
Верь, женихам и ему, когда он под кров свой вернется,
Не разойтись никогда без большого пролития крови!»
Странник, свершив возлиянье, вино медосладкое выпил,
Кубок же в руки обратно отдал устройтелю войска.
Тот, печалуясь сердцем, пошел через зал, головою
Низко поникнув. Почуял он что-то недоброе духом.
Смерти он все ж не избег. И его оковала Афина,
Гибель назначив принять от руки и копья Телемаха.
Снова сел Амфином на кресло, какое оставил.
Мысль вложила такую богиня Паллада Афина
В грудь Пенелопы разумной, Икарьевой дочери милой:

Пред женихами явиться, чтоб дух им побольше расширить,
Также, чтоб больше гораздо теперь, чем в минувшее время,
Ценною стала она в глазах и супруга и сына.
Так со смущенной улыбкой она Евриноме сказала:
«Дух, Евринома, меня побуждает, как не было раньше,
Пред женихами предстать, хоть они мне противны, как
прежде.

Слово б я сыну сказала, и было б оно не без пользы:
Чтоб никакого общения он не имел с женихами.
Речи у них хороши, за спиной они зло замышляют».
Ключница ей Евринома на это ответила вот что:
«Все, что, дитя, говоришь, говоришь ты вполне справедливо.
Выйди и сыну скажи, ничего от него не скрывая.
Раньше, однако, ты кожу омой и натри себе щеки.
Не появляйся на людях с лицом, орошенным слезами.
Нехорошо горевать непрерывно, о всем забывая.
Вырос твой сын. В таких он годах, в каких наиболее
Видеть его ты мечтала, о чем всего больше молилась».
Ей Пенелопа разумная так отвечала на это:
«Не убеждай, Евринома, меня, чтоб в своей я печали
Кожу водой омывала, румянами мазала щеки.
Отняли всю красоту у меня олимпийские боги
С самой поры, как уплыл Одиссей на судах изогнутых.
Вот что, однако: скажи Автоное и Гипподамее,
Пусть придут, чтобы были со мною, как в залу сойду я,
Я к мужчинам одна ни за что не спустилась бы: стыдно!»
Так сказала она. Старуха из комнаты вышла
Женщинам весть передать и наверх приказать им подняться.
Мысль другая меж тем пришла совоокой Афине.
Сладкий сон излила на веки она Пенелопы,
Все ее члены расслабли, склонилась она и заснула
Там же на кресле. Тогда излила на царицу богиня
Божеских много даров, чтоб пришли в изумленье ахейцы.
Сделала прежде всего лицо ей прекрасным, помазав
Той амвросийною мазью, какую себе Афродита
Мажет лицо, в хоровод прелестный харит отправляясь.
Сделала выше ее и полнее на вид, все же тело
Стало белей у нее полированной кости слоновой.
Все это сделавши так, богиня богинь удалилась.
Наверх служанки меж тем поднялись белорукие, громко
Между собою болтая. И сон ее сладкий покинул.
Быстро руками со щек согнала она сон и сказала:
«Сон нежнейший меня обволок средь ужасных страданий.
Если б такая же смерть была Артемидою чистой
Тотчас же послана мне, чтобы я в постоянной печали
Века себе не губила, тоскуя о милом супруге,
В доблестях самых различных меж всеми ахейцами первым».
Так сказавши, пошла Пенелопа из спальни блестящей,
Но не одна: с ней вместе спустились и двое служанок.
В залу войдя к женихам, Пенелопа, богиня меж женщин,
Стала вблизи косяка ведущей в комнату двери,
Щеки закрывши свои покрывалом блестящим, а рядом

С нею, с обеих сторон, усердные стали служанки.
У женихов ослабели колени, и страсть разгорелась.
Сильно им всем захотелось на ложе возлечь с Пенелопой.
Громко к милому сыну она между тем обратилась:
«Твердости нет, Телемах, у тебя уж ни в сердце, ни в мыслях,
Мальчиком будучи, был ты гораздо настойчивей духом.
Нынче ж, когда ты уж вырос, когда ты уж в полном расцвете,
Всякий когда бы сказал посторонний, взглянувши на рост
твой
И красоту, что пред ним — счастливого сын человека,
Сердце и мысли твои уж не так справедливы, как прежде,
Раз подобное дело могло у нас в доме свершиться,
Раз позволить ты мог так нашего гостя обидеть!
Как же теперь? Если гость, находясь в нашем собственном
доме,
Может столько терпеть издевательств и столько насилий,
Стыд и позор между всеми людьми тебе будет уделом!»
Матери так отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Мать моя, я на тебя не сержусь за упрек твой суровый,
Духом все я могу понимать и знаю отлично,
Что хорошо и что хуже. А раньше ведь был я ребенком.
Часто, однако, всего не могу я разумно обдумать.
Все эти люди, везде здесь сидящие, с кознями в сердце,
С толку сбивают меня, и нет у меня руководства.
Схватка же, бывшая здесь между гостем и Иром, случилась
Не по вине женихов, и старик оказался сильнее.
Если бы, Зевс, наш родитель, и вы, Аполлон и Афина,
Если бы так же и наглые все женихи в нашем доме,
Головы свесив, сидели избитые, — кто на дворе бы,
Кто бы и в доме внутри, и члены бы их ослабели, —
Так же, как этот вот Ир теперь за воротами дома,
Голову свесив, сидит, на пьяного видом похожий,
Прямо не может стоять на ногах, а также и в дом свой
Не в состоянии вернуться, — все члены его ослабели».
Так Телемах с Пенелопой вели меж собой разговоры.
К ним между тем подошел Евримах и так ей промолвил:
«Многоразумная старца Икария дочь, Пенелопа!
Если б ахейцы всего иасийского Аргоса нынче
Здесь тебя видеть могли, женихов несравненно бы больше
С самой зари пировало у вас: превосходишь всех жен ты
Видом и ростом высоким, внутри же — умом благородным».
Пенелопея разумная так отвечала на это:
«Нет, Евримах, добродетель мою — мой вид и наружность
Боги сгубили с тех пор, как пошли аргивяне походом
На Илион, а меж них и мой муж Одиссей находился —
Если б, вернувшись домой, заботой меня окружил он,
Больше б я славы имела, и было б все много прекрасней.
В горе теперь я. Как много мне бед божество ниспослало!
Помню я время, когда, родимый наш край покидая,
Взял он за правую руку у кисти меня и сказал мне:
— Невероятно, жена, чтоб из пышнопоножных ахейцев
Все из троянской земли воротились домой невредимо.

Слышно, что жители Трои — мужи, превосходные в битвах,
Бьются прекрасно на копьях и метко стреляют из лука,
И мастера в колесничных сраженьях, решающих быстро
Спор великий войны, одинаково всех не щадящей.
Можно ли знать, возвратит ли домой меня бог иль погибну
Там я под Троей? Поэтому ты обо всем здесь заботься.
Думай о доме всегда, об отце и об матери столько ж,
Сколько теперь, или больше еще, раз меня тут не будет.
После ж того, как увидишь ты выросшим нашего сына,
Замуж иди, за кого пожелаешь, оставивши дом свой.
Так говорил он тогда. И теперь исполняется это.
Ночь придет наконец, и брак ненавистный свершится.
Я проклята. Лишил меня счастья Зевс-промыслитель.
Вот еще горе, которое дух мне и сердце тревожит:
У женихов не такие обычаи были когда-то;
Если сватали раньше жену из богатого дома,
Знатного рода, то всякий хотел пред другим отличиться;
Сами к невесте и жирных овец и быков приводили,
И задавали пиры, приносили дары дорогие.
Но не чужое добро, ничего не платя, поедали». —
Так сказала. И рад был тому Одиссей многостойкий,
Как добиваться подарков умеет она, как искусно
Их обольщает словами, с другими желаньями в сердце.
К ней тогда Антиной обратился, рожденный Евпейтом:
«Многоразумная старца Икария дочь, Пенелопа!
Кто из ахейцев какие подарки принести пожелает,
Те и прими. Отвергать, что бы кто ни дарил, не годится.
Мы ж не вернемся к делам и к невестам другим не поедем
Раньше, чем по сердцу мужа не выберешь ты средь ахейцев».
Так сказал Антиной. И понравилось всем его слово.
Вестника каждый послал, чтоб подарок принес Пенелопе.
Пеплос вестник принес Антиною большой и прекрасный,
В пестрых узорах. На нем находилось двенадцать застежек,
Все — золотые, и столько ж крючков к ним, красиво
согнутых.

Для Евримаха принес ожерелье прекрасное вестник.
Золото в нем и янтарь, чередуясь, сияли, как солнце.
Вещи прелестные слуги доставили Евридаманту —
Лару сережек в три глаза, как будто из тутовых ягод.
С шейной повязкой пришел посланец от владыки Писандра
Поликторида, — красы необычной была та повязка.
Также и каждый из прочих ахейцев принес по подарку.
После того поднялась к себе наверх богиня средь женщин,
Следом за нею, подарки неся, поднялись и служанки.
Те же, занявшись опять усладительным пеньем и пляской,
Тешились ими и ждали, покамест приблизится вечер.
Тешились так, веселились. И вечер надвинулся черный.
Три жаровни тогда поставлены были в чертоге,
Чтобы светили. В жаровни поленьев сухих наложили
От сухостоя, недавно наколотых острою медью.
Сунули в них и смолистых лучинок. За топкой следили
Поочередно рабыни царя Одиссея. Тогда к ним

С речью сам Одиссей обратился, рожденный богами:
«Вот что, рабыни давно уж отплывшего вдаль Одиссея!
Шли бы вы в доме туда, где почтенная ваша царица,
Возле нее веретена вертите, ее развлекайте,
Сидя вверху у нее, или волну руками чешите.
Я же в жаровнях огонь для всех тут поддерживать буду,
Если б они здесь остались до самой зари златотронной,
То и тогда бы усталость меня не взяла — я вынослив»,
Так он сказал. Засмеялись они, друг на друга взглянули.
Нагло Меланфо с красивым лицом Одиссею сказала.
Долий был ей отцом. Воспитала ж ее Пенелопа,
Много забот на нее положила, дарила наряды.
Все же сочувствия в сердце к ней не питала Меланфо
И с Евримахом сейчас находилась в связи и любилась.
На Одиссея Меланфо накинулась с бранною речью:
«Что это, странник несчастный, с ума ты, как вижу я, спятил!
Ты не желаешь пойти ночевать куда-нибудь в кузню
Или в какую харчевню. Ты здесь без конца произносишь
Дерзкие речи средь многих мужей, никакого не зная
Страха. Вино ли тебе помутило рассудок? Всегда ли
Ум такой у тебя, что на ветер слова ты бросаешь?
Иль вне себя ты, что верх одержал над бродягою Иром?
Как бы сюда кто другой, посильнее, чем Ир, не явился!
Он бы, могучей рукою избив тебя справа и слева,
Из дому вышвырнул вон, всего обагренного кровью!»
Грозно взглянув на нее, Одиссей многоумный ответил:
«Сука! Сейчас же туда я пойду, передам Телемаху
Все, что ты здесь говоришь, и тебя на куски он разрежет!»
В страх сильнейший повергли слова Одиссея служанок,
Быстро они через зал побежали, расслабили у каждой
Члены. Подумали все, что угрозу свою он исполнит.
Он же поддерживал свет, у жаровен пылающих стоя,
И не о женщинах думал. Смотрел он на все, и кипело
Сердце в груди, и готовил он то, что потом и свершилось.
У женихов не совсем подавила Афина желанье
От издевательств обидных сдержаться. Хотела богиня,
Чтобы сильней огорченье прошло в Одиссеево сердце.
Начал к ним говорить Евримах, рожденный Полибом.
Над Одиссеем смеясь, хотел женихов он потешить:
«Слушайте слово мое, женихи достославной царицы,
Дайте то мне сказать, к чему меня дух побуждает!
Муж этот в дом Одиссеев пришел не без воли бессмертных.
Ясно мне видится: свет не от факелов наших исходит,
А от его головы; ведь волос на ней нет ни пучочка!»
Он Одиссею потом, городов разрушительно, молвил:
«Если б я принял тебя, пошел ли б ко мне ты работать
И поле далеко? Тебе я плату бы дал недурную.
Ты собирал бы терновник, сажал бы большие деревья.
Там бы тебе доставлял я обильную пищу; одежду
Дал бы хорошую; дал бы для ног подходящую обувь.
Но лишь в плохом ремесле понимаешь ты толк, за работу —
Взяться тебе не расчет. Побираясь по людям, желаешь

Лучше ты свой ненасытный желудок кормить подаяньем!»
Так, ему отвечая, сказал Одиссей многоумный:
«Если б с тобой, Евримах, состязаться пришлось мне в работе
В дни весенней поры, когда они длинны бывают,
На сенокосе, и нам по косе б, изогнутой красиво,
Дали обоим, чтоб мы за работу взялись и, не евши,
С ранней зари дотемна траву луговую косили;
Если бы также пахать на волах нам с тобою пришлось, —
Огненно-рыжих, больших, на траве откормившихся сочной,
Равных годами и силой, — и силой немалою; если б
Четырехгийный участок нам дали с податливой почвой,
Ты бы увидел, плохую ль гоню борозду я на пашне;
Если б войну где-нибудь хоть сегодня затеял Кронион,
Если бы щит я при этом имел, два копья заостренных,
Также и шлем целомедный, к вискам прилегающий плотно, —
В первых рядах ты меня тогда бы в сраженьи увидел
И попрекать бы не стал ненасытностью жадной желудка,
Но человек ты надменный, и дух у тебя неприветлив.
Ты потому лишь себя считаешь великим и сильным,
Что меж ничтожных и малых людей свое время проводишь.
Если б пришел Одиссей, если б он на Итаку вернулся,
Эта бы дверь, хоть и очень она широка, показалась
Узкой тебе, неоглядно бегущему вон из прихожей!»
Так он ответил. Сильнее еще Евримах разъярился,
Грозно взглянул на него и слова окрыленные молвил:
«Скоро, несчастный, с тобой я расправлюсь за дерзкие речи!
Ты среди многих мужей их ведешь, никакого не зная
Страха! Вино ль тебе помутило рассудок? Всегда ли
Ум такой у тебя, что на ветер слова ты бросаешь?
Иль вне себя ты, что верх одержал над бродягою Иром?»
Так закричав, он скамейку схватил. Одиссей испугался.
Быстро у самых колен дулихийца он сел Амфинома.
Весь пришелся удар виначерпию в правую руку.
Кружка со звоном из рук виначерпия наземь упала,
А виначерпий со стоном глухим опрокинулся навзничь.
Подняли шум женихи в тенистом обеденном зале.
Так не один говорил, поглядев на сидевшего рядом:
«Лучше бы было, когда б до прихода сюда, средь скитаний,
Странник этот погиб! Такого б тут не было гаму.
Здесь из-за нищих мы подняли ссору. Какая же будет
Радость от светлого пира, когда торжествует худое!»
К ним обратилась тогда Телемаха священная сила:
«Странные люди! Как стали вы буйны! И скрыть вы не в
силах,
Сколько вы ели и пили! Иль бог вас какой возбуждает?
Кончился пир наш. Теперь на покой по домам разоидитесь,
Если желание есть. А гнать никого не хочу я».
Так он сказал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым дивились словам, которые вдруг услышали.
С речью тогда к женихам Амфином обратился и молвил, —
Ниса блистательный сын, повелителя Аретиада:
«На справедливое слово, друзья, обижаться не должно

И отвечать на него не годится враждою и бранью.
Больше не следует этого вам обижать чужеземца
И никого из рабов, в Одиссеевом доме живущих.
Пусть же теперь виночерпий нам доверху кубки наполнит,
Чтоб, возлиянье свершив, по домам мы для сна разошлись.
Странника ж здесь, во дворце Одиссея, поручим заботам
Сына его Телемаха: в его он находится доме».
Так говорил он. И слово, приятное всем, произнес он.
Мулий, знатный товарищ его, дулихийский глашатай,
Тотчас снова в кратере вино замешал пировавшим,
Каждому чашу поднес. И все, совершив возлиянье
Вечным, блаженным богам, вино медосладкое пили.
После, свершив возлиянье и выпивши, сколько хотелось,
Все по жилищам своим разошлись и сну предались.

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

В зале столовом божественный сын оставался Лаэрттов
И женихов истребленье обдумывал вместе с Афиной.
Быстро он Телемаху слова окрыленные молвил:
«Нужно вынести вон, Телемах, боевые доспехи
Все без изъятья. А если, хватившись, спрашивать станут,
То успокой женихов приветливо-мягкою речью:
— Я их от дыма унес. Не такие они уж, какими
Здесь Одиссей, отправляясь в поход, их когда-то оставил.
Обезображены все, дотемна от огня закоптели.
Соображенье еще поважней божество мне вложило:
Как бы вы между собой во хмелю не затеяли ссоры
И безобразной резней сватовства и прекрасного пира
Не опозорили. Тянет к себе человека железо! -»
Так он сказал. Телемах, приказанье отца исполняя,
Вызвал тотчас Евриклею кормилицу сверху и молвил:
«Мать, удержи-ка на время мне в комнатах женщин, покамест
Всех я в чулан не снесу прекрасных доспехов отцовских.
Здесь за ними не смотрят, они потускнели от дыма.
Не было в доме отца, а я еще был неразумен.
Их теперь я желаю убрать, чтоб огонь не коптил их».
Тут ему Евриклея кормилица так отвечала:
«Если б, сынок, хоть теперь и о том, наконец, ты подумал,
Как тебе дом сохранить и сберечь все имущество ваше!
Кто же, однако, теперь пред тобою пойдет, чтоб светить вам?
Ты выходить не позволил служанкам. А светят они ведь».
Ей на это в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Этот вот странник! Остаться без дела едящему хлеб мой
Я не позволю, хотя бы он прибыл сюда издалека!»
Так он громко сказал. И осталось в ней слово бескрылым.
Сделала, как повелел он, и к женщинам двери замкнула.
Вмиг поднялись Одиссей с блистательным сыном. Из зала
Быстро горбатые стали щиты выносить они, шлемы,
Острые копья. Светильник держа золотой, перед ними

Свет кругом разливала прекрасный Паллада Афина.
Громко тогда Телемах к отцу своему обратился:
«О мой отец! Я чудо великое вижу глазами!
В зале нашем и стены кругом и глубокие ниши,
Бревна еловые этих высоких столбов, переметов, —
Все пред глазами сияет, как будто во время пожара!
Бог здесь какой-то внутри из владеющих небом широким!»
Так, отвечая на это, сказал Одиссей многоумный:
«Мысли свои удержи, молчи и не спрашивай больше!
Так всегда у бессмертных богов, на Олимпе живущих.
Вот что, однако: иди-ка ты спать, а я тут останусь.
Хочется мне испытать и служанок и мать твою также:
В скорби своей обо многом меня она спрашивать станет».
Так сказал Одиссей. Телемах, повинувшись, покинул
Зал и, факелом путь освещая, направился в спальню,
Где, когда приходил к нему сон, и всегда ночевал он.
Там он лег и теперь, дожидаясь божественной Эос.
В зале столовом меж тем Одиссей богоравный остался
И женихов истребленье обдумывал вместе с Афиной.
Вышла меж тем Пенелопа из спальни своей, Артемиде
Иль золотой Афродите подобная видом прекрасным.
Кресло близко к огню ей поставили. Было искусно
Кресло обложено все серебром и слоновою костью.
Мастер Икмалий сработал его. Он для ног и скамейку
К креслу приделал. Густою овчиной оно покрывалось.
В это кресло, придя, Пенелопа разумная села.
В зал служанки меж тем белорукие сверху спустились,
Стали столы убирать, остатки обильные пищи,
Кубки, откуда вино эти люди надменные пили.
Вытрясли наземь огонь из жаровен и в них положили
Много новых поленьев сухих — для тепла и для света.
На Одиссея вторично Меланфо накинулась с бранью:
«Надоедать нам и дальше всю ночь напролет ты желаешь,
По дому всюду слоняясь и нагло глаза на женщин?
Вон убирайся, несчастный! Нажрался ты всласть — и
довольно!

Вот как хвачу головней, отсюда ты вылетишь мигом!»
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей многоумный:
«Что с тобой? Почему ты ко мне пристаешь так сердито?
Иль потому, что я грязен, что рубищем тело одето,
Что побираюсь по людям? Нуждой я к тому приневолен!
Странники, нищие люди всегда ведь бывают такими.
Некогда собственным домом и сам я промежду сограждан
Жил — богатый, счастливый, всегда подавая скитальцу,
Кто бы он ни был и, в чем бы нуждаясь, ко мне ни пришел он.
Множество было рабов у меня и всего остального,
С чем хорошо нам живется, за что нас зовут богачами.
Все уничтожил Кронион. Ему, видно, так пожелалось.
Как бы, смотри, не случилось того же с тобой! Потеряешь
Всю красоту, какой ты теперь меж рабынь выдаешься.
От госпожи тебе может достаться, тобой прогневленной.
Может прибыть Одиссей: ведь надежда еще не пропала.

Если ж погиб Одиссей и домой никогда не вернется,
Есть у него уж такой же, по милости Феба, как сам он,
Сын Телемах. От него ни одна не сумеет из женщин
Гнусное скрыть поведенье свое: он уже не ребенок».
Так сказал Одиссей. Услыхала его Пенелопа,
Стала служанку бранить, назвала и так ей сказала:
«Да, нахалка, собака бесстыжая! Скрыть не сумеешь
Дел ты своих от меня! Головой мне за них ты заплатишь!
Все прекрасно ты знала, сама я тебе говорила,
Что собираюсь в доме своем расспросить о супруге
Странника этого, ибо безмерно я сердцем страдаю».
Ключнице после того Евриноме она приказала:
«Ну-ка подай табуретку, покрой ее сверху овчиной.
Сядет гость на нее, чтоб слова говорить мне, а также,
Чтобы слова мои слушать. Его расспросить я желаю».
Так Пенелопа сказала. Послушалась ключница, быстро
С гладкой пришла табуреткой, поставила, мехом покрыла.
Сел тогда на нее Одиссей, в испытаниях твердый.
Первой к нему Пенелопа разумная речь обратила:
«Вот что прежде всего сама, чужеземец, спрошу я:
Кто ты? Родители кто? Из какого ты города родом?»
Ей отвечая на это, сказал Одиссей многоумный:
«Женщина, кто порицать тебя на земле беспредельной
Мог бы осмелиться? Слава твоя достигает до неба.
Ты — словно царь безупречный, который, блюдя благочестье,
Многими правит мужами могучими. Строго повсюду
Правда царит у него. Ячмень и пшеницу приносят
Черные пашни; плоды отягчают древесные ветви;
Множится скот на полях, и рыбу моря доставляют.
Все — от правленья его. И народы под ним процветают.
Лучше б меня о другом чем-нибудь ты расспрашивать стала.
Не узнавай, умоляю, о роде моем и отчизне.
Сердце мое еще больше страданьем наполнится, если
Вспомню я все. Я очень несчастен. И мне не годится
В доме чужом заливать слезами и всхлипывать горько.
Нехорошо горевать непрерывно, о всем забывая.
Не осудила б какая рабыня меня иль сама ты:
Плавают, скажут, в слезах, потому что вином нагрузился!»
Мудрая так Пенелопа на это ему отвечала:
«Нет, чужеземец, мою добродетель — мой вид и
наружность —
Боги сгубили с тех пор, как пошли аргивяне походом
На Илион, а меж них и мой муж Одиссей находился.
Если б, вернувшись домой, заботой меня окружил он,
Больше б я славы имела, и было б все много прекрасней.
В горе теперь я. Как много мне бед божество ниспослало!
Первые люди по власти, что здесь острова населяют —
Зам, и Дулихий, и Закинф, покрытый густыми лесами,
И каменистую нашу Итаку, — стремятся упорно
К браку меня принудить и грабят имущество наше.
Сердца не трогают мне ни просящий защиты, ни странник,
Также никто и меж тех, кто глашатаем служит народу.

Об Одиссее одном я тоскую растерзанным сердцем.
Тем же, кто с браком торопит, такую я выткала хитрость:
Прежде всего божество мне внушило, чтоб ткань начала я
Ткать, станок превеликий поставив вверху, в моей спальне,
Тонкую, очень большую. Я им объявила при этом:
— Вот что, мои женихи молодые, ведь умер супруг мой,
Не торопите со свадьбой меня, подождите, покамест
Савана я не сотку, — пропадет моя иначе пряжа! —
Знатному старцу Лаэрту на случай, коль гибельный жребий
Скорбь доставляющей смерти нежданно его здесь постигнет,
Чтобы в округе меня не корили ахейские жены,
Что похоронен без савана муж, приобретший так много. —
Так я сказала и дух им отважный в груди убедила.
Ткань большую свою весь день я ткала непрерывно,
Ночью же, факелы возле поставив, опять распускала.
Длился три года обман, и мне доверяли ахейцы.
Но как четвертый приблизился год, и часы наступили,
Месяцы сгибли, и дни свой положенный круг совершили,
Через рабынь, бессердечных собак, все им стало известно.
Сами они тут застали меня и набросились с криком.
Волей-неволей тогда работу пришлось мне окончить.
Брака теперь избежать не могу я, и новая хитрость
Мне не приходит на ум. Родные меня побуждают
К браку. Мой сын негодует, смотря, как имущество гибнет.
Он уже все понимает, он взрослый мужчина, способный
Сам хозяйство вести и славу добыть через Зевса.
Все-таки ты мне скажи, какого ты рода, откуда?
Ведь не от дуба ж ты старых сказаний рожден, не от камня». —
Ей отвечая на это, сказал Одиссеей многоумный:
«О достойная чести супруга царя Одиссея!
Ты упорно желаешь о роде моем попытаться.
Ну хорошо, я скажу. Но меня еще большим печалю
Этим ты предаешь. Так в жизни бывает со всяким,
Кто столь долгое время, как я, на родине не был,
Много объехал чужих городов и страдал так жестоко.
Все ж и притом я скажу, что спросила и хочешь узнать ты.
Есть такая страна посреди винно-цветного моря, —
Крит прекрасный, богатый, волнами отовсюду омытый.
В нем городов — девяносто, а людям, так нету и счета.
Разных смесь языков. Обитает там племя ахейцев,
Этеокритов отважных, кидонских мужей; разделенных
На три колена дорийцев; пеласгов божественных племя.
Кнос — между всех городов величайший на Крите. Царил в

нем

Девятилетьями мудрый Минос, собеседник Зевеса.
Храброму Девкалиону, отцу моему, был отцом он.
Девкалионом же я был на свет порожден и властитель
Идоменей. Но в судах изогнутых с Атридами вместе
В Троию он отплыл. Эфон — мое знаменитое имя.
Был я моложе его. Он старше и духом отважней.
Там Одиссея я видел, одаривал щедро, как гостя.
Ветра ярая сила, в то время как в Троию он ехал,

К Криту его загнала, отбивши от мыса Малей.
Стал он в Амнисе. Пещера богини Илифии есть там.
В гавани этой опасной с трудом лишь он спасся от бури.
Идоменея спросил он тотчас же, поднявшись к нам в город.
Был он ему, по словам его, гостем почтенным и милым.
Но уже десять прошло иль одиннадцать зорь, как уехал
Идоменей с кораблями своими двуххвостыми в Трою.
Я Одиссея привел во дворец наш и принял радушно,
И угощал из запасов, в обильи имевшихся в доме.
Также товарищам всем Одиссея, с ним вместе прибывшим,
Светлого дал я вина и муки, их собравши с народа,
Как и говяжьего мяса, чтоб было чем дух им наполнить.
Целых двенадцать там дней богоравные ждали ахейцы.
Яростный северный ветер держал их. Стоять и на суше
Было нельзя. Божеством он каким-то был послан враждебным.
Лишь на тринадцатый день он утих, и ахейцы отплыли».
Много в рассказе он лжи громоздил, походившей на правду.
Слушала та, и лились ее слезы, и таяли щеки,
Так же, как снег на скалистых вершинах возвышенных тает,
Евром согретый и раньше туда нанесенный Зефиром;
Реки быстрее текут, вздуваясь от таянья снега.
Таяли так под слезами ее прекрасные щеки
В плаче о муже своем, сидевшем пред ней. Одиссей же
В сердце глубоко жалел рыдавшую горько супругу,
Но, как рога иль железо, глаза неподвижно стояли
В веках. И воли слезам, осторожность храня, не давал он.
После того как она многослезным насытилась плачем,
С речью такой к Одиссею опять она обратилась.
«Мне теперь хочется, странник, тебя испытанью подвергнуть.
Если вправду товарищей ты угощал Одиссея
И самого его там у себя, как меня уверяешь,
То расскажи мне, какую на теле носил он одежду,
Как он выглядел сам и кто его спутники были».
Ей отвечая на это, сказал Одиссей многоумный:
«Женщина, трудно о тех говорить, кто так долго далеко
Пробыл. Теперь ведь двадцатый уж год с той поры протекает,
Как он уехал оттуда и родину нашу покинул.
Все же тебе расскажу я, что память моя сохранила.
Плащ двойной шерстяной имел Одиссей богоравный —
Пурпурный. В этом плаще золотая застежка входила
В парную трубку, а сверху они прикрывались бляхой:
Пестрый олень молодой под зубами собаки в передних
Лапах ее извивался. Смотреть удивительно было,
Как — из золота оба — собака душила оленя,
Он же ногами отчаянно бил, убежать порываясь.
Также блестящий хитон на теле его я заметил.
Ткань — как пленка была с головки сушеного лука, —
Так нежна была ткань, и сияла она, словно солнце.
Многие женщины, глядя на этот хитон, изумлялись.
Слово другое скажу, и к сердцу прими это слово.
Знать не могу я, носил ли уж дома он эту одежду,
Иль из друзей ему кто подарил, как он в путь отправлялся,

Иль получил ее в дар уж в дороге. Любили повсюду
Сына Лаэртова: мало ведь было ахейцев подобных.
Также и я ему меч подарил и двойной, превосходный
Пурпурнокрасный хитон с красивой каймой и с почтеньем
Гостя в его корабле крепкопалубном дальше отправил.
Был и вестник при нем, лишь немного моложе, чем сам он.
Также о том я тебе расскажу, как выглядел вестник;
Был он спиною сутул, смуглокож, с головою кудрявой
Звали его Еврибат. Одиссей с ним всего наиболее
Был из товарищей дружен и в мыслях всех ближе сходился».
Больше еще у нее появилось желание плакать, —
Так подробно и точно все признаки ей описал он.
После того как она многослезным насытилась плачем,
С речью такой к Одиссею опять она обратилась:
«Раньше ты, странник, во мне возбудил состраданье, теперь

же

Будешь ты в доме моем мне мил и достоин почтения.
Эту одежду, сложив ее в складки, сама принесла я
Из кладовой и блестящую к ней приложила застежку,
Чтоб украшеньем служила. Теперь никогда уж его мне
Больше не встретить входящего в дом свой в Итаке родимой!
Злою, как видно, подвигнут судьбой, в корабле своем полом
В злой Илион поехал супруг мой, в тот город ужасный!»
Ей отвечая на это, сказал Одиссей многоумный:
«О достойная чести супруга царя Одиссея!
Больше не порти своей красоты, не мертви себе духа
Скорбью о муже. Тебя порицать я за это не мог бы:
Всякая будет скорбеть о гибели мужа, с которым
В браке счастливом детей прижила, хоть будь он и хуже,
Чем Одиссей; говорят ведь, что был он бессмертным подобен.
Но прекрати свои слезы, подумай о том, что скажу я.
Полную правду скажу я тебе, ничего не скрывая.
О возвращеньи домой Одиссея уж слышать пришлось мне.
Близко от нас Одиссей, в краю плодородном феспротов,
Жив и много домой сокровищ везет богатейших,
Собранных им у различных народов. Но спутников верных,
Полный корабль свой в волнах потерял он, едва лишь покинул
Остров Тринакрию. Гневались Зевс на него с Гелиосом
Из-за коров Гелиоса, убитых людьми Одиссея.
В буйно плещущем море товарищи все потонули,
Сам же на киле судна был выброшен он им на сушу
В край, где родные бессмертным богам обитают феаки.
Эти феаки, как бога, его почитали всем сердцем,
Много даров подарили и сами желали отправить
В целости полной домой. И был бы давно он уж дома.
Много, однакоже, выгодней счел Одиссей хитроумный
Раньше побольше объехать земель, собирая богатства.
Он в понимании выгод своих выдавался меж всеми.
В этом бы с ним состязаться не мог ни единый из смертных.
Все это так мне Федон рассказал, повелитель феспротов.
Мне самому поклялся он, свершив возлияние в доме,
Что и корабль уже спущен и люди совсем уж готовы,

Чтоб отвезти Одиссея в желанную землю родную.
Раньше, однако, меня он отправил. Случайно в то время
Ехал феспротский корабль в Дулихий, богатый пшеницей.
Мне и богатства, какие собрал Одиссей, показал он.
Десять могли бы они поколений кормить у иного, —
Столько в доме его лежало сокровищ владыки.
Про Одиссея ж сказал, что сам он в Додону поехал,
Чтоб из священного дуба услышать вещание Зевса:
Как вернуться ему на тучные земли Итаки, —
Явно ли, тайно ли, раз он так долго на родине не был?
Значит, как видишь, он жив. На Итаку он скоро вернется.
Он уже близко! Поверь мне, вдали от друзей и отчизны
Будет он очень недолго. Готов тебе в этом поклясться.
Будь мне свидетелем, Зевс, из богов высочайший и лучший,
Этот очаг Одиссея, к которому здесь я приехал, —
Все совершится воистину так, как тебе говорю я.
В этом году еще к вам Одиссей, ты увидишь, вернется,
Только что на небе месяц исчезнет и сменится новым».
Мудрая так Пенелопа на это ему отвечала:
«О, если б слово твое, чужеземец, свершилось на деле!
Много б тогда от меня получил ты любви и подарков,
Так что всякий тебя, повстречавши, назвал бы счастливецем!
Как, однако, ни будет, — я сердцем предчувствую вот что:
Ни Одиссей не вернется домой, ни тебя не отправим
В путь мы отсюда: хозяев уж нет здесь, каким до отъезда
Был Одиссей в этом доме, — да! был таким он когда-то! —
Странников всех принимавший и в путь отправлявший с
почетом.

Вот что, служанки: обмойте его и постель приготовьте —
Все: кровать, одеяло, подушки блестящие, — так, чтоб
Мог он в полном тепле дожидаться Зари златотронной.
Завтра же рано обмойте его и маслом натрите,
Чтобы внутри здесь, в столовой самой, вблизи Телемаха,
Мог он сесть за обед. И тому самому будет хуже,
Кто его больно обидит: тогда ничего уже больше
Он от меня не добьется, хотя бы сердился ужасно.
Как же, странник, ты сможешь узнать обо мне, превышаю ль
Женщин я остальных умом и разумною сметкой,
Если я грязным тебя и в платье плохое одетым
Сесть к нам за стол допущу? Краткожизненны люди на свете.
Кто и сам бессердечен и мысли его бессердечны,
Все того проклинаят живого и всяких желают
Горьких скорбей для него, а над мертвым жестоко глумятся.
Кто же и сам безупречен и мысли его безупречны, —
Славу широкую всюду о нем между смертных разносят
Странники, много людей называет его благородным».
Ей отвечая на это, сказал Одиссей многоумный:
«О достойная чести супруга царя Одиссея!
Мне одеяла, подушки блестящие стали противны
С самой поры, как впервые я критские снежные горы,
В длинновесельном плывя корабле, за собою оставил.
Лягу я так, как давно уж без сна провожу свои ночи.

Много ночей проворочался я на убогих постелях,
Так дожидаясь прихода на небо Зари пышнотронной.
И омовение ног сейчас мне совсем не желанно.
Нет, никогда наших ног ни одна не коснется из женщин,
Тех, которые здесь несут свою службу при доме,
Если женщины нет у тебя престарелой и умной,
Столько же в жизни своей, как я, перенесшей страданий.
Если бы ноги она мне помыла, я не был бы против».
Мудрая так Пенелопа на это ему отвечала:
«Милый странник! Милее в мой дом никогда не являлся
Муж — разумный такой — из странников стран чужедальных.
Все, что ты здесь говоришь, — так обдуманно, все так
понятно!

Старая женщина есть у меня, разумная сердцем.
Ею и выкормлен был и выхожен тот несчастливец,
Ею он на руки был в минуту рождения принят.
Очень она уж слаба, но все ж тебе ноги помоет.
Ну-ка, моя Еврикля разумная, встань-ка и вымой
Ноги ему. Твоему господину он сверстник. Наверно,
И Одиссей и ногами уж стал и руками такой же.
Очень старятся быстро в страданиях смертные люди».
Так говорила. Лицо старуха закрыла руками,
Жаркие слезы из глаз проливая, и грустно сказала:
«Горе! Дитя мое! Что я поделать могу! Как жестоко
Зевс ненавидит тебя! А как ведь его почитал ты!
Кто из смертных такие сжигал молневержцу Кронида
Жирные бедра, такие давал гекатомбы, какие
Ты приносил ему, жарко молясь, чтобы старости светлой
Ты для себя дождался и блестящего выкормил сына?
Лишь у тебя одного он день возвращения отнял.
Может быть, где-нибудь так же над ним, чужеземным
скитальцем,

В чьем-нибудь доме богатом служанки бесстыдно глумились,
Как издеваются здесь над тобою все эти собаки!
Их постоянных обид и насмешек желая избегнуть,
Не разрешаешь себя ты обмыть им. Но я-то готова
Очень охотно исполнить приказ Пенелопы разумной.
Ради не только самой Пенелопы тебе я помою
Ноги, но так же и ради тебя. Глубокой печалью
Дух мой взволнован внутри. Послушай-ка то, что скажу я.
Много странников к нам несчастливых сюда приходило,
Но никогда никого столь похожего я не видала,
Как с Одиссеем ты голосом схож, и ногами, и видом».
Ей отвечая на это, сказал Одиссей многоумный:
«Все, старушка, кому приходилось обоих нас видеть,
Все утверждают, что очень один на другого похожи
Мы с Одиссеем, как ты и сама справедливо сказала».
Ярко сияющий таз достала старуха, в котором
Ноги мыла всегда, налила в него раньше холодной
Много воды и горячей потом подлила. Одиссей же
От очага отодвинулся прочь в темноту поскорее:
Тотчас на ум опасенье пришло, чтобы, за ногу взявшись,

Не увидала старуха рубца, и все б не открылось.
Ближе она подошла, чтоб помыть своего господина.
Вдруг узнала рубец, кабаном нанесенный когда-то.
Ездил тогда Одиссей на Парнас, к Автолику с сынами.
Дедом его он по матери был. И был он великий
Клятвопреступник и вор. Гермес даровал ему это.
Бедрa ягнят и козлят, приятные богу, сжигал он,
И Автолику Гермес был и спутник в делах и помощник.
В край плодородный Итаки приехав, застал Автолик там
Только что дочерью милой рожденного сына-младенца.
После того как он ужинать кончил, ему на колени
Внука его положив, Еврикля промолвила слово:
«Сам ты теперь, Автолик, найди ему имя, какое
Внуку хотел бы ты дать: ведь его ты вымаливал жарко».
Ей отвечая на это, сказал Автолик и воскликнул:
«Зять мой и дочь, назовите дитя это так, как скажу я.
Из дому к вам я приехал сюда, на земле многодарной
Многим мужчинам, а также и женам весьма ненавистный.
Пусть же прозвище будет ему Одиссей. А когда подрастет он,
Если в дом материнский большой на Парнасе приедет,
Где я богатства свои сохраняю, — из этих сокровищ
Дам я подарки ему, и домой он уедет довольный».
Этого ради, чтоб их получить, Одиссей и поехал.
Приняли очень радушно его Автолик с сыновьями.
Руки ему пожимали, приветливо с ним говорили.
Бабка ж его Амфитея, обняв Одиссея руками,
Голову внука, глаза целовать его ясные стала.
Славных своих сыновей позвал Автолик, приказавши
Им приготовить обед. Охотно они подчинились.
Тотчас на двор привели быка пятилетнего с поля,
Кожу содрали с быка и его на куски разрубили,
Ловко на мелкие части рассекли, наткнули на прутья
И, осторожно изжарив, на порции все поделили.
Так тогда целый день напролет, до зашествия солнца,
Все пировали, и не было в равном пиру обделенных.
Солнце меж тем закатилось, и сумрак спустился на землю.
Спать все тогда улеглись и сна насладились дарами.
Только успела подняться из тьмы розоперстая Эос,
Вышли уже на охоту собаки, с собаками также
И сыновья Автолика, а с ними отправился вместе
И Одиссей. Поднялись на высокую гору Парнаса,
Лесом заросшую. Вскоре достигли тенистых ущелий.
Только что новыми солнце лучами поля осветило,
Выйдя из тихо текущих, глубоких зыбей Океана,
Вниз в ущелье спустились охотники; мчались пред ними,
Нюхая жадно следы, собаки, за ними спешили
Сзади сыны Автолика, среди них же, всех ближе к собакам,
Равный богам Одиссей, потрясая копьем длиннотенным.
Там огромный кабан залег меж кустов густолистных.
Не продувала их сила сырая бушующих ветров,
Не пробивало лучами палящими жаркое солнце,
Не проникал даже до низу дождь, до того они густы

Были; под ними же листьев огромная куча лежала.
Шум приближался охоты. Вокруг кабана раздавались
Лай и топот шагов. Он медленно вышел из чащи
И, ошестинив хребет, с горящими ярко глазами,
Близко встал перед ними. Взмахнув мускулистой рукою,
Первый нацелился длинным копьём Одиссей, порываясь
Насмерть сразить кабана. Но кабан, упредив Одиссея,
Выше колена ударил его и выхватил много
Мяса, ударивши сбоку клыком. Но кость уцелела.
В правое ведро плечо копьём угодил он, метнувши,
И пронизало насквозь копьё медноострое зверя.
С хрипом в пыль повалился кабан и с духом расстался.
Тотчас тем кабаном занялись сыновья Автолика,
Рану потом Одиссею отважному, схожему с богом,
Перевязали искусно и черную кровь заговором
Остановили. И в дом поспешили отцовский вернуться.
Выходив гостя от раны, кабаньим клыком нанесенной,
Много ценных даров подарив, Автолик с сыновьями
Быстро его на Итаку отправили. Радостны были
Сам Одиссей и они. И радостно приняли дома
Сына отец и почтенная мать и расспрашивать стали,
Как он рубец получил. И все рассказал он подробно,
Как его белым клыком ударил кабан на Парнасе,
Где ему быть на охоте с сынами пришлось Автолика.
Только рукой провела по ноге Одиссея старуха,
Только коснулась рубца — и ногу из рук уронила.
В таз упала нога Одиссея, и медь зазвенела.
Набок таз наклонился, вода полилася на землю.
Сердце ей охватили и радость и скорбь. Оборвался
Голос громкий. Глаза налились мгновенно слезами.
За подбородок она ухватила его и сказала:
«Это же ты, Одиссей, дитя мое! Как же я раньше
Не догадалась и, только ощупавши ногу, узнала!»
На Пенелопу при этом она поглядела глазами,
Ей указать собираясь, что здесь он, супруг ее милый.
Но не взглянула в ответ, ничего не видала царица:
В сторону мысль отвела ей Афина. За горло старуху
Быстро правой рукою схватил Одиссей, а другою
Ближе к себе притянул и шепотом стал говорить ей:
«Иль погубить меня хочешь? Сама ведь меня ты вскормила
Грудью своею! Трудов испытал и страданий без счета,
Я на двадцатом году воротился в родимую землю.
Раз внушил тебе бог и ты обо всем догадалась,
То уж молчи! И чтоб дома никто обо мне не проведал!
Вот что тебе я скажу, и это исполнено будет:
Если моею рукою божество женихов одолеет,
Не пощажу я тебя, хоть меня ты вскормила, когда я
В доме начну убивать других моих женщин-прислужниц».
Тут ему Евриклея разумная так возразила:
«Что за слова у тебя сквозь ограду зубов излетели!
Знаешь и сам ты, мой сын, как тверда и упорна я духом.
Выдержу все, что ты мне повелишь, как железо иль камень».

Слово другое скажу, и к сердцу прими это слово:
Если твоею рукой божество женихов одолеет,
Комнатных женщин тогда перечислю я всех пред тобою,
Кто между ними бесчестит тебя и какая невинна».
Ей отвечая на это, сказал Одиссей многоумный:
«Мать, зачем ты о них говоришь? Это вовсе не нужно.
Мне самому разгадать и узнать их нисколько не трудно.
Главное только — молчи и богам предоставь остальное».
Так сказал Одиссей. Старуха из комнаты вышла,
Новой воды принесла, так как прежняя вся пролилася.
Вымыла ноги ему и душистым натерла их маслом.
Ближе к огню Одиссей свою табуретку подвинул,
Чтобы согреться, рубец же тотчас под лохмотьями спрятал.
Снова его Пенелопа разумная спрашивать стала:
«Странник, немножко сама у тебя я спрошу еще вот что.
Час приятный приходит ночного покоя, в который
Сладкий спускается сон на всех, даже самых печальных,
Мне же бог и печаль посылает чрез всякую меру.
Днем еще плачем, стенаньем себе облегчаю я сердце,
В доме за всеми делами слежу, за работой служанок.
Ночью ж, когда все утихнет и всеми покой овладеет,
Я на постели лежу, и стесненное сердце все время
Острые мне угнетают заботы, печаль вызывая.
Как Пандареева дочь, соловей бледножелтый Аэда,
С новым приходом весны заливается песнью прекрасной,
Сидя в листве непроглядной вершин густолистных деревьев,
И постоянно меняет свой голос, далеко звучащий,
Плача о сыне Итиле, рожденном от Зефа-владыки,
Ею самую убитом нечаянно острою медью, —
Так же туда и сюда колеблется надвое дух мой:
С сыном ли вместе остаться, следя за рабынями зорко,
И за именем моим, и за домом с высокою кровлей,
Ложе супруга храня и людскую молву уважая, —
Иль, наконец, за ахейцем последовать, кто наиболее
Знатен среди женихов и щедрей остальных на подарки.
Сын мой, покамест он мал еще был и наивен, мешал мне
Дом супруга оставить и замуж пойти за другого.
Нынче ж, как стал он большим и в полном находится цвете,
Сам он просит меня, чтоб из этого дома ушла я:
Он негодует, смотря, как ахейцы имущество грабят.
Выслушай, странник, однако, мой сон и его растолкуй мне.
Двадцать гусей у меня из воды выбирают пшеницу
В доме моем, и при взгляде на них веселюся я духом.
Вдруг с горы прилетел огромный орел кривокоготый,
Шеи всем им свернул и убил. Валялися кучей
По двору гуси, орел же в эфир поднялся светоносный.
Горько во сне я рыдала и голосом громким вопила.
Быстро сбежались ко мне ахейки в косах красивых,
Вместе со мною скорбя, что орлом мои гуси убиты.
Вдруг он явился, и сел на выступе кровельной балки,
И, утешая меня, человеческим голосом молвил:
— Духом, Икария славного дочь, малодушно не падай!

Это не сон, а прекрасная явь, это все так и будет.
Гуси — твои женихи, а я был орел, но теперь уж
Я не орел, а супруг твой! Домой наконец я вернулся
И женихам обнаглевшим готовлю позорную гибель. —
Так сказал он. И сон покинул меня медосладкий.
Я очнулась, поспешно во двор поглядела и вижу:
Гуси мои, как всегда, пшеницу клюют из кормушки.
Ей отвечая на это, сказал Одиссей многоумный:
«Женщина, этот твой сон толковать невозможно иначе:
Ведь Одиссей самолично тебе сообщил, что случится.
Без исключения всех женихов ожидает погибель;
Кер и смерти меж них ни один избежать уж не сможет!»
Мудрая так Пенелопа на это ему отвечала:
«Странник, бывают, однако, и темные сны, из которых
Смысла нельзя нам извлечь. И не всякий сбывается сон наш.
Двое разных ворот для безжизненных снов существует.
Все из рога одни, другие — из кости слоновой.
Те, что летят из ворот полированной кости слоновой,
Истину лишь заслоняют и сердце людское морочат;
Те, что из гладких ворот роговых вылетают наружу,
Те роковыми бывают, и все в них свершается точно.
Но не из этих ворот, полагаю я, сон тот ужасный
Вылетел, как бы того ни желалось самой мне и сыну.
Слово другое скажу, и к сердцу прими это слово.
Утро приходит теперь злоимянное, дом Одиссея
С ним мне придется покинуть. Хочу состязанье назначить.
В зале своем Одиссей топоры расставлял друг за другом,
Как корабельные ребра, двенадцать числом. Отступивши
Очень далеко назад, он простреливал все их стрелою.
Нынче хочу предложить женихам состязание это.
Тот, кто на лук тетиву с наименьшим наденет усилием
И топоров все двенадцать своею стрелою прострелит,
Следом за тем я пойду, этот дом за спиною оставив, —
Мужа милого дом, прекрасный такой и богатый!
Думаю, будет он мне хоть во сне иногда вспоминаться!»
Ей отвечая на это, сказал Одиссей многоумный:
«О достойная чести супруга сына Лаэрта!
Не отлагай ни за что состязания этого в доме!
В доме своем Одиссей многоумный появится прежде,
Нежели эти коснутся рукою до гладкого лука
И, натянув тетиву, седое прострелят железо».
Мудрая так Пенелопа на это ему отвечала:
«Если б ты, странник, меня пожелал тут своею беседой
Радовать, сон никогда бы на веки мои не спустился.
Людям, однако, всегда оставаться без сна невозможно.
Это — воля богов. Во всем на земле многодарной
Меру свою положили для смертных бессмертные боги.
Наверх к себе поднимусь я в спальню отсюда. И там я
Лягу в постель, для меня источником ставшую стонов.
Я непрерывно ее орошаю слезами с тех пор, как
В злой Илион поехал супруг мой, в тот город ужасный!
Там я легла бы. А ты в нашем доме устройся. Себе ты

Иль на земле постели, иль кровать тебе можно поставить». Кончивши, наверх в покой свой блестящий пошла Пенелопа, Но не одна. За нею прислужницы шли остальные. Наверх поднявшись к себе со служанками, долго царица Об Одиссее, любимом супруге, рыдала, покуда Век ей сладостным сном не покрыла богиня Афина.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

Стал себе ложе готовить в сенях Одиссеей богоравный. Вниз воловью постлал недубленную шкуру, а сверху Много овчин набросал от овец, женихами убитых. А Еврикля, как лег он, его одеялом покрыла. Там Одиссеей, женихам истребление в мыслях готовя, Глаз не смыкая, лежал. Из зала в то время служанки, Бывшие также и раньше в любовной связи с женихами, Весело вон выбегали, смеясь меж собой и болтая. Дух Одиссеев в груди у него глубоко возмущился. Долго он в духе и в сердце своем колебался, не зная, Броситься ль прямо на них и всех перебить беспощадно Или позволить — эту им ночь провести с женихами — В самый последний уж раз. Внутри его сердце рычало. Как над щенятами стоя бессильными, грозно собака На человека чужого рычит и готова кусаться, Так его сердце внутри на их непотребства рычало. В грудь он ударил себя и сердцу промолвил сердито: «Сердце, терпи! Ты другое еще погнуснее стерпело В день тот, когда пожирал могучих товарищей наших Неодолимый циклоп. Ты терпело, пока из пещеры Хитрость тебя не спасла, уже к верной готовое смерти». Так говорил Одиссеей, браня в груди свое сердце. И подчинилось приказу оно и сносить продолжало Все, что тут делалось. Сам же он с боку ворочался на бок Так же, как если желудок, наполненный жиром и кровью, Жарит на сильном огне человек и его непрерывно С боку ворочает на бок, чтоб был он готов поскорее, — Так Одиссеей на постели покоя не знал, размышляя, Как на лишенных стыда женихов — одному против многих — Руки ему наложить. Подошла к нему близко Афина, С неба сошедши на землю, принявшая женщины образ. Стала в его головах и к нему обратилась с речью: «Что ты не спишь, наиболее несчастный меж всеми мужами? Что тебе надобно? Вот он, твой дом, вот жена твоя в доме, Вот он и сын твой, какого иметь пожелал бы и всякий». Ей на это в ответ сказал Одиссеей многоумный: «Все это ты говоришь, богиня, вполне справедливо. Вот чего я, однако, никак разрешить не умею: Как на лишенных стыда женихов, одному против многих, Руки мне наложить? Их всегда здесь толпится так много! Соображенье еще и важнее мне сердце смущает:

Если я даже, по воле твоей и Кронида, убью их, —
Как я последствий смогу избежать? Подумай об этом».
Так отвечала ему совоокая дева Афина:
«Тот же всегда! Доверяют и другу, похуже который
Смертным родился на свет и ума не имеет такого.
Я же, богиня, давно охраняю тебя непрерывно
Во всевозможных трудах и ясно скажу тебе вот что:
Если бы воинов сильных хотя бы и двадцать отрядов
Нас окружило, убить собираясь в Аресовой схватке,
То и тогда и коров и овец мы у них бы угнали!
Пусть же возьмет тебя сон. Большое мученье на страже
Бодрствовать ночь напролет. Из несчастий ты вынырнешь
скоро».

Так сказала и сон ему пролила на ресницы.
После того на Олимп богиня богинь удалилась.
Сон, разрешающий скорбь у людей, расслабляющий члены,
Им овладел. В это время как раз Пенелопа проснулась,
Села на мягкой постели своей и заплакала горько.
Горестным плачем когда Пенелопа насытила дух свой,
Прежде всего начала Артемиде богине молиться:
«Зевсова дочь Артемида, богиня владычица, если б
В грудь поразивши стрелой, ты дух мой исторгла из тела
Тотчас, теперь! Или позже меня подхватила бы буря
И унесла бы далеко дорогой, окутанной мраком,
В устье швырнув Океана-реки, круговратно текущей!
Ведь унесла ж дочерей Пандареевых некогда буря.
Боги родителей их истребили, они сиротами
В доме остались. Вскормила детей Афродита богиня
Сыром, сладостным красным вином и медом сладчайшим.
Гера дев одарила умом, красотой, Артемида
Чистая — стройностью стана, богиня Паллада Афина
Их обучила искусству во всяческих женских работах.
Раз на великий Олимп поднялась Афродита богиня
С просьбой к отцу, чтобы девам свершенье цветущего брака
Дал веселящийся молнией Зевс, который все знает,
Что предназначено в жизни судьбою, что нет человеку.
Гарпии девушек прочь в это время умчали из дома
И предоставили их попеченью ужасных эринний.
О, если б так и меня олимпийские боги сгубили
Или б сразила стрелой Артемида, чтоб я Одиссея
Снова увидеть могла, хоть сошедши под страшную землю,
Чтобы мне быть не пришлось утехою худшего мужа!
Переносимы, однако, бывают несчастья, когда кто
Плачет все дни напролет, жестоко печалуясь сердцем,
Ночи же сон им владеет. Про все человек забывает —
И про печаль и про радость, лишь сон ему веки покроет.
Мне же и самые сны лишь зловещие бог посылает.
Кто-то, на мужа похожий, меня обнимал этой ночью,
Был он, каким отправлялся в поход. Охватила мне сердце
Радость, и думала я, что это не сон, а уж правда».
Так говорила. Пришла между тем златотронная Эос.
Горестный плач Пенелопы до слуха дошел Одиссея.

Он в сомненье пришел и подумал: быть может, царицей
Узнан уж он и она над его головой наклонилась?
Взяв одеяло, овчины собрав, на которых лежал он,
В зале на кресло сложил Одиссей их, а шкуру воловью
Вынес наружу. И, руки воздевши, молился он Зевсу:
«Зевс, наш отец! Если все вы меня, хоть измучив немало,
Морем и сушей в отчизну сюда привели не случайно,
Пусть кто-нибудь, кто проснется, мне вымолвит вещее
слово, —

Здесь, внутри, а снаружи пусть знаменье будет от Зевса!»
Так сказал он, молясь. И Зевс его мудрый услышал.
Тотчас он загремел с сияющих глав олимпийских,
Сверху, из туч. Одиссей большую почувствовал радость.
Вещее ж слово вблизи раздалось, от рабыни, из дома,
Там, где мололи муку рабыни для пастыря войска.
Их двенадцать трудилось на мельницах женщин, готова
Ячную к хлебу муку и пшеничную — мозг человека.
Спали другие, окончив работу, а эта, слабее
Всех остальных, лишь одна продолжала все время работать,
Жернов оставив, она вдруг промолвила вещее слово:
«Зевс, наш родитель, владыка богов и людей земнородных!
Как оглушительно ты загремел с многозвездного неба!
Туч же не видно нигде. Это — знаменье дал ты кому-то.
Слово несчастной исполни, с которым к тебе обращаюсь.
Пусть пленительный пир в чертогах царя Одиссея
Нынче для всех женихов окажется самым последним!
Те, кто трудом изнурительным мне сокрушили колени
В этой работе, пускай никогда уже впредь не пируют!»
Так говорила. И рад Одиссей был тому, что услышал,
Так же, как Зевсову грому: решил, что отмстит негодяям.
Все остальные служанки, собравшись в дом Одиссея,
Неутомимый огонь на большом очаге запалили.
Встал с постели меж тем Телемах, на бессмертных похожий,
В платье оделся, отточенный меч чрез плечо перебросил,
К белым ногам привязал красивого вида подошвы,
Крепкое в руку копьё захватил, заостренное медью,
Остановился, ступив на порог, и сказал Евриклее:
«Милая нянюшка, как же вы странника в доме почтили?
Дали ль поесть, уложили ль? Иль так он лежит, без уходами
Этого можно от матери ждать, хоть она и разумна.
То необдуманно вдруг человека окружит почетом
Худшего, то отошлет и лучшего с полным презреньем». —
Тут ему Евриклея разумная так возразила:
«Нет, не вини ее нынче, невинную, сын дорогой мой!
Пил он вино, с Пенелопею сидя, сколько хотелось.
Есть же, ответил, не хочет. Ему она предлагала.
Только что время пришло, как о сне и постели он вспомнил,
Тотчас рабыням она постель постелить приказала.
Но, как очень несчастный, судьбой обойденный жестоко,
Под одеялом на мягкой постели он спать отказался.
На недубленную шкуру воловью с овчинами сверху
Лег он в сенях. Одеялом же мы его сами покрыли».

Так сказала она. С копьем Телемах из чертога
Вышел. Следом за ним две резвых собаки бежали.
Путь он направил на площадь к красивопоножным ахейцам.
Стала служанок скликать Еврикля, богиня среди женщин,
Дочь домовитая Опа, рожденного от Пенсенора:
«Живо, за дело! Одни — обрызгайте пол поскорее
И подметите его, а потом на кресла накиньте
Пурпурнокрасные ткани. Другие — столы оботрите
Губками, дочиста все пировые кратеры помойте,
Вымойте также и кубки двуручные. Третьи идите
Воду сюда принести из ключа, да скорей возвращайтесь:
Нынче здесь женихи отсутствовать будут недолго,
Очень рано придут, потому что для всех нынче праздник».
Так сказала. Охотно приказу они подчинились.
Двадцать женщин пошли за водою на ключ черноводный,
Все остальные умело взялись за работу по дому.
Вскоре и бодрые слуги пришли, хорошо и искусно
Стали поленья колоть. От ключа воротились с водою
Женщины. Следом за ними Евмей свинопас появился.
Трех он пригнал кабанов, отобравши среди всех наилучших.
Их он оставил пастись на дворе за прекрасной оградой.
Сам к Одиссею потом подошел и приветливо молвил:
«Странник, учтивее ль стали с тобою сегодня ахейцы
Или тебя по-вчерашнему здесь продолжают бесчестить?»
Так на это ему отвечал Одиссей многоумный:
«О, если б боги, Евмей, за дела отомстили, какие
Люди нахальные эти творят нечестиво и дерзко
В доме чужом! В них стыда не имеется даже частицы!»
Так Одиссей с свинопасом вели меж собой разговоры.
Близко козий пастух между тем подошел к ним, Меланфий.
Коз он гнал женихам на обед, между козами всеми
Самых отборных. И два пастуха ему гнать помогали.
Под колоннадою гулкой они своих коз привязали,
Сам же Меланфий сказал Одиссею, над ним насмехаясь:
«Надоедать и теперь еще в доме ты всем тут желаешь,
Клянча подачек себе? Еще не ушел ты отсюда?
Думаю я, что с тобою нам так разойтись не придется.
Раньше моих кулаков ты отведаешь! Слишком нахально
Клянчишь ты тут! Ведь не в этом лишь доме пируют ахейцы!»
Так говорил он. Ему Одиссей ничего не ответил,
Молча только повел головой, замышляя худое.
Третьим к ним подошел Филойтий, мужей повелитель.
Жирных козлов он пригнал с коровой неплодною в город.
Перевезли их туда перевозчики, так же, как прочих
Всех на остров они перевозят людей, кто придет к ним.
Под колоннадою гулкой старательно скот привязал он,
Близко совсем подошел к свинопасу и спрашивать начал:
«Кто, скажи мне, прошу я тебя, свинопас, этот странник,
В дом наш недавно пришедший? Каким похвалиться он может
Происхождением? Какого он племени? Где он родился?
Он хоть несчастлив, но видом с царем-повелителем сходен.
Боги людей, кто скитается много, в беду повергают,

Раз они даже царям — и тем выпрядают несчастье». Так он сказал, подошел и, приветствуя правой рукою, Голос повысив, слова окрыленные страннику молвил: «Радуйся много, отец чужеземец! Будь счастлив хотя бы В будущем! Множество бед в настоящее время ты терпишь! Зевс, наш родитель! Меж всеми богами ты самый жестокий! Ты не жалеешь людей, тобою же на свет рожденных, Ты предаешь их несчастьям и самым тяжелым страданиям! Потом прошибло меня и ударило в слезы, когда я Вспомнил, взглянув на тебя, Одиссея. И он ведь, наверно, Бродит в таких же лохмотьях в каких-нибудь странах далеких, Если он еще жив и видит сияние солнца. Если ж его уж не стало и в область Аида сошел он, — Горе мне, Одиссей безупречный! В стране кефалленцев Мальчиком малым меня ведь сам он к коровам приставил. Сильно они у меня размножились. Стада такого Широколобых коров у другого нигде не найдется. Люди чужие теперь пригонять мне велят на съеденье наших коров им, ни сына его не стесняясь, ни кары Вечных богов не боясь. Они поделить уж готовы Все богатства давно из отчизны отбывшего мужа. Мысль; однако, мне в грудь нередко приходит такая: Очень плохо, конечно, раз сын у него остается, В край другой удалиться, с коровами этими к людям Чуждым уйти. Но еще мне противнее, здесь оставаясь, Мучиться, глядя, как люди чужие коров истребляют. Невыносимо все это терпеть. И я бы давно уж Стадо с собою увел и к царю перебрался другому. Жду я, однако, все время, что, может быть, снова вернется Этот несчастный и всех женихов по домам их разгонит». Так, отвечая на это, сказал Одиссей многоумный: «Ты не походишь, пастух, на плохого иль глупого мужа, Я убеждаюсь и сам, что мудрость вошла в твое сердце. Вот что тебе сообщу я, поклявшись великою клятвой: Будь мне свидетелем Зевс, потом этот стол ваш радушный, Этот очаг Одиссеев, куда приведен я судьбою, — Ты не успеешь уйти, а домой Одиссей уж вернется. Сам своими глазами увидишь ты, если захочешь, Как избивать он начнет женихов, господами тут ставших». Так на это в ответ коровий пастух ему молвил: «О, если б то, что сказал ты, привел в исполнение Кронион! Ты бы увидел, что есть у меня и сила и руки!» Всем бессмертным богам и Евмей свинопас помолился, Чтобы вернулся в свой дом наконец Одиссей многомудрый. Так все трое они вели меж собой разговоры. А женихи в это время готовили смерть Телемаху. Вдруг высокопарящий орел пролетел перед ними С левой руки. В когтях его робкая билась голубка. С речью тогда к женихам Амфином обратился и молвил: «Нет, друзья, не удастся нам это решение наше, — Нам не убить Телемаха! Давайте-ка, вспомним о пире!» Так сказал Амфином. И одобрили все предложенье.

В дом воротились они Одиссея, подобного богу,
Сняли с плеч плащи и, сложив их на стулья и кресла,
Жирных начали резать козлов и огромных баранов,
Тучных начали резать свиней и корову из стада.
Между собой потроха, поджарив, они поделили
И замешали в кратерах вино. Евмей свинопас им
Чаши раздал, по столам же коровник Филойтий расставил
Хлеб в прекрасных корзинах. Вино разливал им Меланфий.
Руки немедленно к пище готовой они протянули.
Хитрость замыслив свою, Телемах посадил Одиссея
Возле порога, внутри построенной прочно столовой.
Там Телемах поместил табурет неприглядный и столик,
Порцию подал отцу потрохов, вина в золотую
Чашу налил и с такими к нему обратился словами:
«Здесь теперь ты сиди, вино распивая с мужами.
От оскорблений же всех женихов и от рук их тебя я
Сам берусь защитить, ибо этот наш дом — не харчевня.
Это дом Одиссея, его для меня приобрел он.
Вас же прошу, женихи, не браниться и сдерживать руки.
Иначе как бы тут ссорой и битвой не кончилось дело!»
Так он сказал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым дивились словам, которые вдруг услышали.
К ним тогда Антиной обратился, рожденный Евпейтом:
«Всем нам придется принять слова Телемаха, ахейцы,
Как ни обидны они, — с большой говорит он угрозой!
Зевс не позволил Кронион, а то бы давно уж ему здесь
Рот мы заткнули, хотя говорун он и громкоголосый!»
Так сказал Антиной. Но тот равнодушен остался.
Вестники жертвенный скот в это время вели через город
Для гекатомбы священной богам. Собирались толпы
Длинноволосых ахейцев под тень Аполлоновой рощи.
Мясо тем временем было готово и с вертелов снято.
Все, свою часть получив, блистательный пир пировали.
Те, кто прислуживал, долю такую ж совсем Одиссею
Подали, как и самим женихам. Так велел Телемах им,
Милый сын Одиссея владыки, подобного богу.
У женихов не совсем подавила Афина желанье
От издевательств обидных сдержаться. Хотела богиня,
Чтобы сильней огорченье прошло в Одиссеево сердце.
Был среди женихов один человек беззаконный.
Он назывался Ктесипп. А жил на острове Заме.
Гордый богатством отца своего, домогался он также
Брака с женой Одиссея, давно уж не бывшего дома.
С речью такою Ктесипп к женихам обратился надменным:
«Слушайте, что я хочу вам сказать, женихи удалые!
Как полагается, долю свою получил чужеземец,
Равную с нашей. И это вполне справедливо. Зачем мы
Будем гостей обижать Телемаха, сюда приходящих?
Дай-ка, однако, гостинчик и я ему дам, чтобы мог он
Сделать подарок служанке, которая здесь его мыла,
Иль другому кому из рабов Одиссеева дома!»
Так ой сказал и, схвативши в корзине рукой мускулистой

Ногу коровью, швырнул в Одиссея. Но голову тихо
Тот наклонил и избегнул удара. С насмешкою тайной
Он про себя улыбнулся. Нога же ударилась в стену.
С грозным словом к Ктесиппу тогда Телемах обратился:
«Благословлять бы, Ктесипп, тебе надо удел свой, что в гостя
Ты моего не попал! Твоего избежал он удара.
Иначе острым копьем тебя я насквозь пронизал бы,
И не о браке отцу твоему хлопотать здесь пришлось бы —
О погребеньи твоём! Бесчинств не желаю я ваших
Дольше терпеть. Я все понимаю и знаю прекрасно,
Что хорошо и что хуже. А раньше ведь был я ребенком.
Волей-неволею все же терпеть приходилось нам, глядя,
Как вы наш скот забивали, как хлеб и вино истребляли.
Что я поделывать бы мог? Один не пойдешь против многих.
Новых, однако, обид и вражды я вам тут не позволю!
Если ж меня самого вы убить собираетесь медью,
Сам я того же хочу. Умереть мне гораздо приятней,
Чем непрерывно смотреть на творимые здесь непотребства —
Как гостей обижают моих, как позорно бесчестят
Женщин-невольниц моих в покоях прекрасного дома!»
Так говорил он. Молчанье глубокое все сохраняли.
Дамасторид Агелай наконец обратился к ним с речью:
«На справедливое слово, друзья, обижаться не нужно
И отвечать на него не годится враждою и бранью.
Больше не следует этого вам обижать чужеземца
И никого из рабов, в Одиссеевом доме живущих.
Я бы сказал Телемаху и матери доброе слово;
Очень, быть может, оно бы понравилось сердцу обоих,
Все то время, пока вы в груди не теряли надежды,
Что Одиссей многомудрый воротится в дом свой обратно,
Мы не имели причины сердиться на медленность вашу,
Что вы нас держите в наших домах. Это вышло бы лучше,
Если бы вдруг Одиссей воротился и в дом свой приехал.
Нынче ж вполне очевидно, что он уж домой не вернется.
К матери близко подсев, за того убеди ее выйти,
Кто всех знатнее из нас и всех на подарки щедрее,
Чтобы ты радостно мог наследством отца наслаждаться,
Есть и пить, а она — хозяйствовать в доме другого».
Тут Агелая в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Зевсом клянусь, Агелай, и скорбями отца я, который
Где-то вдали от Итаки своей иль погиб, иль блуждает, —
Браку матери я не препятствую, сам убеждаю
Выйти ее за того, за кого пожелает. Я много
Дам ей даров. Против воли ж ее принудительным словом
Из дому выгнать не смею. Не дай бог, чтоб это случилось!»
Так сказал Телемах. И тогда в женихах возбудила
Смех неугасный Афина и все у них мысли смешала.
Неузнаваемы сделались их хохотавшие лица.
Ели сырое, кровавое мясо. Слезами глаза их
Были полны, и почувствовал дух приближение воплей.
Феоклимен боговидный тогда перед ними воскликнул:
«О вы, несчастные! Что за беда разразилась над вами?»

Головы, лица, колени у вас — все окутано ночью!
Стоны кругом разгорелись, и залиты щеки слезами!
Кровью забрызганы стены и ниши прекрасные залы!
Призраков сени полны, собой они двор заполняют,
В мрак подземный Эреба несутся стремительно. Солнце
С неба исчезло, зловещая тьма на него набежала!»
Средь женихов раздался на слова его хохот веселый.
Начал к ним говорить Евримах, Полибом рожденный:
«Спятил с ума из чужбины недавно приехавший странник!
Юноши! Надо его поскорее из этого дома
Вон отправить на площадь, раз ночь он кругом тут увидел!»
Феоклимен боговидный на это сказал Евримаху:
«Нет, Евримах, в провожатых твоих я ничуть не нуждаюсь.
Две есть ноги у меня, и глаза есть, и уши. В груди же
Не поврежден мой рассудок и вовсе не вышел из меры.
С ними отсюда пойду я. На вас надвигается быстро,
Вижу я, грозная гибель! Ее никому не избежать
Из женихов! Совершаете вы нечестивое дело,
В самом доме царя Одиссея людей оскорбляя!»
Кончив, пошел он из двери для жизни удобного дома,
В дом к Пирею пришел, и тот его принял радушно.
Глядя один на другого, задеть Телемаха желая,
Начали все женихи над гостями его издеваться.
Так не один говорил из юношей этих надменных:
«Хуже гостей, чем твои, Телемах, и найти невозможно!
Первый гость твой — бродяга, нахально ко всем пристающий,
Жадный в еде и в питье, ни к какой не способный работе,
Всякой силы лишенный — земли бесполезное бремя!
Этот пришелец другой поднялся, чтобы здесь проричать нам.
Если б послушаться нас ты хотел, то было бы лучше:
Бросим-ка их в многовеслый корабль и к сикелам обоих
Их отвезем. Мы за них там получим прекрасную плату».
Так женихи говорили. Но он равнодушен остался,
Только молча глядел на отца, дожидаясь, когда же
На женихов-наглецов наложить соберется он руки.
На табуретке красивой усевшись насупротив зала,
Многоразумная старца Икария дочь Пенелопа
Слушала все, что они говорили в обеденном зале.
Смех раздавался веселый. Обед был обилен и вкусен:
Очень много скота женихи для обеда забили.
Быть, однако, печальней не мог бы тот ужин, который
Вскоре должны были здесь приготовить богиня и мощный
Муж для людей, нечестиво свои непотребства творивших.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ ПЕРВАЯ

Мысль вложила такую богиня Паллада Афина
В грудь Пенелопы разумной, Икарью дочери милой:
Лук принести женихам и седое железо, чтоб этим
В зале столовой открыть состязанье — начало убийства.

Вверх она поднялась высокою лестницей дома,
Сильной рукою красиво изогнутый ключ захватила —
Медный, видом прекрасный и с ручкой из кости слоновой.
Внутри она дома пошла, в кладовую, с служанками вместе.
Многим хозяйским добром была та полна кладовая:
Золотом, медью, а также для выделки трудным железом.
Там же и лук находился упругий царя Одиссея
Вместе с колчаном, набитым несущими стоны стрелами.
В Лакедемоне с ним встретясь, принес это в дар Одиссею
Сын Еврита Ифит, с богами бессмертными схожий.
Встретились в доме они Ортилоха, разумного мужа,
Оба в Мессену прибыв. Одиссей туда прибыл за долгом.
Весь мессенский народ уплатить этот долг был обязан.
Триста овец с пастухами тогда увезли из Итаки
В многовесельных судах чернобоких мессенские мужи.
Юным совсем, Одиссей из-за них-то послом и приехал
Длинной дорогой в Мессену. Послали отец и геронты.
Что до Ифита — искал лошадей он пропавших. Их было
Счетом двенадцать кобыл и при них жеребята их, мулы.
Стали они для него убийством и роком, когда он
К Зевсову сыну позднее пришел, крепкодушному мужу
И соучастнику многих насилий, герою Гераклу.
Гостя он умертвил своего — и в собственном доме!
Не устыдился ни взора богов, ни стола, на котором
Сам он его угощал, нечестивец! Его умертвил он
И незаконно присвоил коней его крепкокопытных.
Их-то ища, с Одиссеем Ифит повстречался. Ему он
Лук отца подарил, Еврита великого. Сыну
Лук оставил Еврит, во дворце умирая высокою.
Острый меч и копье боевое ответно Ифиту
В дар принес Одиссей, чтоб гостями им быть меж собою.
Но не пришлось им друг друга узнать за столом, перед этим
Был Гераклом убит уж Ифит Евритид богоравный,
Лук подаривший ему. Никогда Одиссей многоумный,
На кораблях чернобоких в далекий поход отправляясь,
Этого лука с собою не брал. Но, как память о милом
Друге, дома хранил и носил у себя лишь в Итаке.
Близко к дверям подошла Пенелопа, богиня среди женщин,
Стала на гладкий дубовый порог, который когда-то
Выскоблил плотник искусно, пред тем по шнуру обтесавши,
В нем косяки утвердил и блестящие двери навесил.
Тотчас быстро ремень от кольца отвязала царица,
Всунула ключ и, с силой упершись, назад оттолкнула
Створки дверные засовом. Взревели прекрасные двери,
Словно бык на лугу, удар от ключа получивши.
Так они заревели и настезь тотчас распахнулись.
Тут на высокий помост взошла Пенелопа. Стояло
Много на нем сундуков, благовонной одеждою полных.
Став на носки, сняла она лук, на гвозде деревянном
Вместе висевший с блестящим футляром, в котором лежал он.
Там же и села она, положила футляр на колени,
Вынула лук Одиссея и громко над ним разрыдалась.

После того как она многослезным насытилась плачем,
В зал к женихам родовитым направила шаг Пенелопа,
Лук неся Одиссеев в руках, большой и упругий,
Вместе с колчаном, набитым несущими стоны стрелами.
Следом ящик служанки несли, в котором лежало
Много железа и меди — оружие того властелина.
В зал войдя к женихам, Пенелопа, богиня среди женщин,
Стала вблизи косяка ведущей в комнату двери,
Щеки закрывши себе покрывалом блестящим, а рядом
С нею, с обеих сторон, усердные стали служанки.
Тотчас она к женихам обратилась и слово сказала:
«Слушайте слово мое, женихи благородные! Вторглись
В дом Одиссея вы с тем, чтобы есть здесь и пить непрерывно,
Зная, что долгое время хозяина нет уже дома.
Вы привести никакого другого предлога не в силах,
Кроме того, что хотите жениться и взять меня в жены.
Что ж, начинайте теперь! Состязанья награда пред вами!
Вынесу лук я большой Одиссея, подобного богу.
Тот, кто на лук тетиву с наименьшим натянет усилием
И топоров все двенадцать своею стрелою прострелит,
Следом за тем я пойду, этот дом за спиною оставив,
Мужа милого дом, прекрасный такой и богатый!
Думаю, буду о нем хоть во сне вспоминать я нередко».
Так сказав, свинопасу Евмею она приказала
Пред женихами и лук положить и седое железо.
Лук со слезами принявши, его положил он на землю.
Плакал также Филоитий, увидевши лук господина.
Стал их ругать Антиной, по имени назвал и молвил:
«Эх, деревенщина! Только о нынешнем дне ваши думы!
Что вы, несчастные, здесь разливаетесь в плаче? Напрасно
Женщине вы только сердце волнуете! Тяжко страдает
И без того уж она, потеряв дорогого супруга.
Молча сидите и ешьте, а если желаете плакать,
Вон уходите отсюда, оставивши лук здесь и стрелы,
Чтоб нам начать состязанье совсем безопасное. Вряд ли
Будет легко натянуть тетиву нам на лук этот гладкий.
Нет ни единого мужа меж этими всеми мужами,
Кто поравняться бы мог с Одиссеем. Я сам его видел,
Помню его хорошо. Тогда еще мальчиком был я».
Так он сказал. Но в груди надеялся дух его крепко,
Что тетиву он натянет и метко железо прострелит.
Первым ему предстояло отвесть стрелы из могучих
Рук Одиссея, которого он так бесстыдно бесчестил
В доме его, и товарищей всех подбивая на то же.
К ним обратилась тогда Телемаха священная сила:
«Просто беда! Совсем меня сделал безумным Кронион!
Милая мать, такая обычно разумная, прямо
Мне говорит, что пойдет за другого, покинувши дом наш,
Я же только смеюсь и радуюсь духом безумным!
Что ж, начинайте теперь! Состязанья награда пред вами!
В наше время такой не имеет жены ни ахейский
Край, ни Микены, ни Аргос, ни Пилос священный, ни черный

Весь материк, ни сама каменистая наша Итака.
Знаете это вы сами. К чему мою мать восхвалять мне?
Прочь отговорки, однако! Довольно уж нам состязанье
Дальше откладывать. Время настало. Пора нам увидеть.
Также и сам я охотно на луке себя испытаю.
Если его натяну и железо стрелой прострелю я,
То горевать мне уже не придется, что с новым супругом
Дом наш почтенная мать покидает, когда уже сам я
В силах с прекрасным оружием отца моего обращаться».
Так сказал Телемах, вскочил и с плеч своих сбросил
Пурпурный плащ и перевязь скинул с мечом медноострым.
Прежде всего топоры он оставил, для всех их глубокий
Общий выкопав ров, по шнуру уравнив их искусно,
Землю кругом притоптал. Удивление всех охватило,
Как все искусно он сделал, пред тем ничего не выдавши.
Став на порог, тетиву Телемах нацепить попытался.
Трижды всем телом на лук налегал он, согнуть домогаясь,
Трижды силы терял, — но все же надеялся в сердце
И тетиву нацепить и стрелу прострелить сквозь железо.
Может быть, сильно напрягшись, в четвертый он раз и надел

бы,

Если б его не сдержал Одиссей, кивнув головою.
К ним обратилась опять Телемаха священная сила:
«Горе! Как видно, всегда я останусь негодным и слабым,
Или же молод еще, не могу положиться на руки,
Чтобы суметь отразить человека, напавшего первым!
Ну-ка, теперь попытайтесь и вы, кто меня посильнее,
Гладкий лук натянуть. Пора приступить к состязанью!»
Так сказавши, на землю он лук опустил Одиссеев
И прислонил его к гладкой и крепкой дверной половинке,
Рядом с луком к кольцу и стрелу острием прислонивши.
Сел после этого в кресло, которое раньше оставил.
Тут к женихам Антиной обратился, Евпейтом рожденный:
«Встаньте и все по порядку один за другим подходите,
С места того начиная, откуда вино нам разносят».
Так сказал Антиной. И понравилось всем предложенье.
Первым меж всеми Леод поднялся, Ойнопом рожденный.
Был он у них предсказатель по жертвам и возле кратера
В зале обычно сидел, в глубине. Одному лишь Леоду
Были бесчинства противны, и всех женихов осуждал он.
Первым лук Одиссеев он взял с медноострой стрелой.
Стал, взойдя на порог, и лук натянуть попытался,
Но натянуть не сумел. Непривычные, нежные руки
Очень скоро устали. И он к женихам обратился:
«Не натянуть мне, друзья! Пусть попробуют также другие!
Многим знатным мужам принесет этот лук огорченье, —
Духу их и душе. Гораздо желаннее разом
Встретить погибель, чем жить оставаться, все то потерявши,
Из-за чего мы сходились сюда, что желали вседневно.
Может быть, кто и теперь надеждою полон, желая
В жены взять Пенелопу, супругу царя Одиссея.
Каждый, однако, кто лук натянуть попытается тщетно,

Пусть другую себе ахейнку ищет, дарами
Сердца ее домогаясь. Она ж за того пусть выходит,
Кто принесет ей всех больше и кто ей судьбою назначен».
Так он громко сказал, и лук опустил Одиссеев,
И прислонил его к гладкой и крепкой дверной половинке,
Рядом с луком к кольцу и стрелу острием прислонивши.
Сел после этого в кресло, которое раньше оставил.
Гневно напал Антиной на Леода и громко воскликнул:
«Что за слова у тебя сквозь ограду зубов излетели!
Страшные, тяжкие! Слушаю их, возмущаясь всем сердцем!
Многим, конечно, мужам принесет этот лук огорченье,
Духу их и душе, — раз ты натянуть не умеешь!
Видно, почтенная мать не таким родила тебя на свет,
Чтобы уметь со стрелами справляться и с луком упругим.
Значит ли это, что также другие его не натянут?»
Так сказав, к козопасу Меланфию он обратился:
«Живо огонь разожги в обеденном зале, Меланфий!
Там табуретку большую поставишь, покроешь овчиной,
Сала круг нам большой принесешь из готовых запасов,
Чтобы мы, юноши, лук разогревши и смазавши жиром,
Силу на нем испытали, к концу приведя состязанье».
Неутомимый огонь разжег средь столовой Меланфий
И табуретку большую поставил, покрывши овчиной;
Сала круг им немалый принес из готовых запасов.
Лук разогрев, женихи его пробовать стали. Однако
Лука согнуть не смогли. Не хватило для этого силы.
Делать не стали попыток других Антиной с Евримахом,
Всех женихов вожаки и первые знатностью рода.
Вышли меж тем свинопас и коровий пастух Одиссея
Из дому — вместе, один и другой одновременно. Следом
Вышел за ними и сам Одиссей, на бессмертных похожий.
После того как они вне двора и ворот очутились,
Голос повысивши, с ласковой он обратился к ним речью:
«Вы, свинопас и коровий пастух, — я сказал бы вам слово...
Или уж мне промолчать? Но сказать меня дух побуждает.
Как бы держались вы, если б откуда-нибудь появился
Вдруг Одиссей и его к нам сюда божество принесло бы?
Стали бы вы помогать женихам иль ему, Одиссею:
Прямо скажите мне то, что дух вам и сердце прикажут».
Так на это в ответ коровий пастух ему молвил:
«Зевс, наш родитель! О, если б исполнилось это желанье!
Пусть бы вернулся тот муж, пускай бы привел его бог к нам!
Ты бы узнал, каковы у Филойтия сила и руки!»
Всем бессмертным богам и Евмей свинопас помолился,
Чтобы в свой дом, наконец, Одиссей многомудрый вернулся.
После того как он их настоящие выведал мысли,
К ним он обоим тогда обратился с такими словами:
«Дома я! Это я сам! Претерпевши несчетные беды,
Я на двадцатом году воротился в родимую землю.
Между рабов моему возвращению рады, я вижу,
Вы лишь одни. Не слыхал я, чтоб кто и другой между ними
Вечным богам о моем возвращеньи домой помолился.

Как оно будет, обоим вам полную правду скажу я:
Если моею рукой женихов божество одолеет,
Вам обоим я жен приведу и имущество дам вам,
Рядом с моим вам построю дома. И вы будете оба
Мне, как товарищи сына, как братья его по рождению.
Вам я и признак могу показать, по которому ясно
Можно увериться, кто я, и всякие кинуть сомненья.
Вот он — рубец, нанесенный клыком кабана мне, когда мы —
Я и сыны Автолика — охотились в долах Парнаса».
Так сказав, от большого рубца он лохмотья откинул.
Лишь увидели они, лишь в подробности все рассмотрели, —
Кинулись оба в слезах к Одиссею, обняли руками,
В голову, в плечи любовно и жарко его целовали.
Голову, руки в ответ и сам Одиссей целовал им.
Так, в слезах, и покинуло б их заходящее солнце,
Если бы сам Одиссей не сдержал их, промолвивши громко:
«Будет вздыхать вам и плакать, а то кто-нибудь вдруг увидит,
Выйдя наружу из дома, и всем, кто внутри там, расскажет.
Поочередно входите, один за другим, а не вместе.
Первым я, вы же после. И вот что да будет вам знаком:
Все тут, сколько ни есть женихов благородных, конечно,
Дать ни за что не позволят мне лук и колчан со стрелами.
Ты же, Евмей богоравный, мой лук понесешь через залу,
Прямо ко мне подойдешь и отдашь мне. А женщинам
скажешь,

Пусть они тотчас запрут все двери от комнат служанок.
Если же кто или стоны мужчин, или грохот услышит
В нашей ограде, пускай из комнат никто не выходит,
Каждая пусть у себя своим занимается делом.
Ты ж на воротах двора, Филойтий божественный, крепкий
Засов задвинешь, веревкой его закрепивши немедля».
Кончив, в двери вошел он для жизни удобного дома,
На табуретку там сел, которую раньше оставил.
За Одиссеем божественным оба раба появились.
Лук в руках между тем уж вертел Евримах непрерывно,
Там и тут его грея на жарком огне. Но и так он
Лука не мог натянуть. И стонал благородным он сердцем.
В гневе слово сказал, наконец, Евримах и промолвил:
«Только одно огорчение мне за себя и за всех вас!
Но я не столько о браке скорблю, хоть и это мне горько, —
Много ахеянок есть и других на Итаке, омытой
Всюду волнами, равно как и в прочих краях наших разных, —
Сколько о том, что такими бессильными мы оказались
Пред Одиссеем, подобным бессмертным богам, и не можем
Лука его натянуть! Позор нам и в дальнем потомстве!»
Так ответил ему Антиной, Евпейтом рожденный:
«Этому ввек не бывать, Евримах! Ты и сам понимаешь.
Празднует праздник народ Аполлона-владыки сегодня
Чистый. Ну как в этот день натягивать лук нам? Спокойно
Можно его отложить. Топоры же оставим на месте:
Трудно подумать, чтоб мог кто-нибудь их отсюда похитить,
В зал высокий войдя Одиссея, Лаэртова сына.

Пусть же теперь виночерпий нам доверху кубки наполнит!
Мы совершим возлиянье и лук Одиссеев отложим.
Завтра ж Меланфию, коз пастуху, прикажем с зарею
Коз привести, отобрав наиболее откормленных в стаде.
Бедра их в жертву сожжем славнолукому мы Аполлону,
После ж испробуем лук и к концу приведем состязанье». —
Так сказал Антиной. И понравилось всем предложенье.
На руки всем им немедля глашатаи полили воду,
Юноши, вливши в кратеры напитков до самого верха,
Чашами всех обнесли, возлиянье свершая из каждой.
Выпили после того, сколько каждому сердцем желалось.
Замысел хитрый тая, сказал Одиссей многоумный:
«Слушайте слово мое, женихи достославной царицы!
Выскажу то я, к чему меня дух мой в груди побуждает.
Вас, Евримах и подобный богам Антиной, всего больше
Я умоляю, — ведь ты, Антиной, предложил так разумно
Лука сегодня не трогать и все предоставить бессмертным.
Завтра пошлет божество победу, кому пожелает.
Дайте, однакоже, гладкий мне лук, чтобы мог испытать я
Руки и силу мою, чтобы мог я увидеть, жива ли
Сила, какую когда-то полны были гибкие члены,
Или ее уж во мне погубили нужда и скитанья». —
В негодованьи надменном кругом женихи зашумели.
Страх объял их, что лук полированный странник натянет.
С бранью к нему Антиной обратился и так ему молвил:
«Странник несчастный! Ума у тебя не осталось ни крошки!
Мало тебе, что спокойно теперь ты среди нас, многобуйных,
Можешь обедать и долю свою целиком получаешь,
Слушаешь наши беседы и речи? Еще никогда тут
Странник иль нищий другой разговоров не слушали наших.
Ты отуманен вином медосладким. Большой происходит
Вред для того, кто без удержу пьет его, меры не зная.
Вред большой от вина получил и кентавр многославный
Еврителион во дворце Пирифоя, отважного духом,
В гости пришедши к лапифам. Вином повредивши рассудок,
Он нехорошее дело свершил в Пирифоевом доме.
Горе героев взяло, вскочили они, потащили
Вон его через сени и гибельной медью кентавру
Нос и уши отсекали. А он, повредившись рассудком,
Прочь пошел, унося и плоды своего ослепленья.
С этой поры меж мужей и кентавров вражда разгорелась.
Прежде всего повредил он себе же, вином нагрузившись.
Так и с тобой бы, поверь мне, большая беда приключилась,
Если б ты лук натянул. Сожаленья ни в ком ты не встретишь
В нашей Итаке. Тебя в корабле мы немедля отправим
На материк, к Ехету царю, истребителю смертных.
А уж оттуда тебе не спастись. Так сиди же спокойно,
Пей и мечтать перестань в состязанье вступать с молодыми!» —
Тут ему Пенелопа разумная так возразила:
«Нехорошо, Антиной, и несправедно ты поступаешь,
Что обижаешь гостей Телемаха, к нему приходящих!
Да неужели ты ждешь, что раз этот странник натянет

Лук Одиссеев, на руки и силу свою полагаясь, —
Он уведет меня в дом свой, и я ему стану женою?
Сам никаких он на это, конечно, надежд не имеет.
Снова возьмитесь за чаши и духа не мучьте подобной
Мыслью себе: никогда не бывать неприличью такому!»
Ей на это сказал Евримах, Полибом рожденный:
«Многоразумная старца Икария дочь Пенелопа!
Что он с собою тебя уведет, неприлично и думать.
Мы лишь боимся стыда от мужских пересудов и женских,
Чтоб кто-нибудь не сказал меж ахейцами низкой породы:
— Сватают худшие люди супругу отважного мужа!
Лук его натянуть они совершенно не в силах!
А появился чужой человек, забредший к ним нищий, —
И без усилья и лук натянул и промаху не дал. —
Так они скажут. Для нас же большим это будет позором».
Тут ему Пенелопа разумная так возразила:
«Нет, Евримах, уж скорей нехорошую славу получают
Те, кто, ничуть не стыдясь, достояние все истребляют
Славного мужа. А что же позорного видишь ты в этом?
Странник этот — сложенья хорошего, ростом высокий,
Может знатным отцом, как он сам говорит, похвалиться,
Дайте также ему полированный лук и — посмотрим!
Вот что я вам скажу, и это исполнено будет:
Если лук он натянет и даст Аполлон ему славу,
Я его в платье одену хорошее, в плащ и рубашку,
Дам ему также копье, чтоб от псов и мужей защищаться,
Дам подошвы для ног, и меч привешу двуострый,
И отошлю, куда его дух понуждает и сердце».
Ей на это в ответ Телемах рассудительный молвил:
«Мать моя, лук этот дам иль не дам я, кому пожелаю!
Больше прав на него, чем я, тут никто не имеет, —
Ни из ахейцев, кто властвует здесь, в каменистой Итаке,
Ни из живущих напротив Элиды, питающей коней,
На островах. И никто между них помешать мне не сможет
Страннику лук подарить, при желаньи, хотя бы навеки.
Лучше вернись-ка к себе и займись своими делами —
Пряжей, тканьем; прикажи, чтоб немедля взялись за работу
Также служанки. А лук — не женское дело, а дело
Мужа, всех больше — мое! У себя я один повелитель!»
Так он сказал. Изумившись, обратно пошла Пенелопа.
Сына разумное слово глубоко проникло ей в сердце.
Наверх поднявшись к себе со служанками, плакала долго
Об Одиссее она, о любимом супруге, покуда
Сладостным сном не покрыла ей век богиня Афина.
Лук же изогнутый взял и понес свинопас богоравный.
Громко тогда женихи закричали в обеденном зале.
Так не один говорил из юношей этих надменных:
«Эй, куда это лук ты несешь, свинопас неудачник?
Вот бестолковый! Вдали от людей, среди свиней, тебя скоро
Псы твои же сожрут, которых ты выкормил, если
Милостив к нам Аполлон и другие бессмертные будут».
Так они крикнули. Лук положил он, где шел в это время,

Многими криками, в зале звучащими, в страх приведенный.
Но со своей стороны Телемах угрожающе крикнул:
«Лук отнеси! Не слушайся всех, это кончится плохо!
Я хоть моложе, а вот погоди, тебя выгоню в поле,
Камни бросая вослед! Ведь намного тебя я сильнее!
Если б настолько ж я был превосходней руками и силой
Также и всех женихов, у нас находящихся в доме!
Живо я кое-кого, творящего тут безобразья,
В ужасе вон бы заставил убраться из нашего дома!»
Так сказал он. На речь его весело все засмеялись.
Тяжкий гнев, что у них поднялся к Телемаху, улегся.
Поднял лук свинопас и понес через зал его дальше,
Стал перед сыном Лаэрта разумным и лук ему подал.
Вызвав потом Евриклею кормилицу, так ей сказал он:
«Вот что велел Телемах, Еврикля разумная, сделать:
Крепко-накрепко двери запри от комнат служанок.
Если же кто или стоны мужчин, или грохот услышит
В нашей ограде, из комнаты пусть все равно не выходит.
Каждая пусть у себя своим занимается делом».
Так он громко сказал. И бескрылым осталось в ней слово.
Двери закрыла она от комнат, где жили служанки.
Молча выскочил вон из дома коровник Филойтий
И на дворе, обнесенном оградой, запер ворота.
Под колоннадой лежал там канат корабельный, сплетенный
Весь из папируса. Им он засов завязал и, вернувшись,
На табуретке уселся, которую раньше оставил,
За Одиссеем глазами следя. Во все стороны лук свой
Тот уж вертел и повсюду оглядывал, цел ли остался
Лук, не попортил ли червь в эти годы рогов его крепких.
Так не один говорил, поглядев на сидевшего рядом:
«Видно, он в луках знаток превосходный, но это скрывает.
Может быть, дома и сам подобный же лук он имеет
Иль себе сделать желает такой. Как усердно он вертит
Лук и туда и сюда, подозрительный этот бродяга!»
И говорили другие из юношей этих надменных:
«Пусть и всегда чужеземец такое же счастье встречает,
Как этот лук натянуть он сегодня, наверно, сумеет!»
Так женихи говорили. Меж тем Одиссей многоумный
Взял огромный свой лук и его оглядел отовсюду.
Как человек, искусный в игре на форминге и в пеньи,
Может на новый колок струну натянуть без усилия,
Свитую круто овечью кишку у концов закрепивши,
Так натянул Одиссей тетиву без усилия на лук свой.
После того он ее попробовал правой рукою.
Звон прекрасный струна издала, словно ласточка в небе.
Дрогнуло сердце в груди женихов, изменились их лица.
Громко Зевс загремел, и знаменье было в том громе.
Рад божественный был Одиссей, в испытаниях твердый,
Что ему знаменье сыном дано кривоумного Крона.
Острую взял он стрелу, что пред ним на столе уж лежала
Голая: все остальные лежали в колчане. Ахейцам
Скоро самим на себе испробовать их предстояло.

Лук за ручку держа, тетиву со стрелой потянул он
И, не сходя с табуретки, вперед наклонясь и нацелясь,
Острую выпустил с лука стрелу. Мгновенно чрез дыры
Ручек всех топоров, ни одной не задев, пролетела
Тяжкая медью стрела. Одиссей многоумный воскликнул:
«Что, Телемах, не позорит тебя чужеземец, в столовой
Сидя твоей? Я и в цель ведь попал и не долго трудился,
Лук напрягая большой. Не совсем я уж силу утратил.
Несправедливо бесчестят меня женихи и поносят.
Ну, а теперь нам пора приготовить и ужин ахейцам
Засветло. Нам ведь потом и другим предстоит насладиться,
Пеньем с игрой на форминге. Ведь в них украшение пира!»
Так он сказал и бровями повел. Опоясался тотчас
Медным мечом Телемах, богоравного сын Одиссея,
В руки копьё медноострое взял и вблизи Одиссея
Быстро стал возле кресла, оружием медным сияя.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ ВТОРАЯ

Сбросил с тела тогда Одиссей многоумный лохмотья,
С гладким луком в руках и с колчаном, набитым стрелами,
Быстро вскочил на высокий порог, пред ногами на землю
Высыпал острые стрелы и так к женихам обратился:
«Ну, состязаньям „совсем безопасным“ конец! Выбираю
Цель я, в какую доселе никто не стрелял. Посмотрю-ка,
Даст ли мне славу добыть Аполлон, попаду ль, куда мечу!»
Так сказав, в Антиноя нацелился горькой стрелою.
Тот в это время как раз поднять золотой собирался
Кубок двуухий; его меж руками он двигал, готовясь
Пить вино из него. Помышления даже о смерти
Он не имел. Да и кто из обедавших мог бы подумать,
Чтобы один человек, как могуч бы он ни был, такому
Множеству мог принести погибель и черную Керу?
В горло нацелясь, стрелой поразил Одиссей Антиноя.
Юноши нежную шею насквозь острие пронизало.
В сторону он наклонился, сраженный. Из рук его чаша
Выпала наземь. Мгновенно из носа густою струею
Хлынула кровь человечья. Ногой от себя оттолкнул он
Стол и его опрокинул. Попадали кушанья на пол.
С грязью смешались и хлеб и жаркое. В тенистом чертоге
Подняли шум женихи, увидавши упавшего мужа.
С кресел они повскакали и стали метаться по залу,
Жадно глазами оружия ища по стенам обнаженным.
Не было видно нигде ни щита, ни копья боевого.
Гневными стали словами бранить женихи Одиссея:
«Странник, себе на несчастье ты мужа убил! В состязаньях
Больше уж ты не участник! Верна твоя скорая гибель!
Мужа сейчас ты убил, который всех более знатен
Был середь юношей наших. Добычей ты коршунов станешь!»
Каждый так говорил. Все думали, что не нарочно

Мужа странник убил. Не знали безумцы, что крепко
Их и всех уж сетью своею опутала гибель.
Грозно их оглядев, сказал Одиссей многоумный:
«А, собаки! Не думали вы, что домой невредимым
Я из троянской земли ворочусь! Вы мой дом разоряли,
Спать насильно с собою моих принуждали невольниц,
Брака с моею женою при жизни моей домогались
И ни богов не боялись, живущих на небе широком,
Ни что когда-нибудь мщенье людское вас может постигнуть.
Вас и всех теперь погибель опутала сетью!»
Бледный ужас объял женихов при словах Одиссея.
Все озирались, куда от погибели близкой спастись им.
Только один Евримах, ему отвечая, промолвил:
«Если впрямь это ты, Одиссей-итакиец, вернулся,
Верно сказал обо всем ты, что здесь натворили ахейцы.
Много они безобразий свершили и в доме и в поле.
В этом, однако, во всем один Антиной лишь виновен.
Он же мертвый лежит. Дела эти он совершил все
Не потому, что бы брак ему был так желанен иль нужен, —
Нет, замышлял он другое, чего не исполнил Кронион, —
Стать царем самому в краю благозданном Итаки,
Сына ж убить твоего, его подстеревши в засаде.
Ныне законно убит он, ты же нас пощади. Ведь твои мы!
В будущем мы, при народе убытки твои возместивши, —
Все, что выпито было и съедено здесь женихами, —
Пеню ценностью в двадцать заплатим быков тебе каждый
Медью иль золотом, сколько ты сердцем своим пожелаешь.
Вправе на нас ты сердиться, покамест мы так не поступим».
Грозно взглянув исподлобья, сказал Одиссей многоумный:
«Если бы вы, Евримах, отцовское все мне отдали,
Все, что теперь у вас есть и что приложить вы могли бы,
То и тогда бы не стал я удерживать рук от убийства,
Прежде чем женихам не отмстил бы за все преступленья.
Выбор теперь вам один: иль, выйдя навстречу, сразиться,
Или бежать, если только спастись кто сумеет от смерти.
Вряд ли, однакоже, вам погибели близкой избегнуть!»
Так он сказал. Ослабели у них и колени и сердце.
Снова с речью тогда к женихам Евримах обратился:
«Рук необорных, друзья, человек этот больше не сложит!
Раз полированный лук и колчан захватить уж успел он,
С гладкого будет порога стрелять он, пока без остатка
Не перебьет женихов. Но вспомним, друзья, о сраженьи!
Ну, обнажайте ж скорее мечи, отражайте столами
Быстро разящие стрелы. Напрям на него всею силой
Дружной толпой, чтоб его оттеснить от дверей и порога,
Кинемся в город тогда и крик поскорее поднимем.
После того этот муж стрелять никогда уж не стал бы!»
Так кричал Евримах женихам. Он выхватил меч свой —
Медный, острый с обеих сторон — и ринулся с криком
На Одиссея. Но тот как раз в это время из лука
Выстрелил, в грудь близ соска поразивши стрелой Евримаха,
Быстрая в печень вонзилась стрела. Из руки ослабевшей

Меч его выпал. Он сам зашатался, на стол повалился,
Телом согнувшись, и наземь столкнул все стоявшие яства
Вместе с кубком двуручным. Лицом он ударился об пол,
Смертной охваченный мукой. Ногами обеими в кресло
Пятками бил он. И тьма пред глазами его разлилася.
Нисов сын Амфином, свой меч обнажив медноострый,
Ринулся быстро вперед Одиссею-герою навстречу,
Чтобы от двери его оттеснить. Но до этого раньше
В спину его Телемах ударил копьем медноострым,
Сзади, меж плеч, и, пробивши насквозь, из груди его выгнал.
С шумом упавши, лицом он с размаху ударился оземь.
Прочь отскочил Телемах, копье длиннотенное там же
В теле оставив его. Боялся он, как бы в то время,
Как он копье, наклонясь, извлекал бы, его из ахейцев
Кто-либо или мечом не сразил, иль копьем не ударил.
Прочь он пустился бегом, до отца добежал очень скоро,
Близко стал перед ним и слова окрыленные молвил:
«Щит и два острых копья тебе, о отец, принесу я,
Также и шлем целомедный, к вискам прилегающий плотно.
Вооружусь-ка, пойду я и сам. И Филойтию также
И свинопасу оружие дам. С оружием лучше!»
Так отвечая на это, сказал Одиссей многоумный;
«Да, поскорее неси, пока еще есть у нас стрелы!
Не оттеснили б от двери меня, как один я останусь».
Так он сказал. Телемах, приказанье отца исполняя,
Быстро пошел в кладовую, где сложены были доспехи,
Выбрал четыре щита и восемь отточенных копий,
Медных шлемов четыре, украшенных конскою гривой.
Все это взял Телемах и к отцу прибежал поскорее.
Раньше, однакоже, сам он оделся сверкающей медью.
Также надели доспехи и оба раба. Одиссея,
Хитрого в замыслах всяких, они, подойдя, обступили.
Сам он, пока у него для защиты имелися стрелы,
Целясь, стрелял в одного жениха за другим непрерывно
В зале пространном своем. И они друг на друга валились.
После, когда у владыки стрелявшего стрелы иссякли,
Наземь он гладкий свой лук опустил, к косяку прислонивши
Около двери к блестящей стене, и стоять там оставил.
Четырехкожным щитом покрыл после этого плечи,
А на могучую голову шлем меднокожный надвинул
С длинным конским хвостом, развевавшимся страшно на
гребне.

Взял два крепких копья, завершенных сверкающей медью.
Выход был боковой проделан в стене многопрочной
Близко совсем от порога прекрасного зала мужского.
Путь был в узкий проход, запиравшийся крепкою дверью.
Дверь Одиссей поручил охранять свинопасу. Стоял он
Близко пред дверью. Тут было опасней всего нападение.
Заговорил Агелай, ко всем женихам обращаясь:
«Не проберется ль из вас кто, друзья, этим ходом наружу,
Чтобы людей известить и крик поднять на весь город?
Больше тогда этот муж стрелять никогда уж не стал бы!»

Так Агелаю в ответ козопас промолвил Меланфий:
«Нет, питомец богов Агелай, невозможно! Ужасно
Близко дверь от двора, и вход в нее больно уж узок.
Всех бы там мог удержать один человек не бессильный.
Но погодите! Оружие вам принести я сумею
Из кладовой! Одиссей с блистательным сыном, наверно,
Там, не еще где-нибудь, оружие из зала сложили».
Так ответив ему, сквозь отверстие в зале Меланфий,
Козий пастух, пробрался наверх, к кладовым Одиссея.
Там двенадцать щитов он выбрал и столько же копий,
Столько ж блистающих медью, хвостами украшенных
шлемов.

Быстро вернувшись назад, женихам он оружие отдал.
У Одиссея ослабли колени и сердце при виде,
Как женихи облекались в доспехи и как потрясали
Длинными копьями. Дело теперь становилось труднее.
К сыну тогда со словами крылатыми он обратился:
«Верно, какая-нибудь из рабынь, Телемах, в нашем доме
Злую с нами борьбу собирает весть иль Меланфий!»
Так на это ему Телемах рассудительный молвил:
«Сам, отец, погрешил я, никто здесь другой не виновен.
Прочно прилаженной двери не запер ведь я в кладовую.
У женихов оказался, как видно, лазутчик хороший.
Слушай, поди-ка, Евмей, и двери запри в кладовую,
И наблюдай, кто все делает это — рабыня ль какая
Или Меланфий? Всех больше мне он подозренье внушает».
Так Одиссей с Телемахом вели меж собой разговоры.
В это время направился вновь в кладовую Меланфий
Новых доспехов принести. Свинопас божественный, сразу
Это заметив, сказал Одиссею, стоявшему близко:
«Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!
Снова, смотри, человек этот мерзкий, как мы угадали,
Крадется к нам в кладовую! Дай точное мне приказанье:
Там ли убить его, если его одолеть я сумею,
Или сюда привести, чтоб достойно ему отплатил ты
За преступленья, которых так много здесь в доме свершил
он».

Так, отвечая на это, сказал Одиссей многоумный:
«Я и сын Телемах женихов благородных все время,
Как бы они ни рвались, удерживать будем на месте.
Вы же оба, назад закрутив ему ноги и руки,
Бросьте его в кладовую и двери заприйте покрепче.
Сзади к крученой веревке его привяжите и после
Вздерните вверх высоко по столбу, притянув к перемету,
Так, чтобы долго живой он висел в жесточайших страданиях».
Так сказал он. Охотно приказу они подчинились
И в кладовую пошли. Прихода их он не заметил.
В это время внутри кладовой он обшаривал стены.
Возле дверных косяков они притаились и ждали.
Из кладовой выходя, на пороге явился Меланфий.
Шлем прекрасный держал в одной он руке, а другою
Щит огромный тащил, изъеденный ржавчиной, старый,

В давние юные годы служивший герою Лаэрту.
Он с перегнившими швами ремней в кладовой там валялся.
Кинулись оба они на Меланфия, внутрь притащили
За волоса и на землю швырнули, объятого страхом.
Ноги и руки назад закрутили и, боль причиняя,
Накрепко их там связали веревкою, как приказал им
Сын Лаэрта, подобный богам Одиссей многостойкий.
Сзади к крученой веревке его привязали и после
Вздернули вверх высоко по столбу, притянув к перемету.
Так, издеваясь над ним, Евмей свинопас, произнес ты:
«Будешь теперь ты усердно всю ночь сторожить здесь,
Меланфий.

Лежа на мягкой постели, — такой, как тебе подобает!
Рано рожденной Зари, выходящей из струй Океана,
Ты уж наверно теперь не проспишь и поры непустишь
Гнать на обед женихам откормленных коз твоих в город!»
Так там Меланфий остался, вися на ужасной веревке.
Те же, доспехи надевши, блестящие заперли двери
И к Одиссею вернулись, искусному в замыслах хитрых.
Там, отвагой дыша, стояли они на пороге
Четверо; в зале самом — благороднейших юношей много.
Вдруг у порога явилась богиня Паллада Афина,
Ментора образ приняв, с ним схожая видом и речью.
Радость при виде ее Одиссея взяла, и сказал он:
«Ментор, на помощь, сюда! Товарища милого вспомни!
Много добра от меня ты видал. Ведь ты мне ровесник!»
Чуял, однако, что это — зовущая к битвам Афина.
В зале тогда со своей стороны женихи закричали.
Дамасторид Агелай напустился на Ментора первый:
«Ментор, не вздумай, смотри, на его увещанья поддаться,
В битве ему подсобить и сражаться начать с женихами!
Вот что в мыслях у нас и что мы наверно исполним:
После того как мы этих уьем — Одиссея и сына, —
Будешь с ними и ты умерщвлен, если только посмеешь
С ними идти сообща. Головой ты за это заплатишь!
Вас лишивши оружием возможности делать насилья,
Сколько имущества ты ни имеешь иль здесь, или в поле,
Мы, с добром Одиссея смешав, меж собою поделим.
В доме твоём проживать никому из детей не позволим,
В городе нашем Итаке супруги твоей не оставим!»
Так сказал он. Сильнее разгневалась сердцем Афина,
Гневными стала словами богиня бранить Одиссея:
«Нет уж в тебе, Одиссей, отваги и силы, с которой
Для белокурой жены, благороднорожденной Елены,
Целых девять лет ты под Троей упорно сражался!
Много мужей умертвил ты в ужаснейших сечах кровавых,
Взят по мысли твоей многоуличный город Приама.
Как же теперь, в свой дом и к богатствам своим воротившись,
Ты огорчаешься тем, что сражаться пришлось с женихами!
Милый, пойдя же сюда, стань рядом со мной, и узнаешь,
Как средь враждебных мужей, тебя окружавших, умеет
Ментор, рожденный Алкимом, платить за добро человеку».

Так сказала, но полной победы еще не дала им:
Раньше того испытать ей хотелось отвагу и силу
И самого Одиссея и сына его Телемаха.
На потолочную балку покрытого копотью зала
Села богиня, вспорхнув, уподобившись ласточке видом.
Дамасторида Агелай с Поликторовым сыном Писандром,
С Амфимедонтом и Демоптолемом, с разумным Полибом
И Евриномом на бой между тем женихов возбуждали.
Первыми были они по отваге меж всеми другими,
Кто оставался живым и за душу свою еще бился.
Частые стрелы и лук смирить остальных уж успели.
К ним Агелай обратился, ко всем свою речь обращая:
«Скоро уж сложит, друзья, этот муж необорные руки!
Ментор, смотрите, успел уж уйти, понапрасну нахвастав,
И впереди перед дверью они лишь одни остаются.
Разом, однакоже, всех своих копий, друзья, не бросайте.
Бросьте сначала лишь шесть. И, может быть, Зевс, наш
родитель,

Даст Одиссея сразить и великую славу добыть нам.
Только бы этот упал! С остальными же справимся скоро!»
Так сказал он. И все, нацелившись, бросили копья,
Как приказал он. Но мимо попали по воле Афины:
В крепком дверном косяке копьё одного задержалось,
В прочно сбитые двери копьё угодило другого,
В стену вонзилось копьё меднотяжкое третьего мужа.
После того как они, никого не задев, пролетели,
Начал к своим говорить Одиссей, в испытаниях твердый:
«Также и к вам я, друзья, обратиться хотел бы. Давайте,
Кинемте копья в толпу женихов, которые к прежним
Всем преступленьям своим еще умертвить нас желают!»
Так сказал он. И бросили все они острые копья,
Метко нацелившись. Демоптолем был сражен Одиссеем,
Был Телемахом сражен Евриад, а Елат — свинопасом;
Муж, пасущий коров, Писандра убил. Повалились
Все они разом, кусая зубами бескрайнюю землю.
Прочь толпой женихи отбежали во внутренность зала.
Те же кинулись следом и вырвали копья из трупов.
Снова тогда женихи, нацелившись, бросили копья,
Но большинство их опять промахнулось по воле Афины.
В крепком дверном косяке копьё одного задержалось,
В прочно сбитые двери копьё угодило другого,
В стену вонзилось копьё меднотяжкое третьего мужа.
Амфимедонт же попал в Телемахову руку, слегка лишь
Кисть оцарапав; разрежала медь только поверху кожу.
Выше щита прочертил Ктесипп по плечу свинопаса
Длинным копьём. Пролетело копьё и на землю упало.
Те, что вокруг Одиссея на выдумки хитрого были,
Дружно в толпу женихов медноострые бросили копья.
Евридаманта сразил Одиссей, городов разрушитель,
Амфимедонта сразил Телемах, свинопас же — Полиба;
Муж, пасущий коров, копьём своим длинным Ктесиппа
В грудь поразил и, повергнув на землю, вскричал, похваляясь:

«Сын Полиферсов, насмешник! Вперед не глупи и от громких
Слов воздержись! Не твое это дело совсем! Предоставь их
Вечным богам говорить. Ведь намного тебя они лучше.
Это тебе за гостинец коровьей ногою, который
Ты Одиссею поднес, когда он просил подаянья!»
Так пастух тяжконогих коров говорил. Одиссей же
Дамасторида огромным копьем умертвил рукопашно;
А Телемах Леокрита убил, Евенорова сына,
В пах поразивши копьем, и наружу конец его выгнал.
Тот, вперед повалившись лицом, им ударился оземь,
Тут с высоты, с потолка, воздела Афина эгиду,
Смертным несущую гибель. И трепет сердца охватил их.
Все разбежались по залу, как будто коровы, которых
По лугу гонят рои оводов, налетев на них разом
В вешнюю пору, в то время, как дни наиболее длинны.
Те ж, соколам кривокогтым с изогнутым клювом подобясь,
С гор налетевшим внезапно на птичью огромную стаю, —
Тучами падают птицы, спасаясь от них, на равнину,
Соколы бьют на лету их, и нет им спасенья ни в бегстве,
Нет и в защите. Любуются люди, довольные ловом.
Так же они женихов гоняли по залу, разили
Копьями вправо и влево и головы им разбивали.
Стонами полон был зал, и кровью весь пол задымился.
Вдруг к Одиссею Леод подбежал, ему обнял колени
И, умоляя его, слова окрыленные молвил:
«Ноги твои, Одиссей, обнимаю — почти меня, сжался!
Верь, никогда ничего непристойного женщинам в доме
Я не сказал и не сделал. Напротив, всегда я старался
Даже других женихов удержать, кто подобное делал.
Рук, однако, они от зла удержать не хотели.
Из-за нечестия их им жребий позорный и выпал.
Жертвогадатель, ни в чем не повинный, я должен погибнуть
С ними! Ну что ж! Благодарности ждать за добро нам не
нужно!»

Грозно взглянув на него, сказал Одиссей многоумный:
«Если ты жертвогадателем был здесь и хвалишься этим, —
Часто, наверно, молился ты в доме моем, чтоб далеким
Сладкий день моего возвращенья домой оказался,
Чтоб на моей ты женился жене и детей нарожал с ней.
Нет, тебе не уйти от несущей страдания смерти!»
Так сказал он и поднял с земли мускулистой рукою
Меч, упавший из рук убитого им Агелая.
Этим мечом посредине он шею Леода ударил.
Крика не кончив, по пыли его голова покатилась.
Гибели черной успел избежать Терпиад песнопевец,
Фемий, которого петь женихи заставляли насильно.
Около двери стоял боковой он в глубоком раздумьи,
С звонкой формингой в руках, и меж двух колебался решений:
Выйти ль из дома на двор и сесть за алтарь, посвященный
Зевсу, хранителю мест огражденных, — алтарь, на котором
Много бедер бычачьих сжигали Лаэрт с Одиссеем, —
Иль, подбежав к Одиссею, обнять его ноги с мольбою.

Вот что, старательно все обсудив, наилучшим почел он:
Ноги с мольбою обнять Одиссея, Лаэртова сына.
Полую взял он формингу свою и, сложив ее на пол
Между кратером красивым и креслом серебряногвоздным,
Сам подбежал к Одиссею, руками обнял его ноги
И, умоляя, к нему обратился с крылатою речью:
«Ноги твои, Одиссей, обнимаю: почти меня, сжался!
Сам позднее ты станешь жалеть, если буду убит я,
Я певец, и богам свои песни поющий и людям!
Я самоучка; само божество насадило мне в сердце
Всякие песни. И кажется мне, что готов я, как богу,
Песни петь для тебя. Не режь же мне горла, помилуй!
Также и милый твой сын Телемах подтвердит, что я в дом

твой

Не добровольно являлся, что шел я, того не желая,
Песни петь женихам за обедами их. Принуждали
К этому люди меня — и больше числом и сильнее!»
Речь услышала его Телемаха священная сила.
Быстро к отцу своему подошел он и громко промолвил:
«Стой! Воздержись от убийства невинного этого мужа!
Также спасем и Медонта глашатая! Он постоянно
Много забот обо мне проявлял, как был я ребенком.
Лишь бы только его не убили Евмей иль Филойтий
Иль не попался б тебе под удар он, как в зал ворвался ты!»
Так говорил он. Разумный Медонт его речи услышал.
Сжавшись в комок, он под креслом лежал, покрывшись

бычачьей

Только что содранной шкурой, чтобы гибели черной
избегнуть.

Выскочил он из-под кресла и, сбросивши шкуру бычачью,
Быстро колени обнял Телемаха, к нему подбежавши,
И, умоляя, к нему обратился с крылатою речью:
«Вот он я, здесь! Удержи ты отца, объясни ему, друг мой,
Чтоб он в сверхмощи своей не убил меня острою медью
В гневе на этих мужей женихов, поевавших бесстыдно
В доме добро у него и тебя оскорблявших безумно!»
Так, улыбнувшись, ответил ему Одиссей многоумный:
«Не беспокойся! Вот этим спасен ты от гибели черной,
Чтобы ты в будущем знал и другим сообщил бы, насколько
Лучше людям хорошие делать дела, чем дурные.
Вот что, однако: уйдите отсюда на двор и сидите
Там, вне убийства, — и ты и певец этот песнеобильный.
Надо мне кое-какие дела еще сделать по дому».
Так сказал он. Пошли они оба и, выйдя наружу,
Сели вблизи алтаря великого Зевса владыки,
И озирались вокруг, и все еще ждали убийства.
Стал между тем Одиссей оглядывать зал, не остался ль
Кто между ними в живых, не избег ли погибели черной.
Но неподвижно лежали, покрытые кровью и пылью,
Кучами там женихи, как рыбы, которых в заливе,
Неводом густопетлистым поймавши, из моря седого
На прибрежный песок рыбаки извлекают, и кучи

Их, по соленой тоскуя волне, на песке громоздятся;
И отлетает их дух под пылающим солнечным жаром.
Кучами так женихи один на другом там лежали.
Сыну тогда Телемаху сказал Одиссей многоумный:
«Ну-ка, пойдь, Телемах, Евриклею кормилицу кликни.
Нужно ей слово сказать, которое есть в моем духе».
Так он сказал. Телемах, приказанье отца исполняя,
Двери потряс и к себе Евриклею кормилицу вызвал:
«Древнерожденная! Встань-ка, старушка! Ведь ты в нашем
доме,

Сколько ни есть тут рабынь, над всеми у нас надзираешь.
Выйди скорее! Отец мой зовет, чтоб сказать тебе что-то!»
Так он громко сказал. И бескрылым осталось в ней слово.
Двери открыла она для жилья приспособленных комнат,
Вышла из них. Телемах же повел ее вслед за собою.
В зале она Одиссея нашла среди лежащих там трупов.
Был он кровью и грязью запачкан, как лев, лугового
Только что съевший быка: идет он, запачкана кровью
Вся его мощная грудь, и кровью запачкана морда
С той и другой стороны. И страшно с ним встретиться
взглядом.

Были запачканы так Одиссеевы руки и ноги.
Трупы увидев мужей и безмерную кровь, Еврикля
Вскрикнуть была уж готова, великое дело увидев,
Но Одиссей, хоть и очень тянуло ее, помешал ей.
Громко к ней со словами крылатыми он обратился:
«Старая, радуйся тихо! Сдержись, не кричи от восторга!
Не подобает к убитым мужам подходить с похвалбюю.
Божья судьба и дурные дела осудили их на смерть.
Не почитали они никого из людей земнородных —
Ни благородных, ни низких, какой бы ни встретился с ними.
Из-за нечестия их им жребий позорный и выпал.
Вот что однако: домовых прислужниц-рабынь назови мне,
Кто между ними бесчестил меня и какая невинна».
Так на это ему в ответ Еврикля сказала:
«Всю тебе правду скажу я, мой сын, ничего не скрывая.
В доме у нас пятьдесят находится женщин служанок.
Все они всяческим женским работам обучены нами,
Чешут шерсть и несут вообще свою рабскую долю.
Есть двенадцать среди них, пошедших бесстыдной дорогой.
Не почитают они ни меня, ни саму Пенелопу.
А Телемах, он недавно лишь вырос, ему приказанья
Не позволяла еще давать Пенелопа рабыням.
Дай-ка, однако, я наверх пойду, сообщу Пенелопе.
В сон глубокий она каким-то повергнута богом».
Ей отвечая на это, сказал Одиссей многоумный:
«Нет, ее ты пока не буди. А скажи, чтоб явились
Те из служанок, которые здесь бесчинства творили».
Так сказал Одиссей. Старуха из комнаты вышла
Женщинам весть передать и вниз приказать им спуститься.
Сам же он Телемаха, Филойтия и свинопаса
Близко к себе подозвал и слова окрыленные молвил:

«Трупы начните теперь выносить и рабыням велите.
После того и столы и прекрасные кресла водою
Вымойте дочиста, в ней намочив ноздреватые губки.
После того же как все вы кругом приведете в порядок,
Женщин рабынь уведите из зала на двор, в закоулок
Между дворовою крепкою оградой и круглым сараем,
Острыми их изрубите мечами и выньте у всех их
Души, чтоб им позабылось, какие дела Афродиты
При женихах совершались, как здесь они тайно любились».
Так сказал он. Служанки вошли, прижимаясь друг к другу,
Полные горя и страха, роняя обильные слезы.
Стали прежде всего выносить они трупы убитых,
Клади под портиком их, средь крепкой дворовой ограды,
Тесно один близ другого. Давал Одиссей приказанья,
Сам подгоняя рабынь. Поневоле они выносили.
После того и столы и прекрасные кресла водою
Вымыли дочиста, в ней намочив ноздреватые губки.
А Телемах, свинопас и коровий пастух в это время
Тщательно выскребли пол многопрочного дома скребками.
Женщины сор собирали за ними и вон выносили.
После того же как все привели они в зале в порядок,
Вывели женщин из дома толпою и всех в закоулок
Между дворовой оградой и круглым сараем загнали
В место, откуда никто ускользнуть ни за что уж не смог бы.
С речью такой Телемах рассудительный к ним обратился:
«Чистою смертью лишить мне совсем не желалось бы жизни
Тех, которые столько позора на голову лили
Мне и матери нашей, постели деля с женихами».
Так он сказал и, канат корабля черноносого взявши,
Через сарай тот канат перебросил, к столбу привязавши.
После вздернул их вверх, чтоб ногами земли не касались.
Так же, как голуби или дрозды длиннокрылые в сети,
Ждущие их на кустах, спеша на ночлег, попадают
И под петлями сетей ужасный покой их встречает, —
Так на канате они голова с головою повисли
С жавшими шею петлями, чтоб умерли жалкою смертью.
Ноги подергались их, но не долго, всего лишь мгновенье.
Выведен был и Меланфий на двор чрез преддверие зала,
Уши и нос отрубили ему беспощадною медью,
Вырвали срам, чтоб сырым его бросить на пищу собакам,
Руки и ноги потом в озлоблении яром отсекли.
Оба после того, обмыв себе руки и ноги,
В дом Одиссея обратно вернулись. Свершилось дело.
Он же тогда к Евриклее кормилице так обратился:
«Серы мне, старая, дай очищающей, дай и огня мне.
Нужно зал окурить. Сама ж к Пенелопе отправься
И передай, чтоб спустилась сюда со служанками вместе.
Всем домовым рабыням скажи, чтоб явились немедля».
Так на это в ответ ему Евриклея сказала:
«Все это, милый сынок, говоришь ты вполне справедливо.
Дай-ка, однакоже, плащ и хитон для тебя принесу я.
Рубищем этим одевши широкие плечи, не стой так

В зале. В таком тебе виде являться теперь не годится». Ей отвечая на это, сказал Одиссей многоумный: «Прежде всего чтоб немедленно был мне огонь в этом зале!» Так он сказал. Не была Евриклея ему непослушна. Серу немедленно в зал принесла и огонь. Одиссей же Тщательно зал окурил, и дом весь, и двор огражденный. А Евриклея пошла чрез прекрасные комнаты дома Женщинам весть передать и вниз приказать им спуститься. С факелом ярким в руках они поспешили из комнат И Одиссея кругом обступили, его обнимали, Голову, плечи и руки ему целовали приветно. Сладко вдруг захотелось рыдать и стонать Одиссею. Сердцем всех узнавал он служанок одну за другою.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ ТРЕТЬЯ

С сердцем ликующим в верхний покой поднялася старуха Весть госпоже сообщить, что здесь он, супруг ее милый. Двигались быстро колени ее, и ноги спешили. Над Пенелопой склонилась она и так ей сказала: «Милая дочка моя Пенелопа, проснись, чтоб глазами Ты увидала того, о ком ты все время тоскуешь! Здесь твой супруг Одиссей, домой он вернулся, хоть поздно, Всех перебил женихов, вносивших в ваш дом разоренье, Тративших ваши запасы, чинивших насилие над сыном!» Ей в ответ Пенелопа разумная так возразила: «Мамушка милая! Боги тебе помutilи рассудок! Могут безумным они и очень разумного сделать И рассудительность дать человеку с легчайшим рассудком. Ум у тебя поврежден. А была ты ведь правильных мыслей. Сердцем так я страдаю, а ты надо мною смеешься, На ветер речи бросаешь! От сна вот меня пробудила Сладкого. Веки покрыв, совершенно меня оковал он. Крепко так никогда не спала я с тех пор, как уехал В неназываемый Зло-Илион Одиссей богоравный. Вот что: спустись-ка ты вниз и ко мне возвращайся обратно! Если б другая какая из женщин моих прибежала С вестью такою ко мне и меня бы от сна разбудила, Я бы ее отругала и тотчас велела убраться Снова в обеденный зал. Тебя твоя старость спасает!» Ей в ответ Евриклея кормилица так возразила: «Я над тобой не смеюсь, дорогое дитя мое, — вправду Здесь Одиссей, и домой он вернулся, как я утверждаю, — Тот чужеземец, которого все так бесчестили в доме. Сын твой давно уже знал, что домой Одиссей воротился, Но осторожно держал намеренья все его в тайне, Чтобы надменным мужам он мог отомстить за насилие». Радость взяла Пенелопу. С постели она соскочила, Сбросила с век своих сон, горячо обняла Евриклею И, с окрыленными к ней обращаясь словами, вскричала:

«Милая мамушка, ну расскажи же мне полную правду!
Если он вправду домой воротился, как ты уверяешь, —
Как на лишенных стыда женихов, один против многих,
Руки он мог наложить? Их всегда здесь толпится так много!»
Ей в ответ Еврикля кормилица так возразила:
«Я не видала, никто не сказал мне, я только слыхала
Стоны мужей, убиваемых им. В глубине наших комнат
В страхе сидели мы все за закрытою дверью, покуда
Сын твой из девичьих комнат в обеденный зал нас не вызвал:
Нас Одиссей приказал из комнат позвать Телемаху.
В зале я Одиссея нашла среди поверженных трупов.
Кучами всюду лежали они вокруг него, покрывая
Крепко утоптаный пол. Увидав, ты согрелась бы духом.
Кровью и грязью покрытый, на грозного льва походил он.
Трупы убитых теперь лежат на дворе за дверями
Кучею. Сам же большой он огонь разложил, чтобы серой
Дом окурить наш прекрасный. Меня ж за тобою отправил.
Ну же, иди поскорей! Пора, наконец, вам обоим
Радостью сердце наполнить. Вы бед претерпели так много!
Вот пришло исполненье давнишним желаньям вашим.
Сам к очагу своему он вернулся живой и супругу
С сыном возлюбленным дома нашел. Причинили немало
Зла ему женихи, но он всем им отмстил по заслугам!»
Ей Пенелопа разумная так отвечала на это:
«Милая мамушка! Рано еще ликовать и хвалиться!
Знаешь сама ты, каким бы он в дом свой явился желанным
Всем, а особенно мне и нами рожденному сыну.
Недостоверно, однакоже, то, что ты мне сообщила.
Здесь женихов перебил кто-нибудь из богов, раздраженных
Наглостью их, оскорбляющей дух, и дурными делами.
Не почитали они никого из людей земнородных,
Ни благородных, ни низких, какой бы ни встретился с ними.
Из-за нечестия их и постигла беда. Одиссей же
И возвращенье свое и себя с ним сгубил на чужбине».
Ей Еврикля кормилица так возразила на это:
«Что за слова у тебя из ограда зубов излетели!
Муж твой вблизи очага здесь находится, ты же не веришь,
Что он вернулся домой. Как твое недоверчиво сердце!
Ну, тогда я тебе сообщу достовернейший признак, —
Белым клыком кабана ему в ногу рубец нанесенный.
Я тот рубец увидала, как мыла его, и хотела
Тотчас тебе сообщить. Но рот он поспешно зажал мне
И не позволил сказать, — осторожен умом и хитер он.
Ну же, иди! Я себя самое прозакладывать рада:
Если тебе солгала, то тягчайшей предай меня смерти!»
Так тогда Пенелопа разумная ей отвечала:
«Мамушка милая, как бы хитра ни была ты, но трудно
Замыслы вечных богов разгадать и от них уберечься.
Все же я к сыну готова идти моему, чтоб увидеть
Мертвых мужей женихов, а также того, кто убил их».
Так сказавши, из спальни пошла она вниз. Колебалась
Сильно сердцем она, говорить ли ей издали с мужем

Иль, подойдя, его руки и голову взять, целовать их?
Переступив чрез порог из отесанных камней, вступила
В зал Пенелопа и села к огню, напротив супруга,
Возле стены. Прислонившись к высокой колонне, сидел он,
Книзу глаза опустив, дожидаясь, услышит ли слово
От благородной супруги, его увидавшей глазами.
И удивленная долго молчала тогда Пенелопа:
То, заглянувши в лицо, его находила похожим,
То, из-за грязных лохмотьев, казался он ей незнакомым.
С негодованием к ней Телемах обратился и молвил:
«Мать моя, горе ты мать! До чего ты бесчувственна духом!
Что от отца так далеко ты держишься? Рядом не сядешь,
Слово не скажешь ему и его ни о чем не расспросишь?
Вряд ли другая жена в отдалении от мужа стояла б
Так равнодушно, когда, перенесши страданий без счета,
Он на двадцатом году наконец воротился б в отчизну!
Сердце суше всегда в груди твоей было, чем камень!»
Так Пенелопа разумная сыну тогда отвечала:
«Ошеломило мне дух, дитя мое, то, что случилось.
Я ни вопроса задать не могу, ни хоть словом ответить,
Ни заглянуть ему прямо глазами в лицо. Если вправду
Передо мной Одиссей и домой он вернулся, то сможем
Легче друг друга признать. Нам ведь обоим известны
Разные признаки, только для нас с ним лишенные тайны».
Так сказала она. В ответ Одиссей улыбнулся
И Телемаху немедля слова окрыленные молвил:
«Что ж, Телемах, пусть меня твоя мать испытанью
подвергнет!
Скоро тогда и получше меня она верно узнает.
Из-за того, что я грязен, что рубищем тело одето,
Пренебрегает прищельцем она, говорит, что не тот я.
Мы же обсудим покамест, как дальше с тобой мы поступим.
Если в стране кто-нибудь одного хоть убил человека,
Если заступников после себя тот и мало оставил,
Все ж он спасается бегством, покинув родных и отчизну.
Мы же опору страны истребили, знатнейших и лучших
Юношей целой Итаки. Подумай-ка, сын мой, об этом».
Так на это ему Телемах рассудительный молвил:
«Сам на это смотри, отец дорогой! Утверждают
Все, что по разуму выше ты прочих людей, что поспорить
В этом с тобою не сможет никто из людей земнородных.
С одушевленьем мы вслед за тобою пойдем, и наверно
Силой не будем мы хуже, насколько ее у нас хватит».
Так отвечая на это, сказал Одиссей многоумный:
«Вот что тебе я скажу — это кажется мне наилучшим.
Прежде всего хорошенько помойтесь, наденьте хитоны,
Также и всем прикажите домашним рабыням одеться.
Пусть тогда песнопевец божественный с звонкой формингой
Всех нас здесь поведет за собой в многорадостной пляске,
Так, чтобы всякий, услышав снаружи, подумал о свадьбе,
Будь то идущий дорогой иль кто из живущих в соседстве.
Нужно, чтоб слух об убийстве мужей женихов разошелся

В городе только тогда, когда мы уже скрыться успеем
За город, в сад многодревный к себе. А уж там поразмыслим,
Что нам полезного может послать олимпийский владыка».
Так он сказал. И охотно приказу они подчинились.
Прежде всего помылись они и надели хитоны,
Женщины все нарядились. Певец же божественный в руки
Взял формингу свою, и у всех пробудилось желанье
Стройных игр хороводных, и плясок, и сладостных песен.
Весь Одиссеев обширный дворец приводил в сотрясенье
Топот ног мужей и жен в одеждах красивых.
Так не один говорил, услышав, что делалось в доме:
«На многосватанной, видно, царице уж женится кто-то!
Дерзкая! Дом сберегать обширный законного мужа
Вплоть до его возвращенья терпения ей не хватило!»
Так не один говорил, не зная о том, что случилось.
Великосердного сына Лаэрта меж тем Евринома,
Ключница, вымыла в доме и маслом блестящим натерла.
Плечи одела его прекрасным плащом и хитоном.
Голову дева Афина великой красой озарила,
Сделала выше его и полней, с головы же густые
Кудри спустила, цветам гиацинта подобные видом.
Как серебро позолотой блестящею кроет искусный
Мастер, который обучен Гефестом и девой Афиной
Всякому роду искусств и прелестные делает вещи,
Так засияли красой голова Одиссея и плечи.
Видом подобный бессмертным богам, из ванны он вышел,
Сел после этого в кресло, которое раньше оставил,
Против супруги своей и с такой обратился к ней речью:
«Странная женщина! Боги, живущие в домах Олимпа,
Твердое сердце вложили в тебя среди жен слабосильных!
Вряд ли другая жена в отдалении от мужа стояла б
Так равнодушно, когда, перенесши страданий без счета,
Он наконец на двадцатом году воротился б в отчизну.
Вот что, мать: постели-ка постель мне! Что делать, один я
Лягу. У женщины этой, как видно, железное сердце!»
Так на это ему Пенелопа царица сказала:
«Станный ты! Я ничуть не горжусь, не питаю презренья
И не сержусь на тебя. Прекрасно я помню, каким ты
Был, покидая Итаку в судне своем длинновесельном.
Ну хорошо! Постели, Еврикля, ему на кровати,
Только снаружи, не в спальне, которую сам он построил.
Прочную выставь из спальни кровать, а на ней ты настелешь
Мягких овчин, одеялом покроешь, положишь подушки».
Так сказала она, подвергая его испытанью.
В гневе к разумной супруге своей Одиссеей обратился:
«Речью своею, жена, ты жестоко мне ранила сердце!
Кто же на место другое поставил кровать? Это трудно
Было бы сделать и очень искусному. Разве бы только
Бог при желаньи легко перенес ее с места на место!
Но средь живущих людей ни один, даже молодокрепкий,
С места б не сдвинул легко той кровати искусной работы.
Признак особый в ней есть. Не другой кто, я сам ее сделал.

Пышно олива росла длиннолистая, очень большая,
В нашей дворовой ограде. Был ствол у нее, как колонна.
Каменной плотной стеной окружив ее, стал возводить я
Спальню, пока не окончил. И крышей покрыл ее сверху.
Крепкие двери навесил, приладивши створки друг к другу.
После того я вершину срубил длиннолистой оливы,
Вырубил брус на оставшемся пне, остругал его медью
Точно, вполне хорошо, по шнуру проверяя все время,
Сделал подножье кровати и все буравом пробуравил.
Этим начавши, стал делать кровать я, пока не окончил,
Золотом всю, серебром и слоновою костью украсил,
После окрашенный в пурпур ремень натянул на кровати.
Вот тебе признаки этой кровати, жена! Я не знаю,
Все ли она на том месте стоит, иль на место другое,
Срезавши ствол у оливы, ее кто-нибудь переставил».
Так он сказал. У нее ослабели колени и сердце, —
Так подробно и точно все признаки ей описал он.
Быстро к нему подошла Пенелопа. Обняв его шею,
Голову стала, рыдая, ему целовать и сказала:
«О, не сердись на меня, Одиссей! Ты во всем и всегда ведь
Был разумнее всех. На скорбь осудили нас боги.
Не пожелали они, чтобы мы, оставаясь друг с другом,
Молодость прожили в счастье и вместе достигли порога
Старости. Не негодуй, не сердись на меня, что не сразу
Я приласкалась к тебе, как только тебя увидела.
Дух в груди у меня постоянным охвачен был страхом,
Как бы не ввел в заблужденье меня кто-нибудь из
пришельцев.

Есть ведь немало людей, подающих дурные советы.
Ведь и рожденная Зевсом Елена аргивская вряд ли б
Соединилась любовью и ложем с чужим человеком,
Если бы знала вперед, что отважные дети ахейцев
Снова обратно должны отвезти ее в землю родную.
Сделать позорный поступок ее божество побудило.
Раньше в сердце свое не впускала она ослепленья
Страшного, бывшего также началом и наших несчастий.
Точно сейчас и подробно ты признаки мне перечислил
Нашей кровати, которой никто из живущих не видел,
Кроме тебя и меня, да рабыни еще Акториды,
Данной отцом мне в служанки, когда я сюда отправлялась.
Дверь нашей прочно устроенной спальни она охраняла.
Как ни бесчувственно сердце мое, но его убедил ты!»
Тут сильнее у него появилось желание плакать.
Плакал он, что жена его так хороша и разумна.
Как бывает желанна земля для пловцов, у которых
Сделанный прочно корабль, теснимый волнами и ветром,
Вдребезги в море широком разбил Посейдон-земледержец;
Только немногим спастись удалось; через волны седые,
С телом, изъеденным солью морскою, плывут они к суше,
Радостно на берег всходят желанный, избегнув несчастья.
Так же радостно было глядеть Пенелопе на мужа;
Белых локтей не снимала она с Одиссеевой шеи,

Так в слезах и застала бы их розоперстая Эос,
Если бы новая мысль не пришла совоокой Афине.
Ночь надолго она у края земли задержала,
А златотронную Эос — в водах Океана, велев ей
Не запрягать быстроногих коней молодых в колесницу,
Свет несущих для смертных людей, — Фаэтона и Лампа.
С речью тогда Одиссей многоумный к жене обратился:
«Мы с тобою, жена, не дошли до конца испытаний.
Труд безмерный меня еще впереди ожидает,
Очень большой и тяжелый, который я должен исполнить.
Так мне душа предсказала Тиресия, фивского старца,
В день тот, когда я в обитель Аида сошел, чтоб чрез это
Путь к возвращенью найти и товарищам и самому мне.
Ну, а теперь не пора ли в постель нам, жена, чтоб, улегшись,
Сладостным сном мы могли насладиться один близ другого».
Так на это ему Пенелопа царица сказала:
«Будет постель для тебя, едва только ты пожелаешь,
Раз уже сделали боги, что ты воротился обратно
В дом прекрасно отстроенный твой и в родимую землю.
Если ж сказал ты про подвиг, как бог то вложил тебе в сердце,
Что же, поведай о нем мне: поздней все равно, без сомненья,
Станет известно мне все. Почему не узнать мне теперь же?»
Ей отвечая на это, сказал Одиссей многоумный:
«Странная женщина! Что ты меня так настойчиво просишь
Все говорить? Хорошо, я скажу, ничего не скрывая.
Радости в этом ты мало найдешь. Да и сам я не много
Радуюсь: мне он велел города обходить непрерывно
С крепким веслом на плече и покоя не ведать, покуда
В край не приду я к мужам, которые моря не знают,
Пищи своей никогда не солят, никогда не видали
Пурпурнощеких судов, не видали и сделанных прочно
Весел, которые в море судам нашим крыльями служат.
Признак надежный он мне сообщил, и его я не скрою:
Если путник другой, со мной повстречавшийся, скажет,
Что на блестящем плече лопату несу я, чтоб веять, —
Тут же в землю воткнуть весло мое мне приказал он,
В жертву принести колебателью недр, Посейдону-владыке,
Борова, что покрывает свиней, и быка, и барана,
И возвратиться домой, и святые свершить гекатомбы
Вечно живущим богам, владеющим небом широким,
Всем по порядку. Тогда не средь волн разъяренного моря
Тихо смерть на меня низойдет. Настигнутый ею,
В старости светлой я мирно умру, окруженный всеобщим
Счастьем народов моих. Все так и свершится, сказал он».
Мудрая так Пенелопа на это ему отвечала:
«Если хоть лучшую старость тебе предназначили боги, —
Есть надежда, что беды когда-нибудь нас и оставят».
Так Одиссей с Пенелопой вели меж собой разговоры.
В спальне меж тем Евринома с кормилицей стали при свете
Факелов мягкое ложе стелить для обоих супругов.
После того как кровать со стараньем они постелили,
Спать старуха обратно отправилась в дом, Евринома ж,

Бывшая горничной в спальне, к постели совсем уж готовой,
Факел имея в руках, повела Одиссея с женою.
В спальню обоих приведши, обратно ушла Евринома.
С радостью место их старой кровати они увидали.
Тут Телемах и коровий пастух с свинопасом от пляски
Ноги свои удержали, потом удержали и женщин,
Сами же спать улеглись в тенистом обеденном зале.
Оба супруга, когда насладились желанной любовью,
Стали после того наслаждаться беседой взаимной.
Мужу она рассказала, как выстрадать много пришлось ей,
Глядя в доме своем на толпу женихов обнаглевших,
Столько во имя ее коров и овец забивавших,
Выпивших столько вина, запасенного дома в сосудах.
После того Одиссей рассказал, как он много печалей
Людям доставил, как много трудов и тяжелых страданий
Вытерпел сам. С наслажденьем внимала она, и не раньше
Сон на веки ей пал, чем все до конца рассказал он.
Начал с того, как сперва он ограбил киконов, как после
В край обильный и тучный мужей лотофагов приехал,
Что с ними сделал циклоп, как ему отомстил он за гибель
Мощных товарищей, пожранных им безо всякой пощады,
Как он к Эолу явился и тот его принял радушно,
Как отослал, как судьба не дала им домой воротиться,
Как налетевшая буря внезапно его подхватила
И через рыбное море помчала, стенавшего тяжко;
Также, как в город потом Телепил он попал к лестригонам,
И корабли погубившим и спутников пышнопоножных
Всех. Лишь один Одиссей убежал на судне чернобоком.
И про Цирцею, про козни и хитрость ее рассказал он,
Также, как он добрался до затхлого царства Аида,
Чтоб прорицанье души Тиресия старца услышать,
На корабле многovesлом как спутников всех увидел он,
Также и мать, что его родила и вскормила ребенком;
Как он пенье услышал сирен, сладкозвучно поющих,
Как он к Планктам-утесам приплыл и к ужасной Харибде,
Также и к Сцилле, которой счастливо никто не избегнет;
Как его спутники дерзко забили коров Гелиоса,
Как их корабль быстроходный разбил своей молнией серной
Зевс высокогремящий и спутники в море погибли
Все без изъятья, а сам он погибели черной избегнул;
Как он к нимфе Калипсо на остров Огигию прибыл,
Как держала она Одиссея, чтоб был ей супругом,
В гроте глубоком своем, кормила его, обещалась
Сделать бессмертным его и бесстаростным в вечные веки;
К этому сердца, однако, в груди у него не склонила;
Как, перенесши немало трудов, к феакам он прибыл;
Почесть они оказали ему, как бессмертному богу,
И в корабле отослали обратно в родную Итаку,
Меди и золота дав ему вволю, а также одежды.
Это он рассказал под конец уж, когда был охвачен
Сном, расслабляющим члены и прочь уносящим заботы.
Новая мысль тут пришла совоокой Афине богине:

После того как, по мненью ее, Одиссей многоумный
Ложем супруги своей и сладостным сном наслаждался,
Утренней тотчас велела Афина Заре златотронной
Выйти из вод Океана, чтоб свет принесла она людям.
С мягкой постели вскочил Одиссей и промолвил супруге:
«Досыта оба с тобой мы, жена, натерпелись страданий,
Ты — о моем многотрудном скорбя возвращеньи в отчизну,
Мне же Зевс и другие бессмертные боги все время,
Как ни рвался я, мешали достигнуть родимой Итаки.
Нынче, когда мы с тобой дождались желанного ложа,
Оберегай у нас дома богатства, какие остались,
Скот же, который у нас наглецы женихи истребили, —
Многое я захвачу, другое дадут мне ахейцы
Сами, покамест всех стойл скотом не заполнят мне снова.
Я же в наш сад многодревный отправлюсь. Хотел бы
проведать

Знатного там я отца моего, сокрушенного горем.
Вот что, жена, поручаю тебе, хоть сама ты разумна:
Только что солнце взойдет, — и тотчас молва разнесется
О женихах благородных, которых у нас тут убил я,
Наверх ты поднимись со своими служанками вместе,
Там и сиди. От бесед воздержись и не делай вопросов».
Так промолвивши, плечи прекрасной броней одел он,
Поднял от сна Телемаха, Филоития и свинопаса
И приказал им немедля надеть боевые доспехи.
Не были те непослушны, оделись блестящею медью;
Все они вышли, ворота раскрыв, во главе с Одиссеем.
Свет уже был на земле, но богиня Паллада Афина,
Мглою их окружив, увела их из города быстро.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Вызвал души мужей женихов, Одиссеем убитых,
Бог Гермес килленийский. В руках золотой и прекрасный
Жезл держал он, которым глаза усыпляет у смертных,
Если захочет, других же, заснувших, от сна пробуждает.
Двинув им, души повел он, и с писком они полетели.
Так же, как в темном пространстве пещеры летучие мыши
Носятся с писком, когда с каменистого свода, где густо
Все теснятся они, одна упадет вдруг на землю, —
С писком таким же и души неслись. Их вел за собою
Темным и затхлым путем Гермес, исцеленье несущий.
Мчались они мимо струй океанских, скалы левкадийской,
Мимо ворот Гелиоса и мимо страны сновидений.
Вскоре рой их достиг асфодельного луга, который
Душам — призракам смертных уставших — обителью
служит.

Там они душу нашли Ахиллеса, Пелеева сына,
Встретили душу Патрокла вместе с душой Антилоха,
Душу Аякса, который всех лучше и видом и ростом

После Пелида бесстрашного был среди прочих данайцев.
Все стояли они вокруг Ахиллеса героя.
К ним душа подошла Агамемнона, сына Атрея,
Глядя печально. Вокруг него были друзей его души —
Всех, кто смертную участь с ним принял в Эгистовом доме.
Первой к нему обратилась душа Ахиллеса Пелида:
«Думали мы, Атреид, что ты молнелюбцу Крониду
Между героев других всех более мил неизменно,
Ибо владыкою множества был ты мужей многоможных
В дальнем троянском краю, где так мы, ахейцы, страдали.
Все же случилось, что вот и тебя раньше срока постигла
Смертная участь, которой никто не избег из рожденных.
Должен ты был, наслаждаясь почетом, тебе подобавшим,
Смерть и жребий принять в стране конеборных троянцев.
Там над тобой всеахейцы насыпали б холм погребальный,
Сыну б великую славу на все времена ты оставил.
Но суждено тебе было погибнуть плачевнейшей смертью!»
Так на это ему душа отвечала Атрида:
«О блаженный Пелид, Ахиллес, на бессмертных похожий!
Умер в троянском краю ты, вдали от отчизны, но много
Было убито храбрейших троянских сынов и ахейских
В битве за труп твой. А ты, забыв о боях колесничных,
В вихре пыли лежал на огромном пространстве, огромный.
Мы же сражались весь день напролет. И не кончили битвы
Мы б ни за что, но Кронион ее прекратил ураганом.
Вынесши труп твой к судам из сумятицы боя, на ложе
Мы положили тебя, очистив прекрасное тело
Теплой водою и маслом. Толпились данайцы вокруг тела,
Слезы горячие лили и кудри себе обрезали.
Весть услышавши, из моря с бессмертными нимфами вышла
Мать твоя. Крик несказанный, ужасный пронесся над морем.
В трепет великий ахейцы пришли, этот крик услышавши.
Все бы они повскакали и к полым судам убежали,
Не удержи человек их, знаньем большим умудренный, —
Нестор; советы всегда наилучшие всем подавал он.
Благожелательства полный, сказал он собранью ахейцев:
— Стойте, ахейцы! Не бойтесь, сыны аргивян, не бегите!
Мать его это из моря с бессмертными нимфами вышла
На берег, чтобы увидеть погибшего милого сына! —
Так он ахейцам сказал, и бегство они прекратили.
Дочери старца морского, тебя обступив отовсюду,
С горькой печалью в одежды бессмертные труп твой одели;
Музы — все девять — подряд голосами прекрасными пели
Песнь похоронную. Так потрясающе песнь их звучала,
Что не в слезах никого не увидел бы ты из ахейцев.
Целых семнадцать и дней и ночей над тобой непрерывно
Все мы — бессмертные боги и смертные люди — рыдали.
На восемнадцатый день мы предали огню. И забили
Множество в жертву и жирных овец и быков тяжконогих.
Был сожжен ты в одежде богов, умощенный обильно
Сладким медом и маслом. И много героев ахейских
В ярко сверкавших доспехах пылавший огонь обходили —

Пешие, конные. Шум поднимался от них несказанный.
После того как с тобою покончило пламя Гефеста,
Белые кости твои, Ахиллес, мы с зарею собрали
И в золотой положили сосуд, наполненный маслом
И неразбавленным, чистым вином. Дала его мать нам —
Дар Диониса, сказала она, а работа Гефеста.
Белые кости твои там лежат, Ахиллес многославный,
Вместе с костями Патрокла умершего, Менетиада,
Но от костей Антилоха отдельно, которого чтит ты
Более всех остальных товарищей после Патрокла.
Холм большой и прекрасный насыпали мы над костями, —
Все мы, могучее войско ахейских сынов копьеборных, —
Над Геллеспонтом широким, на мысе, вдающемся в море,
Так, чтобы издали с моря все люди могли его видеть,
Все — и живущие ныне и те, кто позднее родится.
Мать, у богов испросивши призы красоты необычной,
Их положила на место ристаний для знатных ахейцев.
Много ты раз, Ахиллес, в похоронных участвовал играх
При погребеньи царей и героев, когда, к состязаньям
Разным готовя себя, молодежь пояса надевает.
Сильно б, однакоже, ты изумился, когда бы увидел
Эти призы, что тогда в твою честь приготовлены были
Сереброногой Фетидой. Богами был очень любим ты!
Так, и умерши, ты имя свое сохранил. Никогда уж
Светлая слава твоя, Ахиллес, меж людьми не погибнет.
Мне же что из того, что войну я привел к завершенью?
При возвращеньи печальную смерть от руки мне Эгиста
И Клитемнестры, проклятой жены моей, Зевс приготовил».
Так Атрид с Ахиллесом вели меж собой разговоры.
Близко Аргоубийца-вожатый предстал перед ними,
Души ведя за собой женихов, Одиссеем убитых.
Оба они изумились и прямо пошли, увидавши.
Сразу был узан душой Агамемнона, сына Атрида,
Амфимедонт достославный, рожденный на свет Меланеем.
Гостем он был у него на Итаке, живя в его доме.
Первой Атрида душа к нему обратилась с речью:
«Амфимедонт, как случилось, что в мрачную землю сошли

вы,

Все отборные, все однолетки? Никто, отбирая,
Лучших по городу выбрать мужей, уж наверно, не мог бы!
Или вас Посейдон погубил в кораблях ваших быстрых,
Грозную силу воздвигнув свирепо бушующих ветров?
Иль вас на суше враги где-нибудь погубили в то время,
Как вы отрезать старались коровьи стада и овечьи
Или как женщин и город какой захватить домогались?
Дай мне ответ на вопрос. Ведь гостем тебе прихожусь я.
Иль ты не помнишь уже, как в дом ваш пришел я когда-то,
Чтоб с Менелаем, подобным богам, убедить Одиссея
Вместе ехать в судах крепкопалубных против троянцев?
Целый мы месяц по морю широкому плыли. С трудом лишь
Нами был убежден Одиссей, городов разрушитель».
Амфимедонта душа на это ему отвечала:

«Славный герой Атреид, владыка мужей Агамемнон!
Все это, богорожденный, я помню, о чем говоришь ты,
И расскажу обо всем хорошо и вполне откровенно,
Как исполнение злое погибели нашей свершилось.
Сватались мы за жену Одиссея. Давно уж уехал
Из дому он. Ни согласия на брак, ни отказа царица
Нам не давала, готовила ж смерть нам и черную Керу.
Кроме того, против нас и другую придумала хитрость.
Ткань начала она ткать, станок у себяпоместивши, —
Тонкую, очень большую, — и нам объявила при этом:
— Вот что, мои женихи молодые, ведь умер супруг мой,
Не торопите со свадьбой меня, подождите, покамест
Савана я не сотку, — пропадет моя иначе пряжа! —
Знатному старцу Лаэрту на случай, коль гибельный жребий
Скорбь доставляющей смерти неожиданно его здесь
постигнет, —

Чтобы в округе меня не корили ахейские жены,
Что похоронен без савана муж, приобретший так много. —
Так говорила и дух нам отважный в груди убедила.
Что ж оказалось? В течение дня она ткань свою ткала,
Ночью же, факелы возле поставив, опять распускала.
Длился три года обман, и ей доверяли ахейцы.
После того ж как четвертый уж год наступил, совершили
Месяцы круг свой обычный и множество дней пролетело,
Женщина нам сообщила, которая все это знала.
За распусканием ткани прекрасной ее мы застали,
И поневоле тогда работу пришлось ей окончить.
Выткав и вымыв великую ткань, нам она показала
Этот покров погребальный, сиявший, как солнце иль месяц.
Тут откуда-то бог, нам враждебный, привел Одиссея
К самому краю полей, где жил свинопас в своем доме.
Прибыл туда же и сын Одиссея, подобного богу.
В Пилосе был он песчаном и морем оттуда приехал.
Злую смерть женихам замышляя, отправились оба
В город наш славный они. Одиссей, отставши от сына,
Шел далеко назад. Впереди шел сын Одиссеев.
Вел свинопас Одиссея, в дрянное одетого платье.
Был похож Одиссей на старого нищего видом,
Брел, опираясь на палку, в одежде убогой и рваной.
Кто бы подумал из нас, даже самый по возрасту старший,
Что Одиссей перед нами, внезапно вернувшийся в дом свой?
Мы швыряли в него, оскорбляли дурными словами.
Несколько времени он выносил терпеливо и стойко
В собственном доме своем и наши удары и ругань.
Но, побуждаемый волей эгидодержавного Зевса,
С сыном своим Телемахом забрал все оружие в доме,
Снес в кладовую и запер, двери засовом задвинув.
Замысел хитрый тая, супруге тогда приказал он
Выложить лук перед нами, а также седое железо —
И состязанье для нас, горемык, и начало убийства.
Но ни один между нас не смог нацепить на могучий
Лук тетиву. Оказались для этого слишком мы слабы.

После, когда этот лук попал в Одиссеевы руки,
Дружно и громко мы все закричали словами, чтоб лука,
Сколько бы он ни просил, ему ни за что не давали.
Только один Телемах его ободрил и позволил.
В руку приняв, Одиссей богоравный, в несчастиях твердый,
Лук легко натянул и стрелу прострелил сквозь железо,
После взошел на порог и высыпал острые стрелы,
Страшно глядя, и тотчас сразил Антиноя стрелою;
Начал потом и в других посылать многостонные стрелы,
Целясь в упор. Женихи валились один на другого.
Ясно было для всех, что какой-то им бог помогает.
Ярости бурно отдавшись, они нас по залу разили
Копьями вправо и влево и головы нам разбивали.
Стонами полон был зал, и кровью весь пол задымился.
Так, Агамемнон, погибли мы все. Наши трупы доселе,
Непогребенные, кучей лежат в Одиссеевом доме.
Ни у кого еще дома не знают того, что случилось,
Близкие — кто бы, от крови омыв наши раны, на ложе
Труп положил и оплакал, как принято это для мертвых».
Так на это ему душа отвечала Атрида:
«Как ты блажен, Одиссей многохитрый, рожденный Лаэртом!
Ты жену приобрел добродетели самой высокой:
Что за хорошее сердце у ней, как она безупречна,
Как она помнит о муже законном своем Одиссее!
Да! Между смертными слава ее добродетели вечно
Будет сиять на земле. И на полные прелести песни
О Пенелопе разумной певцов вдохновят олимпийцы.
Не такова Тиндареева дочь, совершившая злое,
Мужа законного смерти предавши. Суровая песня
Будет о ней меж людей. Навеки она осрамила
Племя всех жен слабосильных, которые даже невинны!»
Так скончавшихся души вели меж собой разговоры,
Стоя в обители мрачной Аида, в глубинах подземных.
Те же, к полю спустившись из города, прибыли вскоре
В сад Лаэртов, прекрасно возделанный. Сад тот когда-то
Сам Лаэрт приобрел и над ним потрудился немало.
Был там дом. Отовсюду его обегала пристройка.
В ней плененные в войнах рабы, по приказу Лаэрта
Всячески несшие труд, отдыхали, обедали, спали.
В доме старуха сикелка жила. Усердно ходила
За стариком она здесь, в отдалении от города, в поле.
С речью такой Одиссей к рабам обратился и к сыну:
«Вы отправляйтесь теперь в прекрасно отстроенный дом наш
И на обед заколите свинью, какая получше.
Я же пойду и отца моего испытанью подвергну —
Сразу ль меня он узнает, как только увидит глазами,
Или, так долго пробывши вне дома, я буду не узнан?»
Так сказал он и выдал рабам боевые доспехи.
После того они быстро направились в дом, Одиссей же
В сад плодовый пошел, отца испытать там надеясь.
В сад пространный спустился и Долия там не нашел он,
И никого из рабов иль сынов его. Все они вышли

Вон из сада терновник собирать для садовой ограды.
Шел впереди их старик и дорогу показывал прочим.
Только отца одного нашел он в саду плодоносном.
Куст окапывал он. Был грязен. На грубом хитоне
Всюду виднелись заплаты. Поножи из кожи бычачьей,
Тоже в заплатках, на голени он повязал от царапин.
Из-за колючек на руки надел рукавицы, и козья
На голове, выразившей страданье, виднелась шапка.
Только увидел его Одиссей, удрученного тяжелой
Старостью, с сердцем, великой исполненным мукой и
скорбью,

Остановился под грушей высокой и горько заплакал.
Он между помыслов двух и умом колебался и духом:
Броситься ль прямо к отцу, обнять, целовать его жарко,
Все сказать, — что он дома опять, что вернулся в отчизну, —
Или сперва расспросить и его испытанью подвергнуть.
Вот что, тщательно все обсудив, наилучшим признал он:
Раньше шутливую речью подвергнуть его испытанью.
Так порешивши, к Лаэрту пошел Одиссей богоравный.
Тот в это время окапывал куст, головою склонившись.
Близко к нему подошел блистательный сын и промолвил:
«Очень, старик, ты искусен и опытен в деле садовом!
Все тут в прекрасном порядке. Смотрю — ничего без ухода
Не оставляешь ты в целом саду — ни кустов, ни оливы,
Ни виноградной лозы, ни груши, ни гряд огородных.
Слово другое скажу, ты же гнева не вкладывай в сердце.
Плох уход за тобою самим. Невеселая старость
Пала на долю тебе. Ты грязен, одет неприглядно.
Не за безделье твое о тебе не печется хозяин,
И ничего в тебе рабского нет, только стоит увидеть
Рост и наружность твою: на царя ты всем видом походишь.
Было б приличней такому, как ты, омывшись, насытись,
Спать на мягкой постели, как всем старикам подобает.
Вот что, однако, скажи, и скажи мне вполне откровенно:
Кто тебе господин? За чьим это садом ты смотришь?
Также и это скажи мне правдиво, чтоб знал хорошо я:
Вправду ль в Итаку мы прибыли здесь, как сегодня сказал мне
Кто-то из здешних, меня на дороге сюда повстречавший?
Был он не очень приветлив, сказать не хотел мне подробно
Иль мое слово послушать, когда о своем его госте
Спрашивал я, существует ли он где-нибудь и живет ли
Или его уж не стало и в область Аида сошел он.
Я тебе прямо скажу. Послушай меня и запомни.
Мужа когда-то в отчизне своей принимал я, как гостя,
В дом пришедшего наш. И никто из мужей чужедальних
Более милый, чем он, в мой дом никогда не являлся.
С гордостью он говорил, что с Итаки он острова родом
И что приходится сыном Лаэрту, Аркесьеву сыну.
Гостя я во дворец к нам привел, и принял радушно,
И угощал из запасов, в обильи имевшихся в доме,
Также поднес и дары, какие гостям подобают:
Золота семь ему дал я талантов в искусных издельях,

Дал сребролитный кратер, покрытый резными цветами,
Дал двенадцать простых плащей шерстяных и покровов,
Столько ж прекрасных плащей полотняных и столько ж
хитонов.

Женщин кроме того подарил, рукодельниц искусных,
Счетом четыре, красивых, которых он сам себе выбрал». Слезы из глаз проливая, отец Одиссею ответил:
«Странник, вот именно в этот-то край ты как раз и приехал.
Но господа тут сейчас — нечестивые, наглые люди.
Ты на подарки напрасно потратился, столько их давши.
Если бы дома его в стране итакийской застал ты,
Он, ответно тебя одарив, домой бы отправил
И угощал бы радушно, как принято делать с гостями.
Вот что, однако, скажи, и скажи мне вполне откровенно:
Сколько прошло уже лет с той поры, как его угощал ты?
Гость тот злосчастный — мой сын. Когда-то он был,
горемыка,

Сын мне! Однако теперь, вдалеке от друзей и отчизны,
Либо в море был съеден он рыбами, либо на суше
Сделался пищею птиц и зверей. И обряжен он не был
Матерью, горестно не был оплакан ни ею, ни мною!
Также жена Пенелопа богатоприданная с воём
Не припадала к одру умиравшего, глаз не закрыла
Мертвому мужу, как это с умершими принято делать.
Также и это скажи мне вполне откровенно, чтоб знал я:
Кто ты? Родители кто? Из какого ты города родом?
Где тот корабль, что привез и тебя и твоих богоравных
Спутников к нам? Иль один, на чужом корабле, как попутчик,
К нам ты приехал, они же, ссадив тебя, дальше поплыли?»

Так на это ему отвечал Одиссей многоумный:
«Я на это тебе вполне откровенно отвечу.
Из Алибанта я родом, имею там дом знаменитый,
Сыном я прихожусь Афейданту Полипемониду,
Имя мне самому — Еперит. Божество же пригнало
К вашим меня берегам из Сикании против желанья.
Свой корабль я далеко отсюда поставил, близ поля.
Пятый идет уже год Одиссею с тех пор, как от нас он,
Муж несчастный, уехал и край мой родимый покинул.
Добрый путь ему птицы сулили, взлетевшие справа.
Радуясь их предсказанью, его я в дорогу отправил,
Радостно сам он отплыл. Мы оба надеялись часто
Гостеприимно встречаться, подарки давая друг другу».
Кончил он. Черная туча печали покрыла Лаэрта.
Темной золы захвативши в отчаяньи полные горсти,
Голову ею седую посыпал он, часто стеная.

Дух взволновался у сына. Смотрел на отца-старика он, —
С острою силой внезапно в носу у него защипало.
Кинулся он, и обнял старика, и, целуя, промолвил:
«Здесь я, отец! Я — тот, о котором узнать ты желаешь!
Я на двадцатом году воротился в родимую землю.
Но воздержись, мой отец, от рыданий и слезного плача.
Вот что тебе я скажу: мы очень должны торопиться.

Всех мужей женихов я вчера перебил в нашем доме,
Мстя им за злые дела и позор, сокрушающий сердце».
Так на это ему Лаэрт возразил и промолвил:
«Если впрямь это ты, мой сын Одиссей, воротился,
Верный какой-нибудь признак скажи мне, чтоб мог я
поверить».

Так отвечая на это, сказал Одиссей многоумный:
«Прежде всего погляди на этот рубец мой, который
Белым клыком на Парнасе кабан мне нанес на охоте.
Был туда я тобой и почтенною матерью послан,
Чтоб Автолика проведать, отца моей матери. Должен
Был я дары получить, которые мне обещал он.
Ну, а теперь перечислю деревья, которые ты мне
Некогда в этом саду подарил. Мальчишкою был я,
По саду шли мы с тобой. И о дереве каждом тебя я
Спрашивал. Ты мне его называл и о нем говорил мне.
Груш тринадцать и яблонь мне десять тогда подарил ты,
Сорок смоковниц; еще пятьдесят мне рядов обещал ты
Лоз виноградных, плоды приносящих весь год непрерывно, —
Вижу вокруг и сейчас тут я самые разные гроздья, —
Если только погода ниспослана будет Кронидом».
Так он сказал. У Лаэрта ослабли колени и сердце:
Признаки тотчас узнал он, которые тот перечислил.
Сына он обнял руками и тут же упал без сознания.
На руки быстро его подхватил Одиссей многостойкий.
Тот наконец отдышался, и дух собрался в его сердце.
Тотчас тогда он в ответ слова окрыленные молвил:
«Зевс, наш родитель! Так есть еще боги на светлом Олимпе,
Раз за нечестье и наглость они женихам отомстили!
Сердцем, однако, теперь ужасно боюсь я, чтоб вскоре
Все итакийцы сюда не пришли и вестей об убийстве
Не разослали повсюду, по всем городам кефалленским».
Так на это ему отвечал Одиссей многоумный:
«Не беспокойся! Об этом теперь не заботься нисколько!
Лучше пойдем-ка в твой дом. Ведь он недалеко от сада.
Я уж туда Телемаха с Филойтием и свинопасом
Раньше послал, чтоб обед приготовили нам поскорее».
Так он сказал. И пошли они оба к прекрасному дому.
После того как для жизни удобного дома достигли,
Там Телемаха застали, Филойтия и свинопаса.
Мясо рубили они и в кратере вино уж мешали.
Великосердного старца Лаэрта старуха сикелка
Вымыла в доме меж тем и маслом блестящим натерла.
В плащ прекрасный одела потом. А богиня Афина,
Ставши близ пастыря войска, его увеличила ростом,
В члены влила полноту и на вид его сделала крепче.
Вышел из ванны Лаэрт. Увидавши его, изумился
Сын, — до того был похож на бессмертного бога он видом,
Громко к нему Одиссей обратился со словом крылатым:
«Кто-то из вечно живущих богов, отец мой, как видно,
Выше ростом сделал тебя и наружностью лучше».
Так на это ему Лаэрт рассудительный молвил:

«Если бы, Зевс, наш родитель, и вы, Аполлон и Афина,
Был я таким же, каким, в Кефалении царствуя, город
Нерик я взял благозванный, стоявший на мысе высоком
Материка, — если б был я таким же вчера в нашем доме,
Если б, одетый в доспехи, я принял участие в битве
Против мужей женихов! Сокрушил бы колени я многим
Бывшим в зале мужам и радость тебе бы доставил!»
Так Одиссей и Лаэрт вели меж собой разговоры.
Те же, окончив трудиться и вкусный обед приготовив,
Рядом сели за стол по порядку на стулья и кресла.
Все приступили к обеду. Как раз подошел в это время
Старый Долий, а с ним сыновья старика. Возвратились
С поля, с работы они. Позвала их, пришедши за ними,
Мать, старуха сикелка, которая всех их вскормила
И за отцом, стариком одряхлевшим, ходила усердно.
Как увидели они Одиссея и сердцем узнали,
Остановились и стали средь дома. С приветливой речью
К ним Одиссей обратился и слово такое промолвил:
«Что же, старик, садись за обед, перестань удивляться!
Нам давно уже хочется есть, и все это время
Мы только вас дожидались, когда вы воротитесь с поля».
Долий, обе руки протянувши, пошел к Одиссею,
Руку его возле кисти схватил, целовать ее начал
И со словами к нему окрыленными так обратился:
«Друг, воротился ты! Как мы все время тебя ожидали!
Боги сами тебя привели! Мы уж думать не смели!
Здравствуй и радуйся много! Пусть счастье дадут тебе боги!
Вот что, однакоже, точно скажи мне, чтоб знал хорошо я:
Знает ли все Пенелопа разумная, дали ли знать ей
О возвращеньи твоём, или вестника нужно послать к ней?»
Так отвечая на это, сказал Одиссей многоумный:
«Все уже знает, старик. Чего ты об этом хлопчешь?»
Долий обратно тогда на гладкое кресло уселся.
В свой черед и его сыновья, окружив Одиссея,
Руки с приветливой речью ему горячо пожимали.
После того близ отца своего по порядку уселись.
Так в том доме они все заняты были обедом.
Быстро молва между тем по городу всюду ходила,
Страшную участь и лютую смерть женихов разглашая.
Только что весть разнеслась по Итаке, тотчас отовсюду
Все к Одиссею в дом сбежались, вопя и стеная.
Вынесли трупы из дома, и здешних — свои схоронили,
Тех же, кто был из других городов, по домам разослали,
Их поручив отвести рыбакам на судах быстроходных.
Сами ж толпою на площадь пошли с опечаленным сердцем.
После того же как все собрались, отовсюду сошедшись,
Встал пред собраньем Евпейт и с речью к нему обратился.
Невыносимая скорбь в его сердце лежала о сыне,
Об Антиное, нашедшем погибель от рук Одиссея.
Слезы об нем проливая, он стал говорить и промолвил:
«Злое дело, друзья, этот муж для ахейцев придумал!
Доблестных много мужей в кораблях из Итаки увезши,

Полые он погубил корабли, погубил и все войско.
Нынче ж, вернувшись домой, знатнейших убил кефалленцев.
Прежде чем этот успеет отсюда отправиться в Пилос
Или в Элиде божественной скрыться — владеньи епейцев, —
Други, пойдем! Иль всегда нам и после придется стыдиться!
Нам это будет великим позором и в дальнем потомстве,
Если за наших погибших детей и за братьев убийцам
Мы не отмстим! Мне совсем бы тогда уж не радостно стало
Жить! Умереть бы скорей, очутиться с убитыми вместе!
Други, пойдем! Не дадим переправиться им через море!»
Так говорил он рыдая. И жалость взяла всех ахейцев.
Близко к ним подошли Медонт и божественный Фемий
Из Одиссеева дома, едва только сон их покинул.
Остановились в середине. Увидев их, все изумились.
К ним обратился Медонт, исполненный мыслью разумных:
«Вот что я вам, итакийцы, скажу. Одиссей, уж поверьте,
Не против воли богов на подобное дело решился!
Сам я какого-то бога бессмертного видел, который,
Ментора образ приняв, стоял близ Лаэртова сына;
То впереди Одиссея являлся, его ободряя,
То в толпу женихов внося и смятенье и ужас,
Их по залу гонял, и они друг на друга валились».
Бледный ужас при этих словах охватил итакийцев.
С речью к ним обратился старик Алиферс благородный,
Масторов сын; и вперед и назад он один только видел.
Мыслей полный благих, он сказал пред собраньем ахейцев:
«Слушайте, что, итакийцы, сегодня пред вами скажу я!
Все это дело, друзья, из-за трусости вашей свершилось.
Слушать вы ни меня не хотели, ни пастыря войска
Ментора, чтоб ваши дети безумства свои прекратили,
Что безобразное дело они нечестиво свершают,
Так расточая чужое добро и бесчестя супругу
Храброго мужа, который — вы ждали — домой не вернется.
Пусть хоть теперь будет так. Послушайте то, что скажу я:
Нет, не пойдем, чтоб и худшей беды на себя не накликасть!»
С громкими криками с мест одни поднялись при этом —
Большая часть. Но другие толпою остались на месте.
Им не понравилась речь Алиферса, они пожелали
Вслед за Евпейтом идти и бросились все за оружием.
Тело блестящею медью одевши, густою толпою
Вышли за город они, хоровыми площадками славный.
Вел их Евпейт за собой, безумное дело замыслив.
Думал, что сможет за сына отмстить. Но назад воротиться
Не суждено ему было, и там себе гибель нашел он.
К Зевсу Крониону тут обратилась богиня Афина:
«О наш родитель Кранид, меж властителей всех наивысший!
Дай мне ответ на вопрос: что в уме своем нынче таишь ты?
Хочешь ли злую войну и ужасную сечу продолжить
Или же дружбу меж теми решил учредить и другими?»
Зевс, собирающий тучи, на это ответил Афине:
«Что ты об этом меня расспрашивать вздумала нынче,
Милая дочь? Не сама ль ты в рассудке своем порешила,

Как им всем Одиссей отомстит, возвратившись в отчизну.
Делай, как хочешь. Я только скажу, как было бы лучше.
Нынче, когда отомстил женихам Одиссей богоравный,
Пусть договор заключат, что царем он всегда у них будет.
Мы же смерть сыновей их и братьев покроем забвеньем.
Пусть между тех и других, как прежде, любовь утвердится,
Чтобы в богатстве и мире все время страна процветала».
Так ее он к тому поощрил, что самой ей желалось.
Ринулась бурно богиня с высоких вершин олимпийских.
После того как насытились все медосладкою пищей,
Начал им говорить Одиссей, в испытаниях твердый:
«Пусть кто-нибудь поглядит, не близко ли те уж подходят».
Так сказал он. И Долия сын поднялся, как велел он.
Вышел и стал на порог. И всех их уж близко увидел.
Быстро тогда Одиссею слова он крылатые молвил:
«Вооружайтесь, как можно скорее! Они уже близко!»
Все вскочили и стали в доспехи свои облекаться.
Был Одиссей сам-четверт. И шесть сыновей еще было
Долия. Также и сам он с Лаэртом надели доспехи,
Хоть сединою покрытые оба — бойцы поневоле.
После того же как все они медью блестящей оделись,
Вышли, настезь двери раскрыв, во главе с Одиссеем.
Близко к ним подошла совоокая дева Афина,
Ментора образ приняв, с ним схожая видом и речью.
Радость при виде ее испытал Одиссей многостойкий.
Быстро он милому сыну сказал своему Телемаху:
«Раз сюда, Телемах, ты пришел, то и сам понимаешь:
Здесь сейчас предстоит померяться доблестью людям!
Не опозорь же, смотри, Одиссеева рода! Доселе
Силой и мужеством мы на всю отличались землю».
Так, отвечая отцу, Телемах рассудительный молвил:
«Сам, если хочешь, увидишь, отец дорогой; это сердце
Не опозорит, как ты опасешься, нашего рода».
Так промолвил он. Радость Лаэрта взяла, и сказал он:
«Милые боги! Какой нынче день мне! Какая мне радость!
В доблести сын мой и внук соревнуются между собою!»
Близко к Лаэрту тогда подошла и сказала Афина;
«Аркейсиад, меж товарищей всех наиболее мне милый!
В помощь Зевса призвавши отца с совоокой Афиной,
Быстро копьем длиннотенным взмахни и пошли его с силой!»
Так сказавши, вдохнула великую силу Афина.
Дочери Зевса великого он горячо помолился,
Быстро копьем длиннотенным взмахнул и послал его с силой.
В шлем меднощечный с налету оно поразило Евпейта.
Шлем копья не сдержал, насквозь его медь пронизала.
Наземь Евпейт повалился, доспехи его загремели,
Ринулись тут Одиссей и блистательный сын на передних,
Стали двуострыми копьями их поражать и мечами.
И погубили бы всех и лишили бы их возвращенья,
Если бы голосом громким не крикнула дева Афина,
Зевса эгидодержавного дочь, и людей не сдержала:
«Междоусобный ваш бой прекратите! Назад, итакийцы!

Крови больше не лейте, немедленно все разойдитесь!»
Так закричала Афина. И бледный страх охватил их,
У испугавшихся граждан оружие из рук полетело.
Наземь упало оно при крике ужасном богини.
К городу все повернули, желаньем объятые жизни.
Крик ужасный издал Одиссей, в испытаниях твердый.
Ринулся вслед он врагам, как орел, напрягшись всем телом.
Молнией серною с неба тогда громовержец ударил.
Пала она впереди СОВООКОЙ, МОГУЧЕОТЦОВНОЙ,
И совоокая дева сказала Лаэртovu сыну:
«Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!
Будет! Распря окончи войны, равно всем ужасной,
Чтоб на тебя не прогневался Зевс широкоглядающий!»
Так сказала Афина. И радостно он покорился.
Клятвенный после того договор заключила меж ними
Зевса эгидодержавного дочь, Паллада Афина,
Ментора образ приняв, с ним схожая видом и речью.